
Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

ЯПОНИЯ: ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ

MODERNISATION:
LESSONS FROM JAPAN

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО–XXI)

МОСКВА
MOSCOW
2011

Руководитель проекта Э. В. Молодякова
Project leader E. V. Molodyakova
Ответственные редакторы
Э. В. Молодякова E. V. Molodyakova
С. Б. Маркарян S. B. Markaryan

Фотография на обложке
О. В. Андреевой

Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. —
М., АИРО-XXI. 2011 — 280 с.

История Японии на протяжении последних полутора столетий являет собой пример успешно реализованной модернизации, коснувшейся всех сфер жизни страны и определяющей ее положения в мире. В настоящей коллективной монографии, подготовленной ведущими российскими учеными, модернизация Японии рассматривается как непрерывный процесс, прошедший через несколько этапов и знавший «приливы» и «отливы», но никогда не прекращавшийся. В работе подробно анализируются идеология и формы модернизации, участие в ней власти и народа, внутренние и внешние факторы, оказавшие воздействие на ее ход, конкретные аспекты, проявления и последствия. Такое комплексное исследование предпринимается в России впервые.

ISBN 978-5-91022-141-7

© Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов», 2011
«Association of Japanologists», 2011
© «АИРО-XXI», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводная статья (Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян)	7
Раздел первый	
Глава первая. О японском типе модернизации (Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян)	51
Глава вторая. Консервативная революция Мэйдзи и модернизация (В. Э. Молодяков)	71
Глава третья. Опыт политической модернизации Японии в новейшее время (Д. В. Стрельцов)	86
Раздел второй	
Глава четвертая. Роль государства в экономической модернизации (И. П. Лебедева)	107
Глава пятая. Преобразования в аграрном секторе (конец XIX-начало XXI в. (С. Б. Маркарян)	125
Глава шестая. Предпринимательская структура и корпоративное управ- ление в Японии (И. Л. Тимонина)	144
Глава седьмая. Формирование современной системы управления персоналом в Японии (Т. Н. Матрусова)	167
Раздел третий	
Глава восьмая. Япония на путях технологической модернизации (Ю. Д. Денисов)	182
Глава девятая. Образование — составная часть модернизационного проекта Японии (Э. В. Молодякова)	200
Глава десятая. Внешняя политика в интересах модернизации (А. Н. Панов)	219
Глава одиннадцатая. Имидж Японии: способность к познанию и убеждению в процессе модернизации (А. Е. Куланов)	231
Глава двенадцатая. Модернизация и проблемы формирования массовой культуры в Японии (Е. Л. Катасонова)	247
Глава тринадцатая. Диада «литература/общество» в контексте модернизации (М. П. Герасимова)	265

CONTENTS

Introduction (Molodyakova E. V., Markaryan S. B) translated by Gitman S. S.	7
Part I.	
Chapter 1. The Japanese Way of Modernisation (Molodyakova E. V., Markaryan S. B)	51
Chapter 2. The Conservative Revolution Meiji Ishin and Japanese Modernisation (Molodyakov V. E.)	71
Chapter 3. The Experience of Political Modernisation in Japan in the modern Time (Streltsov D. V.)	86
Part II.	
Chapter 4. The Role of the State in Economic Modernisation (Lebedeva I. P.)	107
Chapter 5. Transformation of the Agricultural Sector (end of XIX–beginning XXI century) (Markaryan S. B.)	125
Chapter 6. Entrepreneurship and Japanese Corporate Governance (Timonina I. L.)	144
Chapter 7. The Forming of the modern people management system in Japan (Matrusova T. N.)	167
Part III.	
Chapter 8. Japan on the Path of Technological Modernisation (Denisov Y. D.)	182
Chapter 9. Education – a Key Part of the “Modern Japan” Project (Molodyakova E. V.)	200
Chapter 10. Foreign Policy for Modernisation (Panov A. N.)	219
Chapter 11. The Japanese Image: The Ability for Discovery and Conviction during Modernisation (Kulanov A. E)	231
Chapter 12. Japanese Modernisation and the Problems of the “Mass” culture formation (Katasonova Y. L.)	247
Chapter 13. Biopic “Literature/Society” during Modernisation (Gerashimova M. P.)	265

ВВЕДЕНИЕ

В современном российском обществе ключевым понятием является модернизация, которая заявлена как основная задача руководства страны. Но само понятие остается неопределенным, хотя политики и эксперты предлагают набор самых разных обоснований и условий для ее реализации. По определению первого заместителя руководителя президентской администрации, зампреда комиссии при президенте России по модернизации и технологическому развитию экономики В. Ю. Суркова, в данное время слово «модернизация» – термин в достаточной мере условный. Если перевести его буквально, то это «осовременивание». Именно так в руководстве страны понимают понятия «модернизации» и «инновации»¹. Как не раз подчеркивал Президент РФ Д. А. Медведев, при этом подразумевается два направления работы. Первое – это непосредственно модернизация, то есть подтягивание экономики до современного уровня и более сложная работа для создания особого культурного и психологического климата. При этом под инновациями понимается не копирование уже имеющихся образцов, а создание принципиально новых технологий. Они либо существенно улучшают те или иные полезные вещи, либо меняют фундаментально целые отрасли или сегменты социума – создают новые рынки, новую культуру производства, новый образ жизни, новые виды товаров и услуг. Яркий пример – Интернет, породивший принципиально новое отношение и к знаниям, и к технологиям, и к торговле, и к финансам, и даже к политике, то есть фактически новый цивилизационный тренд².

Вот уже не одно десятилетие в качестве примера успешной модернизации приводится Япония. В какой-то мере даже появилась устойчивая ассоциация модернизации именно с Японией. И это не случайно, поскольку ее история на протяжении последних полутора столетий являет собой пример успешно реализованной модернизации, коснувшейся всех сфер жизни страны и определившей ее положение в мире. В историчес-

¹ <http://stats-sekretar.ru/federalnyie-novosti/economika/v.surkov-esli-...>

² там же.

кой ретроспективе модернизация позволила Японии перейти от модели «догоняющего развития» к нормальному поступательному развитию и уже самой искать и предлагать миру пути дальнейшего усовершенствования.

Временной период японского пути догоняющего развития можно определить достаточно точно: 70-е годы XIX в. – конец 80-х годов XX в. За это время Япония смогла подняться с уровня страны, которой грозила судьба превращения в колонию или полуколонию западных стран до уровня одной из самых развитых экономик мира. Основу такой трансформации составил процесс непрерывной модернизации, нацеленный на повторение западных образцов развития, т. е. на догоняющее развитие. Для Японии модель догоняющего развития – это модернизационный проект, который инициировала пришедшая к власти в традиционном обществе новая элита мэйдзийского периода (1868–1912) и продолжила в послевоенные годы старая элита авторитарного общества в условиях демократизации страны. Таким образом, к осознанию необходимости проведения модернизации элиты приходили в переломные моменты развития страны. И сразу вставал вопрос о том, какой характер примет модернизация, на чем в этом проекте будет сосредоточено внимание, какие цели будут поставлены и главное, что станет основной идеей этого процесса. В первой главе как раз рассматривается общая характеристика модернизации Японии в связи с моделью догоняющего развития.

В условиях, когда существовавшая социально-экономическая система оказывалась в проигрыше и грозила неизбежностью отставания модернизацию в принципе можно рассматривать как возможный выход из этой ситуации. По определению экономиста В. Л. Иноземцева, «модернизация – это встраивание в мир, а не подстраивание мира под себя. Все успешно модернизовавшиеся страны – Япония в 1980-е годы, Китай на протяжении последних десятилетий, та же Бразилия (пусть и в региональном масштабе) – усваивали логику глобальной экономической системы и, используя ее, становились реальными претендентами на статус «державы № 1»³.

Можно говорить о двух моделях модернизации – вестернизации и догоняющем развитии – поскольку в них ставятся разные цели. В первом случае берутся западные образцы и просто переносятся в структуру общества, во втором – на базе заимствования создаются новые для данного общества структуры при сохранении национальной самоидентификации. Именно по такой схеме происходила модернизация Японии.

³ Российская газета, федеральный выпуск № 4762, 01.10.2008.

Догоняющая модель развития имеет более широкий набор реформируемых параметров – техногенных, социокультурных, демографических, правовых, экологических и других. Основная суть процессов модернизации состоит в индустриализации и создании индустриальной культуры, в чем ключевую роль, несомненно, играет человеческий фактор, его качество и креативность. Причем модернизация не зависит от политического и социального строя при ведущей роли государства. «Государство (в любой его форме – унитарное или федеративное, демократическое или тоталитарное) было «альфой и омегой», инициатором и вдохновителем догоняющего развития в странах Востока»⁴.

Но на форму осуществления этого процесса влияет уровень развития самой страны, готовность масс к осознанию и решению стоящих перед ними экономических и других задач. Не менее важна формулировка элитой целей и задач модернизации, проработка ею средств их достижения, минимизация затрачиваемых усилий. В Японии пришедшая к власти после консервативной революции *Мэйдзи исин* новая элита взяла на себя национальную ответственность за судьбы страны, приступила к модернизации, предельно кратко сформулировав лозунг развития – «богатая страна – сильная армия». Это было адекватным ответом на вызовы того времени.

Путь исторического развития Японии, по сути своей, представляет практически непрерывный процесс модернизации общества не только в плане постоянной рационализации хозяйственной деятельности, но и развития духовной сферы (в частности, бесконфликтное принятие демократии, не свойственной политической культуре страны).

На характер модернизационного процесса в Японии значительное влияние оказали несколько факторов. Прежде всего, высокая адаптивная способность населения, т. е. усвоение им различных элементов других цивилизаций (прежде всего китайской), и, более того, превращение их в компоненты своих национальных ценностей и таким образом сохранение для будущих поколений. Затем универсальное воздействие традиций на все сферы жизнедеятельности общества. Это способствовало тому, что преобразования в нем, даже весьма серьезные, происходили без сокрушительных социальных взрывов, путем реформ, без революций, а путем эволюции.

Тем не менее, сами реформы на поворотных этапах исторического развития Японии имели поистине революционный характер. Это было свойственно реформам Тайка (VII в.), ознаменовавших переход от первобытно-общинного строя к феодальной формации; преобразованиям периода Мэйдзи, которые открыли путь капиталистического развития и

⁴ Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М., 2011, с.249.

ускоренной модернизации страны; и послевоенным послужившим фундаментом «японского чуда».

При анализе мэйдзийских и послевоенных преобразований, которые осуществлялись в условиях догоняющего развития, при всем их различии можно увидеть определенную типологию. В частности, в обоих случаях элиты выбирали одинаковую стратегию – встать вровень с развитыми странами Запада – и осуществляли ее при мобилизации государством всех сил и ресурсов для проведения кардинальных системных реформ, для реализации которых имелись хозяйственные и духовные предпосылки. Усвоение всего нового не вело к смене национальной самоидентификации на западную.

Условия же осуществления модернизационного проекта были различны. В первом случае Япония была формально независимой страной, но вступила в международные хозяйственные связи опутанная неравноправными договорами. Во втором случае на первых этапах модернизации страна жила в условиях оккупации войсками победивших союзников в соответствии с директивами Штаба оккупационных войск. Но все мероприятия проводились японскими властями, что обеспечивало определенное доверие к ним народа.

Поражение в войне и оккупация страны иностранными войсками прервали прежний путь модернизации страны, продолжавшийся около семидесяти лет в условиях авторитарного правления и дали мощный толчок к ее ускоренному развитию в условиях демократии, что вывело Японию в ряды развитых стран практически за два десятилетия.

Различными были и порядок выбора параметров модернизации. В мэйдзийский период сначала был реализован план экономического развития, а затем были проведены политические реформы. В послевоенный период экономические и политические реформы осуществлялись комплексно и одновременно. В каждом периоде была сформулирована своя идеология, которая опиралась в первом случае на государственный синто и во втором – на демократические принципы.

Как уже говорилось, начало модернизационного проекта Японии относится к периоду Мэйдзи, и его ключевым моментом стали консервативная революция *Мэйдзи исин* и последовавшие за ней реформы. Эти события определили весь ход дальнейшего развития страны. Вполне справедливо бытует мнение, что корни многих успешных достижений Японии в послевоенные годы стоит искать именно в этом периоде. Поэтому в главе второй анализируется *Мэйдзи исин*, которая дала толчок процессу модернизации.

Долгое время исследователи при изучении *Мэйдзи исин* уделяли главное внимание ее социальным, политическим, экономическим, реже

идеологическим и культурным аспектам, а духовная, метафизическая сторона вопроса игнорировалась или рассматривалась с материалистической точки зрения. Поэтому неверной является трактовка этого события как «незавершенной буржуазной революции», основанная на некритическом приложении к Японии европейских моделей.

Сущность консервативной революции – разрушение деградировавшего порядка вещей революционным путем и создание нового с опорой на Традицию, которая понимается как духовная и историческая константа, но существует в разнообразных конкретно-исторических и национальных формах. Она не только не противоположна модернизации, но предполагает ее в материальной сфере. Признаками консервативной революции являются: 1) ориентация на национальные духовные, культурные и религиозные традиции; 2) отрицание материалистического и космополитического «современного мира» как антидуховного и антинационального; 3) признание революционного и отрицание эволюционного пути борьбы с «современным миром»; 4) принятие модернизации, современных институтов, технологий и т. д., если они необходимы для достижения ее целей и подчинены ее духовным началам; 5) неприятие индивидуализма, материализма, атеизма, космополитизма. Характер каждой революции варьируется в зависимости от конкретных исторических или национальных особенностей, и пример Японии периода *бакумацу*, то есть последнего периода Токугавского сёгуната (1854–1867), и Мэйдзи (1867–1912) в целом подтверждает сказанное выше.

К началу периода *бакумацу* режим Токугава переживал тотальный системный кризис, который уже не мог быть преодолен путем реформ сверху, то есть без радикальной смены элит. К этому времени в стране сформировалась, прежде всего, на базе «школы национальных наук» и «школы Мито», о которых говорится в первой главе, дееспособная традиционалистски-ориентированная духовная и политическая контрэлита, имевшая модернизаторскую программу действий. Творцы *Мэйдзи исин* понимали неизбежность столкновения с «цивилизованным миром», от которого Япония в материальном отношении заметно отстала, и проведения революционных, модернизаторских преобразований в качестве единственной возможности выстоять под давлением извне. Духовной основой этих преобразований они сделали возвращение к интегральной Традиции, законодательно оформив «единство ритуала и управления» (*сансэй итти*), что было не только политическим актом, но и возвращением к древнейшему сакральному принципу единства светской и духовной власти – основе любого традиционного общества. Лидеры *Мэйдзи исин* позаботились о сакрализации своих преобразований, включая те, которые имели вполне «земной» характер. Государство стремилось мобилизовать общество на модернизацию, опираясь на свою идеологию и патриотизм населения.

Сочетание традиционного и революционного начал в *Мэйдзи исин* очевидно при обращении к модернизации и интернационализации Японии, ее вхождению в «цивилизованный мир», что стало важнейшей задачей новой власти. «Золотая середина» была обретена в формуле «*вакон – ёсай*» (японский дух – европейская наука). «Европейская наука» включала полный набор компонентов модернизации, однако, благодаря традиционалистской ориентации большей части элиты, одухотворялась «японским духом» и принималась не сама по себе и не полностью, но лишь по мере необходимости или пригодности для новой Японии.

Мэйдзи исин выполнила все основные стоявшие перед ней духовные, политические, социальные и экономические задачи и осуществила все реформы, необходимые для динамичного развития в условиях стремительного вхождения в «цивилизованный мир» в его самобытных национальных формах. Реализованный вариант модернизации не только оказал определяющее влияние на последующее развитие Японии, но и показал пример многим странам Азии и «третьего мира». При этом необходимо учитывать, что консервативная революция *Мэйдзи исин*, произошедшая в традиционном обществе, имела, прежде всего, национальный, а не классовый характер.

«Наследие Мэйдзи» долгое время понималось в историографии только внешне – как совокупность материальных преобразований, позволивших Японии в последней трети XIX в. сохранить национальную независимость и войти в мировое сообщество. Однако исключительно материальная модернизация, как показывает опыт других стран, не гарантирует успеха. Япония совершила исторический прорыв благодаря консервативно-революционному характеру модернизации, в которой «японский дух» пропитывал «европейскую науку», а последнее слово оставалось за национально-ориентированной и национально мыслящей элитой. В этом главный исторический урок *Мэйдзи исин*, сохраняющий значение и в новом тысячелетии.

Политическая модернизация – сложный и длительный процесс, содержание которого составляют качественные изменения политической системы, связанные с трансформацией всех сторон жизнедеятельности общества. В процессе такой модернизации происходит как становление новых, так и приспособление к изменившимся условиям прежних политических институтов. В главе третьей подробно рассматривается опыт политической модернизации Японии новейшего времени.

Политические преобразования периода Мэйдзи привели к ликвидации сёгунского режима и установлению единоличной власти императора. Сам император в этой связи представлялся в качестве естественного главы всех японцев, подобно тому, как в каждой семье есть глава

(отец). Эта концепция политической верности и сыновнего долга концептуализировалась в понятии «государство-семья», которое сохраняло свою актуальность вплоть до окончания Второй мировой войны. Апофеозом политических реформ стала принятая в 1889 г. Конституция, завершившая процесс политической формализации полуабсолютистского политического режима. Особенностью этой модели явилась неконкретность в распределении ответственности между различными политическими акторами. Поскольку император редко принимал решения единолично, суверенитет был фактически узурпирован его ближайшим окружением. Обратной стороной подобного положения вещей стало состояние перманентной неопределенности, ведущей при определенных условиях к параличу системы принятия политических решений.

Политические реформы послевоенного периода занимают особое место среди прочих попыток политической модернизации. Особенность этих реформ заключалась в том, что их реализация проводилась в условиях оккупации, в связи с чем в их мотивации важное место занимали внешнеполитические соображения. Для США важно было устранить военную угрозу со стороны Японии, минимизировать даже теоретическую возможность появления нового милитаристского режима, для чего создать прочные основы для развития демократии в стране. В процессе модернизации было необходимо демонтировать те характерные черты довоенной политической системы, которые позволили установиться авторитарному политическому режиму.

Результатом политической модернизации второй половины 1940-х годов стала специфическая для Японии модель партийно-политической системы, закрепившаяся в политологическом сленге под названием «системы 1955 года». Суть «системы 1955 года» заключалась в том, что на протяжении четырех десятилетий на политической арене Японии доминировала одна политическая партия – Либерально-демократическая партия (ЛДП), которая в течение всего этого периода обладала монополией на власть. При этом Япония оставалась полностью демократическим государством, в стране на всех уровнях регулярно проводились выборы, соблюдались политические права и свободы.

С завершением биполярной эпохи и переходом Японии на постиндустриальную модель развития созрели условия для нового этапа политической модернизации. Японской политической элите пока так и не удалось решить несколько принципиальных вопросов, связанных с повышением эффективности политического управления. Прежде всего, речь идет о необходимости создания конкурентогенной архитектуры политических партий. Другим важным пунктом политической модернизации является поиск более совершенной системы принятия политических решений со стороны «партии власти». После прихода в 2009 г. к

власти администрации ДПЯ на повестку дня был поставлен вопрос о внедрении в японскую политическую систему Вестминстерской модели, в которой в центре принятия решений стоит кабинет министров, выполняющий функции «политической диспетчерской». В рамках этой системы политическое звено государственного управления не противостоит бюрократии, а осуществляет ее непосредственное руководство изнутри кабинета министров. Поскольку эта система противоречит устоявшимся в Японии традициям консенсуальной демократии, ее внедрение сопряжено со значительными трудностями и потребует значительного времени.

На всех этапах модернизации Японии решающую роль играли преобразования в области экономики, поскольку именно они создавали материальную базу для превращения страны в современное государство. Эта проблема подробно проанализирована в четвертой главе монографии.

Для того типа модернизации, который избрала Япония, характерна высокая степень участия государства в этом процессе. С самых первых лет эпохи Мэйдзи, и до окончания Второй мировой войны государство в Японии являлось крупным собственником и предпринимателем, занимая ключевые позиции в ряде важнейших секторов национальной экономики. В то же время оно осуществляло всеобъемлющий контроль над всеми важнейшими областями хозяйственной жизни, направляя и регулируя развитие и тех сфер, где оно не имело собственности и не занималось предпринимательством.

Главным направлением усилий государства стало создание современных промышленных предприятий, оснащенных западной техникой и банковской системы, без которой экономическое развитие страны было бы невозможно.

В 1880-е годы в целом эпоха первоначального накопления капитала была уже завершена и класс промышленной буржуазии сформировался. В этих условиях правительство приняло решение уйти из большей части базовых отраслей, передав их частному капиталу, и сосредоточить усилия на укреплении финансовой системы и развитии военного производства.

В конце 1885 г. была принята 10-летняя программа развития экономики, которая наряду со строительством новых заводов и фабрик по производству вооружений и реконструкции старых предусматривала значительное ускорение развития ряда отраслей тяжелой промышленности, а также существенное расширение сети железных дорог, телефонной и телеграфной связи. После окончания русско-японской войны произошло существенное расширение не только косвенных, но и прямых форм участия государства в экономике страны.

По окончании Первой мировой войны курс на модернизацию экономики государство проводило, опираясь не только на свои предприятия в разных отраслях, но во все большей степени – на меры стимулирования частного сектора. Оно предоставляло кредиты на развитие и модернизацию стратегически важных отраслей, в основном в тяжелой промышленности, а также широко применяло практику субсидирования. В эти же годы по инициативе и при поддержке государства началось создание отраслевых предпринимательских союзов, целью которых было содействие повышению технического уровня производства, улучшению качества продукции, ее стандартизации и т. д.

В 1930-е годы локомотивом развития японской экономики стали отрасли, важные для форсирования военных приготовлений. С началом войны с Китаем Япония вступила в новый этап своего развития – период военной экономики. Задачи модернизации отошли на второй план, а главным стала мобилизация национальных ресурсов для достижения военных целей.

По окончании войны перед страной вновь во всей остроте встала задача экономической модернизации – но уже в других исторических условиях. Япония вступила в новый этап «догоняющего развития», который завершился к концу 1980-х годов. За это время она совершила огромный скачок и по количественным показателям и качественным характеристикам экономики вышла на самые передовые позиции в мире.

В послевоенный период сложилась и качественно иная модель участия государства в процессе экономической модернизации. Прежде всего, существенно сократились масштабы его участия в этом процессе как собственника и предпринимателя: в результате ряда реформ к концу 1980-х годов доля государственной собственности в национальном богатстве страны снизилась до 11%. Однако это сокращение было с лихвой компенсировано расширением использования всех прочих форм регулирования. При этом с точки зрения воздействия на процесс модернизации в деятельности государства можно выделить следующие направления:

- определение долгосрочных и среднесрочных целей и ориентиров развития экономики в целом и отдельных ее отраслей и секторов;
- побуждение частного сектора развиваться в русле этих направлений;
- установление рамок, норм, стандартов деятельности частных предприятий с целью повышения эффективности использования ресурсов, сохранения окружающей среды, улучшения качества товаров и услуг и т. д.;
- непосредственное участие государства в НИОКР и стимулирование им научно-исследовательской деятельности в частных компаниях.

Следует подчеркнуть, что благодаря усилиям государства процесс модернизации имел целенаправленный, поступательный характер, и в целом был создан климат, чрезвычайно благоприятный для инвестиций и развития всех форм предпринимательства.

К концу 1980-х годов Япония превратилась в мощное современное государство, обладающее всеми атрибутами зрелой рыночной экономики и институтами развитой демократии. В последующие десятилетия Япония столкнулась с необходимостью приведения своей экономической системы, довольно сильно отличающейся от систем, существовавших в других развитых странах, в соответствие с требованиями времени в условиях глобализации.

С середины 1990-х годов в японской экономике начались реформы, захватившие по существу все элементы ее экономической структуры. К настоящему времени значительная часть этой работы уже завершена, и экономическая система страны приобрела новые очертания, стала более рыночной и открытой. Хотелось бы подчеркнуть, что и на этом этапе, который условно можно назвать этапом постмодернизации, роль государства была определяющей. Оно не только поддержало инициативы отечественного бизнеса и предложения западных партнеров Японии по изменению экономической системы, разработав необходимые для этого законы и механизмы, но и само инициировало целый ряд важных реформ.

Роль государства была решающей и в модернизации аграрного сектора. К моменту начала этого процесса сельское хозяйство с его тяжким наследием феодальной эпохи было наиболее отсталой областью экономики Японии. Новая власть отменила феодальную зависимость крестьян, ликвидировала феодальную собственность на землю, разрешила ее куплю-продажу, свободу выбора возделываемых культур, заменила все существовавшие ранее формы феодальных повинностей поземельным налогом, создав условия для проведения модернизации. Об этом речь пойдет в пятой главе.

Правительство старалось смоделировать структуру сельского хозяйства по западным меркам на основе замены мелкомасштабного производства моделью крупных экстенсивных хозяйств, использующих технику, для чего приглашались иностранные специалисты, ввозилась техника. Однако все усилия, направленные на создание таких хозяйств, успеха не имели, ибо экономически себя не оправдывали. Непригодными для мелких японских участков оказались и западные сельскохозяйственные орудия. В то же время привозимые семена и саженцы, племенной скот и минеральные удобрения в большинстве своем прижились на японской земле и показали хорошие результаты.

Развитие сельского хозяйства внесло серьезный вклад в модернизацию в целом: поземельный налог в первые два-три десятилетия составлял подавляющую часть налоговых поступлений, которые шли на индустриализацию. А поступающие от вывоза сельскохозяйственной продукции (ее стоимость составляла почти $\frac{3}{4}$ всего экспорта) денежные средства шли на оплату импорта необходимых товаров для преобразования других отраслей.

Серьезные успехи развития сельскохозяйственного производства были получены на пути улучшения сортов культур и усовершенствования технологии их выращивания. Это был результат совместных усилий правительства, научных работников и, конечно, самих производителей. Государство занялось также подготовкой грамотных кадров для сельского хозяйства.

В то же время жизнь крестьянства не претерпела сколько-нибудь значительных изменений. Больше всего от преобразований выиграли помещики, сосредоточившие в своих руках значительную часть земли, которую они в основном сдавали в аренду. Мелкие собственники разорялись и превращались в арендаторов, выплачивающих помещикам высокую натуральную арендную плату, что приводило зачастую к арендным конфликтам. Благодаря принятию в 1920—1930-е годы ряда законов положение хозяйств крестьян-собственников несколько улучшилось, но потребовался мощный стимул — поражение в войне, чтобы произошел качественный скачок и проблема нашла свое решение.

Начался новый этап модернизации отрасли, занявший значительно меньше времени. Это во многом объяснялось условиями, в которых проходили основные преобразования. По законодательству о земельной реформе (конец 1946 г.) помещичье землевладение было ликвидировано, крестьяне выкупили землю по достаточно приемлемым ценам, но размер обрабатываемой площади в хозяйствах был ограничен с целью не допустить возрождения прежней системы землевладения. Однако такое ограничение, что очень важно, в дальнейшем стало препятствием на пути развития сельскохозяйственного производства, прежде всего, его эффективности.

Реформа и последующие законодательные инициативы создали стабильную систему мелкотоварного производителя. А протекционистская политика государства в течение длительного времени способствовала повышению сельскохозяйственных доходов и соответственно осуществлению фермерами модернизации отрасли. За два-три десятилетия сельское хозяйство превратилось в вполне современную отрасль экономики. Можно сказать, что в 1980-е годы модернизация этой отрасли по догоняющей модели в части, касающейся ее технологической составляющей, закончилась.

Вместе с тем нельзя не отметить, что перед сельским хозяйством все еще стоит множество проблем, которые ждут своего решения на путях институциональных изменений, структурных реформ, которые должны привести к росту эффективности производства и повышению конкурентоспособности японской сельскохозяйственной продукции на мировом рынке.

Согласно гипотезе автора шестой главы японская корпоративная модель *как система* сложилась в результате эволюции корпоративных структур, зародившихся в домэйдзийский период и эволюционировавших в соответствии с резко изменившимися в период открытия страны и стремительной модернизации внешними условиями. При этом трансплантация заимствованных институтов имела лишь частичный и вспомогательный характер. На формирование предпринимательской структуры и типа корпоративного управления, который в наши дни называется японским, существенным образом повлияла общая концепция и модель модернизации, которая была выбрана и реализована в Японии, в последней трети XIX в.

Развитие японской модели предпринимательской организации и управления представляет собой самостоятельную ветвь теории и практики менеджмента, специфика которой определяется особенностями национальной культуры и запоздалым вступлением Японии на путь формирования рыночной экономики. Японский менеджмент в своей эволюции проходил те же стадии, что и англосаксонский, и европейский, но в иных исторических условиях.

В Японии довольно широкое признание получила такая концепция модернизации (индустриализации) как «девелопментализм» (*developmentalism, pro-developmentalism*), близкая к концепции «государство развития». В её рамках корпорации становятся неотъемлемым элементом и важнейшими субъектами модернизации, а тесное взаимодействие бизнеса и государства во многом предопределяет тип корпоративной структуры и характер управления менеджмента. При реализации политики «девелопментализма» в Японии использовался и иностранный опыт, но, главным образом, на основе привлечения иностранных специалистов, а не иностранного капитала. В результате в стране не «клонировался» формат бизнеса в целом, как это могло бы произойти при массовом привлечении прямых иностранных инвестиций, а заимствовались лишь отдельные черты и/или практики западной модели.

К числу существенных факторов, предопределивших характер процесса развития корпоративного управления, следует отнести слабое развитие мануфактуры в домэйдзийский период, а также отсутствие колониальной торговли, которая способствовала созданию международных

торговых компаний в Европе. В то же время в Японии уже были свои крупные предпринимательские организации – торгово-купеческие дома, в рамках которых формировались организационные структуры и нарабатывались методы управления бизнесом. Многие из них сумели в относительно короткие сроки преобразоваться в дзайбацу и создать свою внутреннюю микросреду. В своих основных чертах эта структура сохранилась до сих пор. В торговых домах сформировались такие направления менеджмента, как финансовый, система управления персоналом, включая привлечение наемных управленцев и методы их поощрения, реклама, маркетинг. Кроме того, торговые дома имели чрезвычайно сильную корпоративную культуру, были разработаны этические принципы ведения бизнеса, определены четкие механизмы принятия решений.

Важнейшим фактором, повлиявшим на формирование предпринимательской структуры Японии в период начальной модернизации, стало тесное партнерство бизнеса и государства, основанное на взаимной заинтересованности и совпадении интересов. Еще одной чертой японской деловой практики, которая также в значительной мере обусловлена характером модернизации, является широкое применение неформальных механизмов и норм, которые опирались на традицию и менталитет японцев.

Возникновение специфической системы финансирования деятельности компаний, ориентированной преимущественно на привлечение средств за счет банковского кредита, а не на фондовый рынок, также во многом связано с характером послемэйдзийской модернизации и двойственной структурой предпринимательства, сложившейся уже в последней трети XIX века.

Предпринимательская и управленческая практика дзайбацу внесла свой вклад в теорию и практику международного менеджмента. Так, в японских торговых домах домэйдзийского периода совершенно самостоятельно, без какого-либо влияния извне сложилась модель корпоративной культуры «семья», в основе которой лежат отношения патернализма и которая является одной из основных современных моделей организационной культуры. Кроме того, благодаря японской системе организации производства менеджмент как наука был обогащен такой поведенческой теорией как «теория Z», в рамках которой компания рассматривается как место самоидентификации работника и как общественное явление. В управлении такой организацией упор делается на самореализацию и раскрытие творческих возможностей человека. При этом основные черты корпоративной культуры «организации Z» имеют значительное сходство с японской концепцией, основные характеристики которой определились еще в домэйдзийский период и впоследствии получили международное признание.

Японская система управления развивалась преимущественно на собственной основе и в конкретно-исторических условиях страны. Заимствования касались лишь отдельных методов и приемов управления, адаптации зарубежного технического опыта. Сама же философия бизнеса, организационные принципы построения крупных компаний оставались по сути японскими. При этом многие подходы и наработки японских дзайбацу, во-первых, были сходны с теми, что применялись в других странах, и, во-вторых, опережали свое время и оказались востребованными впоследствии.

Настоящим же вызовом японской предпринимательской организации и системе корпоративного управления стала глобализация. И этот вызов нового времени совпал с завершением длительного этапа экономической истории Японии – этапа догоняющего развития. Японские корпорации, а точнее их руководители оказались перед необходимостью действительно радикальных перемен в системе внутрифирменного управления, без которых, как уже стало очевидно, невозможно действовать в глобализированной и «информатизированной» внешней среде. Эти перемены могут коснуться самих основ японской корпоративной модели, потребовать переосмысления философии бизнеса и миссии организации.

Глава седьмая посвящена формированию системы управления персоналом в японских фирмах, начало возникновения которого, восходит к рубежу XIX–XX вв. и, несомненно, теснейшим образом связано с тем влиянием, которое страна уже в то время испытывала со стороны Запада. С этого времени в Японии начались интенсивные поиски источников развития, что вылилось в активные заимствования у Запада последних технических новшеств. Лихорадочные усилия скопировать как можно точнее западные образцы наблюдались в области организации производства, а также управления им. Постепенно западные концепции управления превратились в Японии в часть ее общего движения в сторону индустриализации. В то же время было бы неверно представлять дело таким образом, что слепое копирование новейших западных образцов было единственным направлением развития в Японии практики управления. Представляется, что этот процесс более сложное явление.

Понимая необходимость легализации и нормативного оформления отношений между трудом и капиталом, работодатели в то же время не забывали неписаных законов патернализма, строя свои отношения с наемными работниками на «семейный» лад, а также используя мощную идеологическую и социальную поддержку со стороны государства.

В послевоенный период японская система управления продолжала развиваться как синтез отечественных форм патернализма и современных западных управленческих технологий. Однако на Западе этот процесс оставался долго незамеченным, и на определенном этапе в глазах западных ученых эта система приобрела сугубо традиционный, даже застывший, архаичный вид. Однако японская система управления ни в коей мере не осталась «традиционной», то есть в неизменном виде.

Японский опыт управления явился результатом постепенного синтеза известных управленческих технологий, которые будучи приспособлены к внешним конкретным условиям, обеспечивали возникновение в организации внутренней мотивационной среды. Такой синтез был основан во многом на эволюционной основе, когда одна управленческая технология не замещалась одномоментно другой, а совмещалась с ней, соответственно видоизменяясь.

Важно, что характер модернизации японского способа управления людьми соответствовал общему направлению развития общемировой практики в этой области. Японская система управления успешно прошла проверку на зрелость и прочность в период высоких темпов роста, ярко показала свои преимущества в дни кризисов и продолжает доказывать себя на современном этапе глобализации.

Процесс технологической модернизации Японии, который описывается в главе восьмой, можно представить в виде трех качественно отличных друг от друга этапов: периода до реставрации Мэйдзи, последующего периода вплоть до окончания Второй мировой войны и послевоенного времени, включая наши дни.

Для первого этапа наиболее характерными явлениями были «волны» технологических нововведений из Китая (VIII, XVII и XVIII вв.) и Западной Европы (XVI в.). Вторым этапом – это технологическое переустройство всей производственной системы Японии на базе новейших западных технологий в период происходившей в ней промышленной революции и милитаризации экономики. На третьем – технологическая модернизация страны была особенно глубокой, она охватила все стороны жизни японского общества и продолжается в настоящее время.

Принципиальной особенностью последнего этапа является то, что в промышленно развитых странах происходил массовый переход множества военно-ориентированных производств на мирные рельсы. Огромный отряд ученых и инженеров высочайшей квалификации, работавший раньше на армейские нужды, стал мощным генератором новых творческих решений. В этих условиях главной задачей японских ученых и инженеров стало ускоренное формирование передовой технологической базы для новых, гражданских отраслей экономики.

Поэтому исследования и разработки в основном были подчинены задачам совершенствования производственного аппарата путем освоения импортного оборудования и приспособления его к японским условиям. Использование зарубежных технологий, приобретаемых на основе лицензионных соглашений, вносило крупный вклад, как в формирование эффективного производственного аппарата, так и во внедрение в производство передовых образцов продукции. Одновременно развивались успехи, накопленные и самими японцами.

Чтобы добиться наиболее весомых результатов, использовалась так называемая селективная стратегия экономического развития. Свои основные усилия японские фирмы направили на то, чтобы обеспечить себе доминирование в сфере массового спроса, а их важнейшим технологическим приоритетом стали микроэлектронные технологии, позволившие взять курс на «насыщение» производственного аппарата измерительной техникой и приборами для автоматизированного управления технологическими процессами. На базе этих технологий, японцы перестроили производственный аппарат промышленности, транспорт, связь, управление, здравоохранение, образование, быт и др.

Большая группа факторов, способствующих развитию модернизационных процессов в экономике Японии, связана также с человеческим фактором и прежде всего, с концентрацией внимания производственного персонала на контроле качества, на гарантированном обеспечении его в самом процессе производства.

Особенностью японского подхода к решению данной задачи явилось привлечение к нему абсолютно всех участников производства, начиная с руководителей высшего уровня и кончая рабочими. Кроме того, на японских предприятиях была внедрена система, известная как ТРМ (Total Productive Maintenance). В ее реализации участвовали все подразделения. Особенно важно подчеркнуть, что целевая установка предполагала достижение «нуля потерь», «нуля поломок», «нуля несчастных случаев», «нуля брака».

Японский опыт показывает, что для осуществления эффективной модернизации необходимо, прежде всего, научиться творчески использовать крупные мировые достижения в сфере науки, техники и технологий, применяя их к практическим задачам социально-экономического развития. В Японии этому способствовали два очень важных обстоятельства – отсутствие крупного военно-ориентированного сектора экономики и теснейшая привязка к научно-производственному комплексу США, к ведущим американским компаниям, лидирующим в области высоких технологий.

Все это позволило Японии сформировать весьма прочные позиции в области высокотехнологичного развития. Конечно, несмотря на успехи в

проведении модернизационных процессов, стать столь же активным производителем инновационной продукции, как США, она не сможет уже хотя бы потому, что общий объем ее инвестиций в исследования и разработки заметно уступает американскому.

Тем не менее, она будет одним из ведущих мировых продуцентов биотехнологической продукции, микро- и наноэлектроники, новых материалов, гибких производственных систем, промышленного, транспортного, медицинского и бытового оборудования. Этому будет активно способствовать дальнейшая модернизация производственных, инфраструктурных и организационных технологий. Как и прежде, необходимым и успешно реализуемым дополнением к ней явятся меры по совершенствованию системы контроля качества и активизация «человеческого фактора» в производстве.

Одной из важнейших составляющих на всех этапах модернизационного процесса был высокий уровень образования, и что особенно важно, всех слоев населения. Правительство постоянно держало и держит под контролем систему образования, внося в нее коррективы в соответствии с изменениями потребностей общества и стоящими перед ним задачами. Эта проблема рассматривается в девятой главе.

На мэййдзйском этапе модернизации требовалось осуществление коренной перестройки системы образования для скорейшего вовлечения широких слоев населения в современное просвещение, которое открывало путь для освоения западных знаний – необходимый фактор проведения модернизации и индустриализации. Были созданы равные возможности для получения образования представителями всех сословий (мужчинам и женщинам). В первые годы введения западной системы образования важнейший, традиционный предмет – мораль – отошел на задний план. Но поскольку правящей элите требовалось воспитание молодого поколения в духе лояльности верховной власти и преданности национальным интересам, то очень скоро этот предмет вновь выходит на первый план. Реформа образования обеспечивала получение практических знаний и утверждала среди населения новую идеологию.

После окончания Второй мировой войны была проведена кардинальная реформа образования (по американскому образцу). С необходимыми поправками в целом она продолжает действовать и в настоящее время. Образование выступило важным фактором ускоренной модернизации в 1950–1960-е годы. Высокая образованность, прежде всего рабочей силы, позволила Японии безболезненно преодолеть технико-экономическое отставание от развитых на то время стран. В 1970-е годы Япония вышла на первые позиции по уровню и качеству образования рабочей силы.

Превращение Японии во вторую экономику мира поставило перед страной новые задачи в сфере образования с тем, чтобы оно содействовало постоянно идущей модернизации. В принципе в Японии идет перманентный процесс реформирования образования, в ходе которого предлагаются, разрабатываются, апробируются отдельные элементы системы образования.

Пройдя путь догоняющей модернизации, Япония в 1980-е годы в условиях глобализации и внедрения информационных технологий, особенно цифровых, достаточно остро ощутила, что ее традиционная система образования (его стандартизация, проистекающая из уравниловки, и заучивание чрезмерных объемов учебной информации) оказалась устаревшей.

В век высоких технологий эгалитаризм, единообразие, механическое заучивание мешают формированию творческих личностей. Стране нужны не столько «трудолюбивые пчелы», сколько оригинально мыслящие специалисты, задачу подготовки которых и призвана решить нынешняя реформа образования. Уже в конце 1990-х годов было определено основное направление, по которому проводится реорганизация этой важнейшей сферы: «от централизации к децентрализации», «от унификации к разнообразию», «от жесткости к гибкости». В соответствии с этим разработаны три основных принципа реформы образования: 1. опора на воспитание индивидуализма, 2. усиление внимания к непрерывному образованию или образованию на протяжении всей жизни, 3. учет глобальных перемен.

Слабым местом в японской системе образования оказалась высшая школа, но о ее реформе задумались лишь в конце 1980-х годов. В настоящее время основным требованием, предъявляемым к высшему образованию, является подготовка творческих, неординарно мыслящих, способных к инновациям студентов. Концепция реформирования заключается во внедрении в сферу высшей школы методов работы частного сектора. Государственные университеты превращаются в корпорации, т. е. получают статус автономных административных единиц, становятся самостоятельными юридическими лицами, что, по мнению авторов реформы, должно значительно повысить эффективность их функционирования.

Анализ, сделанный в главе первой, показал, что на начальном этапе модернизация обуславливалась, прежде всего, экономической необходимостью, и в первую очередь наращиванием военного потенциала. Политика внешней экспансии, которую в равной мере поддерживали военные круги и крупный капитал, детерминировала именно такое направление модернизации. Значительные успехи агрессивной экспансии,

в свою очередь, способствовали экономической модернизации. Решая стратегическую задачу встать вровень с европейскими странами, политическая элита Японии стремилась обрести статус колониальной державы. Однако эта политика привела страну к сокрушительному поражению, в результате чего, как показано в главе десятой, Япония лишилась самостоятельной внешней политики.

Сохраненное Министерство иностранных дел достаточно серьезно изменило свою структуру и функции. Японскому правительству было запрещено вести какую-либо внешнеполитическую деятельность, и были закрыты все дипломатические представительства, а аппарат министерства резко сокращен. Он занимался лишь сбором и анализом международной информации и проблемами репатриации японцев из бывших колониальных владений. Связь со Штабом оккупационных войск осуществлялась через специально созданное Управление, костяк сотрудников которого составляли прозападно настроенные японские дипломаты.

Правительство страны уже в первые послевоенные годы отказалось от прежнего стратегического лозунга «богатая страна – сильная армия» и определило курс на «обеспечение процветания страны при сокращении военной силы» (*фукоку-дзякухэй*). Для его реализации модернизация приняла новое направление, и проводилась она уже в условиях зависимости от политики США.

С подписанием Сан-Францисского мирного договора (1951 г.) полностью восстанавливался суверенитет Японии, но заключенный одновременно Договор безопасности ограничивал его. В соответствии с этим договором США получали право размещать на территории страны свои военные базы. Японо-американский Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности 1960 г. представлял собой фактически модернизированный вариант Договора 1951 г. Несмотря на некоторые нюансы, главным оставалось сохранение вооруженных сил США на территории Японии. Пролонгированный в 1970 г. Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности составляет основу японо-американских отношений и в настоящее время.

Принятием стратегического решения в пользу союза с США Япония фактически лишила себя выбора иного позиционирования на мировой арене. По крупным международным проблемам на всем протяжении послевоенного периода Токио не проявлял никакой активности. Однако следует заметить, что помимо «военно-ядерного прикрытия» тесный союз с США принес и немалые экономические выгоды. Начиная с 1950-х годов Япония стала проводить так называемую экономическую дипломатию, что обеспечило ей вхождение в мировое сообщество на путях демократии и экспортноориентированной экономики.

С мэйдзийского периода активно осуществляется чрезвычайно важное для успешного функционирования страны в окружающем мире формирование ее образа. Внешнеполитический образ Японии является, пожалуй, одним из самых ярких в мире. Особое внимание привлекает его такое удивительное качество, как способность не стареть в своей сущности, несмотря на изменение внешних форм.

Сложившийся на сегодняшний день внешнеполитический имидж Японии, как показано в главе одиннадцатой, выглядит как многокомпонентный продукт сознания и творческой деятельности имиджмейкеров. Его восприятие тесно связано с ожиданиями и установками, существующими в мировом сообществе, и согласовано с прогнозируемой реакцией внутри страны. Он оперативно изменяется в соответствии с новой политической, социальной, экономической либо другой ситуацией. Получается, что та картинка, которую все мы привыкли видеть перед собой, и которую привычно называем «образом Японии», полностью ассоциируя с ней в своем сознании реальную страну, на самом деле представляет собой в известном смысле «полуправду». Она задает определенные направления для «домысливания» в соответствии с имеющимся у нас социальным опытом. История возникновения и развития этой «полуправды», по сути, и есть история модернизации имиджа Японии.

Вообще, модернизацию имиджа без его коренной ломки или перестройки можно признать одной из самых интересных черт, характерных именно для внешнеполитического имиджа Японии. В период Мэйдзи Японию в общей сложности посетило более тысячи христианских проповедников и несколько сотен профессоров из США и европейских стран. Образ «живописной Японии», нарисованный этими «очарованными странниками» навсегда запечатлелся в неподготовленном сознании европейцев. И это был образ прошлого, образ исчезающей, а не возникающей Японии. Это позволяло заинтересованной стороне домисливать образ в приятном для себя направлении, создавая эффект, названный позже «жапонизмом». Был создан идеалистический субъект имиджа, удачно попавший в такт ожиданиям аудитории. Имидж не возникает из ниоткуда, его моделированием занимаются вполне конкретные люди, большинство из которых навсегда остаются неизвестными, но некоторые оставляют свое имя в истории, о чем подробно автор излагает в главе одиннадцатой.

Можно полагать, что японцам одним из первых удалось определить опытно-теоретическим путем, что основой правильного, удачного и эффективного моделирования образа страны является его непрерывная «консервативная модернизация» – регулярное обновление ограниченного числа давно существующих, проверенных стереотипов с целью их

внешнего соответствия требованиям времени без попытки нарушения исторических связей в сознании реципиентов.

В последние десятилетия все большее значение приобретает культурная дипломатия, которая является сложным и многопрофильным видом деятельности по созданию имиджа страны.

Коренная перестройка в процессе модернизации, безусловно, затронула культуру, вызвав к жизни множество новых феноменов, среди которых, пожалуй, самое важное место занимает массовая культура. Именно она определила лицо Японии XX в. и скорее всего лишь усилит свои позиции в наступившем столетии, о чем и повествует глава двенадцатая.

Феномен японской массовой культуры оценивается неоднозначно. Основная часть исследователей усматривает истоки этого явления в самобытной городской культуре эпохи Эдо (1603–1868). Это предыстория современной массовой культуры, исторический прототип, придавший ей ярко выраженные национальные особенности.

Появление в Японии массовой культуры в собственном смысле этого слова связывается с модернизацией страны, когда радикальные перемены в обществе потребовали создания канала трансляции знаний, установок и норм широким массам населения, всей нации. Эту функцию в принципе и взяла на себя массовая культура. Она тесно связана с информационными носителями, и уровень ее развития во многом определяется техническими и экономическими возможностями своего времени. В связи с этим можно четко очертить границы трех основных периодов в истории ее формирования, практически полностью совпадающих с основными этапами модернизационного процесса.

Начальный период – конец XIX в. – середина XX в., когда на основе синтеза национальной традиции и иностранных заимствований закладывались основы современных жанров. При этом практически все жанры довоенной массовой культуры на несколько десятилетий отставали в своем развитии от Запада. О завершении процесса формирования современной массовой культуры в Японии можно говорить только на втором этапе – 1945 г. – конец 1980-х годов, когда были созданы основы культурной индустрии.

За основу была взята культурная модель США, но, как показывает опыт Японии, само по себе иностранное вмешательство не способно обеспечить успешное продвижение культурной модернизации, если отсутствуют для этого соответствующие внутренние предпосылки. Речь, в первую очередь, идет о наличии необходимой экономической базы развития страны, высокого уровня ее индустриализации и научно-технических достижений, а также объективных социо-культурных предпо-

сылок. Практически вся послевоенная японская массовая культура связана, прежде всего, с одной из самых быстро развивающейся в эти годы телекоммуникационной сферой: кино, телевидением, анимацией, видео- и компьютерными играми и т. д.

С 1990-х годов отсчитывается третий этап развития японской массовой культуры. Он характеризуется переходом страны в постиндустриальную или информационную стадию своего развития и появлением нового типа постмодернистской культуры. Это – эпоха глобальных медиа: Интернета и мобильных коммуникаций с их виртуальной реальностью, с практически неограниченным скоростным режимом передачи информации и резко возросшими возможностями для креативных поисков, с которыми уже не может конкурировать ни одно печатное издание, ни телевидение, ни, тем более, кино.

Япония смогла гармонично соединить передовую техническую мысль с достижениями отечественной массовой культуры, создав тем самым принципиально новый высокотехнологический культурный продукт, необычайно востребованный в наши дни во многих странах мира. Культурный экспорт Японии, в первых строчках которого значатся анимационные фильмы, комиксы, кинофильмы, компьютерные игры и т. д., сегодня превышает экспорт технологический, с точки зрения масштабов целевой аудитории и, соответственно, его идеологического и духовного влияния на население других стран.

Понятие диада «литература/общество» дает возможность во многом понять настроения людей, живущих в ту или иную эпоху. При этом оба компонента диады одинаково значимы. Литературные пристрастия читающей публики, творчество писателей, мнение критиков на самом деле являются реакцией на процессы, которые происходят в обществе и могут служить характеристикой его состояния. Об этом рассказывается в последней, тринадцатой, главе монографии.

После реставрации Мэйдзи японская культура испытала мощное воздействие западной, что было причиной появления новых обычаев, моды, литературных и философских течений, новых слов и понятий. Члены различных просветительских обществ, а также переводная литература доносили до современников идеи Запада о государственном устройстве, гражданских правах, свободе личности. Воспитанным в духе конфуцианской морали японцам нелегко было усвоить всю массу новых понятий, к тому же в японском языке не всегда находились слова для их адекватного перевода.

В этот период в Японии еще не было собственной художественной прозы, а новаторские положения западного литературного процесса не воспринимались. Поэтический мир откликнулся на веяния нового вре-

мени значительно раньше. Роль «посредников» между западной и японской литературой в начале 1890-х годов сыграли представители романтизма. Воспеваемые романтиками идеалы были созвучны умонастроению тех, кто разделял идеи свободы и равенства, раскрепощения личности. Знаменательно, что творчество японских романтиков было свободно от подражательства, это было уже сознательное творческое приобщение к мировой культуре. Японская литература выходила на свою дорогу.

Спустя чуть более полувека после начала модернизации страны литературная палитра Японии становится весьма разнообразной. Многие в ней свидетельствовали об изменении в отношении к миру и к его отражению в литературе. Это в свою очередь указывало на то, что к тонкому эмоциональному восприятию, которое всегда характеризовало японцев, добавилось стремление осмыслить происходящее и умение воспринимать мир рационально. Однако с возрастанием империалистических амбиций элиты неизбежно возникали националистические тенденции. В условиях жесткой цензуры подлинной литературе не дано было развиваться.

Положение изменилось только после окончания Второй мировой войны. В кругах творческой интеллигенции различной политической ориентации вновь возрастает внимание к своему культурному наследию, но в то же время наметилась тенденция воспринимать Японию с её культурой и литературой в мировом контексте. Эту тенденцию закрепило творчество пришедших в 1960-е годы Абэ Кобо с его поисками человеком собственной идентичности в современном мире и лауреатом Нобелевской премии Оэ Кэндзабуро, остро ощущающего «ответственность, которую несет каждый человек перед обществом и миром». Выразителем взглядов тех, кто поэтизировал «мужественную» Японию стал Мисима Юкио, стремившийся к тому, чтобы японцы вернулись «к твердому характеру самурая, каким он предстает в военных повестях средневековья». Против понимания сущности японской традиции как воинствующей мужественности возражал известнейший писатель лауреат Нобелевской премии Кавабата Ясунари. По мере того, как Япония интегрировалась в мировое сообщество, и усиливалось взаимовлияние культур, менялся и образ мыслей и жизни японцев, возникала новая по форме и по содержанию литература. Японская литература второй половины 1970-х – начала 1980-х годов мало чем отличается от постмодернистских литератур других развитых стран мира. Однако это не значит, что японцы утратили философско-поэтическое видение мира и свойственную им выразительность в передаче эмоциональных нюансов, или отказались от традиционных средств художественной вырази-

тельности. А японская поэзия, в особенности танка, обновленная новыми идеями и образами, по сей день воспринимается обществом как один из символов, объединяющих нацию.

* * *

Японская модель модернизации показывает направление пути развития, в первую очередь, для азиатских стран. При этом развитие всех этих стран не ставит целью смену национальной самоидентификации, т. е. радикальную смену социокультурных основ, как это не сделала в свое время Япония.

INTRODUCTION

A key concept in Russia today, modernization is promulgated as the main task of the country's leadership. The concept remains vague, however, although politicians and experts propose a range of various and diverse analyses and conditions for its implementation. The First Deputy Chief of Staff of the Presidential Executive Office and Deputy Chairman of the Commission for Modernization and Technological Development of Russia's Economy under the President of Russia, Vladislav Surkov, says «modernization» is a rather conventional term at this time. The country's leaders interpret the concepts 'modernization' and 'innovation'¹ as "up-dating," i.e. a literal translation of «modernization» into the vernacular Russian. The process, as Russia's President Dmitry Medvedev stressed repeatedly, implies two lines of work. The first is modernization per se, that is pulling the economy up to date, and – a more complex job of work – creating a special cultural and psychological climate. The term 'innovation' does not imply copying existing designs, but creating new technologies. These will serve either to improve significantly some or other useful things, or to change fundamentally whole industries or segments of society: creating new markets, new corporate culture, new lifestyle, new products and services. A vivid example is the Internet, which gave rise to a fundamentally new attitude to knowledge, technologies, and trade, not to mention finance, and even politics. Creating, in other words, a new trend of civilizational progress².

Japan has been described as a paragon of successful modernization for decades. In fact, the very notion of modernization is consistently associated with Japan. This is not surprising since its history over the past 150 years has been an example of successful modernization in all spheres of national life, which has, moreover, determined its position in the world. Historically, modernization has allowed Japan to move from the catch-up development model to regular progressive development, and to offer the world its own ways for further improvement.

The temporal boundaries of Japanese catch-up development can be defined fairly accurately: between the 1870s and the late 1980s. During this period,

¹ <http://stats-sekretar.ru/federalnyie-novosti/economika/v.surkov-esli-...>

² Ditto.

Japan, a country threatened to become a colony or semi-colony of Western nations, rose to become one of the world's most advanced economies. The groundwork of this transformation was continuous modernization geared to replicate Western development models, i. e. catch-up development. For Japan, the catch-up development model is a modernization project initiated by the new elite during the Meiji period (1868–1912), which had come to power in traditional society, and which was continued in the postwar years by the old elite of the authoritarian society that found itself in conditions of democratization. Thus, the realization of the need to modernize dawned on the Japanese elites at crucial moments in their country's development. This realization immediately put forth questions concerning its nature, goals, and, most importantly, the main idea behind this process. Thus, Chapter One of the monograph considers the general characteristics of Japanese modernization in the context of catch-up development.

Modernization may be considered as a possible way out of a situation when the existing socio-economic system fails to perform and poses a threat of impending lag behind. The economist V. L. Inozemtsev defined modernization "as integration into the world, not an adjustment of the world to one's needs. All the countries that have been successful in their modernization efforts – Japan in the 1980s, China in recent decades, and Brazil (albeit on a regional scale) – mastered the logic of the global economic system and used it to become real contenders for the status of «Power № One»³.

One can refer to two models of modernization – Westernization and the catch-up model – because they pursue different goals. In the first case, Western models are basically introduced into the structure of society; in the second one, the borrowings serve as a base for structures that, although new to the given society, fit in the national identity framework. This was the scheme of modernization adopted in Japan.

The catch-up development model has a wide range of parameters to be reformed, including technological, social, cultural, demographic, legal, environmental, and others. The essence of modernization lies in industrialization and creation of industrial culture, with the key role assigned to the human factor, its quality and inherent creativity. Moreover, modernization does not depend on the political and social order if it proceeds under the leadership of the state. «The State (whether unitary or federal, democratic or totalitarian) was "the alpha and omega", an initiating and inspiring motive force behind the catch-up development in the East»⁴. The shape of this process is influenced by the level of development of the country in question and the willingness of the masses to recognize and deal with economic and other prob-

lems they are facing. No less important is the wording of the goals and objectives of modernization formulated by the elite, studies of resources to achieve these objectives, and the minimization of efforts to do so. In Japan, the new elite that came to power after the Meiji Isin conservative revolution and accepted national responsibility for the destiny of the country, commenced modernization with a short and most succinct slogan – «Rich country – strong army.» It was an appropriate response to the challenges of the time.

The path of Japan's historical evolution is, in essence, an almost continuous process of modernization, not only in terms of constant rationalization of economic activities, but also of developing the spiritual realm (for example, the conflict-free adoption of democracy, a concept that was previously quite alien to Japan's political culture).

Several factors strongly influenced the nature of modernization in Japan. First among them is a high adaptive capacity of the population, i. e. an ability to assimilate different elements of other cultures (especially Chinese) and, moreover, to transform them into components of its national values, thus preserving them for future generations. The second is the universal influence of traditions on all spheres of life. Thus, all, even very profound transformations in society occurred without crushing social upheavals, but through reforms, without revolutions, but as a result of evolution.

Nevertheless, the reforms that were taking place at crucial points of Japan's historical development were of a truly revolutionary nature. This was true of the Taika reforms (7th), which marked the transition from primitive society to a feudal system, the Meiji period reforms, which paved the way for capitalist development and rapid modernization, and the post-war reforms, which laid the foundation of the «Japanese miracle.»

An analysis of Meiji and postwar transformations, which were implemented in the framework of catch-up development, reveals a certain common typology – despite all obvious differences. Thus, in both cases the elites chose the same strategy – to be on a par with the developed Western countries, and they implemented it with the state-launched mobilization of all resources to conduct radical systemic reforms for which there were economic and spiritual preconditions. The assimilation of the new did not replace national identity with a Western one.

The modernization project proceeded under different conditions, however. In the first case, Japan was formally an independent country that became involved in international economic relations while being entangled in unequal treaties. In the second case, the early stages of modernization took place at a time when Japan was occupied by troops of the victorious Allies and had to follow directives of the General Staff of the occupation forces. Yet all modernization activities were carried out by the Japanese authorities, which ensured them a certain trust on the part of the people.

³ Российская газета, федеральный выпуск №4762, 01.10.2008.

⁴ Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия.(What the catching up development is catching up with?) М., 2011, с.249.

Defeat in the war and occupation by foreign forces broke the old passage of modernization, which lasted nearly seven decades under an authoritarian government and gave a powerful impetus to its accelerated development in a democracy, which propelled Japan to the ranks of developed countries within almost two decades.

Likewise different was the order of selecting parameters for modernization. The Meiji period first saw the implementation of an economic development plan, which was followed by political reforms. Economic and political reforms in the postwar period were conducted comprehensively and concurrently. Each period relied on its own ideology: in the first case, it was based on State Shinto, while in the second case, on democratic principles.

The beginning of the modernization project of Japan took place during the Meiji period, its key moment being the conservative Meiji Ishin revolution and the reforms that followed in its wake. These events determined the entire course of further developments. There is a well-grounded view that the root of many of Japan's accomplishments in the postwar years is to be found in that period. Hence, Chapter Two examines Meiji Ishin, which gave impetus to the process of modernization.

For a long time, research of Meiji Isin focused on its social, political, economic, less often ideological and cultural aspects, ignoring the spiritual and metaphysical side of the issue or viewing it from a materialist point of view. The outcome was a mistaken interpretation of the event as an «unfinished bourgeois revolution,» based as it was on an uncritical application to Japan of European models.

The essence of the conservative revolution was destruction of the degraded state of things in a revolutionary manner and creation of a new order based on Tradition, which is interpreted as a spiritual and historical constant that manifests itself in a variety of specific historical and national forms. It is not opposed to modernization; in fact, it presupposes it in the material sphere. The following are signs of the conservative revolution: (1) orientation toward national spiritual, cultural, and religious traditions; (2) rejection of the materialistic and cosmopolitan «modern world» as anti-national and anti-spiritual; (3) recognition of the revolutionary and rejection of the evolutionary opposition to the «modern world;» (4) acceptance of modernization, modern institutions, technologies, etc., if they are necessary to achieve the set objectives and subordinated to its spiritual principles; and (5) denunciation of individualism, materialism, atheism, and cosmopolitanism. The nature of each revolution varies depending on specific historical and national peculiarities, but the example of Japan of the bakumatsu period, that is, the last phase of Tokugawa Shogunate (1854–1867), and Meiji (1867–1912) generally confirms the above.

By the beginning of the bakumatsu period, the Tokugawa regime had been immersed in a total systemic crisis, which could not be overcome by reforms from above, that is, without a radical change of elites. By this time, there had come into being (primarily on the basis of the National School of Sciences and the School of Mito, referred to in Chapter One) capable, traditionalistic spiritual and political counter-elite, with a modernization agenda of its own. Creators of Meiji Ishin realized that a clash with the «civilized world» was inevitable and that Japan had fallen rather far behind that world in material aspects; moreover, they were fully aware that revolutionary modernization reforms gave the country its only chance to survive under pressure from outside. They chose return to integral tradition as a spiritual basis of these changes, and formulated in a proper legal form the notion of sansei itchi, or «the unity of ritual and governance,» which was not only a political act, but also a return to the ancient sacred principle of the unity of secular and spiritual power, the basis of any traditional society. Furthermore, Meiji Ishin leaders chose to sanctify their changes, including those that were of the «earthly» character. In other words, the state sought to mobilize society for the task of modernization, relying on official ideology and patriotism of the populace.

The combination of traditional and revolutionary elements in Meiji Isin is quite obvious when one regards Japan's modernization, internationalization, and its entry into the «civilized world,» the principal task of the new government. The «Golden Mean» was attained with the help of the formula «wakon – yosai» ('Japanese spirit – European science'). Here, «European Science» included a full set of components of modernization, but because of the elite's traditionalist orientation, it was to be infused with «Japanese spirit» and be accepted not by itself and not entirely, but only as was needed by, or as was good for, a New Japan.

Meiji Ishin accomplished all major tasks it had set itself: spiritual, political, social, and economic, and all the reforms to ensure the country's dynamic development and rapid entry into the «civilized world» in its original national forms. This version of modernization not only had a decisive influence on Japan's subsequent development, but also set an example for many countries in Asia and the Third World. It should be borne in mind, however, that conservative Meiji Ishin took place in a traditional society and was primarily of a national, not a class-related character.

Historiographers had for long regarded the Meiji legacy superficially, as only a combination of material transformations that allowed Japan to preserve its national independence when entering the world community in the last third of the 19th century. Material modernization alone does not guarantee success, however, as other countries' experience vividly show Japan's historic breakthrough was achieved thanks to the conservative-revolutionary nature of its

modernization in which «Japanese spirit» permeated «European science», but the last word remained the prerogative of the nationally-oriented and nationally-thinking elite. This is the main lesson from the history of Meiji Ishin, whose significance has not diminished even in the new millennium.

Political modernization is a complex and lengthy process, the contents of which are qualitative changes in the political systems associated with the transformation of all aspects of society. Such modernization is accompanied by emergence of new political institutions and the adaptation to the changed conditions of the previous ones. Chapter Three details the experience of political modernization in Japan in recent times.

Political changes of the Meiji period led to the liquidation the shogun regime and the establishment of the sole rule of the emperor. Thus, the emperor was regarded as a natural head of all the Japanese, like a father in every family. This concept of political loyalty and filial duty was conceptualized in the notion of state-family, which had survived until the end of World War Two. The apotheosis of political reform was the Constitution adopted in 1889, which concluded the formalization of the semi-absolutist political regime. What distinguished that model was a rather vague division of responsibilities among various political actors. Since the emperor rarely made decisions alone, the sovereignty was effectively usurped by his closest associates. The flip side of this state of affairs was a permanent state of uncertainty, which, under certain circumstances, led to paralysis in decision making.

The postwar political reforms occupy a special place among other attempts at political modernization. One salient feature of these reforms was that they were being carried out under occupation, with foreign policy considerations occupying an important place in their motivation. Of paramount importance for the U.S. was to eliminate the military threat from Japan, to minimize even a theoretical possibility for the appearance of a new militaristic regime; this was to be achieved by creating a sound groundwork for development of democracy in Japan. The process of modernization was also targeted at dismantling those features of the pre-war political system which had paved the way to establishing a totalitarian political regime.

One result of the political modernization of the second half of the 1940s was a peculiarly Japanese political party system, which came known in the political-science parlance as «System 1955.» The essence of System of 1955 consisted in that for four decades Japan's political arena was dominated by one political party, the Liberal Democratic Party (LDP). At the same time, Japan was a fully democratic state, with regular elections held at all levels and political rights and freedoms respected throughout the country.

Conditions for a new phase of political modernization matured toward the close of the bipolar era and with Japan's transition to the post-industrial devel-

opment mode. Up to that point, the Japanese political elite had failed to resolve several fundamental issues related to improving effectiveness of political control. This refers, above all, to the need to create a competitive architecture of political parties. Another important point of political modernization is to elaborate a better system of political decision-making for the party in power. After the ascent to power of the DNP administration in 2009, the introduction of the Westminster model into the Japanese political system was put on the agenda; this model places the cabinet in the center of decision-making. Under this system, the political units of public administration do not oppose the bureaucracy but directly control it from within the cabinet. In so far as this system is contrary to Japan's traditional consensual democracy, its introduction is fraught with considerable difficulties and will require considerable time.

Transformations in the economy played a crucial role at all stages of modernization in Japan as they created the material base for transforming the country into a modern state. This problem is analyzed in detail in Chapter Four of the monograph.

The type of modernization that Japan chose for itself is marked with a high degree of government involvement. From the earliest years of the Meiji era and until the end of World War Two, the State was a major property owner and entrepreneur in Japan, occupying key positions in several crucial sectors of national economy. Moreover, it exercised comprehensive control over all critical areas of economic life, directing and regulating, among other things, the development of areas where it had no property and was not doing business.

The main objective of the state's efforts was creation of up-to-date industrial enterprises equipped with Western technology and of a banking system to match, without which economic development would be impossible.

By the 1880s, an epoch of primary accumulation of capital had already been completed and the class of the industrial bourgeoisie had already emerged. In these circumstances, the Government decided to withdraw from most of the basic industries, turning them over to private capital and focusing on consolidating the financial system and developing the military industry.

The ten-year program of economic development adopted in late 1885 called, alongside the building of new armaments factories and reconstruction of the old ones, for a momentous acceleration of development in a number of heavy industries and extension of the railroads, telephone and telegraph networks. A significant expansion of direct and indirect forms of state participation in the economy occurred in the wake of the Russo-Japanese war.

After the end of World War One, the government steered its economic modernization efforts by relying not only on state-controlled businesses in different industries, but also, and increasingly, on stimulus for the private sector. It provided loans for development and modernization of strategically important industries, mainly in the heavy industry, and practiced subsidies on a large scale. The period also witnessed initiatives on the part of the gov-

ernment to set up industrial business associations that were geared to help raise the technical level of production, and improve product quality, standards, etc.

The driving force of the Japanese economy in the 1930s was provided by industries that fuelled the speeding up of military preparations. The outbreak of war with China opened a new phase of development for Japan, the war effort period. Tasks of modernization were relegated to the background while the mobilization of national resources for the military purposes became the chief priority.

After the war and in different historical circumstances, the country faced the task of economic modernization again and as acute as ever. As that task was largely completed by the mid-1950s, Japan entered a new stage of catching-up development, which was accomplished by the end of the 1980s. That period was marked by a giant leap forward, and the country was propelled to the most advanced position in the world as regards quantitative as well as qualitative economic characteristics.

The postwar period was characterized by another qualitative characteristic, namely the shaping-up of a different model of the State's involvement in economic modernization. The first effect was the reduction of extent of the State's participation in the process as an owner and entrepreneur: as a result of a series of reforms, state ownership of the country's national wealth dropped to 11 percent by the end of the 1980s. This reduction was more than offset, however, by increased use of all other forms of regulation. The influence of the State on the process of modernization was effected by:

- defining long- and medium-term objectives and targets of economic development as a whole and those of separate branches and sectors;
- encouraging the private sector to develop in line with these trends;
- establishing frameworks, norms, and standards for private businesses to improve resource efficiency, environmental conservation, and the quality of goods and services, etc.;
- directly participating in R & D and promoting research in private companies.

It should be emphasized that the efforts of the State really ensured that the modernization process proceeded in a sustained and goal-oriented manner, and that an extremely favorable climate for investment and development of all forms of business was created.

By the late 1980s, Japan had become a powerful modern state possessing all the attributes of a mature market economy and institutions of advanced democracies. In subsequent decades, Japan faced the need to adapt its economic system, which differed greatly from those in other developed countries, to requirements of the globalization age. Reforms that began in the Japanese economy in the mid-1990s affected all elements of its economic

structure. To date, much of this work has been completed, and the economic system of the country acquired a new shape and became more open and market-oriented. It is noteworthy that even at this stage, which, *de bene esse*, can be called post-modernization, the role of the State was decisive. Not only did it support initiatives of the Japanese business and its Western partners to change the economic system, by developing the required laws and mechanisms, but it also initiated several important reforms on its own.

The State also played a crucial part in modernization of agriculture. Before that process had its start, agriculture, with its heavy legacy of the feudal age, was the most backward sector of the Japanese economy. In creating conditions for modernization, the new authorities eliminated the feudal dependency of peasants, abolished feudal land ownership, made it possible to buy and sell land and choose one's own crops, and replaced all previous forms of feudal duties with one tax on land. This matter is discussed in Chapter Five.

The government sought to replicate Western standards in Japanese agriculture by replacing small-scale production with large, extensive machinery-based farms; to achieve this foreign experts were invited and equipment was imported. However, none of the efforts to set up such farms proved economically viable and ultimately failed. Nor were Western farming implements suitable for small plots used in Japan. At the same time, imported seeds and seedlings, breeding stock and fertilizer took root in Japanese soil and for the most part showed good results.

The development of agriculture made a major contribution to overall modernization: thus, land tax payments during the first two or three decades made the bulk of tax revenue, which were invested in industrialization. Receipts from export of agricultural products (its cost was almost ¾ of total exports) paid for imports of essential goods for the conversion of other industries.

Notable achievements in agriculture were obtained thanks to improved crop varieties and more advanced technologies of cultivation. It was a joint effort by government, academia and the producers themselves, of course. Moreover, the State undertook training of competent cadres for agriculture.

Meanwhile, no significant changes occurred in the life of the farmers. The reforms mostly benefited property owners, who had concentrated considerable amount of land, which they mostly rented. Small property owners were going bankrupt and became tenants who had to pay high natural rent to landlords, which often led to lease-related conflicts. The position of peasant proprietors improved somewhat after a number of laws was adopted in the 1920–1930s, but it took a powerful incentive, the defeat in the war, to achieve a radical breakthrough in solving the problem.

The new stage in the sector modernization took much less time, which was largely attributable to conditions in which major changes were taking place. According to the legislation pertaining to the land reform (late 1946),

landlordism was eliminated and farmers could purchase land for reasonable prices. To prevent a revival of the old system of land tenure, however, the size of cultivated plots was restricted, and this restriction, proved a major obstacle to agricultural development in the future, especially as regards effectiveness of farming.

The reforms and subsequent legislative initiatives created a stable system for small-scale producers. For many years the protectionist policy of the State promoted growing agricultural earnings and, accordingly, modernization of the industry implemented by farmers. Consequently, in two or three decades, agriculture became a modern sector of the economy. In fact, one may say that the 1980s saw the conclusion of modernization in the industry according to the catch-up model, at least as regards its technological component.

This is not to say, however, that the agricultural sector no longer faces many challenges requiring institutional changes and structural reforms before increased productivity would make Japanese agricultural products competitive on the world market. A hypothesis put forth by the author of Chapter Six of this monograph suggests that the Japanese corporate model had come into being as a result of the evolution of corporate structures that were formed in the pre-Meiji period and then evolved under the impact of the drastically changing external conditions during the opening of the country and its rapid modernization. The transplantation of institutions from abroad had only a partial effect. The essential impact on the formation of an entrepreneurial structure and a type of corporate governance that is known as the Japanese today, was sprang from the general concept and model of modernization that was prepared and implemented in Japan during the last third of the 19th century.

The development of the Japanese model of business organization and management is an independent branch of the theory and practice of management, while its specific features are determined by Japan's national culture and its belated entry on the path of market economy. The evolution of the Japanese style of management passed the same stages as the Anglo-Saxon and European models, but it did so in different historical conditions.

The concept of modernization (or industrialization) designated as «developmentalism» (or pro-developmentalizm), which is close to the concept of «developmental state», has gained wide-ranging recognition in Japan. In the framework of this concept, corporations become an integral element and most important actors of modernization, while close interaction between business and the State largely determines the type of corporate structure and nature of management. In implementing the policy of «developmentalism», Japan, notably, resorted to foreign expertise, but mainly by relying on foreign experts, rather than foreign capital. As a result, the country did not «clone» business formats, which might have happened in case of massive use of direct foreign

investments, but only borrowed a few traits and / or practices of the Western model.

In considering important factors that predetermined the nature of the development of corporate governance, one should mention the poor development of factory production in the pre-Meiji period, and the absence of colonial trade, which contributed so much to the emergence of international trading companies in Europe. Meanwhile, major business organizations, like merchant houses, already operated in Japan at the time, and it was within their frameworks that organizational structures and methods of business management were being elaborated. In fact, many of them managed to transform themselves in a relatively short period into *zaibatsu* and set up their own internal environment. Moreover, this structure has largely preserved its main outlines till now. Merchant houses developed such forms of administration as financial management, human resource management, including the use of hired managers and incentives to encourage their work, advertising, and marketing. In addition, the merchant houses relied on an extremely strong corporate culture, well-developed ethical business principles, and well-defined decision-making mechanisms.

Close partnership between business and the State based on mutual interests was the most important factor that shaped formation of the business structure in Japan in the initial period of modernization. Another salient feature of Japanese business practice, which is also largely due to the nature of its modernization, is a widespread use of informal mechanisms and norms that were based on tradition and mentality of the Japanese.

The emergence of a specific system of financing companies, based primarily on bank credits rather than the stock market, is also largely due to the nature of post-Meiji modernization and the dual structure of business that had already established itself in the last third of the 19th century.

Zaibatsu business and management practices contributed to the theory and practice of international management. Thus, the «family» model of corporate culture, which is based on paternalistic relations and is one of the major contemporary models of organizational culture, arose in Japanese merchant houses of the pre-Meiji period completely independently and without any influence from outside. Furthermore, the Japanese system of organization of production enriched management science with the Z behavioral theory, which regards companies as a place of self-identification of the employees and a social phenomenon. In managing such an organization the focus is on the self-realization and unfolding of human creative potential. In this case, the main features of the corporate culture of «Z organization» are quite similar to the Japanese concept whose characteristics were defined even in the pre-Meiji period and subsequently gained international recognition.

The Japanese management system developed mainly on its own basis and in specific historical conditions. Borrowings from outside were used only to deal with specific methods and techniques of management and the adaptation of foreign technical expertise. As for business philosophy as such and the organizational principles underlying the building of major companies, they remained essentially Japanese. Moreover, many approaches and achievements of Japanese *zaibatsu* were, firstly, similar to those used in other countries, and, secondly, were forerunners in terms of their time and found themselves in demand later.

The real challenge to the Japanese business organization and corporate governance came with globalization. This challenge of modern times coincided with the end of a long phase of Japanese economic history – catch-up development. Japanese corporations, or rather their leaders, found themselves facing the need for really radical changes in in-house management; it transpired that without such changes it was impossible to operate in a globalized and «computerized» external environment. Meanwhile, these changes may affect the very foundations of the Japanese corporate model, requiring a rethinking of business philosophy and the mission of the organization in question.

Chapter Seven is devoted to the elaboration of a human-resource management system in Japanese companies, which goes back to the late 19th–early 20th centuries and was closely linked to the Western influence the country had already experienced at the time. Since then, Japan began a rigorous search for sources of development, which resulted in active borrowing from the West of the latest technical innovations. Feverish efforts to copy western samples as closely as possible were undertaken in the area of organization and management of production. As Western concepts of management were gradually integrated in the general advance toward industrialization, it would be wrong to suggest that merely copying the latest Western models was the only objective of managerial practice in Japan. The process was much more complex.

While realizing the need to legalize and normalize relations between capital and labor, the employers were not forgetting the unwritten laws of paternalism; they would build relations with employees as with «family members» and fully relied on powerful ideological and social support on the part of the State.

In the postwar period, the Japanese management system continued to evolve as a synthesis of native paternalistic forms and modern Western management techniques. Western scholars simply overlooked this process for a long time, with some of them regarding the system as a traditional, archaic and even ossified form. As a matter of fact, the Japanese management system has not remained traditional, i. e. unchanged, at all. Japanese management experience arose from a gradual synthesis of well-known management

techniques, which, after being adapted to the specific external conditions, created a motivational environment in the organization. To a large extent, his synthesis was based on an evolutionary basis: a new management technology did not replace the older one at once but modified it in the process of merging with it.

It is noteworthy that modernization of the Japanese managing human resources was consistent with the general direction of global practices in this area. The Japanese management system successfully passed maturity and strength tests during the period of high growth rates, clearly showed its advantages in days of crisis, and continue to prove its worth at the present stage of globalization.

The process of technological modernization of Japan, which is described in Chapter Eight, can be summarized into three distinct phases: the period before Meiji Isin, the subsequent period until the end of World War Two, and the postwar period until the present.

The salient feature of the first stage was «waves» of technological innovations from China (8th, 17th and 18th centuries) and from Western Europe (16th century). The second stage came about during the Japanese industrial revolution and the militarization of its economy; it saw a technological transformation of the entire production system and relied on the latest Western technology. The third stage was marked with the most profound technological modernization; it has covered all aspects of life in Japanese society and is still going on.

The fundamental attribute of the last phase was a massive transition of the majority of military-oriented industries to civilian uses in the industrialized countries. A huge force of top-notch scientists and engineers, who previously worked for the military, became a powerful generator of new, creative solutions. The main task facing Japanese scientists and engineers in such circumstances was to accelerate the building of an advanced technological base for new, civilian sectors of the economy.

Therefore, research and development were largely geared to improve the productive apparatus through mastering imported equipment and adapting it to Japanese conditions. The use of foreign technologies acquired through licensing agreements, greatly contributed both to the formation of an effective production system and the mastering production of advanced products. The Japanese, for their part, continued to build up their own accomplishments.

A strategy of economic development designated as «selective» was used to achieve most tangible results. Japanese firms directed their main efforts toward securing dominance in the sphere of mass consumption, and their most important technological priorities were microelectronics, which made it possible to «saturate» productive capacities with measuring equipment and devices for automated process control. Relying on these technologies, the

Japanese rebuilt the production apparatus of industry, transport, communications, management, health, education, family life, etc.

A large group of factors contributing to the modernization process in the Japanese economy is also linked to the human factor and, primarily, directing production personnel to concentrate on quality control and on guaranteeing it in the context of production.

One peculiarity of the Japanese approach to solving this problem was to involve in it all participants in production – from senior executives to ordinary workers. Moreover, Japanese companies introduced a system known as TPM, or Total Productive Maintenance, with all divisions of a company being involved in its implementation. What was particularly important in this regard was that the objectives of TPM called for «zero waste», «zero damage», «zero accidents», and «zero spoilage.»

The Japanese experience shows that an effective upgrade calls, first of all, for creative use of the world's major achievements in science and engineering, and for applying them in dealing with practical problems of socio-economic development. Facilitating this process in Japan were two very important factors – the absence of a large military-based economy and close links with the scientific and production complex of the U.S. and leading American high-tech companies.

All this enabled Japan to obtain strong positions in high-tech development. Despite all its accomplishments in carrying out the modernization process, however, Japan is not to become as active a producer of innovative products as the U.S., if only because the total amount of its investment in R and D is considerably inferior.

Still and all, it will become one of the world's biggest producers of biotechnology products, micro and nano-electronics, new materials, flexible manufacturing systems, industrial, transportation, medical, and household equipment. Contributing toward this end will be continuing modernization of the industrial, infrastructural, and organizational technologies. Moreover, successful implementation of measures to improve the system of quality control and activation of the «human factor» in the industry will also play an important part.

The high level of education of, notably, all strata of the population has been a major stimulant for the modernization process at all phases. While keeping the educational system under constant control, the government kept introducing meaningful adjustments in line with the changing needs and challenges. This problem is discussed in Chapter Nine.

The Meiji stage of modernization required a radical restructuring of the education system to provide without delay modern education to the general population, to enable it to master Western knowledge, an essential factor in modernization and industrialization. The country created equal educational opportunities for all classes, men and women alike. During the early years

after western education was introduced, ethics, the most important traditional subject, receded into the background. Because the ruling elite needed the younger generation to be brought up in the spirit of loyalty to supreme authority and devotion to the national interests, however, very soon ethics was back at the forefront again. Thus, the educational reform provided opportunities to obtain practical knowledge and established a new ideology for the public.

A radical reform of education (based on the American model) was conducted after World War Two; it continues, with necessary amendments, to operate till the present. Education became an important factor in the accelerated modernization of the 1950s – 1960s. High level of education, especially of labor, was obviously responsible for Japan's overcoming the technical and economic gap that separated it from the developed countries at the time. By the 1970s, moreover, Japan had moved to one of the top positions as regards levels and quality of the education of the workforce.

With its transformation into the world's second largest economy, Japan faced new challenges in the field of education, which was now to support modernization non-stop. In fact, Japan is undergoing a non-stop education reform as it is, a process in which new elements of the education system are being developed and tested all the time.

Having gone the course of catch-up modernization, Japan realized in the 1980s – in the context of globalization and information, especially digital, technologies – that its traditional system of education (with its standards based on equalitarianism and consumption of excessive didactical information) was outdated.

In an age of high technology, egalitarianism, homogeneity, and mechanical memorization hamper formation of creative individuals. The country needs not so much «hard-working bees» as original-minded professionals; to train them is the task of the current educational reform. The main direction of the major current restructuring, as it was determined back in the late 1990s, was to be «from centralization to decentralization,» «from uniformity to diversity,» «from rigidity to flexibility.» Accordingly, three basic principles of the reform were developed: 1. to educate individualism, 2. to pay more attention to continuing education, or life-long education, and 3. to be aware of global changes.

Higher education proved one weak point in the Japanese system, but then people started thinking about reforming it only in the late 1980s. The main requirement for higher education today is to train creative and innovative students capable of extraordinary thinking. The concept of reform is to introduce into the sphere of higher education practices used in the private sector. Public universities are thus transformed into corporations that receive the status of autonomous administrative units and independent legal entities;

this, according to the authors of reform, should significantly improve the efficiency of their operation.

Analysis in Chapter One showed that the initial stage of modernization was conditioned by economic necessity, the military buildup, above all. The direction of modernization was determined by foreign expansion policy, which was backed in equal measure by the military and big business. In turn, major successes achieved as a result of Japan's aggressive expansion, contributed to economic modernization. In striving to attain its strategic goal of catching up with European countries, Japan's political elite sought to gain the status of a colonial power. That strategy, ultimately, brought the country to a crushing defeat, and, as Chapter Ten shows, put a stop to its independent foreign policy altogether.

Although it was preserved, the Foreign Ministry's structure and function were drastically altered. The Japanese government was forbidden to conduct foreign policy; all diplomatic missions were closed down, and the sharply reduced staff was engaged only in collecting and analyzing relevant data and dealt with issues related to repatriation of the Japanese from their former colonial possessions. Communication with the Commander of the Allied Powers was carried out through a special office staffed by pro-Western Japanese diplomats. Even in the early postwar years, the government gave up the former strategic slogan «rich country – strong army» and designated its course as «ensuring the country's prosperity while reducing the military force» (*fukoku-jakuhei*). To implement the course, modernization had to proceed in a new direction; this course was carried with reliance U.S. policy.

With the signing of the San Francisco Peace Treaty (1951), Japan's sovereignty was fully restored, but the Japan-US Security Treaty concluded at the same time put limitations on it and gave the United States the right to set up military bases in the country. In effect the Japan-US Treaty of Mutual Cooperation and Security of 1960 was an updated version of the 1951 Treaty. Several nuances notwithstanding, its main provision allowed the U.S. forces to stay on Japanese territory. Prolonged in 1970, the Treaty of Mutual Cooperation and Security is the basis of Japanese-American relations even today.

By taking the strategic decision in favor of an alliance with the United States, Japan actually deprived itself of a chance to take a different position in the world arena. Tokyo remained inactive vis-à-vis any major international issues throughout the postwar period. It should be noted, however, that the close alliance with the United States brought considerable economic benefits in addition to the «military-nuclear shield». Beginning in the 1950s, Japan took up what came to be known as economic diplomacy, which ensured her entry into the international community as a democracy with an export-economy.

Ever since the Meiji period, work has been going to form the country's image, a most important aspect of its successful functioning in the world. Indeed, the foreign-policy image of Japan is probably one of the most vivid in the world. Of particular interest is its amazing quality not to grow old despite the changing appearance.

Chapter Eleven shows Japan's present-day foreign image as a multi-product of its image-makers' consciousness and creativity. Its perception is closely linked with expectations and attitudes existing in the world community, and is compatible with the anticipated reaction in the country. Furthermore, it is capable of prompt changes reflecting new political, social, economic, or other situations. Hence, the picture we are all used to seeing before our eyes and one we habitually call «Japan,» fully associating with it with our mental image of the real country, is, to some extent, a mere «half-truth.» Granted, it imparts a certain direction to our conjectures based on our social experience. The history and evolution of this «half-truth» is, in fact, a history of upgrading the image of Japan.

This upgrading without radical changes or adjustment is probably one of the most interesting and typical features of the image of Japan's foreign policy. More than one thousand Christian missionaries and a few hundred professors from the United States and European countries visited Japan during the Meiji period. The image of «beautiful Japan» painted by these «Enchanted Wanderers» became forever engraved in the Europeans' untrained minds. It was an image of the past, the outgoing one, not an image of the emerging Japan. This gave the interested parties an opportunity to add to it details that rendered the image even more pleasurable for themselves, creating an effect that later came to be known as «japonism.» Thus there came into being an idealistic subject of the image that fit in with the expectations of the public. Images do not come out of nowhere, they are being modeled by very specific people; most of these people remain unknown forever, but some of them leave their names in history; this subject is described in detail in Chapter Eleven.

The Japanese were probably among the first to determine, experimentally and theoretically, that correct, successful and efficient modeling of a country's image must be nourished by the country's continuous «conservative modernization»: a regular updating of a limited number of long-standing, proven stereotypes so that they conform outwardly to the demands of the times and leave intact the existing historical ties in the minds of consumers. The past decades have seen increasing importance being attached to cultural diplomacy, a complex, multi-disciplinary activity to create the country's image.

It goes without saying that the fundamental restructuring brought about by modernization had an effect on culture, bringing to life a host of new phe-

phenomena, with mass culture occupying, perhaps, the most important place among them. It was mass culture that defined the face of 20th-century Japan and it is likely to consolidate its position in the new century; these considerations are described in Chapter Twelve.

The phenomenon of Japanese popular culture is estimated differently, most researchers see its origins in the distinctive urban culture of the Edo period (1603–1868), which is regarded as a background of modern mass culture, a historical prototype that imparted pronounced national features to it.

The emergence of popular culture in Japan in the true sense of the term is associated with the country's modernization, when radical changes in society called forth a channel to circulate knowledge, attitudes and norms among the general public throughout the nation. Popular culture undertook to perform this function. Closely related to information carriers, its level of development is largely determined by the period's of technical and economic possibilities. Therefore, one can clearly mark the boundaries of the three major periods in its formative history, which coincide almost completely with the main stages of the modernization process.

The initial period fell on the late 19th – middle 20th century, when synthesis of national tradition and foreign borrowings laid a foundation of present-day genres. In terms of their development, practically all genres of pre-war popular culture were several decades behind their western counterparts. Only at the second stage, 1945 – the end of the 1980s, when the foundations for the culture industry were built, can one refer to the completion of the formation of modern mass culture in Japan.

Needless to say that the U.S. cultural model was used as a base; but as Japanese experience amply shows, no foreign intervention as such can successfully promote cultural modernization in the absence of relevant domestic conditions. First among these is an appropriate economic base underlying the country's development, as well as its high level of industrialization and scientific and technological achievement, not to mention objective socio-cultural circumstances. In practical terms, Japan's entire postwar popular culture is associated primarily with one of the period's fastest growing sectors – the telecommunications: film, television, animation, video, computer games, etc.

The third stage in the development of Japanese popular culture began in the 1990s, and it was characterized by the country's transition to a postindustrial, or information, stage of development and the emergence of a new type of postmodern culture. It is an era of global media: the Internet and mobile communications with their virtual reality, with practically unlimited high-speed transfer of data, and dramatically increased opportunities for creative

exploration, with which no print publication, television or – even more so – the movies can compete any more.

As Japan managed to integrate harmoniously leading-edge technical achievements with those of mass culture, there came into being a brand new high-tech cultural product enjoying an unusually high demand around the world. Japanese cultural exports today, first of all animated films, comic books, movies, computer games, etc., exceed technological exports as regards the size of the target audience and, correspondingly, its ideological and spiritual influence on people in other countries.

The dyad 'literature / society' makes it possible to understand the mood of many people living in a particular era. It is noteworthy that both components of the dyad are equally important. Literary predilections of the reading public, features that characterize the work of writers, of the time and critical opinions reflect reactions to societal processes and characterize social circumstances. This subject is dealt with in the last chapter of the monograph, Thirteen.

After the Meiji Restoration, Japanese culture experienced a powerful impact of Western culture, which led to the emergence of new customs, fashion, literary and philosophical trends, new words and concepts. Members of various educational societies and translated literature brought to the Japanese a host of modern western ideas about the structure of the state, civil rights, and personal freedom. Raised as they were in the spirit of Confucian morality, the Japanese could not easily assimilate a mass of these new concepts; moreover, the Japanese language did not always have words for their adequate translation.

It was a period when Japan did not yet have its own literary prose, nor could Japanese readers perceive innovative messages of Western literature. The poetic world responded to the trends of modern times much earlier. Representatives of Romanticism played the part of «mediators» between Western and Japanese literature even in the early 1890s. The romantic ideals were congruent to the mindsets of those who shared ideas of liberty, equality, and individual emancipation. Notably, the art of Japanese romantics was free from imitation; it was a conscious creative entry into world culture. Japanese literature was making its appearance on the world stage. A little more than half a century after the country's modernization got underway, the Japanese literary palette was already quite diverse. There appeared numerous examples testifying to changes in attitude toward the world and to reflections of these changes in literature. This, in turn, pointed to the fact that the subtle emotional perception, which has always characterized the Japanese, was being accompanied with a desire and ability to comprehend what was going on and to perceive the world rationally. The increasing imperialist ambitions of

the elite inevitably gave rise to nationalist tendencies, however. Nor could genuine literature develop in conditions of strict censorship.

The situation changed only after World War Two, when intellectuals of various political orientations started again to pay more attention to their cultural heritage, while, at the same time, tending to regard Japan, its culture and literature in a global context. This trend was consolidated in the 1960s by works of Abe Kobo, with his hero's search for personal identity in today's world, and the Nobel Prize winner Kenzaburo Oe, with his heightened sense of «responsibility that each person has to society and the world». Representing the views of those who poeticized «audacious Japan». Yukio Mishima wanted the Japanese to return «to the rock-solid nature of the samurai, as he appears in the war stories of the Middle Ages.» Opposing the interpretation of Japanese tradition as one of militant masculinity was the famous writer and Nobel laureate Yasunari Kawabata.

As Japan was integrating into the global community and the interaction of cultures intensified, the mindset and the mode of lives of the Japanese people were also changing, and their literature was acquiring a new form and content. Indeed, Japanese literature of the second half of the 1970s – early 1980s was not unlike the post-modern literature of other developed countries. This is not to say that the Japanese had given up their philosophical and poetic vision of the world or their inherent expressiveness in conveying emotional nuances, or left aside their traditional means of artistic articulateness. Japanese poetry, especially the tanka, updated with new ideas and imagery, is still perceived by society as one of the symbols uniting the nation.

* * *

The Japanese model of modernization shows direction for development primarily to Asian countries. The development of all Asian countries is not intended to replace national identities, i.e. to radically change the social and cultural foundations, as it did not happen in Japan.

Раздел первый

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ЯПОНСКОМ ТИПЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

За полтора столетия Япония смогла подняться с уровня страны, которой грозило превращение в колонию или полуколонию западных стран, до одной из самых развитых экономик мира. Основу такой трансформации составил процесс непрерывной модернизации, нацеленный на повторение уже существующих за границей образцов и на создание на основе заимствования новых для общества элементов, т. е. на догоняющее развитие. Изменения, которые происходили в стране в этот период, были стремительны и впечатляющи, как в целом, так и в деталях, и их невольно обозначили в мире словом «чудо». Но в основе такого «чуда» на протяжении всего рассматриваемого периода налицо четкое определение правящей элитой национальной стратегии и тактика ее реализации.

Понятия и факторы модернизации

Пришедшая к власти в традиционном обществе новая элита мэйдзийского периода (1868–1912) инициировала модернизационный проект, а продолжила его в послевоенные годы прежняя элита авторитарного общества в условиях демократизации страны. Таким образом, к осознанию необходимости встать на путь модернизации элиты приходили в переломные моменты истории. И сразу вставал вопрос о том, какой характер примет модернизация, на чем в этом проекте будет сосредоточено внимание, какие цели будут поставлены и главное, что станет основной идеей этого процесса.

Главным для Японии на первых порах было не только войти в «клуб» великих держав того времени, но и создать империю. Единственно возможным путем осуществления поставленной цели под лозунгом «богатая страна, сильная армия» было проведение преобразований внутри страны и осуществление экспансионистской внешней политики, что было адекватным ответом на вызовы того времени.

После поражения во Второй мировой войне та же элита, как единственно верный путь развития в совершенно новых условиях, выбрала демократизацию. По словам бывшего в первые послевоенные годы почти бессменным премьер-министром Ёсида Сигэру, старый лозунг можно было переиначить – «богатая страна, слабая армия». Другими словами, Япония выбрала путь развития мощной экономики и создания уже исключительно экономической «империи» на основе крупномасштабной внешней торговли. Но при этом не следует забывать, что японская модернизация проводилась в традиционном обществе.

Согласно структурно-функциональной теории Талкотта Парсонса, в традиционных обществах положение индивида предопределено, и главным в отношении к человеку является его принадлежность к группе, во взаимоотношениях людей преобладает эмоциональная сторона, и в своих действиях люди ориентируются на общие цели¹. Такому обществу имманентно присуще преобладание ценностной рациональности, т. е., преобладание ценности над целью. «Господство традиции и религиозно – мифологических форм сознания создает этот тип рациональности и поддерживается им. Традиционное общество организовано как целое. Ценностная рациональность – это рациональность целого, где индивид ориентируется на общие ценности, не выделяя себя четко из целого»². Традиционное общество социально более однородно, у него больше общих целей, общего интереса, что проявляется в воспроизводстве традиции. В современном же обществе положение человека определяется его достижениями, здесь каждый наделен равными гражданскими правами, существует специализация функций, отношения строятся на разумно-рациональной основе, человек ориентирован в основном на индивидуальные цели³.

В Японии наблюдается уникальное сочетание традиций и инноваций, при безусловном преобладании последних. Но при этом не произошла смена идентификации национальных социокультурных основ. Другими словами, в модернизированном обществе, даже при сильном разрыве с традицией в повседневной жизни людей сохраняются традиционные формы бытования. Как отмечает социолог В. Г. Федотова, «ни Турция, ни Мексика, ни Россия, страны, продвинувшиеся к западному пониманию жизни, ни Китай, имеющий необычайное ускорение развития, ни Япония, достигшая и превзошедшая западные технические возможности, не стали Западом, хотя в той или иной мере стали современными»⁴.

¹ Подробнее см.: Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.

² Федотова В. Г. Модернизация другой Европы. М., 1997, с. 123.

³ Подробнее см. Парсонс Т. О социальных системах.

⁴ См. В. Г. Федотова, *цит. соч.*, с. 26.

Каждая страна усваивает достижения экономической и политической систем западной цивилизации в своеобразной, подходящей именно для нее форме, отвечающей ее парадигме. По замечанию А. Тойнби, «тогда как экономическая и политическая карта мира действительно почти полностью «вестернизирована», культурная карта и поныне остается такой, какой она была до начала западной экономической и политической экспансии»⁵.

В отличие от распространения, например, религий или других заимствований в прошлом, процесс модернизации включает в себя экономические, политические и идеологические аспекты. Это не может не подрывать, до некоторой степени, существующие в модернизирующихся обществах структуры. Модернизация – это, прежде всего, технологические преобразования, гарантирующие поступательное развитие общества, и, как правило, в конечном итоге приводящие к его социальной реконструкции. Но во многих случаях, в частности в Японии и ряде стран ЮВА, традиции в том или ином виде сохраняются и в, свою очередь, оказывают серьезное влияние на весь процесс модернизации.

Действительно, хотя модернизация и получила широкое распространение, она не привела к созданию единой цивилизации, и тем более к появлению единой идеологической и политической структуры. Но при этом, как справедливо замечает социолог П. Бергер, «нельзя смешивать технологические сдвиги и социопсихологические системы обществ»⁶.

Процесс модернизации происходит постоянно, но термин имеет сравнительно короткую историю. В современной социологии он имеет много толкований. В наиболее общем виде под модернизацией понимается преобразование традиционного (восточного) общества в современное (западное). Априори предполагается, что такое общество находится на более высоком уровне цивилизации и обладает такими универсальными характеристиками, как разделение властей, свобода личности и предпринимательства, суверенитет народа, право нации на самоопределение, свобода социального выбора. Современность общества обычно соотносится с его вступлением на путь капиталистического развития. В XIX в. современные общества и Запад были тождественными понятиями. Восток считался традиционным, отсталым, Запад – передовым, современным. Но с течением времени сочетание «Восток-Запад» перестало отвечать реальному положению вещей. Современное общество начало пониматься как особый тип цивилизации, первоначально возникший в Западной Европе и затем распространившийся в других регионах как

⁵ А. Тойнби. Цивилизация перед судом истории. М., 2006, с. 81.

⁶ См.: Berger P. L. Capitalism Revolution., Fifty Propositions about Prosperity, Equality and Liberty. New York, 1986.

система жизни, экономического, политического устройства, идеологии и культуры.

Модернизация может длиться от нескольких столетий до нескольких десятилетий, но при этом всегда несет с собой фундаментальные изменения. Подчеркивая кардинальный характер таких изменений, японовед Эдвин О. Рейшауэр сравнивает их значимость с «переходом от хозяйства, основанного на охоте и собирательстве, к земледелию, или от использования каменных орудий – к бронзовым и железным»⁷.

Часть ученых предлагает рассматривать модернизацию того или иного государства в сравнении с конкретной более развитой страной (Япония и Англия) или с «идеальным типом», как определил М. Вебер. При этом особо подчеркивается важность для судеб цивилизаций хозяйственной жизни общества, по выражению М. Вебера, рационального способа ведения хозяйства, рациональной капиталистической организации свободного (формально) труда. Наиболее ярко и всеобъемлюще это проявилось в странах Запада. «... Именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались... в направлении, получившем универсальное значение»⁸. В то время как в восточных обществах огромную роль играли и играют самобытные духовные ценности. Для характеристики исторического процесса в странах Запада Вебер вводит понятие рационализации, понимая под ним совокупность ряда исторических факторов, определивших развитие европейских обществ за последние несколько веков. Именно в Европе впервые в истории человечества сложилось общество, которое в настоящее время называется индустриальным, или промышленно развитым. Все другие типы обществ являются, по Веберу, традиционными.

Таким образом, получается, что рационализация – это и есть сам исторический процесс и в этом смысле она по существу равнозначна модернизации. Поэтому, хотя Вебер напрямую и не использует термин «модернизация», современные историки, изучающие эту проблему, обращаются к его классическому наследию. В частности, Бенджамин Шварц писал: «Если следовать Веберу, то, по моему мнению, есть лишь одна возможность очертить границы понятия модернизации: оно включает систематическое, долговременное и целенаправленное приложение человеческой энергии к «рациональному» контролю над материальной и социальной средой обитания человека для реализации различных целей. Я употребляю прилагательные целенаправленное, систематическое и долговременное, ибо абсолютно ясно, что процесс рационализации, как таковой, начался задолго до того, как появился термин Modern Age

⁷ Changing Japanese Attitudes Toward Modernization. Tokyo. 1982, p. 16.

⁸ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 44.

(Новое время – *Авт.*), и он практически существует на протяжении всей истории человечества»⁹.

В 1960-е годы ученые ряда стран (Японии, Англии, США, Австралии – Оути Цутому, Тояма Сигэки, Рональд Дор, Джон Холл, Эдвин Рейшауэр, Сидней Кроукур и др.) пришли к выводу о невозможности сформулировать одномерное понятие модернизации, но при этом выделили основные параметры, которые характеризуют модернизированное общество второй половины XX в. К ним относятся, в частности, сравнительно высокий уровень урбанизации, использование новых источников энергии, социальная активность населения, широкое распространение потребительских товаров и услуг, поголовная грамотность, важная роль науки, создание широкой сети средств массовой информации, наличие социальных институтов, а также растущее межнациональное общение¹⁰.

Развитие западноевропейских стран в течение длительного времени шло под воздействием эндогенных факторов сравнительно медленными темпами. При включении в процесс развития внешних вызовов, экзогенных факторов он стал происходить достаточно быстро при сохранении, как правило, самоидентификации. Наиболее ярким примером такого развития служит Япония. По словам социолога Цуруми Кадзуко, там, где западным странам требовалось тридцать лет, для Японии было достаточно десяти¹¹.

Однако спрессованность во времени подчас может вести к серьезной напряженности. Дело в том, что общества, развивающиеся под воздействием главным образом внешних факторов, включают в свои традиционные структуры передовые технологии, политические, экономические и идеологические новшества, которые не всегда сочетаются с уровнем развития того или иного социума. Большие сложности могут возникнуть и с асинхронностью изменений, происходящих в различных системах модернизирующихся обществ.

В принципе можно говорить о двух основных моделях модернизации – вестернизации и догоняющей модели, поскольку в них ставятся разные цели. В первом случае берутся западные образцы и просто переносятся в структуру общества, во втором – на базе заимствования создаются новые для данного общества структуры (бюрократия, средние слои, бизнес-сообщество) при сохранении национальной самоидентификации. При этом вестернизация может быть частью догоняющей или любой другой модели, поскольку заимствование западных образцов всегда сопровождает любую модернизацию. Именно по такой схеме происходила модернизация Японии.

⁹ Changing Japanese Attitudes..., p. 23-24.

¹⁰ Там же.

¹¹ Tsurumi Kazuko. Social Change and the Individual. Princeton, 1970, p. 7.

При преобразовании традиционного общества в западное, в соответствии с моделью вестернизации, речь идет об интенсивном, одностороннем межнациональном переносе социально-экономических, политических и социокультурных ценностей. Другими словами, в этом случае модернизация происходит под влиянием экзогенных факторов и идет достаточно быстро. Перенос ценностей может иметь место как в условиях зависимости того или иного модернизирующегося государства, так и при сохранении весьма широкой политической и экономической самостоятельности. При этом даже в такой стране как Япония, не только в довоенное время, но и в первые десятилетия после поражения во Второй мировой войне, «модернизированный» и «западный» являлись синонимами: японское общество считалось отсталым, а западное – передовым. И только по мере достижения высокого уровня экономического развития такие воззрения потеряли силу.

Япония выбрала догоняющую модель модернизации, которая имеет более широкий набор реформируемых параметров, и основная суть процессов состоит в индустриализации и создании индустриальной культуры, которая значительно улучшает условия существования человека. Сущность догоняющей модели модернизации в принципе везде одна, и она не зависит от политического и социального строя – это организация масс для индустриализации. «Такова мировая тенденция индустриальной цивилизации. Она одинаково проявляется в Европе, в Америке, в Азии, в демократиях и тоталитарных государствах, везде, где существуют массы, включенные в индустриальный аппарат»¹².

В Японии, как уже упоминалось, она проходила и в условиях авторитарного императорского правления, и в условиях демократии. Но на форму осуществления этого процесса влияет уровень развития самой страны, готовность масс к осознанию и решению стоящих перед ними экономических и других проблем. Все зависит от вызовов времени.

Каждое общество вырабатывает свой отклик на осуществляемую экспансию чужого опыта. Отсюда многообразие вариантов модернизаций, их неидентичность и динамизм. В этой связи нельзя отказать себе в удовольствии привести слова Э.Рейшауэра: «... можно сделать вывод, что есть и всегда будет существовать многовариантность модернизации, и поэтому ни один случай не может быть типичным»¹³.

Усиление межкультурных взаимодействий, т. е. тесных политических, экономических, технологических и идеологических связей ведет к интернационализации мирового сообщества, к созданию глобальных систем. Однако, если глобализация и примет практически все-

объемлющий характер, то и тогда это не будет означать образование единой цивилизации, а лишь – создание целого ряда цивилизаций современного уровня со своими специфическими чертами.

Социолог Н. Кавамура подчеркивает относительную самостоятельность собственных культурных ценностей, рассматривая модернизацию и индустриализацию, с одной стороны, и культурные характеристики, с другой. По его мнению, такие специфические явления японского общества, как концепция *иэ*, или корпоративный дух, которые не вписываются в нормативную европоцентристскую теорию, нельзя рассматривать как пережитки феодализма, а надо воспринимать как отличающиеся от западных культурные ценности японцев. Ученый распространяет теорию модернизации за рамки перехода от традиционного восточного общества к западному. Он считает, что процесс модернизации идет и дальше – от современного общества к стадии постсовременного¹⁴.

Вполне можно согласиться с обобщенным определением процесса модернизации, которое предлагает социолог В. Г. Федотова. «Процесс модернизации сохраняет значение перехода от традиционного общества к современному во всех его фазах и разновидностях... Это – переход от доминирования традиций к господству инноваций, от религиозной, мифологической и авторитарной легитимации активности к светскому, рациональному обоснованию деятельности, от авторитаризма к демократии, от вещного богатства к капиталу, от производства ради сиюминутных нужд к расширенному воспроизводству, от непроизводительного труда к производительному, от ценностей рациональности к целерациональности, от мировоззренческого знания к науке и технологии, от медленного течения естественной эволюции к ускоренному развитию и мобилизации ресурсов, от этничности к национальным государствам, от деревенских форм жизни к городским, от аморфных социальных образований к четко выраженным институтам образования, коммерции, медицины, управления, к индустриальному развитию, массовому образованию и связи всех частей земли»¹⁵.

Япония – яркий пример трансформации традиционного общества в западное, понимаемое как модернизированное. Путь исторического развития страны, по сути своей, представляет практически непрерывный процесс модернизации общества не только в плане постоянной рационализации хозяйственной деятельности, но и эволюции духовной сферы.

На характер модернизационного процесса в Японии значительное влияние оказали несколько факторов. Прежде всего, высокая адаптивная способность населения, т. е. усвоение им различных элементов других

¹² Приводится по В. Г. Федотова. Цит. соч., с. 47.

¹³ Chaging Japanese..., p. 35.

¹⁴ Подробнее см.: The Japanese Tranjectory, Modernization and beyond/ Cambrige. 1988, p. 264–283.

¹⁵ В. Г. Федотова. Цит. соч., с. 37–38.

цивилизаций (прежде всего китайской), и, более того, превращение их в компоненты своих национальных ценностей и таким образом сохранение для будущих поколений. Затем универсальное воздействие традиций на все сферы жизнедеятельности общества. Это способствовало тому, что преобразования в нем, даже весьма серьезные, происходили без сокрушительных социальных взрывов. Этнолог Янагида Кунио не раз высказывал мнение о важности преемственности в истории общества. Если на Западе новая ступень развития создается при отрицании предыдущей, т. е. путем ломки, то в Японии – путем преемственности, обновления традиций. (Поэтому не случайно для определения сути мэйдзийских событий было взято слово *исин*, что и означает «обновление»).

Для Японии характерен эволюционный процесс трансформации традиций. Новые элементы лишь добавлялись к старой структуре, никогда не разрушая ее, часто сосуществуя с ней, иногда сливаясь, образуя единый сплав, где уже трудно различить, что взято извне, а что традиционно японское. Постепенно эти элементы, видоизменявшиеся по мере приспособления к старой структуре, вызвали перестройку всей системы.

Таким образом, модернизация Японии осуществлялась не на основе отрицания традиционных структур, а путем их активного использования, и поэтому нельзя не согласиться с мнением японоведа Фоско Мараини: «Двадцатый век в Японии часто рассматривается как прогресс, вызванный множеством чужестранных элементов, представляющих собой модернизацию, на фоне упрямого сопротивления сил традиции. В некоторых случаях это верно, но общая картина представляется совершенно иной. Будь прошлое Японии преградой для ее будущего, страна до сих пор была бы неким прилежным и многообещающим учеником своих западных менторов, а не могущественным соперником, поднявшим меч и играющим с умением и жаром, грозя в скором времени побить учителей в их собственной игре»¹⁶.

Усвоение чужеземного опыта определялось, прежде всего, политическими целями, и этот процесс шел под контролем правящей элиты. В конечном итоге принималось то, что отвечало потребностям общества в данное время и корреспондировало с японской традицией. Отчасти заимствования играли роль стимуляторов внутреннего развития.

Прагматизм японцев давал им большие возможности воспринимать все нововведения, которые они считали нужными, старательно обходя возможные катаклизмы и не поступаясь традиционными ценностями. Это – одна из причин, почему Япония сумела успешно ответить на вызов Запада, в отличие, скажем, от Китая. На восприятие модернизации и в том и другом случае огромное влияние оказали социопсихологиче-

¹⁶ Мараини Ф. Образы и традиции. М., 1980, с. 158.

ские факторы, в частности отношение китайцев и японцев к остальному миру: первые не смогли расстаться с идеей Срединной империи и допустить наличие ценностей, отличных от их собственных, и необходимость чему-нибудь учиться у других народов. Вторые же, не теряя своей уникальности, сумели воспринять западные ценности.

Решение проблем (противоречий) путем компромиссов – явление характерное для Японии, где, как правило, выбирают золотую середину между разрушением и созиданием. Такой подход базируется на одном из основополагающих принципов японского мировосприятия – *ва* (гармонии). Как пишет Т. Григорьева, «Гармония (*ва*) означает правильное отношение – поддерживать нечто в состоянии подвижного равновесия, уравнивать одно другим, что позволяет целому не распадаться... в истории – это способность уравнивать, снимать конфликты, примирять враждующие стороны внутри и вовне...»¹⁷. (Безусловно, принцип «*ва*» нельзя принимать за абсолют во всех проявлениях жизни).

Тем не менее, сами реформы на поворотных этапах исторического развития Японии имели поистине революционный характер. Это было свойственно реформам Тайка (VII в.), которые ознаменовали переход от первобытно-общинного строя к феодальной формации, реформам периода Мэйдзи, открывшим путь капиталистического развития и ускоренной модернизации страны, и послевоенным преобразованиям, которые послужили фундаментом «японского чуда».

Процесс модернизации Японии – не прямолинейное поступательное движение, оно имеет циклический характер. В нем наблюдаются свои приливы и отливы: от полного отторжения всего западного, до практически полного его принятия. Подобное отношение ко всему иноземному было свойственно японскому обществу в течение всей его истории.

При анализе мэйдзийских и послевоенных преобразований, которые осуществлялись в условиях догоняющего развития, при всем их различии можно увидеть определенную типологию. В частности, в обоих случаях элиты выбирали одинаковую стратегию – встать вровень с развитыми странами Запада – и осуществляли ее при мобилизации всех сил и ресурсов, включая человеческий ресурс; в модернизации важную роль играло государство, проводившее кардинальные системные реформы, для реализации которых имелись хозяйственные и духовные предпосылки.

Условия же осуществления модернизационного проекта были различны. В первом случае Япония была формально независимой страной, но вступила в международные хозяйственные связи опутанная неравноправными договорами. Во втором случае страна жила в условиях оккупации войсками победивших союзников, но фактически вооружен-

¹⁷ Человек и мир в японской культуре. М., 1985. с. 142.

ными силами США. В этот период вся жизнь в стране осуществлялась в соответствии с директивами Штаба оккупационных войск, который обеспечивал политическую и социальную стабильность. Но все мероприятия проводились японскими властями, что обеспечивало определенное доверие к ним народа и исключало серьезные эксцессы. Именно эти условия во многом сыграли позитивную роль в подготовке и проведении поистине революционных для Японии преобразований.

Отдавая должное политике оккупационных властей, американский японовед Э. Рейшауэр справедливо заметил: «Трансформацию послевоенной Японии нельзя рассматривать по преимуществу как результат внешнего воздействия. Опыт войны – провал имперских претензий и национальный крах, к которому привели эти амбиции – в любом случае заставил бы Японию двигаться в направлении, по которому она пошла в условиях оккупации. Она не смогла бы выжить экономически иначе, как на основе мирной внешней торговли. Парламентская демократия со всеми ее ошибками представляется единственной альтернативой несчастьям, которые принесло с собой авторитарное правление... Реформы оккупационных властей прошли успешно в значительной мере благодаря тому, что отвечали направлению, которым шла сама Япония»¹⁸.

Поражение в войне и оккупация прервали прежний путь модернизации страны, продолжавшийся около семидесяти лет в условиях авторитарного правления и дали мощный толчок к ее ускоренному развитию в условиях демократии, что вывело Японию в ряды развитых стран практически за два десятилетия.

Различными были и порядок выбора параметров модернизации. В мэйдзийский период сначала был реализован план экономического развития, а затем были проведены политические реформы. В послевоенный период экономические и политические реформы осуществлялись комплексно и одновременно.

Послемэйдзийская модернизация

В середине XIX в. Япония искала пути выхода из структурного кризиса и сохранения независимости при столкновении со странами Запада. Японцы фактически сами «открыли» свою страну для того, чтобы догнать Запад. По мнению политолога И. Миядзаки, с «открытием» страны «появляется потребность больше черпать знаний и материальных предметов из подходящих источников. Поэтому импульс открытия невозможно остановить»¹⁹.

¹⁸ Reishauer E. O. The Japanese. Tokyo, 1977, с. 109.

¹⁹ Кайкокукуки то ситэ-но гэндай (современность как период открытия страны). Ронсо. Токио, 1999, спец. новогодний номер, с. 21.

Для *Мэйдзи исин* был свойственен компромисс между консервативными силами и сторонниками обновления. Следует отметить, что именно первые проявили склонность к изменению положения в обществе, а вторые были готовы к сохранению и поддержанию традиции. Значительная часть представителей торгово-промышленного капитала, в прошлом выходцев из юго-западных феодальных кланов, которые практически не прерывали связей с внешним миром, оказалась вполне готовой адаптироваться к требованиям новой эпохи. Движущей силой развития страны стала абсолютно новая правящая элита, которая сформулировала национальную стратегию и определила тактику реализации необходимых преобразований, стала активным их исполнителем.

Страна осознанно пошла по пути модернизации, поскольку для этого были предпосылки в экономической и духовной сферах. Социолог Наканэ Тиэ замечает, что «колеса к повозке были сделаны задолго до модернизации, требовалось только сменить тип седока и направление движения»²⁰. Но при этом быстрое осуществление преобразований диктовалось создавшимися внешними условиями, в которых следовало действовать безотлагательно.

Особое значение для выбора пути модернизации сыграло наличие серьезного духовного потенциала в японском обществе, где были свои школы интеллектуалов, которые представляли разные точки зрения. В частности, последователи одной из них (Мито) предложили лозунг «изгнание варваров» (*«дзёи»*) и развили его затем в доктрину. Это понятие можно рассматривать как идеологическую доктрину и как практическую стратегию. В широком смысле в понятии *«дзёи»* вкладывалось предохранение и избавление от влияния чужих культур²¹. Появление лозунга «изгнание варваров» философ Маруяма Масао оценивает как проявление начальной стадии национализма. По его мнению, вообще японский национализм возник в ответ на давление со стороны стран Запада²².

Представители Школы национальных наук (*Кокугакуха*) связывали переживаемые в тот период японским обществом трудности, с усилением китайской культуры и требовали возрождения национальных ценностей, восстановления подлинной императорской власти, признания роли национальной религии синто, уникальности отечественной культуры и нации вообще.

Неслучайно в это же время формулируется доктрина «японский дух – западная техника» (*«вакон-ёсай»*). *Вакон* олицетворял собой традиционную культуру, *ёсай* – универсальную европейскую цивилизацию.

²⁰ Nakane Chie. Japanese Society. Tokyo, 1987, p. 119.

²¹ Подробнее см. Карелова Л. Б., Чугров С. В. // Япония. Ежегодник М., с. 135–136.

²² Maruyama Masao. Studies in Intellectual History of Tokugawa Japan (пер. с японского). Tokyo, 1974, p. 31.

Одна часть интеллектуалов признавала необходимым перенимать только военно-технические аспекты западной цивилизации. Другая – активные сторонники политики меркантилизма и государственного протекционизма – говорили о возможности более широких контактов с Западом в сфере торговли и преобразованиях в социально-экономической и политической жизни Японии.

Правящая элита нуждалась в формулировании собственной идеологии, и она была создана на основе национальной религии и традиции. При этом возрождение синто, многие годы пребывавшего как бы на «заднем плане» ввиду того, что буддизм долгие столетия служил опорой централизованного государства, преследовало не только собственные религиозные цели. Оно подчинялось задаче сплочения нации и укрепления государственности на основе религиозного сознания.

В этой идеологии преобладал религиозный аспект, выразившийся в утверждении государственного синто, ставшего духовным орудием возрождения власти императора. Государственный синто был постулирован на основе изыятия из национальной религии культа поклонения предкам и сведения его к поклонению лишь божественным предкам императора, что способствовало подъему национализма. Таким образом, после *Мэйдзи исин* правительство использовало религию в политических целях, превратив ее в инструмент государственной власти.

Государственная поддержка синто отчасти была мерой отстаивания национальных идеологических форм в период начальной вестернизации Японии. Достижения западной цивилизации, которую формировало христианское мировоззрение, усваивались практически без принятия самого христианства. Оно было не нужно модернизирувавшемуся японскому обществу, которое имело свою духовную опору – государственный синто.

Процесс модернизации шел при непосредственном участии в нем государства, и мэйдзийское правительство действовало очень активно. Государство построило крупные промышленные предприятия, которые в большинстве своем затем отдало на откуп частному капиталу, а само сосредоточилось на военном производстве. Важной особенностью модернизации в стране было то, что носители новых экономических отношений были в значительной степени выпестованы протекционистской политикой государства. Кроме того, поскольку буржуазия была еще очень слаба, ведущую роль в осуществлении модернизации сыграла высококвалифицированная бюрократия.

Таким образом, в этот период главным устремлением элиты было всемерное развитие экономики, а политические преобразования, реформирование институтов страны по западному образцу осуществлялось по мере необходимости соответствовать развитым на то время

странам. Это касалось политической, государственной, судебной системы, зачастую использовалась лишь форма, которая наполнялась необходимым для элиты в каждый данный момент содержанием. Главным звеном в политической системе был признан император, а не институты парламентской демократии по западному образцу при формальном их заимствовании.

Основной закон страны был принят только в 1889 г., а первые парламентские выборы состоялись на следующий год. Конституция была наименее демократической из всех существовавших в то время в мире. По удачному выражению социолога Дж. Фалчера, она была принята для придания Японии респектабельности в глазах Запада. Можно сказать, что Япония рождала миф о себе, внушая миру иллюзию, будто она становится похожей на передовые демократические страны. При этом Конституция практически не затрагивала повседневную жизнь народа. Политической элите с ее устремлением к милитаризации и внешнеполитической экспансии даже просто демократические атрибуты были вовсе не слишком нужны. Но это было одним из условий западных стран для отмены неравноправных договоров.

Важнейшим компонентом модернизационного процесса было признание образования. Создание общегосударственной системы национального образования потребовало поистине революционной реформы, которая осуществлялась свойственным для Японии путем компромиссов. Ставшее важным фактором объединения страны, оно реорганизовывалось по западному образцу. Западная система поддерживалась государством как необходимый фактор проведения модернизации и индустриализации. Школьные программы имели откровенно прозападный характер, поскольку в них были потеснены традиционные ценности за счет принятия западных. Преподавание важнейшего, традиционного предмета – морали – отошло на задний план.

Однако правящей элите, прежде всего, требовалось воспитание молодого поколения в духе преданности верховной власти и национальным интересам. Поэтому вскоре на первый план вновь выходит преподавание морали, образование приобретает четко выраженный национально ориентированный характер.

Общим устремлением в японском обществе в то время было создание сильного независимого государства, способного не только противостоять европейским странам, но и достигнуть их уровня. Более того, была создана своя собственная идеологическая база, и события в стране развивались отнюдь не по западному сценарию. Был использован весь накопленный в обществе материальный и духовный потенциал. Вполне справедливо писал о Японии Рабиндранат Тагор: «Я, по крайней мере, не могу поверить, что Япония стала тем, чем она есть, путем подража-

ния Западу...Япония заимствовала для себя у Запада пищу, но не свою природу...Мы перейдем у Запада его машины, но не сердцем, а умом. Мы их испытаем и выстроим для них сараи, но не пустим их в наши дома и храмы»²³.

Вступление Японии на путь ускоренной модернизации, как уже отмечалось, обуславливалось объективной экономической необходимостью. Это не было лишь, по выражению историка Иэнага Сабуро, «политическим капризом» правительства²⁴. Также закономерным было осуществление этой модернизации по пути наращивания военного потенциала, что детерминировалось политикой экспансии, которая отвечала интересам военных кругов и крупного капитала. Более того, военные успехи страны довольно основательно подпитывали ее экономическую модернизацию. В то время любая мощная в военном отношении держава неизбежно вовлекалась в «империалистические авантюры». Другими словами, действовала железная логика выживания. Развитие Японии по вышеописанной модели в сочетании с многочисленными внешнеполитическими и внешнеэкономическими факторами, не зависевшими от нее напрямую, привело к сокрушительному поражению во Второй мировой войне.

Модернизация в послевоенной Японии

В послевоенный период в условиях оккупации, краха прежней идеологической конструкции и ее замены на законодательно укорененную демократию смены элит в Японии не произошло. У власти осталась довоенная консервативная элита, и только незначительный слой высшей бюрократии подвергся «чистке». В принципе был сохранен старый государственный аппарат во главе с императором, несколько перестроенный и обновленный. В результате все послевоенные демократические преобразования проводились прежними бюрократами, так называемого второго ряда. С полным правом можно сказать, что в послевоенные годы бюрократия не только выжила, но и эффективно руководила нацией, четко определяя во взаимодействии с политиками национальные приоритеты. Старому бюрократическому аппарату было поручено проведение в жизнь директив о преобразовании страны.

Послевоенную модернизацию можно назвать американизацией, поскольку даже Основной закон страны был написан американскими юристами на английском языке и переведен на японский. Однако он был составлен с учетом национальной специфики, поэтому до настоящего времени действует без единой поправки. Конституция 1947 г. стала юридической базой для модернизации. Особенностью Основного закона

было сохранение преемственности государственности, поскольку император признавался «символом государства и единства народа». Преследовался авторитаризм и были введены в действие все демократические институты.

Несмотря на заявку на демократию «де-юре» в Конституции 1889 г., «де-факто», она была привнесена силовыми методами после поражения во Второй мировой войне. В стране усилиями всех заинтересованных сторон была создана система представительной демократии. В то же время хотя японская демократия имеет все юридические основания и институты, необходимые для ее нормального функционирования (демократическое законодательство, парламент, политические партии, организации трудящихся и пр.), нельзя не заметить ее исторического своеобразия. Япония, как и другие азиатские страны, заимствовала западные политические структуры, но их содержание под влиянием конкретной политической практики претерпело весьма серьезные изменения, можно сказать, что произошла их ориентализация.

Комплексность проведенных преобразований во многом предопределила успешное развитие модернизации страны. Перемены происходили одновременно и в экономике, и в политике, и в социальной сфере. В результате проведенных реформ модернизация приняла новое направление, сближившее Японию со странами Запада. Развитие экономики в этот период превратило Японию из страны среднего уровня развития в высокоиндустриальную, одну из крупнейших среди промышленно развитых государств.

Не менее феноменальным было и политическое развитие. Главные достижения демократии, связанные в Европе с социал-демократической моделью развития, в Японии явились результатом важнейших реформ. Происходила быстрая замена старых социально-экономических и политических структур новыми, демократическими. На таком фоне, как бы вступая в противоречие с объективным ходом развития, в стране сложилась политическая система абсолютно не похожая на действующую в Европе или в США. В первое послевоенное десятилетие, казалось, должны были появиться реальные условия для создания двухпартийной политической системы классического европейского образца: попеременная смена у власти консервативной и социал-демократической партий. Однако практически сразу же у власти оказались консерваторы, которые в 1955 г. объединились в Либерально-демократическую партию (ЛДП), которая бессменно удерживала ее до начала 1990-х годов. Преодолев формальную потерю власти в 1993 г. (фактически она осталась в руках тех же консерваторов, недавно покинувших ряды ЛДП), партия вновь овладела ею спустя одиннадцать месяцев. Но это не было возвратом к прежнему положению вещей. Теперь, не располагая

²³ Тагор Р. Национализм. 1922, с. 42–43, 51, 62.

²⁴ Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1980, с. 190.

устойчивым большинством в палате представителей парламента, ЛДП была вынуждена действовать с оглядкой на многочисленную, но разнородную и разобленную оппозицию. Завидная на протяжении десятилетий стабильность власти ЛДП была нарушена событиями 2009 г., когда впервые власть в стране перешла к оппозиционной Демократической партии Японии (ДПЯ).

Одновременность процессов социально-экономического и политического развития представляется оптимальным вариантом. Правда, в Японии на первых порах эта синхронность обеспечивалась американской администрацией. Впоследствии демократическая парадигма соблюдалась японской элитой неукоснительно, но с учетом специфики общества. В частности, возможность мобилизации нации в известной мере обеспечивалась традиционным мировоззрением японцев, т. е. теми чертами, которые свойственны народам конфуцианского ареала – тяга к организованности, дисциплинированность, привычка подчиняться вышестоящим, беспрекословно принимать действия государственной власти.

Именно традиция способствовала успешному развитию страны по догоняющей модели на «японских условиях». В процессе модернизации сохранялись уникальные черты японской цивилизации, многие из которых использовались как конкурентное преимущество (например, в организации производства, в трудовых отношениях). Именно поэтому Япония, став современным государством, одним из лидеров наиболее развитых стран мира, по многим параметрам значительно отличается от Запада. Это касается уровня демократии, специфики организации экономики, особенности трудовых отношений, социокультурной сферы.

В политической системе наблюдается некоторое превалирование исполнительной власти над законодательной. Существует практика принятия решений в парламентских и партийных кабинетах путем кулуарных переговоров, согласований, увязок и утрясок мнений различных групп для достижения консенсуса, отмечается недостаточное внимание к правам человека в западной трактовке этого понятия, длительное функционирование системы доминантной партии, тесное сотрудничество между политиками, бюрократами бизнесом и т. п.

Еще больше отличий можно отметить в функционировании японской экономики, как на макро- так и на микроуровне. Особые отношения для поставщиков и сбытчиков в этой системе подчас затмевали такие важнейшие факторы, как эффективность, цена и прибыль. Значительно отличается японская модель менеджмента и на внутрифирменном уровне, где существует достаточно высокий уровень социального партнерства. Семейные связи, традиционные в условиях семей *изэ*, стали основой для патриархальных отношений на японских предприятиях, что долгое время помогало сохранять сравнительно благоприятный со-

циальный климат в компаниях и, безусловно, благоприятно отражалось на производстве.

До начала 1990-х годов Япония демонстрировала удивительные адаптационные возможности своей экономики, которые позволяли ей находить выходы, из, казалось бы, неразрешимых ситуаций. В целом структура народного хозяйства Японии сблизились со структурой экономики западных стран. С этого времени в модернизации начинают преобладать эндогенные факторы развития. Страна уже не догоняла Запад, а во многих сферах даже шла впереди него. Период развития по догоняющей модели подходил к концу.

Вышерассмотренная система эффективно действовала в период высоких и средних темпов экономического роста, когда Япония развивалась как раз по модели догоняющей модернизации. В то время были уже готовые схемы развития других промышленно развитых стран, имелись в наличии продвинутое технологии, когда можно было заимствовать доказавшие свою эффективность экономические институты. Все это осуществлялось при непосредственном участии государства в социально-экономическом процессе.

Однако то, что в свое время было двигателем ускоренного развития, стало теперь, в условиях зрелой экономики и интернационализации всей хозяйственной жизни, тормозом. Другими словами, особенности хозяйственного уклада и некоторые параметры японского народного хозяйства постепенно переставали соответствовать новым условиям открытой экономики. Именно в этом и заключаются основные причины создавшегося сложного положения в экономике в 90-е годы XX в. и в начале XXI в.

Японии потребовалась структурная перестройка системы, которая в свое время создала эффективную промышленную базу, в такую, которая бы могла поддерживать зрелую и динамичную экономику. Патерналистская система с регулирующей ролью государства, создавшая индустриальную базу страны, не подходит для динамичной предпринимательской культуры высоких технологий. Япония больше не может опираться только на промышленное производство для поддержания своей мощи, ибо ее азиатские соседи предлагают аналогичную продукцию по более низким ценам.

Япония планирует создать в XXI в. «общество, основанное на знаниях», провести реструктуризацию корпораций (при помощи дерегулирования и расширения конкуренции с иностранными партнерами) и активно вводить промышленные инновации. Другими словами, коренным образом меняется экономическая система, которая характеризовалась «безразличием» к прибыли на вложенный капитал и находила выход из

сложных ситуаций затратным путем. Страна медленно, но верно переходит от государственного контроля к свободному рынку.

В стране началось коренное реформирование практически всех сфер жизнедеятельности общества в условиях сокращения рождаемости и старения населения. В новых социально-экономических условиях намечаются контуры новой модели развития. Меняются параметры функционирования экономики, сокращаются масштабы государственного регулирования, вносятся изменения в административную сферу и политическую систему, проводится новая реформа образования, предусматривается воспитание творческой личности.

Теперь как высокоразвитая страна Япония должна предложить миру лучшую модель развития. Для этого необходимо задействовать все не востребованные ранее, находящиеся в латентном состоянии силы. Нужна новая социально-экономическая концепция, поскольку ни японская патерналистская система при руководящей роли государства, ни безусловное заимствование американской разновидности капитализма, уже не соответствуют динамичной предпринимательской культуре в условиях бурного развития высоких технологий. При этом, как всегда, Япония даже в условиях глобализации сохраняет свое право на «суверенное» решение вопроса о том, что из опыта Запада подходит для нее.

Нынешние реформы в большей степени детерминированы внутренними потребностями экономики. Другими словами, рубежи поиска путей развития лежат внутри страны, и необходимость этого признает все японское общество. Пока Япония успешно функционирует на мировых рынках, побуждение реформ должно было вызреть в недрах ее экономики. Однако их проведение лимитируется тем, угрожают они или нет стабильности общества.

В целом Япония уже по всем параметрам практически не отличается от других развитых стран. Она делает упор на развитие высоких технологий, увеличение масштабов рыночных отношений, создание оптимальных для новых социально-экономических условий политических структур.

В стране вот уже более двух лет у власти находится Демократическая партия Японии (ДПЯ), которая 30 августа 2009 г. одержала беспрецедентную в истории страны победу на выборах в палату представителей парламента. Демократы совершили головокружительный рывок, фактически поменявшись местами в национальной политике с Либерально-демократической партией. Действительно, результаты выборов были ошеломляющими. Во-первых, оппозиционная партия впервые пришла к власти, получив большинство мандатов в ключевой нижней палате. Во-вторых, вообще впервые такое число мест принадлежит одной пар-

тии. В-третьих, поражение ЛДП, сохранившей чуть более трети прежних мандатов, стало ее настоящим разгромом.

Результаты избирательной кампании 2009 г. показали действенность электоральной системы 1994 г., согласно которой выборы проводятся по одномандатным округам и партийным спискам. Одной из важнейших задач введения этой системы было перенесение центра тяжести политической борьбы с личностей кандидатов на партии, поднятие их значимости и привлечение внимания избирателей к их программам. Реформа помогла создать действенную оппозицию, лишившую ЛДП многолетней монополии на власть. Результаты последних выборов в палату представителей впервые в послевоенный период сделали реальной возможность передачи власти.

Аналитики заговорили о кризисе политической системы Японии в целом и о необходимости перемен. О том, что серьезные перемены уже произошли, свидетельствует, прежде всего, масштаб победы демократов и поражения их главных противников. Нынешнее положение ЛДП можно расценивать как кульминацию глубоких сдвигов в политической жизни, которые готовились не одно десятилетие. В данный момент «избиратели пошли» за ДПЯ. Масштабная победа партии отражала надежды населения на реальные изменения в политике, вызванные их недовольством существующим положением. Думается, точнее говорить о развитии процесса создания двухпартийной системы в стране, путь к которой начался довольно давно и стал главной целью Демократической партии с момента ее создания. Однако противостояние либерал-демократов и демократов не имеет столь принципиального значения, как пытаются представить их лидеры, периодически обменивающиеся резкими заявлениями. Коротко говоря, их объединяет гораздо больше, чем разъединяет.

С появлением японской модели догоняющей модернизации, которая не представляет собой точное копирование или имитацию западной модели, можно говорить о том, что последняя уже не является единственным путем для всего не западного мира. Япония, самая развитая страна Тихоокеанского региона, успешно конкурирует в экономической и технологической сферах с Западом и является во многом образцом модернизации для других азиатских стран. Точнее сказать, она показывает направление пути. В настоящее время в регионе выделяют четыре «эшелона развития», или четыре волны развития, которые образно называют «строй летящих гусей». Возглавила его Япония с ее успешной модернизацией. Затем последовал стремительный взлет новых индустриальных стран (Гонконг, Сингапур, Республика Корея и Тайвань) на базе эффективной индустриальной стратегии, а именно создание экс-

портно-ориентированной модели экономического развития с помощью иностранных капиталов и технологий. Далее в процесс развития включилась группа стран ЮВА (Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины). Китай, а также страны Индокитая, рассматриваются как четвертая волна, которая уже аккумулирует капиталовложения из всех вышеназванных стран. При этом развитие всех этих азиатских стран не ставит целью радикальную смену социокультурных основ, как это не сделала в свое время Япония. Опыт ЮВА позволил социологу П.Бергеру заявить, что этот регион «второй случай капиталистической современности» после Запада, который открывает новый путь развития, опирающийся уже не на индивидуализм, а на коллективизм. По его словам, стабильность семейной жизни оказалась соизмерима с трудовой этикой Запада. Другими словами, азиатская модель развития опирается на «человеческий капитал»²⁵.

Таким образом, в настоящее время модернизация претерпевает разительные метаморфозы. Охватив всю планету, она привела в движение социальные механизмы, которые побудили ряд культур и сообществ мировой периферии выйти из состояния летаргии. Они в свою очередь породили ответную волну вестернизации – ориентализацию, которой присущи рационализм и практичность нетрадиционного общества.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Мэйдзи исин и модернизация Японии

Ни одно исследование более чем столетнего процесса модернизации Японии не обходится без упоминаний о «наследии Мэйдзи» или «мэйдзийской модели развития» как основе данного процесса. Речь идет не только о богатом событиями 45-летнем периоде правления императора Мэйдзи (1867–1912 гг.), но прежде всего о поворотном пункте новой истории Японии – *Мэйдзи исин* (1868 г.), что в отечественной историографии принято переводить как «реставрация Мэйдзи». Изучение ее причин, сущности и характера дает нам ключ к ответу на большинство спорных вопросов, относящихся к позднему периоду японской истории, порой вплоть до наших дней. Однако в данном случае мы сталкиваемся с явлением, к которому неприменимы расхожие определения и подходы.

Проблемы с интерпретацией *Мэйдзи исин* начинаются с переводом самого термина *исин*. Необходимость более-менее однозначного толкования этого понятия очевидна и для японцев, которые вряд ли могут ограничиться отговоркой, что *исин* – есть *исин*, как будто значение этого слова самоочевидно. Если следовать значению иероглифов, составляющих слово *исин*, то *и* – «связывать» (в сочетаниях), как определяет его лучший отечественный иероглифический словарь Н. И. Фельдман-Конрад; иероглиф *син* (*атарасий*) имеет значение «новый» и трудностей в переводе и трактовке не вызывает. Тот же словарь переводит *исин* как «обновление» (!) с пометой «исторический термин» в словосочетаниях к иероглифу *и*¹. Так что расхожий перевод слова *исин* как «реставрация» в данном случае принадлежит историкам, а не филологам и лишь отражает взгляды конкретных интерпретаторов событий. Примечательно, что в японско-русском словаре, рассчитанном на массового читателя и выдержавшем много изданий, в качестве перевода слова *исин* уравниваются без каких-либо оговорок и пояснительных помет

²⁵ In Search of an East Asian Development Model / Ed. By P.L.Berger and H.- N.M. Hsiao. New Brunswick, 1988, p. 4.

¹ Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1977, с. 466.

значения «реставрация» и «обновление», которые в русском языке едва ли возможно признать синонимами².

Понятие «обновление» как устойчивый перевод слова *исин* в российской историографии не прижилось. Парадоксальным образом *исин* переводится как «реставрация» и одновременно трактуется как «революция», что с точки зрения здравого смысла звучит странно. Наибольшие возражения применительно к *Мэйдзи исин* вызывает историографический термин «реставрация», поскольку он традиционно и вполне корректно применяется к событиям принципиально иного характера, скорее ассоциирующимся с понятием «реакция». Классический пример – реставрация власти династии Бурбонов во Франции в 1814 г., когда на смену динамичной, экспансионистской, в некоторых отношениях революционной, хотя и недолговечной наполеоновской империи пришел практически в неизменном виде прежний «ancien régime», без особого труда сокрушенный революцией 1789 г. Искусственно «реставрированный» при военно-политической поддержке извне, новый режим Бурбонов оказался недолговечным, причем жизнеспособности ему не смог придать даже «режим наибольшего благоприятствования» со стороны держав Священного Союза. Проводя четкую границу между «реакционером» и «консерватором», ведущий идеолог германской консервативной революции, философ и публицист А. Мёллер ван ден Брук удачно охарактеризовал «реакцию» в программной книге «Третья Империя» (1922): «Реакционер воображает, что единственное, в чем мы нуждаемся, – это вернуться к старому, сделать все в точности «как это было раньше». У него нет ни малейшего желания примириться с новым. Он верит, что, если только получит в свои руки политическую власть, то без труда переустроит мир в соответствии со старыми добрыми схемами»³. Нетрудно заметить, что сходства с *Мэйдзи исин*, творцы которой как раз «примирились с новым», здесь нет.

Значит «революция»? Проанализировав способы и темпы мэйдзийских преобразований, мы можем с уверенностью заключить: да, революция – в противоположность «эволюции» как процессу постепенных перемен, не сопряженному с радикальным насильственным изменением status quo. Но какая революция? Полагаю, именно здесь содержится наиболее важный момент, центр тяжести рассматриваемой проблемы.

Долгое время практически все исследователи *Мэйдзи исин* уделяли главное внимание ее социальным, политическим, экономическим, реже идеологическим и общекультурным аспектам, а духовная, метафизическая, сакральная сторона вопроса или молчаливо игнорировалась, или

² Лаврентьев Б. П. Карманный японско-русский словарь. М., 1989, с. 37.

³ Moeller van den Bruck. Germany's Third Empire. London. 1933, p. 179.

рассматривалась с сугубо материалистической точки зрения – как безусловно менее важная, если не вторичная, производная от «материальной». Подобная односторонность чревата серьезными ошибками даже применительно к индустриальным странам, не говоря уже о традиционных обществах (каковым можно признать Японию к моменту *Мэйдзи исин*), где сакральные ценности имеют первостепенное, определяющее значение как для элиты, так и для всего общества в целом, т. е. и для лидеров, и для рядовых участников событий.

Поэтому совершенно неверной представляется наиболее распространенная до недавнего времени в отечественной (и частично в зарубежной) историографии трактовка *Мэйдзи исин* как «незавершенной буржуазной революции». Ее авторы некритически приложили к Японии «стандартную» европейскую модель буржуазной революции (вроде Великой Французской революции или революций 1848 г.) и увидели, что, при кажущемся сходстве, *Мэйдзи исин* не сделала многого из того, что ей «положено» было сделать по схеме, и в то же время совершила немало «реакционного», например, провозгласив возвращение полноты власти императору и опору на традиционную религию синто. Однако трудно представить себе более несхожие по своей духовной сути процессы, чем традиционалистская *Мэйдзи исин* и подчеркнута антитрадиционалистская, атеистическая и профанная Великая Французская революция (то же относится к петровским преобразованиям в России, с которыми нередко сравнивали *Мэйдзи исин*), пусть даже между ними найдется формальное сходство, в том числе применительно к последующей модернизации. Однако главное в том, что революции никогда и нигде не происходят по схемам.

«Всякой революции с необходимостью предшествует период социального разложения, деградации, политической стагнации. Революция совершается только в «дряхлом» обществе, закосневшем и потерявшем свою политическую и социальную энергию, свою жизнь. Революция в этимологическом смысле означает «воз-вращение», «об-ращение»... Революция – это то, что следует за вырождением общества, за периодом социальной смерти, как новая жизнь, как новая энергия, как новое начало... Энергия революции – это всегда энергия жизни, направленная против смерти, энергия свежести против затхлости, движения против паралича... Революция не может возникнуть в здоровом и полноценном обществе – там она просто не будет иметь никакого смысла»⁴. Возможно, сказанное относится не ко всем революциям в мировой истории, потому что лишь малая их часть сопровождалась глобальными духовными сдвигами, но к *Мэйдзи исин* эта характеристика применима полностью. Здесь как раз присутствует сочетание «связи» и «новизны», на которое указывают значения иероглифов, составляющих слово *исин*. Этимологи-

⁴ Дугин А. Консервативная революция. М. 1993 с. 337–338.

ческая трактовка «революции» как «воз-вращения» отсылает, конечно, и к вербализованному Ф. Ницше и детально проанализированному М. Элиаде «мифу о вечном возвращении», который играет значительную роль в философии и мифологии традиционалистов.

В японском языке существует еще и слово *какумэй*, появившееся именно для передачи европейского понятия «revolution», т. е. для описания тех антитрадиционалистских буржуазных революций, о которых говорилось выше. Оно было заимствовано из Китая, где, в конфуцианской традиции, обозначало насильственный переход «Мандата Неба» от одного императора к другому, что отвергалось японской традицией, основанной на «непрерывности в веках» (*бансэй иккэй*) единой императорской династии. Таким образом, к «воз-вращению» или «обновлению», тем более «обновлению через возвращение» («революция» — *исин*) понятие *какумэй* отношения не имеет. Более того, в массовом сознании японцев последних десятилетий оно обычно ассоциируется с идеологией и практикой леваков-экстремистов, поэтому возникает тенденция замены этого «жесткого» термина более нейтральным и «космополитическим» словом *риборюсён*, которое, как и все заимствованные иностранные слова, записывается слоговой азбукой *катакана*.

В японской историографии термин *какумэй* крайне редко применялся к событиям *Мэйдзи исин* и «прав гражданства» в этом качестве не получил. Точно так же термин *исин* не использовался для характеристики революций или иных событий, происходивших за пределами Японии. Характеризуя в 1933 г. разницу между этими понятиями, философ Фудзисава Тикао указывал на «строгое разграничение между внешней революцией (*какумэй*) и внутренним обновлением (*исин*)». Первая сводится к «радикальному изменению существующего политического режима и экономической структуры, практически не затрагивая материалистическую ментальность современного человека», а вторая «духовно ведет нас к древнему моральному идеалу». «Восстановление императорского правления на заре эры Мэйдзи было не столько политической революцией, как полагали многие на Западе, но сугубо духовным обновлением (выделено мной — В. М.); на первое место было поставлено возвращение к самому началу нашей империи, созданной первым императором Дзимму»⁵. Мёллер ван ден Брук тоже выделял духовный, традиционалистский аспект в отношении к революции консерватора — в противоположность сугубо политической, материалистической позиции как реакционера, стремящегося механически «подморозить» существующую систему, так и революционера, ориентированного на ее разрушение «до основания»⁶.

⁵ Some Fundamental Traits of Japanese Culture (1933) // Fujisawa C. The Essentials of the Japanese and Oriental Political Philosophy. Tokyo. <1934>, p. 301–302.

⁶ Moeller van den Bruck. Op. cit., p. 180.

Далекий от какого бы то ни было радикализма и бывший скорее реакционером, нежели консерватором, Фудзисава сознательно преуменьшал революционный характер *Мэйдзи исин*, чтобы противопоставить ее иностранным революциям, как буржуазным, так и коммунистическим. Следует также помнить, что он обращался к англоязычному, иностранному читателю, стремясь, с одной стороны, дать событиям «аутентичную» оценку в качестве авторитетного японского мыслителя, а с другой — перевести и интерпретировать понятия *исин* и *какумэй* в терминах, доступных не-японцам. В этом Фудзисава следовал ведущим интерпретаторам модернизированной Японии для «цивилизованного мира» Окакура Тэнсин («Пробуждение Японии», «Идеалы Востока») и Нитобэ Инадзо («Бусидо», «Япония и ее народ») ⁷. Однако было бы несправедливо объяснять трактовку Фудзисава исключительно соображениями пропаганды. В ней есть несомненное рациональное зерно, потому что для японцев понятие *какумэй* подчеркивает не только сугубо материальную, политическую сторону происходящих перемен, но и их изначально насильственный и даже не вполне естественный характер, в то время как понятие *исин* должно обозначать логичный и естественный результат хода истории, хотя определяемые им перемены имеют радикальный характер и по необходимости сопряжены с насилием.

Трактовка *Мэйдзи исин* как революции — в противоположность «реставрации» или «эволюции» — нуждается в уточнениях, потому что тоже может привести к заблуждениям и ошибкам. Революционный и модернизаторский характер имели преобразования и стоявшие за ними идеи Петра Первого («Великий Петр был первый большевик», — парадоксально, но прозорливо заметил М. Волошин) и Робеспьера, Маркса и Ленина. Однако все эти деятели исходили не только из разрушения прежнего порядка «до основания», но — за исключением Петра, склонного к некритическому копированию существовавших европейских образцов, — и из идеи создания нового, доселе небывалого порядка (общества, государственного строя и т. д.), не имевшего аналогов в истории человечества. В противоположность им *Мэйдзи исин* не просто разрушила находившийся в системном кризисе токугавский «ancien régime», но заменила его жизнеспособной «мэйдзийской моделью развития»⁸, основанной на органическом сочетании национальных традиционных духовных основ с новейшими иностранными методами и технологиями. Поэтому автор настоящей работы еще в 1993 г. предложил и обосновал

⁷ Подробнее: Молодяков В. Э. Между Японией и миром: «буферы» и «информаторы» // Япония открытая миру. М., 2007; глава однанадцатая настоящей книги (А. Е. Куланов).

⁸ Подробнее: Молодякова Э. В. Мэйдзийская модель развития // Размышления о японской истории. М. 1996, Маркарян С. Б., Молодякова Э. В. Японское общество: книга перемен. М. 1996, гл. 1 и 2; глава 1 настоящей книги Э. В. Молодякова; С. Б. Маркарян.

трактовку *Мэйдзи исин* как консервативной революции⁹. Следует добавить, что Окава Сюмэй, ведущий представитель японской консервативно-революционной мысли XX в., считавший главной задачей своих единомышленников «построение революционной Японии», в 1919 г. еще употреблял в этом значении слово *какумэй*, а в 1925 г. и позднее – исключительно *исин*¹⁰.

Сущность консервативной революции заключается в разрушении имеющегося деградировавшего порядка вещей революционным путем и в создании нового с опорой на Традицию, понимаемую как духовная и историческая константа, но существующую в разнообразных конкретно-исторических и национальных формах¹¹. В той или иной степени все теоретики консервативной революции исходят из представлений о деградации человеческого общества и цивилизации от гармоничного сакрального «золотого века» прошлого к дисгармоничному, профанному «железному веку» современности. Возвращение к «золотому веку» они считают не только возможным, но необходимым, хотя он вернется в новом внешнем обличье, с учетом всех произошедших перемен. Поэтому консервативная революция не только не противоположна модернизации, но предполагает ее в материальной сфере – от промышленности и хозяйства до политических институтов.

В первой половине XVIII в., когда режим сёгуната Токугава, казалось, не нуждался ни в каких реформах, основоположник «школы национальных наук» (*Кокугакуха*), которая стала одной из духовных, философских и идеологических основ *Мэйдзи исин*, Када Адзумамаро ввел в обиход термин «Древний Путь» (*кодо*), понимая под ним «путь государя и подданных и почитание законных, имеющих единую родословную императоров»¹². В последней четверти XVIII в. виднейший теоретик *Кокугакуха* Мотоори Норинага оформил еще весьма неконкретное учение о «Древнем Пути» в полноценную традиционалистскую концепцию «Истинного Пути», «Пути Божества», приравняв эти понятия друг к другу и обозначая ими синто в его «исконной», «первоначальной» форме, свободной от иностранных влияний и «наслоений». Позднее эта концепция, развитая его учеником и последователем Хирата Ацутанэ, сыграла значительную роль в оформлении духовной стороны *Мэйдзи исин*.

⁹ Молодяков В. Э. «Мэйдзи исин» – консервативная революция // Проблемы Дальнего Востока. 1993 № 6; подробнее: Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М. 1999.

¹⁰ Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика, с. 154-157.

¹¹ В настоящей работе понимание Традиции (тотальная, или интегральная Традиция) основано на философии Р. Генона и Ю. Эволи.

¹² Цит. по: Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага. Жизнь и творчество. М. 1988. с. 39.

Достоин внимания, что почти в то же самое время, между 1793г. и 1796 г., русский поэт и мыслитель П. А. Словцов, написал оду «Древность», которая стоит особняком в истории как поэзии, так и философской мысли России¹³. Выдвигая в качестве идеала «древность» («первоначальное время» в терминологии Элиаде), он противопоставлял его одновременно уже отжившему «старому» и еще не совершенному «новому». В привычной оппозиции «старое – новое» религиозные и спиритуалистские традиции того времени (например, масонство) отдавали предпочтение «старому», а рационалистские учения – «новому». Словцов отказался от этой оппозиции, становясь над ней: в его трактовке «древнее» не просто старше, чем профанное «старое», но принципиально отличается от него, потому что оно исконно, вечно и имеет сакральный характер; по той же самой причине сакральное «древнее» принципиально отличается от профанного «нового», которое по прошествии времени неизбежно «износится» и превратится в «старое». «Древность» – это «сакральное время», в противоположность профанному времени как «старого», так и «нового». До Словцова, да и долгое время после него, никто в России не формулировал так четко традиционалистское видение мира. Полагаю, мы можем воспользоваться его формулой при описании духовного идеала *Мэйдзи исин* как консервативной революции.

Консервативную революцию следует рассматривать как событие мирового масштаба, что позволяет выделить ее следующие признаки: 1) ориентация на национальные духовные, культурные и религиозные традиции, на коллективизм, патриотизм, деизм; 2) отрицание материалистического и космополитического «современного мира» (термин, введенный в обиход Р. Геноном) как антидуховного и антинационального; 3) признание революционного и отрицание эволюционного пути борьбы с «современным миром»; 4) приятие модернизации, современных институтов, технологий и т. д., если они необходимы для достижения ее целей и подчинены ее духовным началам; 5) неприятие индивидуализма, материализма, атеизма, космополитизма, духа «протестантской этики». Иными словами, Бог выше человека, Дух выше материи, политика выше экономики, государство выше индивидуума, интересы коллектива (государство, нация, семья или иная общность) выше личных, а среди коллективов предпочтение, как правило, отдается большим перед меньшими. Разумеется, конкретный характер каждой консервативной революции, а также связанных с ней учений и движений варьируется в зависимости от конкретных исторических или национальных особенностей.

К началу периода *бакумацу* («конец *бакуфу*»; 1854–1867 гг.) режим Токугава переживал тотальный системный кризис, который уже не мог

¹³ Текст оды с историко-литературным комментарием, не затрагивающим ее философское содержание: Поэты 1790–1810-х годов. Л. 1971. («Библиотека поэта», большая серия).

быть преодолен путем реформ сверху (пример – неудача политики регента Ии Наосукэ, убитого представителем радикальной оппозиции в 1859 г.), т. е. без радикальной смены элит¹⁴. Как показывает опыт всемирной истории, подобные кризисы нередко приводят к духовной деградации и социально-политическому распаду общества и государства и даже к губительным трансформациям этноса. Не могло более продолжаться и насильственное «закрытие страны» (*сакоку*), хотя и не имевшее абсолютный характер. Однако в Японии к этому времени сформировалась, прежде всего на базе «школы национальных наук» и «школы Мито» (*Мито гакуха*), дееспособная традиционалистски-ориентированная духовная и политическая контр-элита, в достаточной степени структурированная и имевшая модернизаторскую программу действий в сложившихся кризисных условиях. Понимание главных целей и задач было единым, хотя по частным вопросам имелись существенные разногласия, усугубляемые борьбой за власть внутри самой контр-элиты. Творцы *Мэйдзи исин* осознавали неизбежность как столкновения с «цивилизованным миром», от которого Япония в материальном отношении заметно отстала, так и проведения революционных, модернизаторских преобразований в качестве единственной возможности выстоять под давлением извне. Но духовной основой этих преобразований они сделали возвращение к интегральной Традиции.

Одним из первых мероприятий новой власти, осуществленных реформаторами от имени и с согласия императора Мэйдзи 5 апреля 1868 г., стало законодательное оформление «единства ритуала и управления» (*сайсэй итти*). Это было не только политическим актом, но и возвращением к древнейшему сакральному принципу единства светской и духовной власти, царских и жреческих функций – основе любого традиционного общества. То, что это было сделано в самом начале преобразований, в соседстве с первыми шагами к «открытию», интернационализации и модернизации страны, убедительно свидетельствует именно о консервативно-революционном характере *Мэйдзи исин*, а не о ее «неделанности» с точки зрения европейских революционных канонов.

В этой связи заслуживает внимания предложенное А. А. Накорчевским определение *Мэйдзи исин* как «мистической революции»¹⁵. Часть мэйдзийской элиты попыталась превратить синто (точнее, его философскую «версию», разработанную в первой половине XIX в. Хирата Ацутанэ и известную как Хирата синто) в «полноценную» государственную религию, преследуя при этом не только духовные, но также идеологические и политические цели, в чем ее поддерживали лидеры некоторых

¹⁴ Автор настоящей работы придерживается концепции смены элит итальянского социолога и экономиста В. Парето, считая ее наиболее адекватной рассматриваемым событиям.

¹⁵ Накорчевский А. А. Синто. СПб. 2000, с. 381–387.

мистических школ и учений внутри синто. Выполнить задуманное не удалось: «теократия или идеократия не получилась», а появившийся позднее «государственный синто» (*кокка синто*) существенно отличался от раннемэйдзийского варианта¹⁶. Полагаю, что и этот процесс следует рассматривать в рамках эволюции «мэйдзийской модели развития». Однако предпринятые в первые годы эпохи Мэйдзи преобразования в религиозной и духовной сфере – как успешно реализованные, так и окончившиеся неудачей – имели, по терминологии Мёллера ван ден Брука, ярко выраженный консервативный (т. е. не реакционный) характер и были осуществлены революционным путем, что как раз отражает консервативно-революционный характер *Мэйдзи исин* в целом.

Понимание единства ритуала и управления было присуще синто на протяжении всего исторического периода его существования. Так, от глагола *мацуру* происходит не только ключевое для обрядности синто понятие *мацури* (исполнение ритуала; почитание божеств *ками*; отправление культа), но и *мацуригото* (исполнение надлежащих действий; управление; служба)¹⁷. В этой связи следует вспомнить слова Генона: «Социальный уровень ни в коем случае не может стать той областью, с которой должно начаться исправление актуального положения дел в современном мире. Если бы все же это исправление началось именно с социальной сферы, с исправления *следствий*, а не *причин* (выделено мной – В. М.), оно не имело бы никакого серьезного основания и, в конце концов, оказалось бы очередной иллюзией. Чисто социальные трансформации никогда не могут привести к установлению истинной стабильности»¹⁸. Лидеры *Мэйдзи исин* понимали это и позаботились о сакрализации своих преобразований (включая те, которые имели совершенно «земной» характер), потому что «истинная власть приходит всегда сверху, и именно поэтому она может быть легализована только с санкции того, что стоит выше социальной сферы, то есть только с санкции власти духовной»¹⁹. Сила подлинного консерватизма в его традиционалистских, духовных основах, но это ни в коей мере не означает его нежизнеспособности в практической политике или удаленности от нее. Мёллер ван ден Брук, мыслитель и одновременно «человек действия», подчеркивал, что

¹⁶ Анализ характера и причин неудачи создания в первые годы эпохи Мэйдзи государственного культа на базе Хирата Синто: Hirata Shinto and the Ideological Control of the Meiji Restoration // Muraoka T. Studies in Shinto Thought. Tokyo. 1964. Отмечу, что эта работа, резко критиковавшая использование религии в политических целях, была впервые опубликована в Японии в 1938 г., в самый разгар существования «государственного синто».

¹⁷ 'Matsuri' and 'Matsuri-goto': Religion and State in Early Japan // Kitagawa J. M. On Understanding Japanese Religion. Princeton. 1987.

¹⁸ Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991, с. 70.

¹⁹ Там же, с. 74.

«творческий консерватизм более жизненен на политическом поприще, нежели на любом другом»²⁰. Полагаю, что и этот вывод вполне применим к *Мэйдзи исин* и ее результатам.

В Японии такой властью – хотя бы формально одновременно «небесной» и «земной» – выступал император. Касаясь вопроса о его духовной роли в после*мэйдзийской* Японии, американский журналист Х. Байес²¹ писал в годы Второй мировой войны: «Хирохито никогда не является императором японцев в более подлинном смысле, нежели тогда, когда он перед алтарем в облачении священника молится их богам. Пожалуй, то, что он может отправлять эти обряды, интересует японцев больше, чем то, что он может назначать и отстранять премьер-министров. Сочетание жреца и короля в одном лице – пережиток древнейших эпох человечества. У примитивных племен и в древних обществах король приносил жертвы богам. Двойная функция, бывшая всеобщей на заре общества, сохраняется ныне в одной лишь Японии»²². Тогда же ему вторил исследователь синто Дж. Холтом: «Старинная общинная форма религии, нормальная для Запада две тысячи лет назад, сегодня существует в Японии как мощная социальная и религиозная сила... В этой стране общинная жизнь и религия до сих пор составляют одно целое»²³. В этих словах слышен распространенный в европейской и американской литературе мотив «отсталости» и «примитивности» Японии и ее традиционной религии, что было характерной реакцией «цивилизованного мира» на всё, не вписывавшееся в его схемы и шаблоны.

Напротив, итальянский теоретик традиционализма Ю. Эвола считал следование принципу единства ритуала и управления залогом верховной Гармонии: «Это понимали люди древности, когда читали во главе иерархии существ, королевская природа которых была сплавлена с *сакральной* (выделено автором – В. М.) и временная власть которых была пронизана духовным авторитетом «более нечеловеческой» природы»; «традиционный сакральный король сам был существом божественной природы и относился к «богам» как к себе подобным; он был «небесного» рода, как и они, имел ту же кровь, как и они, и вследствие этого он был центром – утверждающим, свободным, космическим принципом»²⁴. В трактате «Языческий империализм» (1927), откуда взяты приведенные слова, Эвола ни словом не упоминает о Японии, но мно-

²⁰ Moeller van den Bruck. Op. cit., p. 133.

²¹ Отмечу, что этот воинствующий анти*традиционалист* в той же книге характеризовал *Мэйдзи исин* как «*restoration-revolution*».

²² Byas H. Government by Assassination. N.Y. 1942, p. 316.

²³ Holtom D. C. Modern Japan and Shinto Nationalism. A Study of Present-Day Trends in Japanese Religions. N.Y. 1947, p. 1–3.

²⁴ Эвола Ю. Языческий империализм. <М.> 1992, с. 7, 106.

гие его замечания вполне подходят к ней. Гораздо менее радикальный в своем традиционализме, чем Эвола, американский философ Дж. Мэйсон в те же годы с симпатией отмечал, что «Япония – единственная современная страна, которая сохранила свое духовное отношение к жизни неизменным с древности до нашего времени»²⁵.

Сочетание традиционного и революционного начал в *Мэйдзи исин* особенно заметно при обращении к модернизации и интернационализации Японии, ее вхождению в «цивилизованный мир», что стало важнейшей задачей новой власти, в прямом смысле слова, на следующий день. Модернизация и интернационализация Японии стали условием ее выживания во взаимодействии с «цивилизованным миром», в отношениях с которым были возможны две опасные крайности. Первая – отказ от всего иностранного (вспомним бытовавший в период *бакумацу* лозунг традиционалистской анти*токугавской* оппозиции *дзёи*, «изгнание варваров») и современного с неизбежной в тех условиях стагнацией и, в перспективе, потерей государственной независимости, как это случилось с Кореей в начале XX в. Вторая – полное, некритическое копирование иностранных образцов, особенно в условиях жесткого давления извне, что могло серьезно деформировать национальную самоидентификацию и, соответственно, затруднить самостоятельное развитие, как это произошло с социалистическими странами Восточной Европы после Второй мировой войны. Правящим кругам *мэйдзийской* Японии хватило ума отказаться от первого и хватило сил избежать второго варианта. Придя к власти и превратившись в элиту, вчерашняя контр-элита отказалась от лозунга *дзёи*, для начала переадресовав его... Китаю как мотивацию отказа от «китайщины» в духе идей *Кокугакуха*.

«Золотая середина» была обретена в формуле *вакон – ёсай*, «японский дух – европейская наука». В период *бакумацу* философ Сакума Сёдзан предлагал и другой вариант *тоё дотокү – сэйё гидзёцу*, «восточная мораль – западная технология». «Европейская наука» включала полный набор компонентов модернизации: не только промышленное использование пара и электричества, но и европейские идеи (свобода, гражданские права, разделение властей), институты (парламент, политические партии) и обычаи, вплоть до ношения фраков и курения табака. Однако благодаря традиционалистской ориентации большей части *мэйдзийской* элиты, «европейская наука» одухотворялась «японским духом» и принималась не сама по себе и не полностью, но лишь по мере необходимости или пригодности для новой Японии. Какой контраст с петровскими преобразованиями, которые можно было бы определить формулой *ёкон – ёсай*, «европейский дух – европейская наука»!

²⁵ Mason J. W. T. The Creative East. N. Y. 1928, p. 116.

Еще в IX в. поэт и государственный деятель Сугавара Митидзанэ настаивал на следовании принципу вакон – кансай, «японский дух – китайская наука» с примечательной оговоркой: «эти учения хороши пока не искажают истинные чувства японцев»²⁶. Больше тысячи лет спустя, в 1934 г. Сиратори Тосио, дипломат и политический аналитик из числа консервативных революционеров, говорил о том же самом: «для Японии хорошо то, что она может впитать, не теряя свою индивидуальность»²⁷. Технологическое отставание Японии от Европы или США к моменту *Мэйдзи исин* было значительным и бесспорным, поэтому новая элита стремилась ликвидировать его как можно скорее, путем интенсивной модернизации по «догоняющей модели», с минимальными потерями и издержками. Япония оказалась способным, но вполне самостоятельным учеником, несмотря на известную тягу к копированию иностранных внешних форм. Что касается мифа о ее духовном «отставании» от «передовых» стран, возникшего в первые десятилетия эпохи Мэйдзи, то его следует отнести к издержкам этого сложного процесса.

Мэйдзи исин преподала впечатляющий урок как «цивилизованному миру», так и еще не «пробудившейся» Азии. Пораженные успехами материального прогресса стремительно модернизовавшейся Японии, европейские и американские наблюдатели поначалу видели их причину в восприятии и использовании наиболее «прогрессивных», антитрадиционалистских учений вроде утилитаризма и позитивизма. Действительно, японцы, включая многих мыслителей и представителей правящей элиты, увлекались ими: в это время огромной популярностью пользовались Г. Спенсер, С. Смайльс, И. Бентам, Дж. Локк, Дж. Ст. Милль, А. Смит. Однако неудовлетворительность такого «ответа» вскоре стала очевидной – сначала для самих японцев, затем для наиболее прозорливых иностранцев. Осознание духовной значимости Традиции и связанных с ней философских и идеологических учений в успехах периода Мэйдзи пришло не сразу, но, придя, оказало значительное влияние на японскую мысль первой половины XX в., от Нисида Китаро и Вацудзи Тэцуро до Окава Сюмэй и Ясуока Масахико.

Разумеется, за 77 лет «активного» существования (1868–1945 гг.) «мэйдзийская модель развития» пережила немало перемен, изменивших и даже извративших ее первоначальную суть. Искусственная консервация, «подмораживание» правящей элитой национально-ориентированной идеологии *Мэйдзи исин* без должного учета меняющихся реалий, привели

²⁶ Подробнее: Григорьева Т. П. Тридцать лет спустя // С. Г. Елисеев и мировое японоведение. М. 2000, с. 68.

²⁷ Shiratori T. The Reawakening of Japan // Contemporary Japan. Vol. III. № 1 (March 1934). P. 12. Перевод: Сиратори Т. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии. 1933–1945. М., 2008.

в первые полтора-два десятилетия XX в. к определенной духовной стагнации, к упадку влияния традиционных ценностей и к новой волне некритического восприятия всего иностранного как «передового» в эпоху «демократии Тайсё». Мёллер ван ден Брук был прав, повторяя, что «революция не может вечно оставаться революционной». Новое резкое качание маятника в сторону консерватизма, национализма и традиционализма в первые 10–15 лет эпохи Сёва (1926–1941 гг.) вызвало к жизни «неотрадиционалистский ренессанс» японской мысли – и одновременно подъем милитаризма и шовинизма. Однако в материальной сфере процесс модернизации не только не прекращался, но и набирал обороты, выводя Японию в число ведущих промышленных держав мира, хотя для ее экономики и хозяйства тех лет была характерна известная несбалансированность.

В это же время и западные философы начали понимать, что европейская цивилизация переживает духовный кризис и что на Востоке (понимаемом очень широко!) есть чему поучиться. Восторженный прием, оказанный японскими интеллектуалами «Закату Европы» О. Шпенглера (символично, что этот трактат перевел видный философ-традиционалист Ясуока), объясняется их своеобразным восприятием прогнозов «брюзги заката»: в признании старости и упадка Запада они видели также признание молодости и жизненности Востока. Генон прямо ставил традиционные восточные цивилизации в пример деградировавшему «современному миру» как Запада, так и жестко критикуемого им вестернизированного Востока; осуждая «западнические» тенденции мэйдзийской Японии в общем контексте интернационализации Востока, он однако воздерживался от принципиальной критики *Мэйдзи исин*.

Мэйсон, развивая модное на рубеже XIX–XX вв. учение А. Бергсона о «творческой интуиции» и «жизненном порыве», указывал на Японию как на их историческое, физическое воплощение и на синто как воплощение метафизического. «Сам факт того, что мощное возрождение синто в Японии совпало с переходом ее культуры от средневековья к современному прогрессу (т. е. с процессом модернизации – В. М.), показывает, сколь много творческого потенциала в его мифологии... Синто лишь усилен материальным прогрессом, поскольку в его мифах сама жизнь обнаруживает субъективное знание себя и всего»; «Синто всегда остается чистой подсознательной духовной интуицией»²⁸. Призывая к духовному согласию, к диалогу, а в перспективе и к синтезу цивилизаций и культур Востока и Запада, Мэйсон писал: «Запад не может заимствовать все, что предлагает Восток, целиком и полностью, равно как и полное принятие западной материалистической активности не принесет Востоку никаких выгод. Однако заимствование утилитарных черт За-

²⁸ Mason J. W. T. The Meaning of Shinto. N.Y. 1935, p. 42, 107.

пада не нарушит духовности и эстетизма Востока, равно как и Запад не лишится своей способности к материальному прогрессу, поучившись у духовного и эстетического развития Востока... Ни Восток, ни Запад нельзя идеализировать за счет другого. Восток и Запад – партнеры друг для друга, потому что они в равной степени недостаточны»²⁹. Иными словами, интернационализация – не всегда слепое заимствование европейских или американских моделей, а модернизация не есть неременный синоним вестернизации.

Мэйдзи исин выполнила все основные стоявшие перед ней духовные, политические, социальные и экономические задачи и осуществила все реформы, необходимые для динамичного развития в условиях стремительного вхождения в «цивилизованный мир», опираясь при этом на интегральную Традицию в ее самобытных национальных формах. Реализованный в ее ходе и результате вариант модернизации не только оказал определяющее влияние на последующее развитие Японии, но и показал пример многим странам Азии и «третьего мира». При этом необходимо учитывать, что консервативная революция *Мэйдзи исин*, произошедшая в традиционном обществе, имела прежде всего национальный, а не классовый характер; классовый фактор в ней нельзя игнорировать, но в данном случае он не являлся определяющим.

«Наследие Мэйдзи» долгое время понималось в мировой историографии исключительно внешне – как совокупность материальных преобразований, позволивших Японии в последней трети XIX в. сохранить национальную независимость и органично встроиться в «цивилизованный мир», а затем войти в «клуб великих держав» в качестве полноправного члена. Однако это лишь одна сторона проблемы, поскольку исключительно материальная модернизация – как показывает исторический опыт других стран – не гарантирует успеха, особенно в острой конкурентной борьбе. Япония смогла совершить исторический прорыв именно благодаря консервативно-революционному характеру ее модернизации, в которой «японский дух» пропитывал «европейскую науку», а последнее слово оставалось за национально-ориентированной и национально мыслящей элитой. В этом, пожалуй, главный исторический урок *Мэйдзи исин*, сохраняющий значение и в новом тысячелетии.

После Второй мировой войны консервативно-революционная идеология подверглась молчаливому забвению, а ее позднейшие радикальные изводы, вроде призывов конца 1920-х и начала 1930-х годов к *Сёва исин*, были осуждены, получив грозный, хотя и неверный по сути ярлык «японского фашизма». Мэйдзийские реформы вспоминались почти исключительно в плане вестернизации, как своего рода предтеча по-

слевоенных. Ситуация стала меняться лишь во второй половине 1960-х годов, когда страна отмечала столетие *Мэйдзи исин* как вхождения Японии в «цивилизованный мир». С тех пор началась реабилитация «наследия Мэйдзи», включая переосмысление, точнее, более полное и объективное осмысление идейных и духовных предпосылок этого ключевого события новой истории страны. Постепенно само понятие *исин* стало трактоваться более широко, а не только в жесткой «увязке» с событиями 1868 г. Европейский термин «консервативная революция» в данном контексте в Японии не звучит, потому что *исин* – это и есть *исин*. Но, говоря о мэйдзийском опыте модернизации, следует помнить, что в ее основе лежала удачно осуществленная консервативная революция.

²⁹ Mason J. W. T. The Creative East, p. 12.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЯПОНИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Опыт Японии в сфере политической модернизации новейшего времени демонстрирует высокую степень адаптивности политического класса к изменяющимся внешним и внутренним кризисным ситуациям, его способность к проведению реформ, в том числе сопряженным с существенным самопожертвованием, если таковое оказывается необходимым в интересах долгосрочной национальной стратегии.

Япония пережила несколько попыток политической модернизации. Можно выделить три наиболее крупных попытки подобного рода: политическая модернизация эпохи Мэйдзи; послевоенная политическая модернизация, которая охватывает период с 1945 г. вплоть до второй половины 1980-х годов; политическая модернизация эпохи Хэйсэй, продолжающаяся вплоть до настоящего времени. Каждая из этих попыток имеет свою специфику, вытекающую из особенностей переживаемого страной этапа исторического развития.

Политическая модернизация эпохи Мэйдзи

Мэйдзийский период занимает особое место в политической истории Японии. За небольшой по историческим меркам период, страна совершила колоссальный рывок в своем развитии, преодолев многовековую отсталость и войдя в число крупнейших акторов мировой политики. Коренное преобразование политического строя, завершившееся созданием полуабсолютистского режима, означало вхождение страны в важный этап ее истории – становления модернистского государства. Суть политической модернизации Мэйдзи заключалась в необходимости создать модернистское государство, которое бы обеспечило Японии путь в клуб «цивилизованных стран».

Модернистские государства возникали в мировой истории неоднократно, являя собой ответ на вызовы, связанные с размыванием социальной и институциональной основы феодализма. Дезинтеграция традици-

онных институтов феодального общества (сельских общин, свободных муниципий, религиозных фракций), происходившая в условиях развития торгово-денежных отношений и активного наступления торгово-промышленного капитализма, таила в себе риск ослабления политической власти и, в конечном счете, распада государства. Создание модернистских государств явилось формой ответа на угрозы национальной безопасности и создания нового социального порядка. В Европе этот процесс, проходивший в XVI–XVII веках, принял форму централизованных абсолютистских монархий. Эти монархии, проявившиеся в виде национальных государств (или «государств-наций»), позволили консолидировать силы для противостояния внешним угрозам и эффективного решения проблем национальной безопасности. Их появление сопровождалось ростом национального самосознания и формированием наций, объединенных общностью географических, экономических, исторических, культурно-цивилизационных, национально-психологических и политических условий. Особенно важную роль в формировании наций играла национально-психологическая самоидентификация, т. е. ощущение принадлежности к национальному государству, противопоставленному внешнему враждебному миру («мы-они»).

К этому же типу политического процесса следует, вероятно, отнести политическую модернизацию эпохи Мэйдзи, результатом которой стало появление единой японской нации. Как и в европейских странах, в Японии необходимость в ускорении процесса национальной самоидентификации заставила лидеров мэйдзийских преобразований активно использовать националистические лозунги. Однако японский опыт построения модернистского государства имеет существенные отличия от опыта европейских стран. Прежде всего, преобразования были проведены не в рамках логики внутренней эволюции, а в жестких условиях угрозы внешнего поражения. Большую специфику имела и конфигурация движущих сил этой модернизации, основу которой занимали реакционные, с точки зрения нормативной теории, слои общества – маргинализированная часть самурайского сословия, представлявшая княжества Сацума и Тёсю¹. С этой точки зрения политические преобразования Мэйдзи, которые привели к ликвидации сёгунского режима и установлению единоличной власти императора, напоминают, скорее, дворцовый переворот, совершенный недовольной частью правящего класса, пытающейся вернуть свое место у кормила власти. Сходство с консервативным переворотом навевают и установки мэйдзийских реформ начального этапа, среди которых выделялся лозунг *сонно дзёи* – «уважение императору – изгнание

¹ Местные правители входили в состав *тодзема даймё*, наиболее обделенной властью прослойки правящего класса.

варваров». Даже укоренившееся в мировой историографии название «реставрация Мэйдзи», по крайней мере, внешне навеивает ассоциации с политической реакцией.

Наконец, спецификой мэйдзийских преобразований явилось то, что никакого серьезного кризиса традиционных институтов, включая деревенскую общину, в Японии периода становления модернистского государства, в отличие от Запада, не происходило. Наоборот, эти институты выступили в качестве идейной опоры нового режима и позволили перейти к новой политической модели с наименьшими социальными и политическими издержками.

Лозунг восстановления власти императора как идейный лейтмотив политической модернизации был выбран не случайно и явился итогом длительных дискуссий внутри антисёгунской коалиции. Проблема заключалась в том, чтобы обеспечить легитимизацию новой власти в глазах населения, без которой было бы невозможно мобилизовать его на решение поставленных правительством задач. В середине XIX в. подавляющее большинство населения Японии проживало в сельской местности, а его сознание определяли «традиционные ценности», основанные на конфуцианской морали. Реформаторы понимали, что заставить людей с должным пиететом воспринимать непонятные для них термины «государства» и «нации» будет достаточно сложно. Нужно было найти такую модель правления, которая бы хорошо ложилась в мировоззренческую систему координат японских крестьян и воспринималась ими в качестве приоритетной по отношению к традиционным институтам – деревенскому сообществу и семье. Император в этой связи представлялся в качестве естественного главы всех японцев, подобно тому, как в каждой семье есть глава (отец). Все японцы должны поэтому питать к императору безграничное уважение и выполнять долг верности, аналогично тому, как в семьях дети выполняют сыновний долг по отношению к родителям. Эта концепция политической верности и сыновнего долга концептуализировалась в понятии «государство-семья», которое сохраняло свою актуальность вплоть до окончания Второй мировой войны.

Важным постулатом этой концепции стало положение о присущей японской модели государственности гармоничности и бесконфликтности – сущностных характеристик идеальной японской семьи. Как отмечали авторы изданной в Токийском университете коллективной монографии «Правительство и политика в Японии», «Мэйдзийское государство уходило своими корнями в концепцию государства-семьи. Одной из особенностей данной концепции было то, что государство рассматривалось как одна большая семья, которая идеализировалась как абсолютно гармоничная субстанция. По этой причине государство было вынуждено предпринимать усилия для того, чтобы исключить любую возможность

конфронтации и конфликта, возникающих внутри общества»². Таким образом, государство выступало своего рода макрокосмом семьи, а непрерывная история императорской династии, ведущей свое начало прямо от создавших Японию богов, позволяла японцам найти ответы на извечные вопросы бытия, построить понятную им космогоническую картину мира.

Другой стороной такого подхода стала идеализация патриархального уклада сельской жизни, который правительство Мэйдзи представляло в виде эталона социальных отношений. Учитывалась также такая особенность японской национальной психологии, как стремление избегать открытых конфликтов при решении споров. В бесконфликтном государстве практически отсутствует политическая сфера, которая является публичным местом урегулирования споров, возникающих вследствие борьбы интересов разных слоев общества. В дальнейшем традиции бесконфликтности (решения конфликтов неформальными методами, например, с помощью *нэмаваси*) проявилась в феномене «консенсуальной демократии», дожившей до конца XX века³.

Безусловно, конфликты характерны для любой политической власти, и мэйдзийское правительство здесь не исключение. Достаточно вспомнить самурайское восстание 1877 г. под предводительством Т. Сайго, а также Движение за свободу и народные права 1880-х годов, которое требовало расширения доступа народа к политическому управлению. Однако в целом политическая модель Мэйдзи основывалась в большей степени на традиционных японских ценностях, нежели на стремлении внедрить принципы политического устройства западных стран, которое имело, скорее, второстепенное значение – доказать Западу право Японии войти в «клуб избранных». Следует отметить, что ставка на «японские ценности» выступает и в современной Японии сильной и действенной альтернативой курсу на рыночную либерализацию и на строительство социал-демократической модели общества всеобщего благоденствия⁴.

Апофеозом политических реформ стала принятая в 1889 г. мэйдзийская конституция, завершившая процесс политической формализации полуабсолютистского политического режима. Согласно Конституции, император является «божественным и неприкосновенным». Он выступает источником суверенитета (ст. 2), концентрируя в своих руках все

² Hitoshi Abe, Muneyuki Shindo, Sadafumi Kawato The Government and Politics in Japan. Tokyo., 1994, p. 4.

³ Хотя подобная концепция утрирует суть проблемы до некоей упрощенной схемы, она позволяет понять причины слабого развития политической сферы Японии по сравнению с другими западными странами.

⁴ Подробнее см.: О месте и роли консерватизма в японской политике // Япония: свет и тени. М., 2008, с.157–159.

ветви – исполнительную, законодательную и судебную. Как и в «цивилизованных» странах, император должен принимать решения в сфере государственного управления при опоре на Конституцию. Однако в отличие от Европы, где божественность монарха базируется на правовых нормах, в Японии небесный статус императора определяется, в первую очередь, морально-этическими соображениями. Японцы должны почитать императора как живого бога не только и не столько по причине своей законопослушности, но в силу внутреннего убеждения, на основе особого мировосприятия и мироощущения, обретаемых в результате длительного процесса воспитания. Восприятие императора как некоей основообразующей субстанции лежит в основе космогонической картины мира, в которой Япония занимала особое место как «страна богов»⁵. В этой связи стоит отметить особую роль публичной морали как инструмента политического манипулирования населением в мэйдзийскую и постмэйдзийскую эпоху, призванного легитимизировать верховную власть императора в глазах рядовых граждан.

Архитекторы мэйдзийской конституции позиционировали императора выше любого из институтов государственной власти. В рамках создаваемой властной конфигурации любые ошибки и просчеты при проведении государственной политики могли быть следствием только ненадлежащего выполнения обязанностей со стороны советников, которых надлежит привлечь к ответственности, а при необходимости – и сместить. В результате никакого компроментирования института императора не происходило.

Одним из основных мотивов архитекторов политической модели Мэйдзи было стремление сохранить баланс политической конструкции, не допустив существенного усиления влияния какого-либо института на императора. Во многом по этой причине кабинеты министров не несли коллективной ответственности перед императором⁶, поскольку такая ответственность предполагала бы некую юридически оформленную систему взаимных обязательств.

Особенностью этой модели явилась и неконкретность в распределении ответственности между различными политическими акторами. Поскольку император редко принимал решения единолично, суверенитет был фактически узурпирован его ближайшим окружением. В числе тех,

⁵ Кстати говоря, тезис о «стране богов», апеллируя к потайным струнам японской души, использовался консервативными политическими деятелями уже в послевоенный период. Достаточно вспомнить высказывание премьер-министра Й. Мори, которое стало одной из причин его отставки в 2001 г.

⁶ Концепция коллективной ответственности кабинета министров как производная от суверенитета императорской власти была решительно отвергнута Ито Хиробуми в его «Комментариях к императорской конституции».

кто имел наибольшее влияние на монарха – члены кабинета министров, руководители политических партий, представители высшей бюрократии, члены палаты пэров, члены Тайного совета, *гэнро*, личные советники императора из могущественного Министерства императорского двора, высшая военная верхушка, включая начальников штабов сухопутных сил и военно-морского флота, лидеры олигархических финансово-промышленных групп и т. д. В результате в мэйдзийской Японии сформировался, по выражению профессора Оксфордского университета Дж. Стоквина, «комплекс балансирующих элит»⁷ – все субъекты политического процесса ревниво следили друг за другом, ведя постоянную борьбу за право прямого доступа к императору. Обратной стороной подобного положения вещей стало состояние перманентной неопределенности, ведущей при определенных условиях к параличу системы принятия политических решений.

В реальности баланс сил менялся в пользу того или иного института на разных этапах мэйдзийской и постмэйдзийской Японии. Например, в период Мэйдзи (вплоть до конца XIX в.) «координаторами» процесса принятия императором государственных решений были старшие политические советники *гэнро*. После наступления «демократии Тайсё» относительно большим влиянием стали пользоваться главы кабинетов и лидеры политических партий. С конца 1920-х годов особое влияние приобрели представители военной верхушки, которые формально имели право на регулярную аудиенцию для доклада «по сугубо военным вопросам», однако в реальности использовали эту привилегию для оказания влияния на высочайшую персону по многим политически значимым вопросам государственного управления.

Несмотря на указанные моменты, вносящие в политическую систему Мэйдзи элемент дестабилизации, в целом можно заключить, что политическая модернизация Мэйдзи была достаточно эффективной, а принятая модель политического устройства позволила правительству консолидировать нацию для решения стоявших перед страной стратегических задач. Монархоцентристская политическая модель явилась действенным средством централизации управления и мобилизации сил. Как отмечал Дж. Стоквин, «японский император выступил мощным орудием в руках революционных лидеров. Будучи символом законности установленного ими режима, *тэнно* оказывал им мощную поддержку в деле проведения целой серии смелых и рискованных реформ. В практическом отношении он мог быть использован как инструмент реализа-

⁷ Stockwin J. A. A. Governing Japan: divided politics in a resurgent economy. Blackwell Publishing 2008, p. 25.

ции проекта по централизации и модернизации страны, инициатива по проведению которого была выдвинута самими новыми лидерами»⁸.

Важно и то, что в результате преобразований был полностью ликвидирован разрыв между номинальной и реальной властями, который проявлял себя на протяжении многих веков в условиях параллельного существования императорской системы и сёгунского правления. Институт императора достаточно быстро стал орудием для легимитизации курса правительства на проведение радикальных реформ во всех областях. Во многом благодаря этим реформам Японии удалось достичь стратегических целей превращения в развитое государство, равное по своему статусу империалистическим странам Европы. Особенно успех модернизации виден в контрасте с опытом соседнего Китая, где попытки реформ, последовавшие за крахом цинского режима в 1911 г., не привели к сопоставимому с Японией результату.

Вместе с тем политическая модернизация, бесспорно, имела и оборотную сторону, которая заключалась в том, что в политической практике закрепились традиции авторитаризма. Как отмечал профессор Стэнфордского университета Петер Дуус, «сохранение старого мышления означало в числе прочего и то, что политики по своей сути часто были авторитарными, деспотическими и реакционными»⁹. Наиболее наглядной из негативных для дальнейшего исторического развития Японии последствий от прихода такого типа политиков стала военная катастрофа середины XX в., в которую ввергла страну порожденная мэйдзийской политической системой авторитарная власть. Следует отметить и то, что в результате модернизации Япония оказалась на качественно более высоком уровне развития, чем ее азиатские соседи, что в условиях того времени породило у нее соблазн использовать свое экономическое и научно-техническое превосходство для достижения регионального господства путем внешней агрессии.

Политическая модернизация послевоенного периода

Политические реформы послевоенного периода занимают особое место среди прочих попыток политической модернизации. Особенность этих реформ заключалась в том, что их реализация проводилась в условиях оккупации, в связи с чем в их мотивации важное место занимали внешнеполитические соображения. Для США, выступивших инициатором и вдохновителем модернизационного процесса, важно было устранить военную угрозу со стороны Японии, минимизировать даже

⁸ Stockwin J. A. A. Governing Japan: divided politics in a resurgent economy. Blackwell Publishing 2008, p.18.

⁹ Peter Duus. Modern Japan. Houghton Mifflin Co., 1998, p.XIII.

теоретическую возможность появления нового милитаристского режима, для чего нужны были прочные основы для развития демократии в стране.

Поэтому реформы были направлены на коренную демилитаризацию и демократизацию Японии. В процессе модернизации было необходимо демонтировать те характерные черты довоенной политической системы Японии, которые позволили установить политический авторитарный режим. Речь в первую очередь шла о таких рудиментарных чертах домодернистского государства, как полуабсолютистская монархическая система, отсутствие четкого разделения властей и распределения властных полномочий, гипертрофированная роль бюрократии, и в первую очередь военной, слабость правового регулирования политической деятельности и подчиненное место представительных органов в системе политической власти.

Прежде всего, реформаторам следовало решить вопрос о суверенитете – источнике власти. В отличие от мэйдзийской Конституции 1889 г., где в качестве источника власти был указан император, в преамбуле японской Конституции 1947 г. было отмечено, что суверенитет принадлежит народу, который реализует его через всенародно избираемый парламент. Это явилось принципиальным моментом, определившим демократический характер новой конституции.

Ликвидировался институт «государственного синто». Император отказывался от своего божественного происхождения, выступив по этому поводу со специальной речью по радио 1 января 1946 г. По новой конституции, он становился «символом государства и единства народа», а его положение определялось волей народа. Устранялись все специальные виды полномочий императора, включая те, что осуществлялись в случае чрезвычайных обстоятельств. Прерогативы императора теперь стали носить исключительно церемониальный характер, а всеми вопросами, касающимися императорского дома, начало ведать специальное управление канцелярии премьер-министра.

Одновременно ликвидировались Тайный совет и должности политических советников *гэнро* и *дзюсин*. Демонтировался и институт наследственного пэрства. В рамках проводившейся реформы образования из школьных программ были изъяты положения, пропагандирующие чувство национальной исключительности японской нации, верноподданнический долг по отношению к императору и т. д.

Вводилась кабинетно-парламентская система, которая обладала определенной преемственностью по отношению к довоенной модели, но получала некоторые принципиально новые черты. В рамках новой модели парламент избирается всенародным голосованием, а глава исполнительной власти выбирается парламентом страны из числа своих членов (ст.67). Он формирует кабинет министров, который, как указано в Конституции,

должен в большинстве своем состоять из членов парламента (ст.68). Каждый из членов кабинета возглавляет одно из министерств, а законопроекты вносятся в парламент, главным образом, от имени правительства. Важным моментом явилось положение ст. 66 Конституции о том, что кабинет министров, являющийся центральным органом исполнительной власти, несет перед парламентом коллективную ответственность.

Таким образом, новой конституцией проводилось достаточно четкое разграничение ответственности различных институтов, что можно оценить как шаг вперед в направлении централизации политической власти, которая в довоенный период была крайне размыта в силу отсутствия подробной детализации прерогатив отдельных элементов властной конструкции. Вместе с тем это не была американская модель жесткого разделения властей, поскольку члены кабинета в своем лице совмещали статус носителей исполнительной и законодательной власти. По мнению Дж. Стоквина, генерал Макартур стремился устранить неопределенность в определении ответственности, которая позволила военным узурпировать существенную часть властных полномочий в рамках «двойного правительства»¹⁰ (когда параллельно с легально существующим кабинетом существовало еще и теневое правительство, в котором реальную власть имели военные).

Целый ряд конституционно оформленных положений был призван закрепить центральную роль парламента в политической системе страны. Основопологающей в этом отношении стала 41-я статья, определившая парламент как «высший орган государственной власти» и «единственный законодательный орган государства». Конституцией специально указываются монопольные прерогативы парламента в отношении принятия государственного бюджета (ст.60) и государственных финансов (ст. 83–91). Из текста Конституции исчезло старое положение о том, что в случае непринятия бюджета парламентом в силу вступает бюджет предыдущего финансового года, которое в довоенный период являлось одной из форм контроля бюрократии над законодательной властью.

Конституцией определялась двухпалатная модель парламентской системы, в целом нехарактерная для унитарных монациональных государств с демократическими принципами государственного устройства. Для Японии смысл существования двухпалатной системы заключается в создании более сбалансированной конфигурации парламента за счет особого статуса палаты советников, которая более устойчива к колебаниям политической конъюнктуры, поскольку, в отличие от палаты представителей, неподвержена роспуску со стороны исполнительной

¹⁰ Stockwin J. A. A. Governing Japan: divided politics in a resurgent economy. Blackwell Publishing 2008, p. 57.

власти. Депутаты верхней палаты гарантированно получают шестилетний мандат пребывания у власти. Это обстоятельство заставляет их в большей степени думать об общенациональных интересах и долгосрочных государственных программах, чем о локальных интересах своих округов.

На вооружение были взяты и некоторые элементы американской политической системы, касающиеся, в частности, прерогативы парламента изучать ситуацию в стране. Согласно ст. 62 Конституции, каждая из палат парламента вправе проводить собственные расследования в отношении деятельности правительства, требовать вызова свидетелей и представления необходимых документов. В этой связи в стране создавалась система комитетов и комиссий, которые становились главной ареной проведения парламентских дискуссий. Такая система представлялась реформаторам в качестве механизма, обеспечивающего открытость процесса принятия законодательных решений, приоритет общественных интересов, гарантию против партикуляризма в политике. Некоторые эксперты полагают, что наличие подобной системы в значительной степени отличает японскую политическую модель от британской.

Важным шагом на пути к модернизации политической системы стало введение всеобщего избирательного права. В отличие от избирательного закона 1925 г., новый закон распространил избирательные права на женщин и снизил возрастной ценз активного избирательного права с 25 до 20 лет.

Большое место в общем ряду послевоенных реформ занимают шаги по демилитаризации политической, экономической и общественной жизни. Императорская армия была расформирована, а в Конституцию была введена уникальная статья 9, в соответствии с которой японский народ отказывался от войны как средства решения международных споров. Другой гарантией от возрождения милитаризма стало положение о том, что глава правительства и члены кабинета министров должны быть гражданскими служащими (ст. 66). В дальнейшем были созданы «силы самообороны», политический вес которых, безусловно, не шел ни в какое сравнение с довоенным периодом. Было ликвидировано Министерство внутренних дел, в сферу полномочий которого в довоенной Японии входила охрана общественного порядка и деятельность полиции, выборы всех уровней, включая губернаторов префектур, а также вопросы деятельности местных органов власти.

На смену сверхцентрализованной системе государственной власти пришла двухступенчатая система управления, в рамках которой наряду с центральным правительством создается сильная местная власть с законодательно оговоренными прерогативами и независимым финансовым обеспечением. Местным администрациям были переданы многие функ-

ции, ранее находившиеся в ведении центра, например, в сфере образования, коммунального хозяйства, охраны общественного порядка (полиция), сбора налогов и т. д. Цель создания подобной системы, которая во многом основывалась на американском опыте, заключалась в том, чтобы создать гарантии против концентрации власти на уровне центрального правительства и обеспечить большее участие граждан в делах местного самоуправления. В отличие от довоенного периода, руководители местных органов власти стали выборными.

С позиций сегодняшнего дня видно, что процесс формирования оптимальной модели местного самоуправления в Японии пока еще не завершен. Многие органы на местах оказались неспособными получить необходимое финансирование за счет собственных источников, и попали в сильную зависимость от субвенций из центра; не очень удачным был и опыт децентрализации и муниципализации полиции. Вопрос о распределении полномочий между центром и местной властью постоянно вновь и вновь оказывался в повестке дня правительства. Вместе с тем следует отметить, что послевоенная реформа дала мощный толчок демократическим процессам на низовом уровне, проявившись, например, в таких формах политического противостояния, какие не наблюдались в парламенте страны. Так, в 1970–1990-е годы в ряде регионов к власти пришли левые администрации, в том числе возглавляемые коммунистическими мэрами, которые находились в оппозиции правительству и оказывали на него существенное давление по вопросам социальной и экономической политики.

Была проведена судебная реформа: переписан гражданский кодекс на базе демократических норм права, с целью повышения независимости судов были ослаблены prerogatives Министерства юстиции, касающиеся контроля судебной системы, и одновременно усилены полномочия Верховного суда.

Отдельно в ряду реформистских мероприятий стоит изгнание из общественной жизни деятелей, занимавших ключевые посты в правительстве, политических партиях и крупнейших экономических структурах военного времени. Многие из них были привлечены к уголовной ответственности и оказались за решеткой. Это дало шанс для выдвижения нового поколения политической элиты из числа управленцев второго эшелона, занимавших важные, но не ключевые посты в правительстве довоенного времени. Следует отметить, однако, что политические чистки не имели всеобъемлющего характера, как это было в послевоенной Германии в рамках политики денацификации, и не затронули костяк гражданской бюрократии довоенного времени.

Именно из прежней бюрократии в дальнейшем черпались кадры для высшей политической элиты. Этому способствовала формировавшаяся

в Японии на протяжении многих веков конфуцианская традиция высокого общественного кредита по отношению к чиновникам. Между тем с учетом того обстоятельства, что любые альтернативные политические институты, включая политические партии, были слишком слабы и не пользовались большим доверием в обществе, оккупационные власти, нуждавшиеся в институциональных инструментах проведения своей политики, были вынуждены опираться на существующие структуры правительства. Свою роль играло и то, что ограниченные чистки, проводившиеся оккупационными властями, затронули в первую очередь руководство довоенных политических партий, стоявших у власти, а также верхушку военной администрации. Таким образом, гражданская бюрократия оказалась, что называется, «вне конкуренции», заполнив собой тот вакуум власти, который образовался на волне указанных чисток.

Бюрократия стала выполнять чисто политические функции, связанные не только с реализацией стоявших перед обществом стратегических задач, но и с их формулированием. Именно из числа гражданской бюрократии вышли многие видные политические фигуры послевоенного времени, включая глав правительств (С. Ёсида, Н. Киси, Т. Исигами, Х. Икэда и др.). В дальнейшем опыт рекрутирования бюрократии на руководящие посты в неправительственные структуры превратился в своего рода традицию, а переход на работу в частные корпорации либо отставка с целью начала политической карьеры («схождение с небес») превратились в неотъемлемую стадию карьеры для так называемой «карьерной бюрократии».

Особое место в ряду политических преобразований заняло введение гарантий политических прав и свобод: свободы слова, собраний, объединений, право на создание профсоюзов, политических партий и общественных организаций (по старой конституции права подданных могли ограничиваться действующими законами). До войны деятельность любых политических организаций обуславливалась необходимостью «защиты интересов государства». Теперь же реформаторы поставили цель гарантировать открытое выражение любых политических взглядов, не противоречащих закону.

В первые послевоенные годы особым расположением оккупационных властей, стремившихся найти политическую альтернативу дискредитировавшим себя довоенным партиям (Сэйюкай и Минсэйто), пользовались именно левые партии, в наибольшей степени пострадавшие от довоенных репрессий. Полностью легализована была компартия, основанная в 1922 г. и вынужденная уйти в подполье в условиях жестких репрессий довоенного времени. Возобновила свою деятельность и Социалистическая партия Японии, лидер которой Т. Катаяма в 1947 г. на недолгое время возглавил кабинет правительства. Ряд мер был пред-

принят для становления в стране гражданского общества. Началось активное развитие профсоюзного движения.

Структурные реформы в экономике имели большие политические последствия, заложив основы для развития демократической системы политического управления. Вместе с тем эти преобразования не носили радикального характера, а преемственность с довоенным периодом проявилась в дальнейшем в формировании специфической для Японии ограниченно рыночной экономической модели.

Земельная реформа была призвана покончить с помещичьим землеванием и создать в аграрном секторе эгалитарное сообщество, которое бы стало основой для демократических процессов на низовом уровне. Следует отметить, что именно фермерские слои служили в послевоенный период важнейшим элементом системы электоральной поддержки консервативного правления. Однако в долгосрочном плане мелкие фермерские хозяйства создавали для политиков большую проблему, поскольку с трудом поддавались экономической рационализации и не подходили для тех видов сельхозпроизводства, где требуется эффект масштаба. Поэтому в дальнейшем неконкурентоспособный аграрный сектор превратился в «головную боль» для правящей администрации, которая была вынуждена в интересах фермеров отстаивать протекционистские меры во внешнеэкономической сфере, даже если эти меры не соответствовали общенациональным интересам.

В целом можно заключить, что принятие Конституции 1947 г. и демократические реформы второй половины 1940-х годов имели решающее значение для дальнейшего развития всей политической системы. Результаты этих реформ, которые были восприняты народом Японии, определили развитие политической системы страны на весь послевоенный период.

Вместе с тем следует отметить, что послевоенная политическая модернизация была успешной далеко не во всем. Например, не была создана полностью автономная система местного самоуправления по американскому образцу. Не удалось в ходе послевоенной модернизации полностью преодолеть и такие системные характеристики японской политической культуры, как отсутствие традиций гражданского общества, слабость общественного контроля над правительством, неразвитость политических партий как институтов представительной демократии, а также гипертрофированная роль бюрократии, выполняющей, по сути, политические функции в системе государственной власти. Партиципативное сознание, несмотря на все усилия реформаторов, так и не укоренилось в широких слоях японского электората, который предпочитал голосовать не за программно-идеологические платформы, а за конкретных депутатов, вне зависимости от их партийной принадлежно-

сти. Таким образом, в политической практике послевоенного периода закрепился феномен «партийно-индифферентного, персонально-ориентированного электората».

Результатом политической модернизации конца 1940-х годов стала специфическая для Японии модель партийно-политической системы, закрепившаяся в политологическом сленге под названием «системы 1955 года». В ноябре 1955 г. несколько конкурирующих политических группировок консервативного типа сформировали Либерально-демократическую партию (ЛДП). Ее создание было своего рода ответом консервативных сил на создание в октябре того же года социалистической партии. Суть «системы 1955 года» заключалась в том, что на протяжении четырех десятилетий на политической арене Японии доминировала одна партия – ЛДП. При этом Япония оставалась полностью демократическим государством, в стране на всех уровнях регулярно проводились выборы, соблюдались политические права и свободы.

Отсутствие смены власти в стране отчасти компенсировалось фракционной структурой ЛДП. В партии существовали несколько (в среднем от шести до восьми) фракций, которые обеспечивали своих членов политическими фондами, оказывали поддержку в проведении избирательных кампаний, участвовали в распределении высших постов в партийной и правительственной иерархии. Избрание председателя ЛДП, который как глава партии парламентского большинства становился премьер-министром, происходило в непубличном формате, в рамках закулисных консультаций между лидерами фракций.

Избирательная система страны, в рамках которой от одного округа в парламент избиралось по несколько депутатов, способствовала развитию политической борьбы не между различными партиями, а в самой правящей между представителями различных ее фракций. Регулярная смена лидеров фракций у власти позволяла создать ощущение сменяемости власти, запуска нового политического курса. Особенностью послевоенного политического развития стала частая смена кабинетов, которая происходила в среднем раз в полтора года, и возглавлявших их премьер-министров – в среднем раз в два с половиной года.

Получая организационную и финансовую поддержку со стороны крупного капитала, ЛДП, тем не менее, проводила государственную политику с учетом интересов самых широких слоев японского общества, которые оказывали ей поддержку на выборах. В оборот вошел термин «партия-универмаг»: подобно тому, как в универмаге можно найти товары на любой вкус, поддержку со стороны партии мог найти любой избиратель вне зависимости от своей социальной или профессиональной

принадлежности. Как отмечал П. Дуус, ЛДП быстро превращалась в универсалистскую партию, представлявшую самый широкий диапазон социальных групп со сложившимися интересами¹¹.

В этом смысле ЛДП отличалась от своего основного конкурента – Социалистической партии Японии (СПЯ), которая строила свою политику, ориентируясь главным образом на интересы наемных работников крупных предприятий. Ограниченной поддержкой пользовалась в обществе Коммунистическая партия Японии, которая с 1960-х годов превратилась в партию парламентского типа.

В 1960-е годы на политической арене страны появились так называемые партии третьего пути». В 1960 г. от СПЯ откололось ее правое крыло, члены которого были не согласны с негативной позицией руководства по отношению к договору безопасности с США. Они основали Партию демократического социализма (ПДС). В 1964 г. на базе буддистской организации Сока гаккай образовалась партия Комэйто. Позиционируя себя в качестве политической альтернативы двум основным партиям, «партии третьего пути» постепенно упрочивали свои позиции в парламенте, забирая значительную часть голосов у своих главных политических конкурентов. Однако в целом можно сказать, что вплоть до конца 1980-х годов консервативному политическому руководству удавалось успешно проводить политику маргинализации оппозиционных политических сил (партий и профсоюзов). Проблема для последних заключалась в том, что они не смогли вовремя перестроиться, продолжая делать ставку на идеологические лозунги, тогда как внимание избирателей с начала 1960-х годов переключилось на частные вопросы, связанные с их конкретными экономическими интересами.

Особенностью «системы 1955 года» явилась гипертрофированная роль бюрократии в системе государственного управления. Министерства и ведомства фактически монополизировали процесс принятия решений, в том числе стратегических. Проф. Ун-та Кентукки П. Каран отмечал, что в современной Японии, как и в период мэйдзийского правительства, высшие гражданские служащие «относят финансовую и внешнюю политики к сфере технических вопросов, которые надлежит решать экспертам, а не выносить на публичную дискуссию»¹². Подавляющая часть принимаемых парламентом законопроектов, как и в довоенный период, продолжала готовиться в недрах правительства, в результате чего высший законодательный орган стали именовать «машиной по штампованию» решений бюрократии.

¹¹ Peter Duus. Modern Japan. Houghton Mifflin Co., 1998, p. 313

¹² Pradyugma P. Karan. Japan in the 21 century: environment, economy and society. The University Press of Kentucky 2005, p. 284.

Ось идеологического противостояния между ЛДП и СПЯ по-разному проявляла себя во внешнеполитической и экономической плоскости. ЛДП выступала за одностороннюю ориентацию внешней политики Японии на США, отмену 9-й статьи Конституции и проведение активного военного строительства, а СПЯ – в поддержку стран социалистического блока по основным проблемам мировой политики, против изменения Конституции и политику невооруженного нейтралитета. Основными пунктами политических противоречий на выборах и в парламенте были такие вопросы, как Договор безопасности с США, изменение Конституции, проблемы ядерного оружия и т. д. Что касается внутривнутриполитических вопросов, они не имели идеологического характера. ЛДП традиционно ставила во главу угла своей политики цели поддержания высоких темпов экономического роста, высокой конкурентоспособности экономики на мировых рынках и приоритетного развития экспортных отраслей. В то же время социальной политике не уделялось большого внимания, и Япония отставала от большинства развитых стран по показателям социального развития (достаточно сказать, что общенациональная пенсионная система появилась в Японии только к середине 1980-х годов). Между тем оппозиционные партии оказывали на ЛДП давление в пользу создания современной системы социальных гарантий, и, прежде всего в области пенсионного обеспечения, здравоохранения, защиты интересов наемных работников.

С начала 1960-х годов и вплоть до середины 1980-х годов Япония получала большие доходы в результате приоритетного развития экспортных отраслей экономики. В этих условиях суть внутривнутриполитических процессов, которые утрачивали идеологическую подоплеку, заключалась в проведении масштабной перераспределенческой деятельности в рамках так называемого «железного треугольника», под которым понимается специфическая форма сращивания политических кругов, корпоративного сектора и высшей бюрократии на базе взаимных интересов, определяемых близостью к процессу распределения бюджетных средств.

Получаемые крупными экспортными предприятиями сверхдоходы через налогово-финансовую сферу направлялись на проведение масштабных инфраструктурных проектов, и прежде всего в депрессивных неурбанизированных районах страны. Особенность избирательной системы заключалась в том, что именно из этих районов избиралась значительная часть депутатского корпуса правящей партии. Благодаря проведению этой политики (одним из воплощений которой стал «План преобразования японского архипелага», провозглашенный премьером К. Танака в начале 1970-х годов), Япония смогла обеспечить относительную равномерность развития всей территории страны, а не только

«промышленного пояса» тихоокеанского побережья, где была сконцентрирована подавляющая часть экспортируемых предприятий. Даже в самых отдаленных и труднодоступных горных районах были возведены современные объекты социальной, торгово-распределительной и транспортно-коммуникационной инфраструктуры, в результате чего правительству удавалось обеспечить высокие общенациональные стандарты качества жизни и добиться приемлемого уровня социальной гомогенности.

Используя широкий инструментарий налогово-финансовых и административных регуляторов, правительство поддерживало корпоративный сектор дополнительными гарантиями от колебаний рынка, в том числе с помощью масштабных государственных заказов, целевой финансовой помощи и иных форм бюджетных вливаний. Это позволяло избежать массовых банкротств и увольнений, что в сочетании с системой пожизненного найма явилось формой поддержания в стране социальной стабильности. Японии удалось добиться высоких показателей равномерности доходов между различными слоями общества. Отсутствие сильных социальных контрастов вкупе с высокой степенью участия государства в экономике и ограниченно рыночным типом межкорпоративных отношений дали основание говорить даже о становлении специфически японской модели социализма.

Оборотной стороной перераспределенческой политики явился рост коррупции в политической сфере. Накачивая корпоративный сектор, работающий в сфере инфраструктурного строительства, бюджетными деньгами, политики получали от него солидные «откаты» в виде пожертвований на политические цели. В результате стоимость депутатского места в парламенте постоянно росла, а процесс финансирования политической деятельности приобретал все более закрытый от общественного контроля, а порой и криминальный характер. С начала 1970-х годов страну начали потрясать коррупционные скандалы, в которые оказались замешанными высшие руководители правящей партии, включая глав кабинета министров. В результате, росло массовое недовольство злоупотреблениями, и престиж ЛДП к концу 1980-х годов резко упал.

Политическая модернизация эпохи Хэйсэй

С завершением биполярной эпохи и переходом Японии на постиндустриальную модель развития созрели условия для нового этапа политической модернизации. Этому способствовал целый ряд факторов. Прежде всего, исчез идеологический водораздел, по которому происходило противостояние между политическими партиями. Внешние и внутренние условия для Японии стали характеризоваться новыми угрозами,

к числу которых можно отнести политический, военный и экономический подъем Китая, ужесточение конкуренции за сырьевые ресурсы на мировых рынках, ядерная угроза со стороны КНДР, новые вызовы, связанные со стихийными бедствиями и техногенными катастрофами («тройное бедствие» 11 марта 2011 года). Новые вызовы встали перед страной и в связи с неоднозначной экономической и социально-демографической ситуацией, для которой характерны низкие темпы экономического роста, длительная дефляция, затяжная рецессия, становление малодетного общества, старение населения и т. д. В этих условиях серьезные ошибки, допускаемые политическим руководством, стали усугублять кризисные явления в экономике и социальной сфере.

С другой стороны, после Плазского соглашения 1985 г., девальвирующего доллар по отношению к иене, Япония начала утрачивать свои позиции на мировых рынках в качестве экспортера готовой продукции. Перейдя на стадию постиндустриального развития, страна лишилась существенной части экспортных доходов, что в свою очередь сделало невозможным проведение масштабной перераспределенческой деятельности. Новое поколение избирателей было рождено и воспитано в городской среде и утратило те земляческие связи, которые приковывали их родителей к «родной деревне». В этих условиях политические субъекты потеряли возможность апеллировать к патриотизму выходцев из определенной местности и были поставлены перед необходимостью привлекать избирателей путем выдвижения политических программ, постановки общенациональных задач и т. д.

На это наложился субъективный момент – разочарование избирателей в правящей партии, связанное с ростом политической коррупции, неспособностью ЛДП к самореформированию и к выдвижению способных лидеров, отсутствием процесса смены поколений и т. д. В стране вырос уровень абсентеизма на выборах. Как отмечал известный британский японовед Мариус Янсен, «неизбежным следствием длительного периода господства консерваторов было уменьшение в обществе ожиданий реформ¹³. В результате ЛДП в 1993 г. впервые за всю историю своего существования проиграла на выборах, уступив власть коалиции оппозиционных партий. И хотя менее чем через год ЛДП вернула себе бразды правления, она уже не смогла поддерживать монопольную власть и была вынуждена вступить в коалицию сперва со своим заклятым врагом – СПЯ, а затем и с партией Комэйто. Это знаменовало конец «системы 1955 года» и начало эпохи коалиционных правительств.

В первой половине 1990-х годов в стране были предприняты попытки политического реформирования, направленные на усиление роли

¹³ Marius B. Yansen. The Making of Modern Japan Harvard University Press, 2000, p. 725

политических партий как субъектов политического процесса, повышение интереса к политической сфере со стороны общественности, сокращение политической коррупции.

В ходе административной реформы конца 1990-х – начала 2000-х годов был укреплен институт премьер-министра, которой был наделен более эффективными рычагами для проявления политического лидерства, создана канцелярия кабинета министров как орган координации деятельности правительства, опробованы новые экспертно-вспомогательные механизмы, призванные повысить независимость и объективность принимаемых политическим руководством решений. Однако, несмотря на все усилия, элите так и не удалось решить несколько принципиальных вопросов, связанных с повышением эффективности политического управления.

Прежде всего, речь идет о создании конкурентогенной архитектуры политических партий. В ее рамках соперничающие между собой партии сменяют друг друга у власти, завоевывая симпатии избирателей путем выдвижения конкурирующих программ. Например, с появлением в 1998 г. ДПЯ многие стали говорить о перспективе становления в стране двухпартийной системы, подобно той, что существует в США или Великобритании. Однако после смены власти в 2009 г. стало ясно, что путь к двухпартийности для Японии окажется сложным и непредсказуемым. Это связано с тем, что между основными партиями, претендующими на роль системообразующих, отсутствует идеологический водораздел по принципиальным вопросам государственного управления, наличие которого дало бы основания охарактеризовать одну из партий как «консервативную» или «либеральную». Программное сходство между ДПЯ и ЛДП наблюдается по большинству вопросов финансовой, налоговой и экономической политики. Не имеют никаких принципиальных отличий и подходы двух крупнейших партий к Договору безопасности с США, азиатской интеграции, проблеме потепления климата, угрозе распространения ядерного оружия и т. д.

Единственным исключением является подход к социальным функциям государства: если ЛДП придерживается теории минимизации социальных обязательств государства, то ДПЯ выступает в поддержку идеи «государства социального благоденствия», опробованной в странах Северной Европы. В этих условиях политически мотивированному избирателю трудно сделать сознательный выбор, основанный на идеологических, а не личностных предпочтениях, а партиям – сложнее сформировать когорту «твердых голосов», являющуюся важным атрибутом двухпартийной системы.

Альтернативой двухпартийной системе служит система коалиционных правительств, основанная на компромиссах и договоренностях

между несколькими партиями. В Японии вопрос о коалиционном правлении встал на повестку дня в связи с окончанием «системы 1955 года», а со второй половины 2000-х годов приобрел особую актуальность в связи с электоральными успехами «малых партий» (Партия всех, Новая народная партия, партия «Вставай, Япония», Новая партия реформ), которые позиционировали себя в качестве альтернативной политической силы в условиях глубокого кризиса ЛДП и разочарования со стороны избирателей в отношении ДПЯ. На руку «малым партиям» играют такие особенности избирательной системы, как наличие крупного блока мест в нижнюю палату, избираемого в «округах пропорционального представительства», особый порядок в палату советников, отличный от палаты представителей, а также тот факт, что сроки выборов в верхнюю палату не совпадают с выборами в нижнюю. Однако практика показывает, что главный расчет этих партий заключается в том, чтобы с наибольшей выгодой «продать себя», либо путем вступления после некоторого торга в правящую коалицию, либо путем слияния с ДПЯ при условии получения значимых постов в ее партийном руководстве. Поэтому вопрос о закреплении в политической практике системы коалиционного правления, основанной на сознательном идейно-политическом выборе, пока еще не решен.

Другим важным пунктом политической модернизации является поиск более совершенной системы принятия политических решений со стороны «партии власти». Эта задача связана с кризисом установившейся в Японии в послевоенный период модели консенсуальной демократии, основанной на поиске приемлемых решений на базе консенсуса внутри правящей партии, межпартийного консенсуса внутри парламента, консенсуса между отдельными группировками правящей элиты, представленной депутатами парламента, деловыми кругами и высшей бюрократией министерств и ведомств. Главную роль в консенсуальной демократии играют не политические лидеры, а члены межпартийных «депутатских кланов», специализирующиеся на проталкивании через парламент законопроектов в определенной области государственного управления.

Обозначившаяся на фоне кризисных явлений в социально-экономической и внешнеполитической сферах проблема заключается в том, что при консенсуальной демократии политическому руководству оказывается труднее проявлять свое лидерство и принимать волевые решения, поскольку в процессе «согласований», поиска консенсуса и достижения компромисса суть таких решений нередко выхолащивается.

После прихода в 2009 г. к власти администрации ДПЯ на повестку дня был поставлен вопрос о внедрении в политическую систему Вест-

министерской модели, в которой в центре принятия решений стоит кабинет министров, выполняющий функции «политической диспетчерской». В рамках этой системы политическое звено государственного управления не противостоит бюрократии, а осуществляет ее непосредственное руководство изнутри кабинета министров. Функции депутатского корпуса правящей партии сводятся в основном к роли «заднескамеечников», т. е. «проталкиванию» подготовленного кабинетом проектов решений через парламент. Что касается бюрократических структур правительства, то они должны будут заниматься лишь техническим оформлением и детализацией тех готовых решений, которые спускаются им из кабинета министров.

Вопрос о внедрении Вестминстерской системы, стоящий на повестке дня политической модернизации, представляет собой проблему оптимизации схемы взаимоотношений между политиками и бюрократами. Поскольку эта система противоречит устоявшимся в Японии традициям консенсуальной демократии, ее внедрение сопряжено со значительными трудностями и потребует значительного времени.

Раздел второй

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Очевидно, что на всех этапах модернизации Японии решающую роль играли преобразования в области экономики, поскольку именно они создавали материальную базу для превращения страны в современное государство и являлись основой для изменений и в других сферах жизнедеятельности общества.

Как отмечается в первой главе монографии, для того типа модернизации, который избрала Япония, характерна высокая степень участия государства в этом процессе. При этом следует отметить, что с точки зрения форм и методов государственного регулирования экономического развития можно провести четкую грань между моделью, сложившейся в период между реставрацией Мэйдзи и окончанием Второй мировой войны, и моделью, сформировавшейся в послевоенный период.

С самых первых лет развития капитализма в Японии государство являлось не только крупным собственником и предпринимателем, занимая ключевые позиции в ряде важнейших секторов национальной экономики, но и осуществляло всеобъемлющий контроль, направляя и регулируя развитие и тех сфер, где оно не имело собственности и не занималось предпринимательством.

Такой характер участия государства в экономическом развитии был предопределен целым рядом факторов. На первых порах это было связано с тем, что задачу скорейшего преодоления экономического и технологического отставания от стран Запада приходилось решать в условиях общей социально-политической нестабильности, сохранения многочисленных феодальных пережитков, очевидной финансовой и технологической слабости частного национального капитала. В дальнейшем все более возрастающую роль в определении характера государственного регулирования стали играть геополитические интересы правящего класса, требовавшие быстрого нарастания масштабов экономической и военной экспансии.

В период Мэйдзи Япония вступила, имея весьма отсталую по сравнению с ведущими западными странами систему экономики. Ее основу составляли сельское хозяйство и мелкое кустарное производство. Транспорт и связь находились на весьма низком уровне развития, торговля и финансы несли на себе отпечаток феодальной эпохи, и буквально по пальцам можно было пересчитать предприятия, применявшие передовую по тем временам технику и технологию. Практически все функции по модернизации этой системы в первое десятилетие Мэйдзи взяло на себя новое правительство.

Главным направлением его усилий стало создание современных промышленных предприятий, оснащенных западной техникой. Прежде всего, были переоборудованы предприятия, построенные в первой половине XIX в. Так, принадлежавший сёгуну сталеплавильный завод в Нагасаки был переоборудован для налаживания производства артиллерийских орудий, а верфь в Кагосима, бывшая собственностью сацумского даймё, была переориентирована на производство военных судов¹.

С начала 1870-х годов правительство приступило к строительству современных промышленных предприятий, которые должны были служить образцом предпринимательства для частного сектора. При этом преследовалась и еще одна цель – наладить производство ряда важнейших товаров с целью постепенного ослабления зависимости страны от их импорта (например, таких, как стекло, цемент и другие стройматериалы). Для руководства строительством и управления государственными предприятиями в 1870 г. был создан Департамент промышленности (Кобусё), который привлекал к своей работе и иностранных специалистов.

Предметом особой заботы правительства была горнорудная промышленность. После реставрации Мэйдзи все минеральные ресурсы были объявлены собственностью государства, которое выдавало лицензии на их разработку частным лицам. Но и само правительство организовало в этой отрасли девять образцовых предприятий на основе использования западной техники (в добыче золота, серебра, меди, железной руды и угля). Образцовые предприятия выполняли двоякую функцию: с одной стороны, они служили моделью для частных предприятий, а с другой – являлись центрами подготовки квалифицированной рабочей силы².

Можно сказать, что практически все построенные в первое десятилетие Мэйдзи крупные промышленные предприятия были созданы либо самим правительством, либо при его активном содействии (путем предоставления частному капиталу государственных субсидий и льготного кредитования, в частности, импорта иностранной техники и оборудования).

¹ Allen G. C. A short economic history of modern Japan. N. Y. 1962, p. 32.

² А. И. Кравцевич. Общественное предпринимательство в Японии. М., 1988, с. 54–55.

Всего же к концу 1870-х годов в собственности государства находились 3 судовой верфи, 51 торговое судно, 5 военных заводов, 52 промышленных предприятия, 10 шахт, а также телеграфная система, связывавшая все основные города страны, и железные дороги протяженностью около 120 км³. Частный же капитал пока не спешил делать крупные инвестиции в модернизацию традиционных отраслей или освоение новых, а предпочитал извлекать выгоды из привычных для него финансовых и торговых операций.

Усилия по модернизации экономики требовали огромных затрат, и с самого начала своей деятельности правительство столкнулось с проблемой острой нехватки финансовых ресурсов. Сначала для получения необходимых средств правительство прибегло к займам у дружественных торговых домов (прежде всего, дома Мицуи), но поскольку этого оказалось недостаточно, вскоре оно вынуждено было начать использовать такие меры, как выпуск в обращение бумажных денег и размещение государственных займов (в том числе и за рубежом).

Выпуск бумажных денег привел к довольно быстрому их обесценению и росту цен. Инфляцию подхлестнула также и предпринятая правительством реформа финансовой системы, поскольку старая, обслуживавшая главным образом связи между торгово-ростовщическими домами и даймё, оказалась разрушена.

В 1872 г. был принят закон о создании так называемых национальных банков – частных финансовых институтов, работавших под контролем правительства. Каждый банк обязан был принять на депозит бумажные деньги в размере 3/5 от суммы капитала и иметь золотой резерв, эквивалентный 2/5 капитала. Банкам также разрешалось выпускать собственные банкноты. В 1876 г. условия выпуска банкнот были облегчены: банкам разрешалось выпускать их без золотого обеспечения в объеме депозита казначейства, доля которого в их капитале была поднята до 80 %.

Эти меры привели к заметному росту числа национальных банков и одновременно к быстрому нарастанию объемов выпуска ими банкнот, что еще больше подхлестнуло инфляцию. С целью сдерживания инфляционных тенденций в 1879–1880 гг. правительство разместило в ряде банков свои серебряные резервы и в обмен на них изъяло из обращения значительный объем банкнот (на сумму около 12 млн. иен)⁴. Однако вплоть до реформы Мацуката (1881 г.), о которой будет сказано ниже, положение в финансовой системе страны оставалось крайне напряженным.

1880-е годы стали переломным периодом в развитии японского капитализма. Хотя в это десятилетие страна вступила с грузом сложных

³ Allen G. C. A short economic history of modern Japan, p. 34.

⁴ Ibid. p. 43–46.

финансово-экономических проблем, в целом эпоха первоначального накопления капитала была уже завершена, и класс промышленной буржуазии сформировался. Кроме того, благодаря усилиям правительства были заложены основы современной промышленности и проведены преобразования в других сферах экономики. В этих условиях правительство приняло решение уйти из большей части базовых отраслей и передать их частному капиталу.

В ноябре 1880 г. был принят закон о продаже государственных предприятий, под который попадали практически все заводы и фабрики невоенного профиля. С помощью этой меры государство рассчитывало не только укрепить позиции буржуазии, но и облегчить финансовое бремя, связанное с содержанием этих предприятий. Дело в том, что как источник пополнения доходов казны государственные предприятия себя не оправдывали: за исключением нескольких текстильных фабрик (работавших на экспорт) они были убыточными.

Для частного капитала эта сделка оказалась чрезвычайно выгодной. Во-первых, рабочая сила, занятая на этих предприятиях, уже обладала необходимой квалификацией, а установленное оборудование соответствовало лучшим современным образцам. Во-вторых, продажные цены были существенно ниже реальной стоимости предприятий и составляли в среднем от 1/3 до 1/2 стоимости их основного капитала. В-третьих, покупателям предлагались весьма выгодные условия платежа – длительные рассрочки под низкие проценты. При этом государственные предприятия продавались, прежде всего, тем представителям знати и буржуа, чьи семьи поддерживали правительство в первые годы после реставрации Мэйдзи, что способствовало их быстрому обогащению⁵.

Одновременно с передачей государственных промышленных предприятий частному капиталу правительство решило стимулировать строительство частных железных дорог. Частные железнодорожные компании были не только освобождены от уплаты налогов в течение первых 10–15 лет своей деятельности, но и фактически страховались от убытков, так как на этот период государство гарантировало им 8 %-ный уровень прибыли⁶.

Само же правительство с начала 1880-х годов сосредоточило усилия на укреплении финансовой системы и развитии военного производства. С назначением в 1881 г. на пост министра финансов М. Мацуката началась радикальная реформа финансовой системы. Ее целями были достижение сбалансированности бюджета, сокращение размеров государственного долга, восстановление паритета между серебряной иеной и бумажными деньгами.

⁵ Lodge G. Gobot. Comparative business-government relations. N. Y. 1991, chart 2.

⁶ А. И. Кравцевич. Общественное предпринимательство в Японии, с. 56.

В 1882 г. был учрежден Центральный банк, на который были возложены функции управления государственным долгом и эмиссии бумажных денег под обеспечение золотыми и серебряными резервами (для увеличения которых были использованы средства, полученные от продажи государственных предприятий). Национальные банки должны были передать свои резервы драгоценных металлов на хранение в Центральный банк, и, кроме того, им вменялось в обязанность производить ежегодно платежи в специальный фонд, предназначенный для погашения государственного долга.

Одновременно с целью увеличения доходов бюджета были повышены ставки некоторых видов прямых и косвенных налогов, а также введены их новые виды. В то же время для сокращения государственных расходов были урезаны затраты на содержание административного аппарата и прекращено субсидирование частных предприятий. Некоторые виды расходов (на строительные и общественные работы, содержание тюрем и т. д.) были возложены на местные органы власти (что потребовало увеличения местных налогов).

Реформа оказалась весьма успешной, и уже к 1886 г. фактически была восстановлена конвертируемость бумажных денег в драгоценные металлы и установлен паритет между серебряной и бумажной иеной. Сократились размеры государственного долга. Благодаря быстрому экономическому развитию существенно расширилась база налогообложения. С 1886 г. правительство при составлении бюджета стало строго придерживаться принципа сбалансированности доходов и расходов⁷. Укрепились и банковская система страны. Так, в 1887 г. был учрежден Йокогамский банк, которому были приданы функции инвалютного банка (доля государства в его капитале составляла 1/3, а назначения на высшие управленческие должности производились министерством финансов).

Важным событием в развитии финансовой инфраструктуры стало создание в 1887 г. Депозитного бюро министерства финансов, которому были переданы вклады населения, аккумулированные на счетах “системы почтовых сбережений”, а также некоторые другие фонды, принадлежавшие правительству. Принимая на свои счета депозиты населения (в основном наиболее бедных его слоев), бюро инвестировало их в облигации и другие ценные бумаги центрального правительства и местных органов власти, тем самым предоставляя государству деньги для реализации его экономической политики. Отметим, что эта система оказалась настолько эффективной, что просуществовала без каких-либо серьезных изменений до самого последнего времени, и только в 2007 г. была принята программа ее поэтапной приватизации, рассчитанная на 10 лет.

⁷ Allen G.C. A short economic history of modern Japan, p. 52–54.

Несмотря на быстрое развитие промышленности, транспорта и торговли Япония все еще оставалась крестьянской страной и находилась лишь на начальной стадии модернизации экономики. Военно-политические интересы диктовали необходимость существенного ускорения этого процесса, что потребовало значительного расширения как прямых, так и косвенных форм государственного участия в экономическом развитии.

Главным предметом внимания правительства стали отрасли экономики, имевшие военно-стратегическое значение. В конце 1885 г. была принята 10-летняя программа развития экономики, которая наряду со строительством новых заводов и фабрик по производству вооружений, военного обмундирования и снаряжения и реконструкции старых предусматривала значительное ускорение развития ряда отраслей тяжелой промышленности. Планировалось также существенное расширение сети железных дорог, телефонной и телеграфной связи.

В ходе выполнения этой программы позиции государства в экономике в качестве собственника и предпринимателя существенно укрепились. Помимо военных заводов и арсеналов в эти годы им был построен ряд промышленных предприятий, крупнейшими из которых были металлургический комбинат «Явата», завод по производству подвижного состава в Нагоя и завод по производству горного оборудования в Фукуока.

Государство активно участвовало и в расширении железнодорожной сети страны. К началу русско-японской войны в его собственности находилось более 2 тыс. км дорог (около 28 % их общей протяженности). При этом ввиду особой военно-стратегической значимости этой отрасли правительство жестко контролировало и развитие частных железнодорожных компаний. Так, в 1885 г. был принят новый закон о железных дорогах, который закрепил за государством монополию на эксплуатацию магистральных линий, а частному капиталу предоставил право на эксплуатацию местных линий (при полном подчинении развития последних единому государственному плану)⁸.

В другой стратегически важной отрасли – судостроении – позиции государства как собственника были незначительны, но оно активно стимулировало развитие частных компаний с помощью разного рода инструментов. Так, в 1886 г. был принят закон о поощрении судостроительной промышленности, по которому компаниям, строившим суда с металлическими корпусами грузоподъемностью более 700 т, предоставлялись значительные государственные субсидии. Дальнейший импульс развитию отрасли дало принятие в 1899 г. закона о субсидировании судостроения. В соответствии с ним владельцы судов японского производства получали вдвое большие субсидии, чем те, что предоставлялись владельцам судов иностранного производства.

⁸ А. И. Кравцевич. Общественное предпринимательство в Японии, с. 56–57.

Разнообразная поддержка оказывалась и машиностроительным компаниям, поскольку необходимо было как можно быстрее ослабить высокую зависимость страны от импорта промышленного оборудования, требовавшегося для строительства железных дорог, заводов, шахт и верфей.

Молодой быстрорастущий японский капитализм сильно нуждался в финансовых ресурсах, поэтому предметом особого внимания правительства было дальнейшее развитие кредитно-финансовой системы. В 1890-е годы были заложены основы системы так называемых специализированных банков, сыгравших огромную роль в финансировании частного предпринимательства (к концу 1920-х годов их число достигло 28).

Первым шагом в этом направлении стало создание в 1886 г. Ипотечного банка (Нихон кангё гинко), предоставлявшего ссуды на период до 50 лет под обеспечение недвижимостью (с отделениями во всех 46 префектурах). Следующим шагом стало создание в 1887 г. специального банка по финансированию мелкого и среднего бизнеса (Ноко синко), а в 1900 г. – Промышленного банка Японии (Нихон когё гинко), занимавшегося долгосрочным кредитованием крупных промышленных предприятий, прежде всего в судостроении, металлургии, машиностроении.

По форме эти банки являлись смешанными частно-государственными компаниями (с долей государства в учредительном капитале более 50 %), но действовали не в рамках коммерческого права, а на основе специальных законов, жестко регламентировавших их деятельность. При этом жесткость этой регламентации компенсировалась тем, что государство выступало гарантом по финансовым обязательствам этих банков, а в некоторых случаях даже гарантировало их акционерам получение стабильных дивидендов⁹.

Одновременно правительство старалось стимулировать процессы концентрации частного банковского капитала. С этой целью в 1901 г. были ужесточены требования в отношении минимальных размеров уставного капитала – для акционерных компаний он был повышен до 500 тыс. иен, а для индивидуальных банков – до 250 тыс. иен¹⁰.

Японо-китайская и особенно японо-русская войны стали тяжелейшим испытанием для финансовой системы страны. Военные приготовления и военные действия потребовали огромных затрат (в совокупности свыше 1,5 млрд. иен), незначительная часть которых была покрыта за счет повышения налогов, а основная – путем размещения государственных займов. В результате государственный долг Японии вырос с 207 млн. иен в 1894 г. до 2,4 млрд. иен к 1906 г., т. е. почти в 12 раз¹¹.

⁹ Там же, с. 57.

¹⁰ Allen G. C. A short economic history of modern Japan, p. 48.

¹¹ Очерки новой истории Японии. М., 1958, с. 409.

После окончания русско-японской войны государство продолжало направлять огромные средства на укрепление и переоснащение армии и флота, и к началу Первой мировой войны на военные нужды шло уже более 1/3 общей суммы государственных расходов. Однако в результате быстрого развития промышленности (в том числе благодаря военным заказам, льготным кредитам и субсидиям) и экономики в целом, сопровождавшимся значительным расширением базы налогообложения, основная часть этих расходов покрывалась теперь уже не за счет размещения займов, а за счет налоговых поступлений, а также доходов от эксплуатации колоний.

В межвоенное десятилетие произошло существенное расширение не только косвенных, но и прямых форм участия государства в экономике страны. Так, с учетом исключительно важного значения железнодорожного транспорта в 1906–1907 гг. была проведена национализация частных железных дорог, в результате которой доля государственных линий в их общей протяженности превысила 90 %. Вскоре после национализации была осуществлена техническая модернизация отрасли, позволившая существенно увеличить пропускную способность железнодорожной сети.

Государство продолжало также занимать ведущие позиции в производстве чугуна и стали: накануне Первой мировой войны 2/3 выплавки чугуна и 85 % выплавки стали приходилось на долю государственных предприятий. Ему принадлежали также крупнейшие машиностроительные заводы, верфи, не говоря уже о военных заводах. Эти предприятия были не только оснащены новейшим оборудованием, но и существенно превосходили частные по мощности и размерам. Так, в среднем на одно государственное предприятие приходилось 1200 занятых, а на некоторых насчитывалось и по несколько тысяч работников.

Всего же к началу Первой мировой войны доля государственной собственности в национальном богатстве (включая промышленность, транспорт, финансы, инфраструктуру и т. д.) достигала 50 %¹².

Годы Первой мировой войны, в силу целого ряда благоприятных обстоятельств, стали для Японии периодом беспрецедентного процветания: промышленность, внешняя торговля и другие отрасли переживали настоящий бум. Было организовано множество новых компаний, банки резко увеличили объемы кредитования, росли денежные доходы населения, а в еще большей степени – прибыли компаний. Особенно заметно усилились позиции финансово-промышленных групп дзайбацу, главным образом за счет создания в каждой из них крупных предприятий тяжелой промышленности.

¹² А. И. Кравцевич. Общественное предпринимательство в Японии, с. 61.

Несмотря на огромный рывок, совершенный японской экономикой в годы Первой мировой войны, разрыв между Японией и ведущими западными странами в уровнях экономического и, прежде всего, промышленного развития был все еще весьма значителен, и задача дальнейшей модернизации экономики была актуальна не менее, чем прежде.

В 1920-е годы экономика Японии продолжала развиваться довольно быстро, хотя и неравномерно. При этом ряд происшедших в эти годы событий потребовал существенного усиления регулирующей функции государства. Так, для ускорения выхода экономики из послевоенной депрессии (1920–1922 гг.) государство значительно расширило объемы кредитования частного сектора через специальные банки и облегчило его условия, а также существенно увеличило субсидии частным фирмам.

Деятельность государства в этом направлении еще более активизировалась после землетрясения 1923 г., нанесшего огромный ущерб экономике страны. Так, Центральному банку было поручено учитывать под правительственные гарантии векселя частных финансовых институтов, понесших значительные убытки в результате землетрясения. С целью ускорения восстановительных процессов Промышленный и Ипотечный банки начали выдавать предприятиям специальные ссуды под весьма низкие проценты. Одновременно резко возросли и прямые государственные расходы – на восстановление экономики, помощь местным органам власти, освоение колоний и т. д. Наконец, банковский кризис 1927 г. и особенно мировой экономический кризис 1929–1933 гг. привели к существенному усилению контроля правительства за банковской сферой.

В связи с достаточно быстрым развитием в стране частного предпринимательства и, прежде всего, в результате значительного усиления мощи дзайбацу к концу 1920-х годов доля государства в национальном богатстве заметно снизилась – до 30 %. Тем не менее, в ключевых отраслях его позиции были весьма сильны. Особенно ощутимым было присутствие государства в сфере транспорта и связи: на его долю приходилось свыше 98 % стоимости услуг телефонно-телеграфной службы, свыше 80 % объема железнодорожных перевозок, ему принадлежало около половины автомобильного парка и парка судов, свыше 70 % мощностей портового хозяйства¹³.

Однако в эти годы курс на модернизацию экономики государство проводило, опираясь не только на свои предприятия в разных отраслях, но во все большей степени – на меры стимулирования частного сектора. Так, через специальные банки (в частности, Промышленный банк) оно направляло средства на развитие и модернизацию стратегически важ-

¹³ Там же, с. 61–62.

ных отраслей, в основном в тяжелой промышленности. На это же была направлена и широко применявшаяся в эти годы практика субсидирования частных предприятий.

Кроме того, в эти годы по инициативе и при поддержке государства в стране началось создание отраслевых предпринимательских союзов, целью которых было содействие повышению технического уровня производства, улучшению качества продукции, ее стандартизации и т. д.

В частности, в 1925 г. был принят закон о гильдиях экспортеров и промышленников, который предусматривал создание таких организаций в экспортных производствах и наделял их правом контроля за качеством продукции.

В 1930-е годы локомотивом развития японской экономики стали отрасли промышленности, важные для форсирования военных приготовлений. С помощью мер косвенного регулирования, а также размещения во все больших объемах военных заказов государство продолжало содействовать их модернизации, укрупнению заводов, обновлению технической базы производства. Однако в эти же годы произошло и заметное ужесточение прямого государственного контроля в промышленности и энергетике.

Так, в 1931 г. на основании специального закона было проведено принудительное объединение всех частных энергетических компаний в 5 региональных концернов, по сути ликвидировавшее конкуренцию в отрасли, а затем были введены прямой государственный контроль над тарифами и квотирование поставок электроэнергии.

Тогда же был принят закон о контроле над основными отраслями промышленности, легализовавший и поощривший создание картелей в отраслях, имевших военно-политическое значение. Правительство при этом определяло общие объемы производства важнейших видов продукции, а все прочие вопросы оставляло в компетенции самих картелей. Дальше всего дело зашло в металлургии, где было проведено слияние государственного концерна «Явата сэйтэцу» и шести частных компаний и образована смешанная компания «Ниппон сэйтэцу» с долей государства в капитале более 50 %¹⁴.

В целом же можно сказать, что до начала в июле 1937 г. войны с Китаем Япония быстро продвигалась по пути модернизации экономики. Государство играло в этом процессе ведущую роль, взяв на себя функцию локомотива в тех отраслях, где оно выступало собственником и предпринимателем, и стимулируя развитие частного сектора в наиболее важных отраслях экономики с помощью разного рода инструментов косвенного регулирования.

¹⁴ Подробно см. А.И. Кравцевич. Общественное предпринимательство в Японии, гл.2.

С началом войны Япония вступила в новый этап своего развития – период военной экономики. Задача модернизации отошла на второй план, а главным стала мобилизация всех видов национальных ресурсов для достижения военных целей. Доля военных расходов в национальном доходе возросла с 6,9 % в 1936 г. до 52,5 % в 1943 г. и почти 130 % в 1944 г.¹⁵

В то же время для использования потенциала частного сектора в военных нуждах государство резко расширило и усилило все формы своего контроля над экономикой. Как отмечает Я. А. Певзнер, в военные годы через всевозможные формы государственного регулирования под прямой или косвенный контроль государства были поставлены экспорт и импорт, внутренняя торговля, кредиты и инвестиции, объемы и номенклатура производства, использование рабочей силы (с определением ставок заработной платы и режима рабочего времени) и т. д.¹⁶

При оценке итогов экономического развития Японии в военные годы становится очевидно, что с точки зрения задачи модернизации страна была отброшена на десятилетия назад. Структура экономики была сильно деформирована из-за перекосов в отраслевом составе в пользу военного производства и смежных с ним отраслей, из-за нарушения нормальных пропорций между накоплением и потреблением и вследствие деградации целого ряда гражданских отраслей, в том числе и сельского хозяйства. В конце войны в результате бомбардировок было уничтожено от 20 % до 30 % производственных мощностей в ряде ведущих отраслей японской промышленности, а сохранившееся оборудование из-за сверхнормативной загрузки в военное время было сильно изношено¹⁷.

Иными словами, по окончании войны перед страной вновь во всей остроте встала задача экономической модернизации – но уже в других исторических условиях.

Понятно, что в первые послевоенные годы правительству было не до модернизации. На повестке дня стояли такие неотложные задачи, как восстановление разрушенного и деформированного войной хозяйства, перевод милитаризованной экономики на мирные рельсы, решение многочисленных социальных проблем, преодоление инфляции и т. д.

Восстановление экономики шло довольно быстро. К середине 1950-х годов большинство промышленных предприятий и объектов инфраструктуры были восстановлены, объем промышленного производства более чем вдвое превысил довоенный уровень, а объем экспорта почти

¹⁵ Я. А. Певзнер. Государство в экономике Японии. М., 1976, с. 11–12.

¹⁶ Там же, с. 12.

¹⁷ В. А. Власов. Обращающаяся промышленность современной Японии. М., 1972, гл. 1.

сравнился с показателями середины 1930-х годов. Однако восстановление заводов и фабрик происходило в основном на старой технической базе, и лишь на нескольких предприятиях было проведено обновление оборудования.

Между тем, в период оккупации, столкнувшись с привнесенными в страну элементами американской материальной культуры, японцы вновь испытали психологический шок, подобный мэйдзийскому, ужаснувшись тому, насколько велико отставание их страны от стран Запада, прежде всего США. Осознание в различных слоях общества масштабов этого отставания создало почву для выработки новой национальной цели – догнать США по уровню экономического и технического развития. Выдвижение этой цели не только способствовало консолидации японского общества, преодолению им настроений пессимизма и апатии, вызванных поражением в войне и оккупацией, но и существенно облегчило государству задачу определения конкретных направлений развития страны.

В середине 1950-х годов Япония вступила в новый этап модернизации экономики по типу догоняющего развития, который завершился к концу 1980-х годов. За это время она совершила огромный скачок в своем экономическом развитии. По масштабам финансово-экономической мощи, научно-техническому потенциалу, техническому уровню промышленности, транспорта, энергетики, связи и прочих отраслей хозяйства, по номенклатуре и качественным характеристикам выпускаемых товаров, по показателям удельных расходов сырья и энергии и т. д. она вышла на самые передовые позиции в мире. Конечно, основную работу по модернизации национальной экономики выполнил частный капитал, но роль государства в этом процессе также была весьма значительна.

В этой связи прежде всего следует отметить, что к завершению периода восстановления благодаря усилиям правительства (и не без участия оккупационных властей) уже были созданы все условия, необходимые для ускоренной модернизации экономики. Среди наиболее важных мер следует отметить роспуск дзайбацу, земельную реформу, реформу государственных предприятий, налоговую реформу, стабилизацию денежного обращения, а также принятие целого ряда законов, приведших законодательную базу страны в соответствие с правовыми нормами развитых государств. В послевоенный период, в принципиально иных условиях развития сложилась и качественно иная модель участия государства в процессе экономической модернизации.

Прежде всего, существенно сократились масштабы его участия в этом процессе в качестве собственника и предпринимателя. В ходе реформы государственных предприятий (1949–1953 гг.) крупнейшие госу-

дарственные компании «Ниппон сэйтэцу», «Ниппон хассодэн» и «Тэй-коку сэкию» были приватизированы и расчленены. В других отраслях государственных предприятия были реорганизованы и получили новый для Японии статус – статус общественных корпораций, с большей степенью независимости от министерств и ведомств в управлении. Так, в 1949 г. были созданы корпорация железных дорог «Кокутэцу» и корпорация по производству табачных изделий, соли и камфары «Сэмбай», а несколько позже – корпорация телефонно-телеграфной связи «Дэндэн кося» (1952 г.) и корпорация международной связи «Дэнсин дэнва» (1956 г.). В собственности государства остались также почта и система почтово-сберегательных касс (в форме унитарного предприятия) и некоторые предприятия, исполнявшие специфические функции (монетный двор, лесничества на казенных землях и т. д.). Государство сохранило также свою долю в капитале некоторых банков¹⁸.

Позже, в 1980-е годы, в ходе реформы системы общественного предпринимательства была проведена приватизация «Кокутэцу» и «Дэндэн кося», в результате чего доля государственной собственности в национальном богатстве страны сократилась еще больше и составила по данным на конец 1980-х годов около 11 %¹⁹.

Однако сокращение масштабов своего участия в экономическом развитии страны в качестве собственника и предпринимателя государство с лихвой компенсировало расширением использования всех прочих форм государственного регулирования. При этом с точки зрения воздействия на процесс модернизации в его деятельности можно выделить следующие направления.

Во-первых, определение долгосрочных и среднесрочных целей и ориентиров развития экономики в целом и отдельных ее отраслей и секторов.

Во-вторых, побуждение частного сектора с помощью разного рода инструментов регулирования развиваться в русле направлений, определенных правительством.

В-третьих, установление рамок, норм, стандартов деятельности частных предприятий с целью повышения эффективности использования ресурсов, сохранения окружающей среды, улучшения качества товаров и услуг и т. д.

В-четвертых, непосредственное участие государства в НИОКР и стимулирование им научно-исследовательской деятельности в частных компаниях.

Рассмотрим эти направления несколько более подробно на примере промышленности – отрасли, которая сыграла ведущую роль в процессе

¹⁸ Экономика Японии. Учебное пособие. М., 2008, с. 15.

¹⁹ D. Okimoto. Between MITI and the Market. Stanford, 1989, p. 2.

модернизации экономики и развитию которой государство уделяло особое внимание.

Понятно, что задача определения целей и направлений развития промышленности в некоторой степени облегчалась тем, что примерно до конца 1980-х годов Япония проходила стадию догоняющего развития, т. е. шла по пути, проложенному до нее ведущими индустриальными странами. И, тем не менее, отобрать из всего многообразия отраслей и производств, «предложенных» мировым научно-техническим прогрессом, те, которые в наибольшей степени позволили бы ей использовать свои конкурентные преимущества, было весьма непросто.

В период высоких темпов роста (вторая половина 1950-х – начало 1970-х гг.) для выработки ориентиров развития промышленности была использована так называемая концепция динамических сравнительных преимуществ. Общий смысл этой концепции состоял в том, что государство должно определять и поддерживать не те отрасли и производства, которые в настоящий момент обладают сравнительными конкурентными преимуществами, а те, которые будут обладать ими в будущем. При этом учитывались, прежде всего, такие критерии, как потенциал роста мирового спроса на продукцию отрасли и темпы научно-технического прогресса. Поддержка оказывалась также тем отраслям, которые могли обеспечить быстрое достижение страной экономической независимости и обретение ею статуса мировой промышленной державы.

Как известно, уже к концу 1960-х годов Япония вышла на второе место в мире по масштабам промышленного производства и стала одним из крупнейших поставщиков на мировые рынки высококачественной продукции различных отраслей тяжелой промышленности (стали, судов, автомобилей, радиоприемников, оптических приборов, электрооборудования, швейных машин, фотоаппаратов, телевизоров и т. д.). При этом значительно возрос и технический уровень производства. Япония обладала самым молодым в мире станочным парком, а в ряде ведущих отраслей (черной металлургии, нефтехимии, судостроении) по мощности и производительности оборудования она превосходила не только европейские страны, но и США.

На следующем этапе – этапе структурной перестройки, пришедшимся на вторую половину 1970-х – 1980-е годы, задача определения основных направлений развития промышленности была сложнее, чем на предыдущем, поскольку Япония уже вошла в число крупных промышленных держав, и ей нужно было нащупывать собственный путь развития. С учетом достигнутых результатов и обозначившихся проблем (загрязнение окружающей среды промышленными отходами, неравномерное размещение производства по территории страны, дефицит

рабочей силы и т. д.), а также на основе тщательного изучения достижений мирового НТП в начале 1970-х годов правительство предложило деловому сообществу грандиозную программу “интеллектуализации” промышленного производства. На этот раз в качестве отраслей, которые должны были составить основу экономического роста в будущем, были отобраны те, которые требовали значительных расходов на НИОКР и больших затрат высококвалифицированного труда (производство ЭВМ, оборудования атомных станций, самолетов, космической техники, станков с ЧПУ, автоматических линий, высококачественной бытовой техники и электроники и т. д.).

На реализацию программы «интеллектуализации» производственной структуры ушло почти 15 лет, причем наряду с ускоренным развитием наукоемких высокотехнологичных производств основным ее направлением стало также скрапирование (демонтаж с последующей переплавкой) мощностей в ряде энерго- и материалоемких отраслей, утративших конкурентоспособность в результате нефтяных кризисов 1970-х годов. При этом определение масштабов скрапирования по отраслям и производствам, отбор фирм, подпадающих под эту акцию, и разработка механизмов компенсации их потерь осуществлялись при самом активном участии государства.

К концу 1980-х годов задача создания “интеллектуальной” структуры промышленного производства была в основном решена. Облик японской промышленности коренным образом преобразился, и по таким характеристикам, как отраслевой состав, уровень материально-технической базы, энерго- и материалоемкость производства, уровень развития НИОКР, производительность труда, номенклатура и качественные характеристики выпускаемой продукции и т. д. она вышла на самые передовые рубежи в мире.

Что касается второго направления – побуждения частного сектора к развитию в русле направлений, определенных государством, то эта задача решалась в основном с помощью разного рода финансовых инструментов стимулирующего характера.

Во-первых, предприятиям отраслей и производств, которые были признаны государством приоритетными, в первоочередном порядке предоставлялись льготные кредиты по линии государственных финансовых институтов. Кроме того, для обеспечения притока в них частного банковского капитала государство долгое время использовало практику предоставления Банком Японии кредитов частным банкам под обещание последних кредитовать в первую очередь именно предприятия выделенных отраслей.

Во-вторых, в отношении предприятий выделенных отраслей и производств применялось льготное налогообложение с целью стимулиро-

вать их к расширению инвестиций в оборудование, наращиванию объемов производства и экспорта, а также содействовать укреплению их финансово-экономического положения. Среди инструментов этого блока следует отметить, прежде всего, такие, как снижение импортных пошлин и ставок налога на основной капитал в отношении машин и оборудования, необходимых для модернизации производственного аппарата; санкционирование создания на предприятиях новых видов резервных фондов, позволившее расширить базу для накопления капитала; частичное освобождение от налогов доходов предприятий от экспорта; введение ускоренной амортизации для определенных видов производств и оборудования и т. д.

Наконец, для побуждения частного сектора к развитию в желаемых направлениях государство активно использовало и такой специфический инструмент, как административное руководство. Его можно определить как не предусмотренные законом действия ведомств или отдельных чиновников, направленные на то, чтобы частные компании предприняли определенные шаги или, наоборот, воздержались от них. Очевидно, что широкое распространение подобной практики стало возможным благодаря особым отношениям между бизнесом и государством в Японии, сформировавшимся под влиянием как особенностей исторического развития страны, так и специфических социо-культурных характеристик японской нации²⁰.

Для ускорения процессов модернизации японское государство активно использовало и третье направление – административно-юридическое регулирование. На основе принятия разного рода законов и подзаконных актов, издания правительственных и ведомственных постановлений и инструкций оно устанавливало стандарты и нормы в отношении определенных сторон деятельности предприятий, стремясь поднять технический уровень производства, повысить эффективность использования ресурсов, усилить конкурентоспособность отечественной промышленности, повысить качество продукции и т. д. Так, например, в 1950-х – 1960-х годах в ряде отраслей были введены стандарты в отношении используемого производственного оборудования (т. е. компаниям разрешалось использовать станки и оборудование только одобренных министерством торговли и промышленности категорий). Практически до конца 1960-х годов правительство применяло такой инструмент, как контроль за покупкой частными фирмами патентов и технологий за рубежом. В 1978 г. был принят Закон об экономии энергии, который установил нормы расхода тепла и энергии в различных видах производства и наделил государство правом контроля за соблюдением этих

²⁰ Подробнее см.: Японский феномен М., 1996, гл. 4, п. 1.

норм. В 1970-х годах был также принят ряд законов о защите окружающей среды, установивших предельно допустимые нормы загрязнения воздушного и водного бассейнов для предприятий промышленности, транспорта и энергетики.

Что касается следующего направления деятельности государства в области модернизации экономики – его непосредственного участия в НИОКР и мер по стимулированию научно-исследовательской работы на частных фирмах – то мы не будем затрагивать эту тему, поскольку ей посвящена отдельная глава данной монографии.

В целом же можно сделать вывод, что в процессе послевоенной модернизации японской экономики государство играло весьма важную роль. На основе использования широкого комплекса мер регулирования оно стремилось придать этому процессу целенаправленный, поступательный характер. При этом заслуга государства состояла не только в том, что благодаря мерам поддержки и стимулирования быстро набирали силу приоритетные отрасли и производства, но и в том, что благодаря его политике в целом был создан климат, чрезвычайно благоприятный для инвестиций в обновление оборудования, для открытия дела в новых областях, для развития всех форм предпринимательства.

Итак, к концу 1980-х годов процесс модернизации экономики (в общепринятом понимании этого термина) завершился. Япония превратилась в мощное современное государство, обладающее всеми атрибутами зрелой рыночной экономики и институтами развитой демократии. Однако два последующих десятилетия для экономической системы страны стали периодом глубокой и довольно болезненной перестройки.

Дело в том, что в ходе послевоенной модернизации Япония создала экономическую систему, которая несла в себе целый ряд специфических черт и довольно сильно отличалась от систем, существовавших в других развитых странах²¹. Однако вступление мировой экономики в процесс глобализации, сама логика развития которого требует определенной нивелировки существующих экономических систем с целью снятия всех формальных и неформальных ограничений на пути движения мировых потоков товаров, капиталов, технологий, рабочей силы и информации, поставили Японию перед необходимостью перестройки ее экономической системы, приведения ее в соответствие в требованиях эпохи глобализации.

С середины 1990-х годов в японской экономике начались реформы, захватившие по существу все элементы ее экономической структуры. К настоящему времени значительная часть этой работы уже завершена, и

²¹ Подробно об особенностях японской экономической системы см.: Национальная экономика в условиях глобализации. М., 2007, гл. 4.

по мнению многих специалистов экономическая система Японии действительно приобрела новые очертания, стала гораздо более рыночной и открытой, более адекватной требованиям эпохи глобализации. Хотя рассмотрение вопроса о перестройке экономической системы Японии не входит в задачи настоящей главы, хотелось бы подчеркнуть, что и на этом этапе, который условно можно назвать этапом постмодернизации, роль государства была определяющей. Оно не только поддержало инициативы отечественного бизнеса и предложения западных партнеров Японии по изменению экономической системы, разработав необходимые для этого законы и механизмы, но и само инициировало целый ряд важных реформ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ (конец XIX — начало XXI века)

Ко времени осуществления реставрации Мэйдзи Япония была аграрной страной. Сельское хозяйство являлось основным источником материальных ценностей и экономического благосостояния. И в то же время оно было наиболее отсталой областью экономики. Если другие отрасли народного хозяйства несли на себе, пусть многочисленные, но лишь отдельные черты феодальной эпохи, то в деревне господствовала феодальная собственность на землю, и крестьяне — основная масса товаропроизводителей — находились в феодальной зависимости от своих сюзеренов. Крестьяне, в том числе и владевшие небольшими наделами собственники земли, из-за высоких налогов часто разорялись, становились арендаторами, отдавая феодалам до половины своего урожая, а ростовщикам — землю в заклад. Их земля попадала в руки богатых крестьян или к ростовщикам. Земли скупали и городские торговцы (хотя ее купля-продажа в то время не была разрешена). Так появились новые землевладельцы — *дзинуси* (в нашей литературе их называют помещиками¹). Тяжелое положение крестьян препятствовало развитию производства, объем его постепенно сокращался. Аграрный сектор требовал серьезных преобразований. Новые землевладельцы, со своей стороны, являясь фактическими собственниками земли, стремились оформить свои права в законодательном порядке, также хотели перемен.

Лидеры новой мэйдзийской элиты понимали необходимость проведения модернизации аграрного сектора, которая стала приоритетом государственной политики. После реставрации Мэйдзи оно усиленно старалось смоделировать структуру сельского хозяйства по западным меркам на основе замены японского мелкомасштабного производства моделью крупных экстенсивных хозяйств, использующих технику.

¹ О формировании и эволюции системы господства *дзинуси* в деревне см.: В. А. Попов. Формирование социально-экономической структуры японской деревни. М., 1987, гл. 1.

Однако далеко не все иностранные образцы, особенно в сельском хозяйстве, могли быть перенесены на японскую почву не только в переносном, но и в прямом смысле. Ведь условия в японском аграрном секторе слишком сильно отличаются от европейских или американских. Речь идет не только о различном климате, рельефе местности, размерах обрабатываемой площади или видах сельскохозяйственных культур, но и о структуре и технологии производства и о специфике самого сельского сообщества, его традиций. Поэтому модернизация этой отрасли пошла по несколько другому по сравнению с западными моделями пути. Главной ее движущей силой стали эндогенные факторы развития. Но, конечно, очень многое было заимствовано из опыта передовых стран.

Преобразования в отрасли на первом этапе догоняющего развития

Аграрные преобразования были проведены в 1871–1873 гг. одними из первых в ряду экономических реформ. Среди наиболее важных изменений следует назвать отмену феодальной зависимости крестьян, ликвидацию феодальной собственности на землю, введение системы купли-продажи земли, свободу выбора возделываемых культур, реформу поземельного налога, который заменил все существовавшие ранее формы феодальных повинностей и начал выплачиваться в денежной форме. Все это заложило основы модернизации отрасли.

Аграрная реформа изменила структуру землевладения и землепользования. Была создана система частной собственности на землю. В 1872 г. собственники земли получили удостоверения (*тикэн*) на право владения землей. Арендаторам и безземельным крестьянам, земля которых перешла к помещикам, зажиточным крестьянам или ростовщикам, *тикен*'ы не выдавались. Собственники земли платили государственный поземельный налог (3% цены земли в соответствии с земельным кадастром) и местный налог (1%), оба – в денежной форме. Арендаторы вносили местные налоги и не ограниченную законом натуральную арендную плату землевладельцу.

Отмена феодальной зависимости, изменение структуры землевладения и форм налоговой повинности стали важнейшей институциональной основой для преобразования сельского хозяйства и деревни. Перед страной встала новая, не менее серьезная задача – поднять уровень развития сельскохозяйственного производства.

Началась практика приглашения иностранных специалистов, которые смогли бы на месте познакомить японцев с западными аграрными теориями и технологиями. Одновременно с этой же целью в ознакоми-

тельные командировки за границу посылали японцев, которые осваивали опыт развития сельского хозяйства в других странах. Государство, со своей стороны, начало импортировать образцы иностранной сельскохозяйственной техники и содействовать внедрению западной системы производства. Одновременно завозились семена и саженцы различных культур (в том числе и тех, которые ранее не производились в стране), а также существовавшие за границей породы скота.

Для того чтобы адаптировать иностранные технологии к японским условиям и разработать эффективные методы сельскохозяйственного производства, в начале 1870-х годов были созданы экспериментальные станции в Токио и в ряде префектур. Кроме того, были организованы сельскохозяйственные учебные центры – в Саппоро (где придерживались американских направлений в сельскохозяйственной науке), и Комаба (здесь в основном ориентировались на немецкие технологии).

С этой же целью в 1870 г. было создано Бюро содействия развитию сельского хозяйства (*Каннокёку*), где в 1871 г. была открыта выставка западной сельскохозяйственной техники. В 1875 г. под руководством Бюро по развитию промышленности было начато ее производство, а с 1879 г. технику уже продавали и сдавали в аренду. Чтобы расширить землевладения государство практиковало продажу принадлежащих ему лесных участков и обрабатываемых земель. В ряде мест были созданы фермы переселенцев (в частности, таким способом власти стремились трудоустроить бывших самураев), например, такие как Хатисука на Хоккайдо, или Коиваи в преф. Иватэ, т. е. в еще не заселенных или малозаселенных районах.

Тем не менее, все усилия, направленные на создание крупных экстенсивных хозяйств, не имели успеха. Большинство владельцев новых ферм либо превратились в арендаторов, либо сами начали сдавать землю в аренду. Развитие крупных предпринимательских хозяйств в то время экономически себя не оправдывало: издолятина приносила намного более высокие дивиденды². Непригодными для мелких японских хозяйств оказались и западные орудия (плуги и бороны). В результате в 1890-е годы руководство страны начало отказываться от внедрения западных сортов сельскохозяйственных культур и технологий их возделывания и переходить на традиционные методы производства.

Можно указать несколько причин этого – ограниченность обрабатываемой земли, высокая стоимость технических средств и отсутствие опыта использования тяглового скота. Однако главной было то, что

² Подробнее об этом опыте см.: Ожерельева Г. В. История формирования деревни на о-ве Хоккайдо (диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук), М., 1989.

основой, стержнем всей аграрной структуры в Японии были мелкие размеры хозяйствования. К этому времени уже почти 40 % земли были под арендой, и землевладельцу было гораздо выгоднее получать арендную плату, чем заниматься самому сельскохозяйственным бизнесом. Весьма показательна удивительная устойчивость мелкого землепользования, особенно это касается среднего размера площади на один двор (вплоть до 1960 г. он равнялся 1 га).

Для изучения технологии производства вначале японцы обратились к специалистам из Америки и Англии, но, обнаружив, что крупные экстенсивные хозяйства с механическими орудиями и машинами вряд ли смогут прижиться в японской действительности, они обратили свои взоры на немецких специалистов. Было принято решение пригласить экспертов из Германии, которые большое внимание уделяли изучению состава почв и применению удобрений и где агрохимия была хорошо развита, да и площади хозяйств были не такие огромные, как, например, в США.

В отличие от западных технических усовершенствований привозимые из-за границы иностранные семена и саженцы, племенной скот и минеральные удобрения в большинстве своем прижились на японской земле. Именно в начальный период эпохи Мэйдзи были завезены в страну такие плодовые как яблоки и виноград, или такие овощи как белокочанная капуста, картофель, репчатый лук, томаты. Семена и саженцы распределяли для испытаний по разным районам, чтобы понять, где и что может произрастать. Так, стало ясно, что яблоням не подходят почвы в районе Кагосима, а оливковые деревья вообще не могут выжить в японском климате. Случались и курьезы. Например, на упаковке каких-то из присланных семян было написано по-английски «egg-plants», японцы подумали, что это что-то связано с яйцами и очень смеялись, когда через какое-то время из «яиц» выросли баклажаны³.

Результаты модернизации за первые десятилетия после проведения аграрных преобразований можно продемонстрировать следующими показателями. За период 1878–1882 гг. – 1908–1912 гг. общий уровень производства и производительности труда более чем удвоился (подсчитано в сопоставимых ценах). Обрабатываемая площадь за 1874–1905 гг. выросла на 28 %, сбор риса и пшеницы за период 1878–1880 – 1981–1890 гг. увеличился соответственно на 23 и 37 %. Сбор коконов в начале XX в. вырос в 2,7 раза против показателей 1878 г., сбор чая – в 2,6 раза⁴. Резко возросло производство шелка-сырца, особенно его экспорт,

³ Ямасаки Харусигэ. Мура но рэкиси (История деревни). Токио, 1956, с.58, 59.

⁴ Приводится по А. Грэд. Земля и крестьянин в Японии. М., 1954, с.33, 37, 344, 348; Agricultural Development in Modern Japan. Tokyo, 1963, p. 9. Покэто норинсуйсан токэй, 1954 нэмпан (Карманный сельскохозяйственный статистический справочник на 1954 г.). Токио, 1953, с. 112.

стоимость которого выросла за 1867–1892 гг. почти в шесть раз⁵. В 1878–1882 гг. сельскохозяйственная продукция составляла около 74 % всего экспорта⁶. Поступавшие от ее вывоза денежные средства шли на оплату импорта необходимых товаров для других отраслей экономики.

Не менее важную роль для развития экономики в целом играли и средства от выплаты поземельного налога, достигавшие в течение 1875–1892 гг. примерно 86 % всех налоговых поступлений, которые шли на индустриализацию. Постепенно, по мере быстрого развития других отраслей экономики, их доля естественно сокращалась, но и в 1908–1912 гг. составляла вполне значительную цифру – 43 %⁷.

Серьезные успехи развития сельскохозяйственного производства были получены главным образом интенсивными методами – улучшением сортов культур и модернизацией технологии их выращивания (в том числе применением минеральных удобрений, которые вначале привозили, а затем начали производить и в стране), что отразилось на повышении урожайности. Так, например, за 1878–1893 гг. урожайность затопляемого риса выросла на одну треть, пшеницы и ячменя – на 40%, батата – на 60 %, картофеля – вдвое; среднее число яиц на одну несушку за 1927–1937 гг. увеличилось на 20 %, и импорт яиц можно было прекратить. В последующие годы продуктивность продолжала расти, но меньшими темпами. Это был результат усилий не только правительства, научных работников и западных заимствований, но и деятельности самих производителей.

Определенное влияние на развитие сельского хозяйства оказали и принятые в конце XIX в. (1896–1899 гг.) законы – о борьбе с вредителями и болезнями растений, о контроле над разведением жеребцов, о контроле над греной шелкопряда, об упорядочении обрабатываемых земель, о контроле над качеством удобрений. Не менее важную роль, в частности для повышения качества продукции, сыграло производство на экспорт. Были введены строгие правила, запрещающие экспортировать чай, шелк и грону шелкопряда низкого качества.

Первая сельскохозяйственная опытная станция (*нодзи сикэндзё* – по сути идентична нашему слову «институт») была создана в 1893 г. с шестью региональными филиалами в разных частях страны. Но в течение длительного времени научные работники в основном вели прикладные исследования – полевые испытания сортов и агротехники их возделывания. Практически до конца 1920-х годов подавляющее большинство улучшенных сортов сельскохозяйственных культур и более продуктив-

⁵ Horé сого кэнкю. 1960, № 3, с. 116.

⁶ Agricultural Development in Modern Japan, p. 7.

⁷ Agricultural Development in Modern Japan, p. 23.

ные агротехнические приемы были обнаружены в крестьянских хозяйствах и распространены по стране затем усилиями инструкторов по пропаганде знаний.

Только с конца 20-х годов прошлого века селекционную работу начали проводить под непосредственным контролем Министерства сельского и лесного хозяйства (преемника Министерства сельского хозяйства и торговли, далее: Министерство сельского хозяйства), которое выделяло средства на исследования приоритетной тематики и определяло научные учреждения, которые должны были ими заниматься. Первый селекционный японский сорт для производства риса на затопляемых полях был зарегистрирован в 1931 г.

Постепенно работа сельскохозяйственной опытной станции расширялась, и от нее начали отпочковываться специализированные опытные станции, например, гигиены домашних животных (в 1891 г.), чаеводческая (1896 г.), садоводства (1902 г.). Затем были созданы и другие научные учреждения – институт животноводства (1916), институт шелководства (1911), комплексный НИИ продовольственных товаров (1934). С конца 1890-х годов начали появляться опытные станции и в префектурах. В 1899 г. был издан закон о предоставлении им государственных субсидий.

Государство занялось также и подготовкой грамотных кадров для сельского хозяйства. В первые годы после реставрации преподавание сельскохозяйственных дисциплин в начальной и средней школе практически не велось. В 1870-е годы для сельских подростков были открыты вечерние школы. В 1890-е годы по примеру западных стран начали создаваться профессионально-технические сельскохозяйственные школы. Особое внимание оказывалось развитию высшего сельскохозяйственного образования – организации сельскохозяйственных колледжей и специализированных отделений в университетах, которые сыграли большую роль в подготовке специалистов сельского хозяйства и научных работников.

В стране поощрялись переводы иностранной литературы по сельскохозяйственной тематике. В качестве советников по аграрным проблемам в Японию были приглашены иностранные эксперты. Большую помощь сельскохозяйственной науке в Японии оказали такие известные специалисты как Вильям Кларк, бюст которого стоит перед зданием сельскохозяйственного факультета Хоккайдоского университета, Оскар Келлер и Макс Феска (из Германии). Не менее важна была роль для создания инженерных сооружений голландских инженеров, в частности, таких как Ван Доурн и Йоган Дрэйке⁸.

⁸ Подробно об их деятельности в Японии см.: Нэмпё ногё хякунэн (Столетняя хронология развития сельского хозяйства) Токио. 1967, с. 77, 80, 82, 84.

Неоценимый вклад в развитие новых технологий, выращивание наиболее продуктивных на то время сортов культур и пород скота внесло движение по распространению сельскохозяйственных знаний (его начало фиксируется с 1876 г.). Вначале это были обычные собрания крестьян, которые обменивались семенами, обсуждали различные производственные вопросы в стихийно создаваемых обществах – *ноданкай* и *хинсю коданкай*, в 1890-е годы их начали называть *нодзикай* или *нокай* (сельскохозяйственные общества)⁹. Многих крестьян-ветеранов из этих обществ правительство привлекло к работе по распространению сельскохозяйственных знаний. А самые способные и талантливые из них были рекомендованы в качестве преподавателей в школу Комаба (в будущем – сельскохозяйственный факультет Токийского университета)¹⁰.

Работа по распространению сельскохозяйственных знаний была возложена на префектурные опытные станции. Под их руководством с 1899 г. общества *нокай* начали работать уже на законных основаниях. Теперь они организовывались в каждой деревне. Возглавляли их официальные лица – старосты деревень или мэры городов. В известной мере участие в них было «полупринудительным», хотя их и продолжали называть добровольными.

В 1903 г. Министерство сельского хозяйства опубликовало перечень рекомендаций из 14 пунктов, которые надлежало выполнять при проведении сельскохозяйственных работ. Это, например, обработка семян риса и пшеницы соленой водой, осуществление профилактики болезней растений, распространение качественных семян основных сельскохозяйственных культур и первоклассной грены, высадка рисовой рассады рядами, использование тяглового скота для вспашки и др.¹¹. Доведение этого перечня до производителей было поручено *нокай*. В случае если крестьяне не выполняли эти требования, они могли подвергнуться штрафу. В 1910 г. центральная организация *нокай* стала получать государственные субсидии и практически полностью потеряло свою независимость. В 1934 г. общие собрания этих обществ были вообще отменены в законодательном порядке и введена система представителей. Таким образом, можно сказать, что модернизация проводилась под непосредственным контролем чиновников.

Еще одним шагом на пути модернизации было создание кооперативных организаций, закон о которых был принят в 1900 г. (*Сангё кумиай хо*, дословно – закон о производственных союзах). В целом они

⁹ *Нокэй* имели полугосударственный характер, занимались распространением агротехнических знаний, проведением разного рода обследований и оказанием помощи в осуществлении различных государственных мероприятий в деревне.

¹⁰ Нихон ногё си (История сельского хозяйства Японии). Токио, 1981, с. 38, 39 и др.

¹¹ Ямасаки Харусигэ. Мура но рэкиси, с. 93.

были созданы по западным образцам, на принятых в то время в Европе принципах кооперирования. Но в отличие от западных кооперативов *сангё кумиай*, как правило, сочетали несколько видов деятельности и в них были объединены и крестьяне, и торговцы, и рабочие, и рыбаки, и промышленники. Большинство из них были организованы в сельской местности и в небольших городах, в которых, как правило, крестьяне составляли до 30 % жителей. В 1923 г. был создан Кооперативный банк (*Норин тьюо кинко*) как полугосударственное учреждение. Централизованная система кооперативов была окончательно сформирована к 30-м годам прошлого века. Государство предоставляло кооперативам ряд льгот, но вся деятельность этих организаций проходила под его контролем. Эта политика подчинения кооперативов государству нашла свое логическое завершение в 1943 г., когда они, как и все другие виды сельскохозяйственных организаций в деревне, в том числе и *нокай*, вошли в сельскохозяйственные ассоциации (*ногёкай*), которые фактически стали государственными органами управления в сельской местности.

Хотя аграрная реформа и расчистила путь для развития капиталистических отношений в деревне, жизнь основной массы крестьянства не претерпела сколько-нибудь серьезных изменений. Господствующей силой в деревне стали крупные и, частично, средние землевладельцы – помещики и государственные чиновники, которые смогли купить земли у государства. Мелкие же собственники часто разорялись, ибо нередко были вынуждены обращаться за денежной помощью к помещику или ростовщику. Раньше в случае неурожая платежи с крестьян снижались, теперь же денежный налог оставался неизменным; кроме того, они должны были платить за пользование землями, ранее бывшими общинными¹². Росла ипотечная задолженность. Постепенно сокращалась численность мелких хозяйств, и возрастали масштабы аренды. Если в первые годы после реставрации арендаторы обрабатывали около 20 % пахотной земли, то уже к середине 1880-х годов – в два раза больше. Арендная плата выплачивалась по-прежнему рисом и достигала половины урожая. В руках помещиков оказалось до половины обрабатываемой земли. Некоторые из них жили только за счет ее сдачи в аренду, вообще не ведя производства. Часть же помещиков даже не жила в деревне (их называли отсутствующими – *фудзай дзинуси* или паразитическими – *кисэй дзинуси*).

Низкие доходы основной массы крестьянства, дешевая рабочая сила, незаинтересованность большинства помещиков в инвестировании

¹² Дело в том, что во время реформы земли были разделены на государственные и частные. Общинное пользование лугами, пастбищами и лесами утратило силу и их сумели прибрать к рукам помещики и некоторые чиновники.

свободных денежных средств в сельское хозяйство лимитировали развитие отрасли, приводили к арендным конфликтам и другим выступлениям крестьянских масс. Положение в деревне начало волновать руководство страны.

В 1920-е, а затем и в 1930-е годы был принят ряд законодательных мер, направленных на поддержание хозяйств крестьян-собственников. В частности, был принят закон об арбитраже арендных конфликтов, крестьяне получили возможность выкупать землю у помещика, для чего предоставлялись ссуды, был установлен контроль над ценами на землю и над арендной платой, был запрещен сгон арендаторов с земли. Продукция, которую сдавали крестьяне в счет обязательных поставок государству (система была введена в 1940–1942 гг.), оплачивалась в два, а иногда даже в три раза выше, чем получали за нее помещики. Более того, фактически изменилась форма арендной платы. Теперь рис в счет аренды крестьяне должны были сдавать непосредственно государству, которое затем выплачивало деньги за него помещику¹³.

Эти меры свидетельствуют, что руководство страны не только ставило крестьян в лучшее положение, чем помещиков, но и что именно крестьянство становилось опорой правительства, а роль помещиков в те годы начала постепенно ослабевать. Однако поскольку помещичье землевладение было одной из опор японского милитаризма, государственные деятели не осмеливались радикально изменить систему землевладения. Они лишь попытались несколько улучшить положение крестьян-собственников. Потребовался мощный стимул – поражение в войне, чтобы произошел качественный скачок и проблема нашла свое решение.

Аграрные преобразования на втором этапе модернизации

Начался новый этап модернизации сельского хозяйства. Он занял значительно меньше времени, чем первый, что во многом можно отнести за счет условий, в которых проходили основные преобразования. Победители диктовали японскому правительству принятие кардинальных решений. Теперь модернизация проходила, прежде всего, под воздействием экзогенных факторов, хотя, конечно, предпосылки для этого уже были. Как справедливо заметил Э. Рейшауэр, Япония уже шла в этом направлении. Это положение относится, конечно, и к земельной реформе, законодательство о которой вошло в силу в конце 1946 г.

Безусловно, для получения желаемого результата потребовалось бы гораздо больше времени, особенно, когда речь идет об аграрном секторе, наиболее консервативном из всего спектра экономических отраслей.

¹³ А. Грэд, цит. соч., с.58, 59, 74,75; Нихон кэйдай си (История экономики Японии). Токио, 1970, с. 321, 322.

Японцы продолжали бы действовать постепенно, осторожно, идти на компромисс, стараясь по возможности не очень сильно раздражать крупных землевладельцев. Достаточно посмотреть условия так называемого первого закона о земельной реформе, который был предложен японским правительством в конце 1945 г. и отвергнут американской администрацией и Союзным советом для Японии как недемократический. Он откровенно защищал интересы помещиков. В основу второго закона о земельной реформе был положен английский проект. Доработка его и проведение реформы проходили при участии американских советников.

Реформа предусматривала выкуп государством обрабатываемой земли у помещиков сверх установленного размера и последующую продажу крестьянам, в первую очередь бывшим ее арендаторам. Плата за землю была сравнительно низкой (стоимость 0,1 га земли была сравнима с ценой нескольких килограммов риса), а инфляционный рост цен делал выкупные платежи вполне доступными для крестьян. Кроме того, желающим предоставлялась рассрочка на 24 года из расчета 3,2 % годовых. Многие специалисты в связи с этим отмечают, что крестьяне в результате получили землю по очень низкой цене¹⁴. По мнению историка Тэруока Сюдзо, земля фактически была отобрана у помещиков и передана арендаторам. Он писал, что хотя американцы категорически возражали против советского проекта безвозмездной конфискации помещичьих земель, размеры выкупных платежей были по существу идентичны такой конфискации¹⁵.

У «отсутствующих» помещиков земля выкупалась полностью. Те же, кто жил в деревне, могли сдавать в аренду только от 1 до 4 га в зависимости от района¹⁶. Размер землевладения был также ограничен. «Обрабатывающим» помещикам, как и крестьянам, разрешалось в среднем иметь не более 3 га земли. По префектурам эта величина разнилась, на Хоккайдо, где были более обширные площади, она, например, составляла 12 га, в префектуре Осака – всего 1,8 га. Все эти ограничения были введены с целью не допустить возврата к крупному землевладению паразитического характера.

По поводу этого положения земельной реформы А. Грэд пророчески высказался еще в 1952 г.: «Общие ограничения размеров землевладения могут существенным образом сказаться в будущем... Если это положение останется в силе, то сельское хозяйство станет отраслью, в которой

¹⁴ См., например, Нихон кэйдзай си, с. 334.

¹⁵ Тэруока Сюдзо. Нихон ногё 100 нэн но аюми (Столетний путь японского сельского хозяйства). Токио, 1996, с. 208.

¹⁶ В преф. Хиросима разрешалось сдавать в аренду 0,6 га, Аомори – 1,6, на Хоккайдо – 4 га.

основной принцип частной собственности – свободная купля-продажа – не найдет себе применения. Возможно, Министерство сельского хозяйства и оккупационные власти в недостаточной степени оценили последствия, которые может повлечь за собой особый режим, созданный ими в сельском хозяйстве»¹⁷.

Впоследствии об этом положении реформы писали и другие авторы. В частности, профессор Х. Такэути отмечал, что появление после реформы множества мелких семейных хозяйств стало серьезной проблемой формирования фермеров, способных управлять крупным капиталистическим хозяйством¹⁸. Давая оценку Закону о сельскохозяйственной земле 1952 г. (который законодательно оформил положения реформы), авторы работы «Развитие сельского хозяйства в современной Японии» отмечали, что этот закон, направленный против возрождения прежней системы землевладения, создал новую систему мелких и мельчайших раздробленных участков обрабатываемой земли, что станет серьезным ограничителем дальнейшего развития сельскохозяйственного производства¹⁹.

И действительно, в настоящее время именно из-за того, что в течение длительного времени (до начала 1980-х годов) переход земли был законодательно сильно ограничен, в стране не сформировались крупные фермерские хозяйства, которые могут экономить на масштабах производства, повышать уровень его эффективности и соответственно конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции. Когда же фермеры получили возможность прикупить землю, то цены на нее были столь высоки, что это становилось экономически невыгодно, да и продавать ее не спешили (тем более, что на сельскохозяйственные земли налоги были незначительны), оставляя ее как страховой фонд и выжидая, когда ее начнут скупать для государственных нужд.

Другие положения реформы запрещали взимание натуральной арендной платы и ограничивали размеры денежной (не более 25 % стоимости урожая на затопляемых полях и не свыше 15 % – на суходольных). Тем, кто впервые стал собственником земли, предоставлялись налоговые льготы (в первый год сумма платежей государству определялась в пределах одной трети стоимости урожая). Проведение реформы было возложено на земельные комитеты, в состав которых входили арендаторы (5 членов), крестьяне – собственники (2), и помещики (3).

Земельная реформа в основном была завершена к 1949 г. Таким образом, в течение примерно двух лет была ликвидирована помещичья собственность на землю и создан слой мелких независимых фермеров

¹⁷ А. Грэд. *цит. Соч.*, с. 93.

¹⁸ Такэути Хироси. Сёва кэйдзай си (История экономики периода Сёва), Токио, 1970, ч. 99.

¹⁹ Agricultural Development in Modern Japan. p. 72.

(доля чистых арендаторов, т. е. вообще не имевших своей земли, составила менее 8 %). Земля перешла в руки тех, кто ее обрабатывает. Арендваемая площадь, достигавшая в 1947 г. 40 % обрабатываемых земель, в 1950 г. сократилась до 14 %. Фактическая арендная плата была очень низкой: в 1947 г. она равнялась 0,3 % стоимости урожая, в 1950 г. — 4 %, во второй половине 1950-х годов она составляла 5–6 %²⁰.

По своей радикальности, по мнению экспертов, земельная реформа в Японии не имела аналогов в мировой практике. Реформа имела не только экономическое, но и политическое значение, ибо был упразднен класс помещиков²¹.

Реформа явилась базой для дальнейшей модернизации сельского хозяйства. Она благоприятно отразилась и на экономике Японии в целом, способствуя расширению внутреннего рынка как за счет роста производственного, так и личного потребления, особенно сельских жителей, доходы которых возросли. Реформа содействовала также решению проблемы рабочей силы для развивающихся быстрыми темпами промышленности и сферы услуг.

Одновременно был принят ряд законов и положений, способствующих улучшению положения крестьянства и прогрессу сельского хозяйства: о сельскохозяйственных кооперативах, об улучшении земель, об улучшении и размножении домашнего скота, о семеноводстве основных сельскохозяйственных культур, о форсировании механизации сельского хозяйства, об улучшении качества кормов, о развитии молочного животноводства, о средствах для улучшения сельского хозяйства, об организации службы распространения сельскохозяйственных знаний²². Кроме того, были учреждены системы кредитов для покупки товаров производственного назначения, в частности удобрений (первая — в 1948 г.), создана корпорация финансирования сельского, лесного и рыбного хозяйства (1953 г.), снижено налогообложение.

Все эти мероприятия вместе взятые создали новые возможности для развития сельского хозяйства и улучшения положения крестьян. В условиях отсутствия рентных платежей у них возникла заинтересованность осуществлять инвестиции в технические новшества, что привело к росту сельскохозяйственного производства и, прежде всего, стабильно

²⁰ Такэути Хироси. Сёва кэйдай си, с.99; Тэруока Сюдзо. Нихон ногё си (История сельского хозяйства Японии). Токио, 1981, с. 249, 250.

²¹ Правда, в первое время после завершения реформы бывшие помещики продолжали играть довольно заметную роль в деревне, традиционно сохраняя свое влияние и авторитет среди сельских жителей, их избирали на руководящие посты в различных местных организациях, но экономического веса они уже не имели (подробнее см.: Попов В.А. *цит.соч.*, гл.2).

²² Тексты этих законов, принятых в 1947–1956 гг., см.: Ногё сёроппо (Законы в области сельского хозяйства). Токио, 1973, с. 58, 153, 268, 271, 279, 327, 393, 401, 433.

высоких (начиная с 1955 г.) урожаев риса. Практически за два года был ликвидирован продовольственный кризис, уже в начале 1950-х годов уровень производства достиг довоенной отметки. Положение в деревне стабилизировалось, она перестала быть источником социальных конфликтов и базой радикальных политических сил, правящая элита получила устойчивый электорат.

Именно боязнь потерять избирателей в течение многих лет являлась важной причиной проведения либерально-демократической партией протекционистской политики в отношении сельского хозяйства. Если в первые годы после реформы такая политика была, безусловно, оправданной, ибо была направлена на становление новой деревни, то впоследствии она в известной мере стала тормозом на пути модернизации сельскохозяйственного производства, повышения его эффективности.

Нельзя не отдать должное политике государства, направленной на модернизацию сельского хозяйства. В значительной степени за счет государственных средств создавалась производственная инфраструктура сельского хозяйства. Именно государство проводило работы по мелиорации земель, обустройству ирригационных каналов, строительству дамб. Не менее важна роль государства в кредитовании отрасли. Ссуды государственных кредитных учреждений выдаются под низкие проценты на длительный срок на условиях отсрочки платежа. Они, как правило, целевые: на покупку земли для расширения производства, приобретение сельскохозяйственной техники и оборудования, строительство хозяйственных помещений, выращивание плодовых деревьев, развитие животноводческих хозяйств. Одновременно государство субсидирует кредитные органы сельскохозяйственной кооперации для предоставления фермерам низкопроцентных целевых ссуд, оплачивая разницу между льготным и обычным для кооперативов процентом и гарантируя им оплату убытков в размере 50 %. Примерно треть сельскохозяйственных кредитов занимают «ссуды на модернизацию сельского хозяйства». На конец 2008 фин. г. государство обеспечивало около 40 % сельскохозяйственных кредитов²³.

Протекционистская политика государства в области сельского хозяйства (в частности, регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию и ограничение импорта более дешевой продукции) способствовала в течение долгого времени стабилизации и повышению сельскохозяйственных доходов и соответственно осуществлению фермерами модернизации отрасли.

²³ 22 нэмпан сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни за 2009 фин. г.). Токио, 2010, с.84.

Государство продолжает обращать большое внимание на развитие сельскохозяйственной науки. Исследования в области сельского хозяйства сосредоточены в основном именно в государственных (и префектурных) научных центрах, что значительно отличается от положения в этой области в развитых странах Запада и от ситуации в других отраслях японской экономики, где главную роль играют частные фирмы.

Государственные НИИ, региональные и префектурные опытные станции не только ведут фундаментальные и прикладные исследования, но и занимаются семеноводством и племенной работой. Частные фирмы преобладают только в семеноводстве овощных культур и селекционно-племенной работе в птицеводстве.

Наряду с НИИ и опытными станциями, созданными ранее, появилось много новых научных учреждений, что диктовалось насущными потребностями развития отрасли и новыми направлениями исследований. Так, например, были созданы институты сельскохозяйственных биоресурсов, экологических проблем, луговодства, комплексных исследований сельского хозяйства, научно-исследовательский центр тропического земледелия, механизации сельского хозяйства и др.

Большая научно-исследовательская работа как теоретического, так и практического характера ведется также и на соответствующих кафедрах государственных и частных университетов. С целью активизации научных исследований налаживается сотрудничество между государственными и частными научными учреждениями, университетами, производством, наукой и администрацией. Следует отметить, что техническое оснащение научной работы в стране и сами исследования ведутся на уровне современных мировых стандартов. По нашим подсчетам, доля расходов на НИОКР всех научных учреждений в области сельского, лесного и рыбного хозяйства в конечной продукции этих отраслей за 1960–1980 гг. выросла почти в четыре раза²⁴.

Нельзя не отметить и значительных организационных и технологических изменений в отрасли в послевоенный период. В стране начали появляться производства, которых либо вообще ранее не было, либо они находились в зачаточном состоянии. Seriously изменилась, например, структура производства, она стала более сбалансированной: достаточно заметное место заняло животноводство. Хотя растениеводство и продолжает играть главную роль в стоимости сельскохозяйственной продукции, резко выросла доля животноводства: только за 1950–1960 гг. его удельный вес повысился более чем вдвое (с 7 %, которые оно занимало и до войны, до 15 %), а с 1980 г. составляет примерно 30 %. Прак-

²⁴ Расчет произведен в неизменных ценах (подробнее см.: С. Б. Маркарьян. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Японии, М., 1987, с.15).

тически только после войны в стране было налажено в промышленных масштабах искусственное осеменение животных, которое распространено достаточно широко.

Фактически заново было создано производство сельскохозяйственной продукции в закрытом грунте – овощеводство, плодоводство и цветоводство, в том числе с использованием методов гидропоники. При становлении этого производства японские специалисты изучили эту отрасль сельского хозяйства в странах, где она была наиболее развита, например, в Голландии. Но в отличие от европейских стран в Японии преобладают пленочные теплицы, что диктуется, прежде всего, ее климатическими условиями. По площади защищенного грунта Япония занимает одно из первых мест в мире. И она постоянно расширяется²⁵. С 1960 г. на японских овоще-фабриках в основном уже используется отечественная технология, хотя, конечно, не игнорируются и инновации, внедряемые в Англии, Голландии или Дании. Для закупки необходимого оборудования можно получить государственные субсидии. Японцы, приверженные всему миниатюрному, в последние два-три года начали создавать мини овоще-фабрики (размером с *татами*), которые могут быть установлены в супермаркетах, офисах и пр.

Одной из ярких иллюстраций модернизации отрасли можно считать ее химизацию и механизацию. По удельному потреблению минеральных удобрений и средств борьбы с вредителями и болезнями растений и животных Япония занимает одно из первых мест в мире. В настоящее время в связи с рядом негативных последствий интенсивной химизации (загрязнение окружающей среды, ухудшение естественного плодородия почв и т. п.) в стране все чаще стали применять органические удобрения и биологические методы борьбы с болезнями и вредителями растений. В довоенный период модернизации страна фактически не знала сельскохозяйственной техники. Но уже к 1950 г. свыше половины всех хозяйств имели в пользовании механические машины. А в конце 1970-х годов в рисоводстве работала уже система машин²⁶.

При этом нельзя не отметить, что, как и в период Мэйдзи, импортная техника в силу специфических условий японских полей (мелкие размеры затопляемых полей, рассадный метод возделывания риса, влажная почва) не находили широкого применения. Ее ввозили, главным образом, с целью использования в качестве базы экспериментальных работ

²⁵ Только за 1969–2007 гг. площадь теплиц под стеклом и пленкой выросла в 4,4 раза, составив 50 тыс. га, а площадь выращивания – почти в 5 раз (Подсчитано по 22 нэмпан сёкурё... 2010, с. 61).

²⁶ Рассадопосадочные машины применялись уже на 80 % площади под затопляемым рисом, уборочные – на 91 % (Покатто норинсуйсан токэй. Токио, 1979, с. 160).

для создания своих оригинальных машин. Японская малогабаритная система машин пользуется безусловным спросом на мировом рынке²⁷.

Для модернизации сельского хозяйства страны исключительно много делает Государственная служба по распространению сельскохозяйственных знаний. Она играет главную роль в области внедрения достижений науки и техники в сельскохозяйственное производство, в подготовке и повышении квалификации работников аграрного сектора. Преподавание сельскохозяйственных дисциплин начинается в средних школах второй ступени, которые в большинстве своем находятся в ведении префектурных управлений. Для повышения квалификации фермеров и руководителей отрасли при министерстве сельского хозяйства функционируют Центр технического обучения и Высшая школа работника сельского хозяйства, на местах – высшие префектурные школы, получающие государственные субсидии. При Всеяпонской сельскохозяйственной палате открыт Центр помощи вновь начинающим заниматься сельским хозяйством.

Агропропаганду ведут научные работники префектурных управлений и сельскохозяйственных опытных станций и агенты по распространению знаний (на местах им помогают и служащие кооперативов). Составная часть работы агентов – подготовка молодежи для ведения современного сельского хозяйства. Технические консультации и рекомендации по новым технологиям дают также сотрудники частных фирм, которые поставляют деревне технику, сортовые семена и саженцы, молодняк, племенную птицу и т. п.

Именно реализация достижений НТП, важнейшего рычага развития производства на современном этапе, явилась одной из главных основ модернизации сельского хозяйства в послевоенный период. За два-три десятилетия оно превратилось из отсталой, основанной на ручном труде отрасли во вполне современную сферу экономики. В растениеводстве начали использовать, главным образом, сортовые семена, в животноводстве – разведение элитных пород скота и птицы, что привело к росту продуктивности. По урожайности ряда культур и продуктивности скота и птицы Япония входит в первую десятку стран. Механизация и химизация производства, применение трудосберегающих технологий, специализация производства и пр. привели к значительному росту производительности труда. Качество японской сельскохозяйственной продукции высоко ценится за границей.

Зримой иллюстрацией развития страны по пути модернизации, начиная с последней трети XIX в., может служить графическое изображение динамики урожайности риса, опубликованное в журнале «Farming

²⁷ Подробнее о механизации сельского хозяйства Японии см.: Маркарян С. Б. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Японии. М., 1987, гл. 2.

Japan»²⁸. На нем ясно виден стабильный уровень урожайности риса на протяжении VIII–XIII веков, постепенное его повышение в течение последующих пяти веков и резкий скачок вверх примерно за 70 лет XX в.

Таким образом, можно сказать, что примерно на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х годов модернизация этой отрасли по догоняющей модели в части, касающейся ее технической составляющей, закончилась. Конечно, японцы будут продолжать заимствовать подходящий им опыт других стран, но точно так же, как и эти страны, будут использовать достижения Японии, и те и другие будут идти вперед. Ведь модернизация – процесс перманентный.

В то же время остается еще много проблем, которые ждут своего решения, чтобы уровень развития сельского хозяйства стал сопоставим с другими развитыми странами. Это, прежде всего, низкая конкурентоспособность большинства видов сельскохозяйственной продукции на мировом рынке, отставание производительности труда в отрасли от этого показателя в других развитых странах, что объясняется, прежде всего, высоким уровнем капиталоемкости производства (в основном из-за мелких размеров хозяйствования).

Не менее серьезными проблемами аграрного сектора продолжают оставаться недостаточный уровень сельскохозяйственного производства, который покрывает лишь 40 % потребности населения в продуктах питания (рассчитанной на основе калорий, заключенных в этой продукции), а также низкий уровень сельскохозяйственных доходов фермеров (они начали снижаться, прежде всего, из-за замораживания с 1980-х годов цен на сельскохозяйственную продукцию, которые выплачивались производителю).

В основе этих проблем лежат как объективные причины (прежде всего, незначительные размеры обрабатываемой площади, особенно на равнинах, все еще менее комфортные условия жизни в деревне и нехватка молодой рабочей силы, рост численности населения и значительное улучшение его материального положения и соответственно питания), так и политика руководства страны (до сентября 2009 г. монопольно Либерально-демократической партии Японии), которое опасалось применять радикальные меры для изменения такого положения. Оно в течение долгого времени повышало цены на сельскохозяйственную продукцию, поддерживая доходы всех слоев крестьянства; сохраняло барьеры на пути мобильности земли и охраняло производителей от конкурирующей с японской иностранной продукции; значительно ограничивало развития рыночных рычагов функционирования отрасли, оставляя производство и распределение основных видов сельскохозяйственной продукции под

²⁸ 1978, № 2, с. 65.

контролем государства. Следует отметить, что жесткое государственное регулирование и протекционистская политика проводились в отдельные периоды и в отношении других отраслей экономики, но при этом регулировались и условия, при которых развивалась конкуренция. В аграрном секторе этого не было.

Понимая остроту возникших проблем на пути развития отрасли, правительство пыталось принимать различные меры, направленные на повышение эффективности производства, прежде всего, путем укрупнения хозяйственных единиц в сельском хозяйстве. Однако осуществляло их весьма медленно и часто непоследовательно, поэтому результаты были весьма скромными. Правительство боялось, как уже упоминалось, что принятие более радикальных мер может вызвать недовольство крестьян и привести к потере правящей партией большей части электората. Не менее важной были и экономические соображения: прекращение протекционистской политики могло, по мнению руководства страны, привести к разорению части крестьянства, вызвать социальные волнения и снизить уровень производства.

Представляется, что все эти опасения не имели под собой серьезной основы, ибо, во-первых, уже к концу 1960-х годов наблюдалось перепроизводство главной культуры – риса, а во-вторых, большинство крестьянских семей было связано с городом (в Японии уровень так называемой двойной занятости был весьма высок) и имело в целом достаточно хорошие доходы, что не предполагало каких-либо деструктивных выступлений. Кроме того, как известно, японцам свойственны дисциплинированность и конформизм, уважение к закону и власти, умение подчинять личные интересы интересам общества. Думается, что действия правительства диктовались главным образом политическими мотивами в купе с приверженностью традиции протекционизма, присущей конфуцианской этике.

Толчком к принятию более серьезных мер для разрешения указанных проблем послужила вынужденная либерализация важных для Японии видов сельскохозяйственной продукции по требованию ВТО в начале 1990-х годов. Появилась необходимость проведения полноценных структурных реформ. Из наиболее важных мер, принятых с середины 1990-х и в начале 2000-х годов, можно отметить введение тарификационной системы защиты от дешевой импортной продукции (вместо количественного ограничения ее ввоза), ликвидация практики административного регулирования производства, дерегулирование сферы внутренней торговли сельскохозяйственной продукцией, прекращение поддержки цен на сельскохозяйственную продукцию, введение системы адресной помощи только крупным хозяйствам, предоставление несельскохозяйственным акцио-

нерным компаниям права вести производство на арендуемой земле. Статистические данные за первое десятилетие нашего века позволяют сказать, что определенные результаты эти меры уже дают.

Стоящее в настоящее время у власти правительство Демократической партии Японии (ДПЯ) придерживается в области защиты сельского хозяйства прежней политики. В частности, она продолжает пока что сохранять высокий уровень тарифов на импорт сельскохозяйственной продукции и не дает добро на покупку земли промышленными и торговыми компаниями для ведения сельскохозяйственного производства. Более того, ДПЯ предполагает решить указанные выше проблемы, прежде всего, путем непосредственной поддержки доходов всех слоев крестьянства. Успешные результаты такой политики вызывают определенные сомнения, но ведь это были предвыборные заявления руководства партии, какова же будет действительная политика, пока не ясно.

Однако сегодня уже, видимо, требуются серьезные структурные реформы институционального характера и внедрение полноценных рыночных отношений в функционирование отрасли, что должно привести к значительному снижению издержек производства и соответственно цен производителя сельскохозяйственной продукции, что в свою очередь, даст возможность снизить таможенные барьеры на импортную продукцию и поможет Японии выйти на мировой рынок зерна, что особенно важно в настоящее время в связи с серьезной нехваткой продовольствия в мире.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ СТРУКТУРА И КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЯПОНИИ

Если тщательно изучить процесс обновления Японии, начав с прошлого, полного войн и сражений, и закончив самыми современными примерами возрождения японских корпораций, методы японцев можно понять ... и научиться использовать самим.

...история Японии содержит важные уроки успешно-го обновления корпораций в любом окружении

Фуллер М. Б., Бек Д. С. Возрождение экономики самураев. М., 2007, с. 13, 47.

В последней трети XIX в. Япония вступила на путь модернизации. Целая группа стран, прежде всего европейских, к тому времени ушла далеко вперед в экономическом и технологическом отношении, в развитии общественных институтов. Если оставить в стороне вопрос о самоценности национальных традиций и цивилизационных особенностях Японии, а опираться на систему координат технического прогресса и экономического развития, измеряемого традиционными показателями, то Япония в период после реставрации Мэйдзи предстает страной отсталой и уязвимой с точки зрения потенциальной возможности ее завоевания другими странами.

В этих условиях альтернативой для Японии как государства было догоняющее развитие, что, в свою очередь предполагало ускоренную модернизацию. Модернизировать предстояло большинство сфер экономики и общественной жизни. И, как представляется, общая концепция и модель модернизации, которая была выбрана и реализована в Японии, существенным образом повлияла на формирование предпринимательской структуры и типа корпоративного управления, который в наши дни называют японским.

О японском менеджменте, в том числе его исторических корнях и национальных особенностях, написано немало¹, поэтому в данной рабо-

те мы обратимся к одному из аспектов данной проблемы – постараемся выявить взаимосвязь и взаимозависимость типа модернизации, которую осуществляла Япония, и формирования японской модели предпринимательской структуры и корпоративного управления. В качестве **гипотезы**, которую мы постараемся проверить в данной работе, выдвигается следующее положение: японская корпоративная модель *как система*² сложилась в результате эволюции корпоративных структур, зародившихся в домэйдзийский период и эволюционировавших в соответствии с резко изменившимися в период открытия страны и стремительной модернизации внешними условиями. При этом трансплантация заимствованных институтов носила лишь частичный и вспомогательный характер. Развитие японской модели предпринимательской организации и управления представляет собой самостоятельную ветвь развития теории и практики менеджмента, специфика которой определяется особенностями национальной культуры (что, впрочем, характерно и для моделей, сформировавшихся в других странах) и запоздалым вступлением Японии на путь формирования рыночной экономики. Иными словами, японский менеджмент в своей эволюции проходил те же стадии, что и англосаксонский, и европейский, но в иных исторических условиях.

Исследование корпоративного управления именно под таким углом зрения актуально, в том числе и для современной России, поскольку может прояснить вопрос о том, насколько универсальным является воздействие факторов, связанных с определенным типом модернизации, на предпринимательство в стране. Иными словами, обязательно ли в других странах, проходящих через этап модернизации, сходный с японским, сложится такая же корпоративная структура.

Типологизация японской модели модернизации

Прежде всего, необходимо определиться с понятием модернизации и типологизировать его применительно к Японии. В мэйджийский период вполне закономерным представляется выбор элитой пути так называемой догоняющей модернизации – модернизации сверху.

Данная модель, по нашему мнению, может рассматриваться как вариант модели вторичной или неорганической модернизации, которая происходит как ответ на внешний вызов со стороны более развитых

менеджменте: история взаимодействия// Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М.; 2000. И. П. Лебедева, Т. Н. Матрусова// Японский феномен. М., 1996. Е. Л. Леонтьева. Японские корпорации и корпоративные группы. Эволюция институтов. М., 2009.

² Здесь следует также оговориться, что в данной статье речь пойдет о крупных корпорациях, где сформировалась организация и стиль управления, который во второй половине XX века стали называть японским. Принципы и практика управления на мелких предприятиях имеют свою специфику (См. И. П. Лебедева. Малый бизнес в Японии. М.: Восток – Запад, 2004.).

¹ Среди работ, соприкасающихся по проблематике с исследуемой в данной статье темой, следует назвать: Т. Н. Матрусова. Национальные традиции и западные технологии в японском

стран и осуществляется преимущественно под влиянием чужого опыта на основе заимствования зарубежных технологий и форм организации производства и общества, предполагает приглашение иностранных специалистов, обучение кадров за рубежом, привлечение инвестиций. Основной механизм такой модели – это имитационные процессы, и начинается она, как правило, не в сфере культуры, а в экономике и/или политике.

Согласно Ш. Эйзенштадту³, такая модернизация представляет собой своеобразный «вызов», на который каждое общество дает свой «ответ» в соответствии с принципами, структурами и символами, заложенными в достижениях его длительного развития. Поэтому её итогом является не обязательно усвоение социальных достижений Запада, но совокупность качественных изменений традиционного общества, в той или иной степени адаптированных к мануфактурному или индустриальному производству⁴.

Применительно к Японии термин догоняющая модернизация может быть использован, очевидно, с определенными оговорками, поскольку чаще всего это понятие употребляется в отношении бывших колоний и полукolonий после получения ими политической независимости.

Однако если ввести дополнительный классификационный признак, а именно соотношение внутренних и внешних факторов развития, действующих в процессе модернизации, то вполне можно провести водораздел между процессами модернизации, имевшими место в бывших колониальных странах и в Японии. С этой точки зрения выделяют три типа модернизации – эндогенная, которая осуществлялась странами на собственной основе; эндогенно-экзогенная, осуществляемая странами на собственной основе с использованием заимствований зарубежного опыта; экзогенная, осуществляемая преимущественно на основе заимствований при слабом внутреннем фундаменте модернизации. В Японии, как представляется, был реализован второй вариант модернизации – эндогенно-экзогенного типа.

С точки зрения изучения проблем формирования предпринимательской структуры Японии и стиля управления крупных корпораций данная точка зрения представляется заслуживающей внимания. В корпоративном управлении, как известно, человеческий фактор играет, в конечном счете, решающую роль, именно люди являются носителями культуры.

Поэтому любая модернизация, связанная с необходимостью слома культурных стереотипов представляется если не невозможной, то весьма трудной задачей. В Японии же адаптация традиционных методов управления происходила в основном в рамках сложившихся веками поведенческих норм и стандартов.

Глубокий и всесторонний анализ теорий модернизации, как общего характера, так и объясняющих специфику модернизационного процесса в Японии (в том числе и тех, которые разработаны японскими учеными), содержится в работе Э. В. Молодяковой и С. Б. Маркарьян «Японское общество: книга перемен»⁵. В контексте проблематики данной статьи представляет интерес позиция авторов, которые солидаризируются с мнением японского профессора Н. Кавамура (Токийский университет): ученый распространяет теорию модернизации за рамки перехода от традиционного к современному обществу, считая, что модернизационный процесс идет и дальше – от современного общества к постсовременному⁶. Подобный подход представляется весьма продуктивным для анализа современной ситуации, когда процессы глобализации и модернизации оказываются неразрывно связанными.

Процессы, происходящие в Японии с 1990-х годов и продолжающиеся в наше время, можно рассматривать как очередной этап модернизации, инициированной завершением периода догоняющего развития. И, конечно, об имитации и трансплантации институтов речь идти не может даже условно. Модернизация внутренних структур и механизмов, в том числе и в корпорациях и корпоративных группах, обусловлена, прежде всего, внутренней логикой развития этих институтов в условиях изменившейся внешней, в том числе и международной среды, а сформировались эти институты по большей части именно в период после Реставрации Мэйдзи.

В Японии довольно широкое признание получила такая концепция модернизации (индустриализации) как «девелопментализм» (developmentalism, pro-developmentalizm)⁷, близкая к концепции «государства развития» и, по мнению многих исследователей, адекватно объясняющая специфику модернизационного процесса в Японии.

Э. Райнерт (предприниматель и историк экономической мысли) выделяет два варианта девелопментализма, который он, в основном, отождествляет с государством развития, – коммунистический и рыночный.

⁵ Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. Японское общество: книга перемен М., 1996.

⁶ The Japanese Tranjectory, Modernization and beyond, Cambridge, 1988, p. 264–283 (цит. по: Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. Японское общество: книга перемен. – М., 1996, с. 42)

⁷ Девелопментализм – концепция модернизации, служащая обоснованием превращения традиционно слабо развитых стран в развитые капиталистические страны. (<http://slovari.yandex.ru/девелопментализм/Словарь%20по%20общественным%20наукам/Девелопментализм>)

³ Japanese Civilization—A Comparative View (1996).

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%B9%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%88%D1%82%D0%B0%D0%B4%D1%82_%D0%A8%D0%BC%D1%83%D1%8D%D0%BB%D1%8C

⁴ По материалам: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CC%E4%E5%E0%E8%E7%E0%E6%E8%FF>.

Рыночный вариант государства развития (*а именно он, по нашему мнению, и был реализован в Японии – И. Т.*) в основном полагается на частный капитал и собственность. Бюрократии в этом варианте предоставляется возможность формировать стратегический курс, поощрять и направлять индустриальные проекты так, чтобы частный интерес капиталистов совпадал с вектором экономического развития страны. Интересы, как правило, совпадают, когда частный сектор инвестирует в проекты, ведущие к росту технической вооруженности и компетентности своей страны...⁸. Все эти признаки могут быть отнесены к модернизационному процессу, имевшему место в Японии в послемэйдзийский период. Однако при этом подчеркнем, что влияние государства на экономические процессы в Японии осуществлялось часто в прямой форме, и взаимодействие государства и предпринимательства было очень тесным. В этих условиях формирование корпоративных структур, тесно связанных с государством и в определенной мере повторяющих государственную концепцию управления, было предопределено моделью модернизации. А крупные корпорации, действующие в рамках такой модели, в свою очередь, стали неотъемлемым элементом и важнейшими субъектами модернизации.

С точки зрения исследования проблем формирования корпоративной модели важно подчеркнуть, что в Японии (как впоследствии и в Южной Корее) при реализации политики «девелопментализма» использовался иностранный опыт. Однако происходило это, главным образом, на основе привлечения иностранных специалистов, а не иностранного капитала⁹. В результате в стране не «клонировался» формат бизнеса в целом, как это могло бы произойти при массовом привлечении прямых иностранных инвестиций, а заимствовались лишь отдельные черты и/или практики западной модели организации бизнеса и производства, которые с большим или меньшим успехом переносились на японскую почву.

Взаимозависимость и взаимообусловленность модернизационной модели развития страны и модели корпорации подтверждается также и тем обстоятельством, что в период демонтажа модели девелопментализма в Японии, который постепенно начался в период структурного кризиса середины 1970-х годов, существенным образом начала меняться и корпоративная структура.

В самой Японии идеи девелопментализма были и остаются весьма популярными. При этом, как замечает японский исследователь К. Яги

⁸ Райнерт Э. Повторение пройденного. Эксперт, № 1 (735), 27.12.2010 – 16.01.2011, с. 57–62 (см. также: Повторение пройденного – государство развития. – Золотой Лев» № 271–272 (<http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=55&article=3408>))

⁹ Там же.

из Киотосского университета, одним из источников «девелопментализма» (так же как и «управляемой экономики», и «государственного вмешательства») в Японии стал прагматичный ответ японских либералов, которые осознали огромный разрыв в развитии между Японией и западными странами¹⁰. Одновременно большое влияние на формирование идеологии модернизации в Японии оказала германская (прусская) модель «административной бюрократии», которая в определенной мере была транслирована и на модель корпоративного управления.

Послевоенная демократизация создала новую почву для очередной модернизации экономики. По мнению японского экономиста Накаяма Итиро, выбор экспортноориентированной модели породил или укрепил «экспортноориентированную олигархию большого бизнеса»¹¹. Данное суждение интересно для нас потому, что позволяет по-новому взглянуть на процесс послевоенной эволюции организации японского бизнеса и управления им. Несмотря на то, что Японию в первые послевоенные десятилетия захватила волна перемен, кардинальных изменений философии бизнеса в этот период не произошло. Безусловно, японские компании (при содействии правительства!) активно воспринимали предлагаемые им, прежде всего американцами, новации в сфере управления производством, контроля качества, бухгалтерского учета. Однако все это, как представляется, не затрагивало основ бизнес-практики: восставились финансово-промышленные группы, сохранилась ориентация на банковский кредит, получило дальнейшее развитие государственно-частное и частно-государственное партнерство.

Дебаты в среде японских экономистов по поводу модели девелопментализма и либерального выбора активизировались в 1990-е годы после краха плановой социалистической экономики и на фоне роста азиатских формирующихся рынков. В частности, Мураками Ясукэ утверждает, что модель девелопментализма все еще остается привлекательной для наций, которые решили соревноваться с более мощными конкурентами¹². А китайский исследователь Гао Бай¹³ выделяет три особенности япон-

¹⁰ По мнению Яги, известный просветитель и общественный деятель эпохи Мэйдзи Фукудзава Юкити (1835-1901) фактически адаптировал западные либеральные экономические теории к реальным условиям Японии того времени. Он выступал за создание в Японии среднего класса, который будет продвигать японскую экономику и создаст баланс сил между правительством и населением. В рамках данной модели правительство должно отвечать за законодательство и общенациональную политику, а частный сектор – сотрудничать с ним и реализовывать собственные инициативы. (Kiichiro Yagi (Kyoto University)/ Japanese Theory of Modernization/Industrialization Between Liberalism and Developmentalism. (www.econ.kyoto-u.ac.jp/~yagi/yagilabnew/linkfiles/recent)).

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 10

¹³ Economic Ideology and Japanese Industrial Policy: Developmentalism from 1931 to 1965. (1997), New York Cambridge, U.K. 2002. ([http://fds.duke.edu/db/aas/Sociology/faculty/bagao/publications](http://fds.duke.edu/db/aas/Sociology/faculty/bagao/pub%20lications))).

ского варианта девелопментализма (и в его «милитаристской» версии, которая существовала до 1945 г., и в его торговой версии после 1945 г.): стратегический взгляд на экономику; «антикапиталистическая» ориентация, обозначенная ограничением рыночной конкуренции и принципа прибыли; роль государственной бюрократии как организующей силы конкуренции¹⁴.

Японский исследователь Цуцуми Кэндзи¹⁵ также выделяет всеобъемлющий контроль государства над производством и индустриальной организацией, который он обозначает как «паноптицизм»¹⁶, в качестве одной из отличительных черт процесса модернизации Японии. И эта особенность, по нашему мнению, оказывала самое непосредственное влияние на формирование и эволюцию предпринимательской структуры и корпоративного управления в Японии.

Формирование современной корпоративной структуры и управления в период модернизации после Реставрации Мэйдзи

Как представляется, в период Мэйдзи и в последующие десятилетия в Японии имел место процесс адаптации предпринимательской структуры страны к задачам и механизмам модернизации как общенациональной идеи. Становление менеджмента как науки проходило стадию накопления эмпирического материала (практик и наработок, используемых отдельными компаниями), и менеджмент как целостное научное направление еще не сложился.

В Японии в XIX в. и даже ранее при всех особенностях и своеобразии социально-экономического развития также шло накопление эмпирического опыта в сфере управления организацией. В результате были наработаны собственные модели и механизмы корпоративного управления, которые если и не стали универсальными, то, во всяком случае, и не остались чисто национальными: они были взяты на вооружение компаниями других стран. При этом многие методы управления, сложившиеся в Японии еще в домэйдзийский период, сходны с теми, которые использовались и в других странах.

Как мы уже отмечали выше, общая концепция модернизационного процесса и условия, в которых он протекал в Японии, оказали существенное влияние на формирование современной предпринимательской структуры и стиля управления в фирмах. Вместе с тем и само станов-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Tsutsumi Kenji. Modernization, Industrialization and Regional Change in Japan // The 2nd International Critical Geography Conference at Taegu. Aug. 9–13, 2000 (econgog.misc.hit-u.ac.jp/icgg/intl_mtgs/KTsutsumi.pdf).

¹⁶ От слова «паноптикум», среди значений которого «здание, обычно тюрьма, где все пространство просматривается с одной точки».

ление современного предпринимательства являлось частью процесса модернизации страны. Это становление происходило с учетом конкретных задач, стоявших перед нацией, в чем состоит коренное отличие Японии от стран раннего капитализма.

К числу основных факторов, предопределивших характер процесса развития корпоративного управления, следует отнести слабое развитие мануфактуры в домэйдзийский период. Российский японовед Д. В. Петров, исследовавший особенности мануфактуры в Японии, отмечал, что в стране получила преимущественное развитие так называемая «рассеянная мануфактура». В то же время предприятий, которые можно было назвать развитой мануфактурой, в Японии было относительно немного (в основном, это было прядильное и ткацкое производство)¹⁷. А ведь именно при мануфактурной организации начинает формироваться потребность в профессиональном управлении производством.

Кроме того, в Японии в домэйдзийский период не было и не могло быть международных торговых компаний, организованных как акционерные общества и подобных, например, британской Ост-Индской компании. Однако в Японии были свои крупные предпринимательские организации – **торгово-купеческие дома**, некоторые из которых возникли еще в XVI – XVII вв.

При естественных различиях эти дома имели и много общего в организационной структуре и способах ведения дел, или, говоря современным языком, имели сходные корпоративные концепции. Считается, что они были семейными предприятиями. Однако этот семейный характер имеет в данном случае несколько иной смысл, чем тот, который мы вкладываем в данное понятие применительно, например, к странам Южной Европы или Англии периода промышленного переворота. Японские торговые дома имели сложные и отлаженные структуры, и «семейственность» проявлялась в контроле над собственностью и управлением. Так, например, в организационной структуре дома Коноикэ имелся «главный дом» (*хонкэ*) и «боковые дома» (*бункэ*). Нетрудно заметить, что по конфигурации эта структура напоминает финансово-промышленную группу, включающую холдинг и дочерние компании. И поэтому, когда в 1872 г. в Японии был введен институт акционерной компании, торговые дома организационно были готовы к перестройке. Правда, акции компаний, входящих в дзайбацу, до 1935 г. не продавались, а сами головные компании были партнерствами (товариществами), благодаря чему семейный контроль над собственностью сохранялся. И только к концу 1930-х годов произошло разделение функций собствен-

¹⁷ Петров Д. В. К вопросу о мануфактуре в Японии // Ученые записки Института востоковедения. Том XV. Японский сборник. М., 1956, с. 48 – 70.

ности и управления, когда реальное управление перешло к наемным менеджерам и были введены посты президентов компаний дзайбацу¹⁸.

Вместе с тем можно предположить, что разделение функций контроля над собственностью и управления началось в дзайбацу раньше – вскоре после реставрации Мэйдзи, когда некоторые торговые дома превратились в дзайбацу «менеджерского» типа, управлявшиеся не как семейные предприятия. Специалист по экономической истории стран Востока, профессор Калифорнийского университета Карл Моск утверждает, что, например, в Мицуи уже в тот период (*и даже ранее!* – И. Т.) управленцами высшего звена были назначенные менеджеры (*банто*), которые действовали от имени семьи, но не являлись ее членами. И в этом состояло еще одно отличие японских семейных компаний от европейских предприятий периода индустриальной революции (в частности британских), которые, как правило, управлялись именно семьей¹⁹.

В послемэйдзийский период организационные структуры торговых домов оказались не только способными к преобразованию в акционерные общества, но и востребованными в новых условиях и по другой причине. В условиях догоняющей индустриализации, проводившейся в Японии, когда не успели сформироваться рыночные институты, когда имела место нехватка капиталов и предпринимательского опыта, многие (хотя и не все) торговые дома сумели в относительно короткие сроки преобразоваться в дзайбацу и создать свою внутреннюю среду. Наряду с производственными подразделениями (компаниями) она включала элементы «рыночной инфраструктуры», в том числе финансовое ядро (банки, траст-банки, страховые компании), торговые компании, а впоследствии маркетинговые и рекламные агентства, логистические компании и многое другое (собственно говоря, в своих основных чертах эта структура сохранилась до сих пор). В дзайбацу сформировались механизмы распространения технических и управленческих знаний, распределения финансовых ресурсов, в том числе на основе диверсификации видов бизнеса и распределения рисков. Сложился и прообраз внутрифирменного венчура: новые сферы деятельности или освоение технических новинок финансировались за счет выделения ресурсов головной компанией.

Модель управления трудом в торговых домах можно рассматривать как прообраз системы пожизненного найма. В ученики принимались мальчики с 12 лет (позже – и юноши), которые связывали с домом всю свою дальнейшую карьеру, использовалась система материального

¹⁸ Леонтьева Е. Л. Японские корпорации и корпоративные группы, М., 2009, с. 16–17, 53.

¹⁹ Mosk K. Japanese Industrial History: technology, urbanization and economic growth. NY, 2001, p. 91.

стимулирования в виде бонусов, продвижение по службе осуществлялось медленно и постепенно.

Интересно отметить также и то, что корпоративная концепция в торговых домах документально оформлялась в виде «семейных правил», уставов или в иной форме. Эти документы содержали основные принципы и правила ведения дела, т. е. все то, что ныне называется философией, миссией и корпоративными принципами компании и размещается на ее сайте.

Например, в доме Коноикэ семейный устав («наставление») был написан еще в 1614 г. Другим примером документально оформленных правил ведения бизнеса и самого существования торгового дома было «завещание-наставление» и уставы дома Сумитомо, первый из которых относится к 1721 г. Если проанализировать имеющиеся в распоряжении автора выдержки из этих уставов²⁰, то становится ясно, что в них была детально прописана вся система управления в доме и его «подразделениях». Попробуем классифицировать эти правила, в соответствии со сферами современного корпоративного управления и посмотрим на результат:

Правила дома Сумитомо	Сферы современного корпоративного управления
Не следует ничего продавать в кредит*	Финансовый менеджмент Финансовая отчетность
Предписывалось быть внимательными при выплате денег и осматривательными при даче денег займам**	
Предписывалось строго соблюдать отчетность. Все счета фиксировались в бухгалтерских книгах. В феврале каждого года вся отчетность отправлялась в основную Осацкую контору***	
Не следует заниматься посредничеством*	Определение миссии компании
Если происхождение вещей вызывает сомнение, то покупать их не стоит, даже если они продаются по низким ценам*	Корпоративная этика Корпоративная культура Правила безопасности
Запрещалось вымогательство по отношению к деловым партнерам**	
Предписывалось быть внимательными при заключении сделок, следить, чтобы запрещенные правительством к продаже товары не фигурировали в сделках***	

²⁰ Сумитомо дзайбацу. Сакудо Ётаро хэнся (История группы Сумитомо), Токио, 1982 (цит. по переводу: Н. Ф. Лещенко. Япония в эпоху Токугава. М., 1999, с. 186–189).

Запрещалось сразу же после заключения сделки отправляться в увеселительные поездки, что препятствовало возможности получения взяток от партнеров***	Корпоративная этика Корпоративная культура Правила безопасности
Запрещалось обращаться с какими-либо просьбами к постоянным клиентам и заниматься вымогательством у деловых партнеров. Категорически не допускалось взяточничество	
Запрещалось употребление спиртных напитков**	
Предписывалось жить скромно и быть экономным**	
Запрещались азартные игры и драки между рабочими**	
Запрещалось приводить гостей для развлечений**	
Не следует давать приют постороннему человеку, принимая лишь в залог соломенную шляпу*	
Работники обязаны быть осторожными в обращении с огнем в дневное и вечернее время**	
Предписывалось соблюдение строго порядка на территории рудника (открывать и закрывать ворота в одно и то же время)**	Правила ведения переговоров Механизм принятия решений
Даже если человек требует от вас слишком много, и вы начинаете терять терпение, следует поступить так, чтобы избежать конфликта*	
При осуществлении торговых операций предписывалось заранее договориться с клиентом о цене и строго следовать договоренности. Указывалось, чтобы вопрос о цене решался не одним человеком, а на основе консультаций***	Управление персоналом
Предписывалось соблюдать скромность в одежде***	
Предписывалось строго соблюдать рабочие часы***	

* Из «Завещания-наставления»

** Из устава для медных рудников Бэсси

*** Из устава для лавок в г. Нагасаки

Таким образом, в Уставах дома Сумитомо, которые постоянно совершенствовались, были обозначены многие принципы и методы ведения бизнеса, которые впоследствии и в японских компаниях, и в компаниях других стран оформились в самостоятельные направления менеджмента. К приведенным данным следует добавить, что в Сумитомо обращали внимание на организацию труда (чистота и порядок на рабочем месте), технику безопасности, занимались утилизацией отходов производства (например, золы от древесного угля).

Кроме того, в уставах были зафиксированы принципы взаимоотношений хозяина и работников, требование почтительного отношения к старшим, преданность, верность и «сыновний долг» по отношению к компании, иными словами, были заложены основы патерналистской модели корпоративного управления и корпоративной культуры, в ее японском варианте опиравшейся на конфуцианские ценности. И система ученичества – прообраз современной системы корпоративного обучения – была направлена, прежде всего, на воспитание работника именно в духе этих моральных установок и принципов.

Дом Сумитомо был не единственным, кто имел развитую по тем временам систему менеджмента. Так, в начале XVIII в. в доме Мицуи была закреплена организационно-правовая система клана, которая получила название *омотокаата*. Она определяла характер и механизм взаимоотношений между «центром» клана и «семьями» («дочерними предприятиями»). Организационная структура и система взаимоотношений, в том числе финансовых, между ними обогнала свое время, по крайней мере, на 250 лет. Каждое предприятие было финансово самостоятельным и использовало выделенный ему капитал по своему усмотрению, возвращая в «центр» 12 %. Иными словами, подразделения фактически кредитовались. Каждый глава подразделения («семьи») нес ответственность за организацию работы предприятия перед главой всего клана. Таким образом, за основными чертами этой системы легко различаются контуры дивизиональной структуры управления, которая стала активно внедряться в компании «Мацусита дэнки» в 1930-е годы, а в массовом порядке – уже после Второй мировой войны.

В доме Мицуи, как и в доме Коноикэ, велись бухгалтерские книги, оформлявшиеся по принципу двойной бухгалтерии, т. е. использовалась принципиально такая же система, как и в Европе²¹. Структура и содержание учетных книг Мицуи дает основание предполагать, что в управлении домом уже делалось различие (возможно, на интуитивном уровне...) между краткосрочными и долгосрочными целями компании и имели место зачатки стратегического подхода к управлению: кратко-

²¹ Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. М., 1999, с. 159, 160, 173, 174, 190–191.

срочные (до полугода) и долгосрочные (на 3 года) торговые и финансовые сделки учитывались отдельно. Конечно, в современном понимании 3 года – это среднесрочный горизонт планирования, но для того времени, учитывая, что это был этап становления бизнеса, полный неопределенности, сделки на 3 года можно рассматривать как часть долгосрочной стратегии развития бизнеса.

Еще одно новшество, опередившее свое время, было введено в доме Мицуи в первой трети XVIII в. Если раньше продвижение работников (приказчиков, или менеджеров, говоря современным языком) происходило лишь в зависимости от стажа, то затем перешли на систему продвижения по службе в зависимости от деловых качеств работника. Это обстоятельство отчасти развенчивает миф о всеобщности системы *нэнко* (т. е. продвижения по служебной лестнице и повышения уровня материальной компенсации в зависимости от стажа работы в компании). Несмотря на то, что система *нэнко* оказалась очень живуча и несомненно имеет свои преимущества, в данном случае важен тот факт, что еще в домэйдзийских торговых домах признавался и применялся и иной подход.

В сфере финансов дом Мицуи также стал использовать некоторые новые для того времени «финансовые технологии», которые на современном языке мы назвали бы операциями с ценными бумагами. Дом Мицуи пересылал золото и серебро с помощью векселей и, используя разницу в сроках погашения векселей и пересылки денег, пускал деньги в оборот, что в свою очередь, позволяло торговым лавкам Мицуи продавать товары по более низким ценам.

В доме Мицуи занимались рекламой и маркетингом. Стремясь расширить географию своего присутствия в различных регионах страны, глава клана изучал условия местного спроса. Кроме того, в лавках Мицуи стали продавать ткань кусками различного размера (а не целым куском на кимоно), что резко повысило спрос, т. к. женщины хотели приобретать ткань и на разные мелкие вещи. В лавках Мицуи в дождливые дни покупателям одалживали зонты с эмблемой «фирмы»²².

Таким образом, еще раз повторимся: еще в домэйдзийский период в торговых домах Японии сформировались свои подходы, причем в большинстве случаев документально оформленные, к организации дома и управлению бизнесом. В целом, эти подходы аналогичны тем приемам и методам, которые использовали европейские купеческие дома и кредитные конторы.

Важнейшим фактором, повлиявшим на формирование предпринимательской структуры Японии в период модернизации после реставрации

²² Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. – М., 1999, с. 167, 171

Мэйдзи, как мы уже не раз отмечали выше, стало **тесное партнерство бизнеса и государства**, основанное на взаимной заинтересованности и совпадении интересов. Государство как носитель общенациональной идеи модернизации в целях реализации этой идеи опиралось на дзайбацу, поскольку «средний класс» бизнеса еще не сформировался (к тому же правительство было связано с дзайбацу политическими и финансовыми узами). А перед дзайбацу, в свою очередь, открылись новые перспективы – возможности проникновения в новые для них сферы деятельности, в первую очередь промышленность – при прямой поддержке правительства.

Глав некоторых кланов дзайбацу иногда называют «политическими коммерсантами» (political merchants), поскольку в 1880-е годы они имели тесные связи с мэйдзийской бюрократией, которая всячески лоббировала их интересы, благодаря чему дзайбацу смогли на льготных условиях приобрести активы государственных предприятий. Вместе с тем были и дзайбацу, которые создали свои «бизнес-империи» гораздо раньше (например, логотип Сумитомо был известен уже в XVI веке) и еще до реставрации Мэйдзи обладали собственными рудниками и другими предприятиями. Однако независимо от исторического прошлого и те, и другие значительно усилили свою мощь и влияние в экономике в последней трети XIX в. и в последующий период во многом благодаря тесным связям и поддержке правительства²³. В результате, как известно, семейные кланы превратились в дзайбацу, которые представляли собой финансово-промышленные группы, в рамках которых утвердился бюрократический стиль управления, облеченный в форму патернализма и во многом сходный с концепцией государственного управления.

Вместе с тем не во всех случаях тандем бизнеса и государства был абсолютно гармоничным, случалось, что «рекомендации» правительства прямо противоречили стратегическим целям бизнеса. Приведем один пример, относящийся, правда, уже к первой трети XX в. В середине 1930-х годов автомобилестроительная компания «Ниссан» уже наладила массовое (по тогдашним меркам) производство малолитражных легковых автомобилей «Датсун», экспортировала их в Австралию и была одним из символов модернизации японской промышленности. Эта компания была тесно связана с американскими автопроизводителями и имела все шансы стать международной компанией еще в предвоенные годы. Однако в условиях милитаризации экономики правительство не одобрило ни планы наращивания производства массового автомобиля,

²³ Mosk K. Japanese Industrial History: technology, urbanization and economic growth. NY, 2001, p. 90–91.

ни планы дальнейшего углубления кооперации с иностранными партнерами, и компания была вынуждена сосредоточиться на производстве продукции военного назначения (военные грузовики, авиационные двигатели, торпедные корабли)²⁴.

Тесное взаимодействие бизнеса и государства существенно повлияло на философию японских компаний, понимание ими своей миссии, целей, положения в обществе и социальной ответственности. Как известно, «философия» корпорации на Западе и в Японии довольно существенно различаются. В США и Великобритании, в целом, преобладает так называемый монистический взгляд на корпорацию, в соответствии с которым фирма представляет частную собственность ее владельцев – акционеров, и в своей деятельности ориентируется в первую очередь на их интересы. Дуалистическая концепция, популярная в Германии и в меньшей степени во Франции, также отдает предпочтение акционерам, но при этом учитывает интересы персонала компании. Фирма в рамках этой концепции предстает не только как коммерческая, но и некая социальная организация.

Концепцию, наиболее близкую японской предпринимательской практике называют плюралистической. Согласно ей, фирма принадлежит всем «участникам» (stakeholders), в круг которых включаются работники компании, акционеры, головной банк, главные поставщики, подрядчики и дистрибьюторы. Западные авторы называют отношения, сложившиеся в японских корпорациях «повышенной общностью интересов», а саму корпорацию квалифицируют как «квазинтеграцию» и промежуточную форму между долговременным контрактом и полной собственностью (М. Портер)²⁵.

В рамках данной концепции граница между внутренними и внешними «заинтересованными сторонами» (stakeholders) достаточно условна. В результате в рамках ответственности перед «участниками» японские компании фактически принимают на себя ответственность за состояние рынка труда, поддержание стабильности рынка поставщиков и т. п. При этом никаких формальных юридических оснований для такого поведения не было и нет, и оно обусловлено, как представляется, двумя обстоятельствами – тесным взаимодействием с государством (компании были вовлечены в решение общенациональных задач) и культурно-историческими традициями (осознание принадлежности к группе).

²⁴ Shimokawa K. The Japanese Automobile Industry. A Business History, 1994, p. 110 (<http://www.nissan-global.com/GCC/Japan/History/history/index-e.html>).

²⁵ Подробнее см. Тимонина И.Л. Японские корпорации в эпоху глобализации: революция управления ? // Бизнес Академия, 2002, № 1 –2.

Как известно, для японской деловой практики вообще характерно широкое **применение неформальных механизмов и норм**. В данном контексте хотелось бы отметить обусловленность такой практики характером модернизации. Институционально-правовая основа деловой практики просто не успевала формироваться в условиях стремительной модернизации, поэтому использовались те механизмы, которые были, т. е. неформальные, опирающиеся на традицию и менталитет. А процесс заимствования общественных институтов, а точнее трансплантации институтов, в том числе правовых, также шел достаточно медленно, и не все из них хорошо приживались на японской почве.

Еще одной отличительной особенностью традиционного японского стиля корпоративного управления являлась, как известно, **система финансирования деятельности компании**, ориентированная преимущественно на привлечение средств за счет банковского кредита, а не на фондовый рынок. Факторы, обусловившие такое положение, также во многом связаны с характером постемэйдзийской модернизации и двойственной структурой предпринимательства, сложившейся уже в период протоиндустриализации, т. е. в последней трети XIX в. Дзайбацу имели прочную финансовую базу, все они исторически начинали с торговых и ссудно-кредитных операций. И поначалу (в ранний постемэйдзийский период) дзайбацу не стремились заниматься обрабатывающей промышленностью. Попутно отметим, что своим превращением в финансово-промышленные группы дзайбацу во многом обязаны правительству. Возвращаясь к особенностям финансирования японских корпораций, отметим, что наличие сильного финансового ядра (банки, страховые компании, траст-банки), которое является неотъемлемым элементом организационной структуры дзайбацу, изначально предопределило ориентацию компаний группы на банковский кредит (а также государственные ссуды). К тому же другие механизмы привлечения капитала были еще в зачаточном состоянии. Так, фондовый рынок в Японии, хотя и был создан в 1878 г., но поначалу играл относительно незначительную роль в финансировании компаний.

Таким образом, мы нашли целый ряд подтверждений тому, что модернизация предпринимательской структуры и управления крупными компаниями в Японии в период после реставрации Мэйдзи не носила характера имплантации зарубежных образцов. В своей основе корпоративное управление в Японии развивалось на собственной базе с учетом изменений, происходивших во внешней среде. Заимствование же зарубежного опыта непосредственно компаниями (а не на государственном уровне) было сосредоточено, главным образом, в сфере получения технических знаний, а также восприятия отдельных элементов зарубежной предпринимательской практики.

Кроме того, важно иметь в виду, что в конце XIX в., т. е. в тот период, о котором идет речь, корпоративное управление не было столь стандартизированным в мировом масштабе, как это имеет место сейчас. Вряд ли можно говорить и о существовании такого явления как международный менеджмент, т. е. менеджмент транснациональных корпораций как целостное явление. Развивались отдельные страновые «ветви» менеджмента, одной из которых стал и японский.

Японское корпоративное управление: вклад в теорию менеджмента

Японские концепции и методы корпоративного управления относительно недавно (не ранее 1970–1980-х годов) получили международное признание. И здесь мы солидаризируемся с позицией Т. Н. Матрусовой, которая пишет, что японский патернализм как управленческая технология долго не признавался на Западе²⁶.

Конечно, содержание японской системы корпоративного управления патернализмом не исчерпывается. Была сформирована философская концепция существования компании, механизмы управления трудом, система социальной ответственности, организационные структуры, системы внутренних и внешних коммуникаций, принятия решений, делегирования ответственности и полномочий и многое другое.

Как представляется, важнейшим вкладом дзайбацу в теорию менеджмента, которая стала оформляться, конечно, гораздо позже, стала **модель корпоративной культуры «семья»**, получившая распространение в разных странах, но в Японии оказавшаяся одной из самых живучих и эффективных.

Модель «семья», в основе которой лежат отношения патернализма, является одной из четырех современных моделей «организационной культуры»²⁷ и относится к типу иерархических неформализованных систем. Такие системы характеризуются ограниченным делегированием власти и высоким уровнем централизации управления, который сочетается с относительно низкой степенью функциональной формализации. Основная морально-этическая установка, на которую опирается данная модель, может быть выражена следующим образом: «процветание семьи равнозначно процветанию ее членов». Руководитель в такой

²⁶ Матрусова Т. Н. Национальные традиции и западные технологии в японском менеджменте: история взаимодействия // Япония 2000: консерватизм и традиционализм», М., 2000, с. 156.

²⁷ В соответствии с одной из наиболее популярных в настоящее время классификаций моделей корпоративных культур Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпдена-Тернера. – Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. Riding the Waves of Culture. – Nickolas Brealey Publishing Limited, 1997 (Цит. по: Мясоедов С.П. Основы кросскультурного менеджмента: Как вести бизнес с представителями других стран и культур. М., 2003, с. 189 – 194).

системе воспринимается подчиненными как своего рода отец семейства, и действия подчиненных («детей») должны соответствовать пожеланиям и приказам руководителя. Система обратной связи часто здесь действует неосознанно, на интуитивном уровне. Процесс делегирования здесь весьма сложен и зачастую носит условный характер, происходит некая игра в делегирование, когда старшие менеджеры («старшие дети») лишь делают вид, что берут на себя ответственность, а затем перекладывают окончательное решение на высшее руководство («родителей»).

Одной из отличительных особенностей модели «семья» является сложность процесса управления изменениями. Однако, с другой стороны, эта система благодаря высокому уровню сплоченности персонала и руководства оказывается очень адаптивной и гибкой и хорошо себя показывает в условиях перемен.

Все эти черты, характерные для современной трактовки патерналистской модели, каковой является «семья», как мы показали выше, сложились в торговых домах домэйдзийского периода совершенно самостоятельно, без какого-либо влияния извне. Но модель «семья» – одна из старейших корпоративных моделей. Например, в средневековой Европе именно на такой основе действовали торговые дома и предприятия, а также ремесленные цеха. Со временем в одних случаях она была заменена другими моделями, в других – трансформировалась в соответствии с меняющимися условиями ведения бизнеса и продолжает успешно функционировать. В некоторых национальных деловых культурах она остается преобладающей, например, в странах арабского Востока, Юго-Восточной и Центральной Азии, ряде стран Южной и Юго-Восточной Европы²⁸.

Как представляется, эта модель остается преобладающей и в Японии, где она продемонстрировала свои лучшие качества – мобилизационную способность, гибкость и адаптивность. Конечно, сейчас в стране происходит постепенная трансформация отдельных ее элементов (например, постепенное сокращение масштабов использования системы пожизненного найма, системы продвижения в зависимости от стажа, практика найма в середине карьеры и т. п.), но перспективы полного отказа от нее представляются весьма сомнительными. В самом деле, зачем менять то, что выросло и сформировалось на национальной почве и соответствует особенностям национального менталитета?

Тезис о самостоятельном развитии японской системы корпоративной организации и менеджмента может быть подкреплён также и тем обстоятельством, что именно благодаря японской системе организации

²⁸ Мясоедов С. П. Основы кросскультурного менеджмента: Как вести бизнес с представителями других стран и культур. М., 2003, с. 194–196, 197.

производства менеджмент как наука был обогащен такой поведенческой теорией как «теория Z». История возникновения этого течения менеджмента как науки ярко демонстрирует, что происходил взаимный обмен и обогащение опытом между западной и японской теорией и практикой менеджмента, а никак не трансплантация иностранных образцов в японскую почву. Еще раз подчеркнем, что речь идет о концептуальных основах менеджмента и философии организации, а не об отдельных приемах и методах отраслевого менеджмента, зарубежные методы, которого изучались и применялись в Японии в разное время, особенно начиная с 1910-х годов.

Итак, еще в конце 70-х годов XX века У. Оути (с соавторами) выдвинул концепцию «организации типа Z», с помощью которой он описал новый тип производственной организации, которая формируется под влиянием японских приемов управления и остаточных элементов американской модели. В работе 1981 г., посвященной японскому менеджменту и названной «Теория Z: чем должен ответить американский бизнес на японский вызов», он проанализировал особенности японского менеджмента (в первую очередь в части управления трудом), объясняя на их основе успехи японской индустрии²⁹.

«Организация типа Z» рассматривается Оути как место самоидентификации работника и как общественное явление. В управлении такой организацией упор делается на самореализацию и раскрытие творческих возможностей человека, в соответствии с чем и выстраивается система управления, в которой Оути выделяет 5 основополагающих управленческих подходов:

- 1) акцент на движении информации и инициативы снизу вверх;
- 2) превращение высшего руководства (топ-менеджмента) из органа, издающего приказы, в орган, способствующий принятию решений;
- 3) использование среднего управленческого звена (мидл-менеджмента) как инициатора и движущей силы решения проблем;
- 4) принятие решений на основе консенсуса; повышенное внимание к благополучию сотрудников³⁰.

Разрабатывая свою знаменитую «теорию Z», описывающую «смешанную японо-американскую модель» производственной организации, Оути провел анализ 7 переменных организационной культуры (см. Табл. 1).

²⁹ Подробнее о «Теории Z», ее «японских корнях» и корпоративной культуре Японии см.: Тимонина И. Л. Корпоративная культура Японии: общее и особенное // Портрет современного японского общества М., 2006.

³⁰ Johnson R., Ouchi W. Made in America (under Japanese Management) // Harvard Business Review, 1974, No. 52(5), p. 62 (Цит. по: Шелдрейк Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации. СПб, Питер, 2001, с. 306 – 307).

Таблица 1. Модель «организации типа Z» У. Оути.

«Культурные» переменные	Характеристики японских компаний	Характеристики американских компаний типа Z.	Характеристики американских компаний
Наем (обязательства организации по отношению к своим членам)	Пожизненный	Долговременный	Кратковременный
Оценка выполнения работы и продвижение	Качественное и медленное	Качественное и медленное	Количественное и быстрое
Планирование карьеры	С широкой специализацией	С умеренной специализацией	С узкой специализацией
Механизм контроля	Неясный и неформальный	Неясный и неформальный	Ясный и формальный
Принятие решений	Групповое и консенсусное	Групповое и консенсусное	Индивидуальное
Ответственность	Групповая	Индивидуальная	Индивидуальная
Интерес к человеку	Широкий (личность в организации рассматривается шире, чем просто работник)	Широкий	Узкий (индивид рассматривается только как работник)

Составлено по: Занковский А. Н. Организационная психология. (www.socioego.ru/teoriya/istoch/zank/cultura5.html)

Нетрудно заметить, что основные черты корпоративной культуры «организации Z» имеют значительное сходство с японской концепцией, суть характеристики которой определилась еще в домэйдзийский период и впоследствии получила международное признание. В самом деле, такие организации «обычно рассматриваются как кланы, поскольку они представляют собой тесные сообщества людей, занятых совместной экономической работой и связанных вместе разного рода узами»³¹. При этом Оути весьма точно (хотя, возможно, и неполно) определяет особенность культуры, характерной для организации такого типа: «В исполненной согласия культуре сообщество равных индивидов работает совместно, стремясь к достижению общих целей. Работа подобной системы зависит не столько от ее иерархичности и контроля за действиями работников, сколько от их согласия и доверия»³².

³¹ Шелдрейк Дж. Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации, с. 309, 311.

³² Там же, с. 311.

* * *

Итак, целый ряд фактов и обстоятельств свидетельствует о том, что применительно к послемэйдзийскому периоду нельзя однозначно говорить о модернизации японской системы корпоративного управления, если понимать модернизацию как трансплантацию на национальную почву образцов корпоративной организации и управления компаний передовых стран, а не как процесс постоянного совершенствования и эволюции.

Японская система управления развивалась преимущественно на собственной основе и в конкретно-исторических условиях страны. Заимствования касались лишь отдельных методов и приемов управления, адаптации зарубежного технического опыта. Сама же философия бизнеса, организационные принципы построения крупных компаний оставались по сути японскими. При этом важно иметь в виду, что многие подходы и наработки дзайбацу, во-первых, были сходны с теми, что применялись в других странах, и, во-вторых, опережали свое время и оказались востребованными впоследствии. Это означает, что корпоративная организация и управление в Японии, в принципе, развивались по тем же законам и проходили те же этапы, что и в других странах. Поэтому организацию японского бизнеса не вполне правильно было бы считать отсталой или архаичной. Она просто была другая, ровно настолько, насколько «другим» является бизнес в Италии, Исландии или России.

Отсюда возникает вопрос, что гипотетически могло бы быть образцом для формирования японского менеджмента в последней трети XIX века? Вероятно, это был бы европейский бизнес, становление которого происходило однако в совершенно иных социально-экономических и исторических условиях. И, тем не менее, общие черты между японским и европейским бизнесом мы все же находим (например, семейная организация предприятий, система управленческой отчетности и бухгалтерского учета, маркетинговые приемы), и эти общие черты, отнюдь, не результат заимствования.

Второй вывод, который можно сделать в результате наших рассуждений и размышлений по поводу модернизации и эволюции корпоративного управления в Японии, состоит в том, что сам характер модернизации (а в Японии это была модернизация сверху, осуществлявшаяся на эндогенно-экзогенной основе) стал важнейшим фактором, повлиявшим на развитие предпринимательской структуры и корпоративного управления. Теснейшее частно-государственное и государственно-частное партнерство, сохраняющееся в Японии и по сей день, предопреде-

лили особое понимание миссии компании в обществе, расширили границы непосредственной социальной ответственности компаний.

В данной статье мы не касались этапа послевоенной модернизации, когда японские компании восприняли многие западные (по большей части американские) бизнес-практики. Однако, как представляется, корпоративная концепция и основы организации бизнеса остались в основном неизменными. Японская корпоративная модель удачно, как показали дальнейшие события, приспособилась к новым условиям и задачам. Думается, это произошло потому, что Япония проходила второй виток догоняющего развития, начавшийся в период послевоенного восстановления. Поэтому сильные стороны патерналистской модели, сложившейся в предшествующий период, ее мобилизационные возможности оказались востребованными. Отлаженный механизм взаимодействия с государством, система банковского финансирования, внутригрупповое взаимодействие – все это, конечно, подверглось обновлению. Но устои корпоративной модели и, что не менее важно, корпоративной культуры, фактически не были поколеблены.

Настоящим вызовом японской предпринимательской организации и системе корпоративного управления стала глобализация. И этот вызов нового времени совпал (и, наверное, не случайно) с завершением длительного этапа экономической истории Японии – этапа догоняющего развития. Японские корпорации, а точнее их руководители, очевидно, оказались перед необходимостью действительно радикальных перемен в системе внутрифирменного управления, без которых, как уже стало очевидно, невозможно действовать в глобализированной и информатизированной внешней среде.

Эти перемены могут коснуться самих основ японской корпоративной модели, потребовать переосмысления философии бизнеса и миссии организации. Принципиальное отличие нынешней ситуации от предыдущих циклов модернизации состоит в том, что в условиях глобализации происходит стандартизация структур, стратегий и практик бизнеса в мировом масштабе и соответственно происходит унификация требований к компаниям. Иными словами, на большинстве рынков устанавливаются единые правила игры, в соответствии с которыми компании и вынуждены действовать. Олигополизация рынков приводит не к разнообразию приемов и методов конкурентной борьбы (как это было в условиях пусть не вполне свободной, но все же конкуренции), а к единообразию.

Внутренняя среда компаний становится международной, и в ней действуют правила международного менеджмента. Остаться в стороне от этого процесса невозможно. И ярким примером тому может служить

ситуация в японской компании «Ниссан» после заключения ею альянса с французской «Рено»³³, когда новая управленческая команда во главе с Карлосом Гоном в короткие сроки провела коренное преобразование корпоративной структуры, не побоявшись затронуть даже систему субподрядов и пожизненный найм. Фактически, в данном случае мы видим прямую трансплантацию зарубежной модели бизнеса, а точнее модели бизнеса транснациональной корпорации неазиатского происхождения. И если раньше зарубежная модель бизнеса могла внедряться в иную национальную деловую культуру через прямые иностранные инвестиции (чего Япония избегала), то теперь это может происходить через управленческую команду.

В какой степени японская корпоративная модель останется национальной, сказать трудно. Все же национальная деловая культура, как и культура в целом, относительно слабо поддаются глобализации, но, вероятно, модернизация японского менеджмента как необходимое приближение к «международному стандарту» ведения бизнеса все же неизбежна. Но это уже тема другой статьи...

³³ Подробнее см. И. Л. Тимонина. Стратегии японских корпораций в эпоху глобализации: опыт трансформации // Японский опыт для российских реформ, 2003, № 2.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В ЯПОНИИ

Процесс модернизации японской системы управления в силу многих обстоятельств оказался весьма сложным, противоречивым и растянулся на значительный период – от реставрации Мэйдзи до Второй мировой войны. Более того, многие явления, характеризующие эту систему в наши дни, окончательно сложились лишь в послевоенный период.

Формирование современного японского общества в целом и системы управления фирмами в том числе происходили под влиянием как минимум двух разнонаправленных факторов. Один из них – мощный пласт национальной культуры и традиций, а также самобытная психология народа, на которую наложил серьезный отпечаток долгий период изоляции страны. Другой – интенсивное влияние культуры Запада, понимаемой в самом широком смысле.

В зависимости от оценки значимости этих факторов делаются весьма разные выводы по поводу характера модернизации японского управления. Одни авторы полагают, что оно развивалось целиком на собственной основе и приобрело весьма специфические, сугубо «японские» черты. Другие считают, что в процессе индустриализации и общения с внешним миром Япония развивалась в соответствии с общими для всех закономерностями. Скорее всего, истина на стороне тех, кто считает, что японское общество приобрело свой современный облик в результате сложного взаимодействия столь не схожих между собой и во многом разнонаправленных процессов.

Начало развития японской практики управления восходит к рубежу XIX–XX веков и, несомненно, теснейшим образом связано с тем влиянием, которое Япония уже в то время испытывала со стороны Запада. Интерес Японии к западной системе управления начал расти особенно быстро после русско-японской войны. К тому времени страна уже в течение трех десятилетий находилась в состоянии модернизации и бурной промышленной революции, что было важнейшим следствием реставрации

Мэйдзи. Япония предпринимала интенсивные поиски источников развития, активно заимствовала у Запада последние технические новшества. Лихорадочные усилия скопировать как можно точнее западные образцы наблюдались и в области организации производства, а также управления им. Постепенно западные концепции управления превратились в Японии в часть ее общего движения в сторону индустриализации.

К этому времени на Западе сложились две довольно разные системы управления, которые подвергались самому тщательному анализу со стороны японского предпринимательства. Одна из них, связанная с опытом, апробированным в Англии еще в начале-середине XIX в., была известна как «совершенствование производства» или «совершенствование производственных отношений» (industrial betterment)¹.

По замыслу своих творцов – английских предпринимателей и ученых Роберта Оуэна и Джеймса Монтгомери, эта первая в мире мотивационная управленческая система в соответствии со своим названием имела в виду необходимость изменения характера отношений между работниками и работодателями путем введения разумных улучшений условий труда и материального быта рабочих. Расчет был на то, чтобы вызвать у персонала ответную реакцию в виде повышения интереса к труду и обеспечить таким образом успех всего дела.

Был и другой пример управления, пришедший в Японию с американских заводов Форда. В конце XIX–начале XX века это была новейшая управленческая система, так называемый научный менеджмент, разработанный Ф.Тэйлором. В отличие от системы совершенствования производственных отношений она была ориентирована не столько на повышение трудовой мотивации персонала, сколько на рациональные методы организации процесса труда и самого производства. Идеи Тэйлора пользовались в Японии огромной популярностью.

Весь период Мэйдзи был отмечен большим энтузиазмом национальной элиты, стремившейся восполнить упущенное и встать на передовые рубежи науки, и породил немало подвижников в различных областях жизни общества. Деятельность японского ученого Уэно Ёити, в настоящее время хорошо известного своими трудами в области управления, является одним из ярких примеров из истории этого периода. Именно он был первым, кто познакомил научную общественность страны с переводами многих работ супругов Лилиан и Джеймса Гилбертов.

К середине 1920-х годов усилиями отечественных и западных пропагандистов идей Тэйлора в Японии организуется общенациональное

¹ Stephen R. Barley & Gideon Kunda. Design and Surges of Rational and Normative Ideologies of Control in Managerial Discourse // Administrative Science Quarterly, 1992, v. 37, pp. 363–399.

движение с характерным названием «За эффективность производства», напоминавшим о генетической связи с аналогичными американскими образцами, в частности, с деятельностью Общества эффективности Эмерсона, последователя Тэйлора, и Общества содействия науке управления самого Тэйлора.

Как и в других областях, интерес к американским подходам в управлении отнюдь не ограничивался академическими занятиями ученых. Все это движение преследовало сугубо практические цели и во многих отраслях экономики страны увлекло за собой немало энтузиастов из числа предпринимателей. Теорию научного менеджмента стремились испытать в японских условиях.

Известно, например, что именно под влиянием американских идей об эффективном управлении, которым была подчинена вся теория научного менеджмента, одна из крупнейших в Японии железнодорожная компания «Ниппон Кокуро», которая придерживалась патерналистских отношений со своим персоналом, пошла во время экономической рецессии в 1905 г. на довольно радикальный и необычный шаг, уволив одновременно значительную часть своего персонала². Примечательно, что это событие произошло тогда, когда в самих США массовое увлечение тэйлоризмом еще только набирало силу.

Несколько позже, в 1917 г., крупнейшая японская текстильная компания «Тоёбо» начала изучение трудовых движений рабочих для внедрения на своих предприятиях системы нормирования труда, что впоследствии и было сделано с помощью английских специалистов³. Многие компании тяжелого машиностроения, в частности, «Сумитомо», «Мицубиси дзюкогё», «Сибaura дэнки» делали в это время попытки рационализировать свою деятельность на принципах научного менеджмента. Для организации отбора и найма персонала эти компании привлекали консультантов из США⁴.

Еще до Второй мировой войны новая технология управления распространилась и в автомобильной промышленности Японии. Так, одна из ведущих современных компаний в области автомобилестроения «Ниссан дзидося» приглашала к себе американских инженеров и имела тесные связи с американской компанией «Дженерал моторз»⁵.

Научный менеджмент Тэйлора вполне соответствовал нуждам японских предпринимателей, нуждавшихся в тот период в современных

² Research in International Business and International Relations. London, 1994, v. 6, p. XI.

³ Там же.

⁴ Levine, Solomon B., & Kawada Hisashi. Human Resources in Japanese Industrial Development. Princeton -New York, 1980.

⁵ Cusumano, Michael A. The Japanese Automobile Industry: Technology and Management at Nissan and Toyota. Cambridge, MS, 1985.

управленческих технологиях не меньше, чем в новейших средствах производства. В то же время было бы неверно представлять дело таким образом, что слепое копирование новейших западных образцов было единственным направлением развития в Японии практики управления. Эта история представляется более сложным процессом.

Не только тэйлоровская система пользовалась популярностью среди японских предпринимателей. Не меньший интерес вызвала и английская система Оуэна-Монтгомери, которая напоминала им собственный традиционный и более привычный опыт патерналистских отношений с персоналом, эффективно помогавший гасить трудовые конфликты и разгравившиеся социалистические настроения в рабочей среде.

В период, предшествовавший Второй мировой войне, в стране происходил процесс развития трудового и социального законодательства, которое было направлено на защиту интересов наемных работников и способствовало формированию их самосознания. Соответствующие настроения получали воплощение в организации общенациональных профсоюзных и партийных структур леворадикального толка. В ответ на идеологические, политические и экономические требования организаций, представлявших интересы лиц наемного труда, предприниматели также консолидировали свои силы, превращаясь в самостоятельный классово оформленный слой общества.

Исторические факты довоенного периода свидетельствуют о том, что, по крайней мере, до момента вступления Японии в «большую войну» с Китаем во второй половине 1930-х годов общество развивалось со значительным креном в сторону прозападной конфликтной модели с присущим ей набором соответствующих атрибутов, характеризующих социальную структуру общества. Имело место и довольно отчетливое его расслоение на фоне резкой дифференциации доходов. Поэтому японские предприниматели всячески пытались избежать западного опыта антагонистических отношений со своим персоналом и обращались к собственным национальным традициям. Поэтому укрепление новых направлений в управлении происходило в Японии параллельно с развитием традиционных, национальных методов взаимоотношений с персоналом. В конце XIX – начале XX в. японские компании в своем большинстве проводили политику патернализма и делали акцент на роли компании как семьи.

Речь идет о традициях японской семьи-иэ, которая представляла собой самостоятельную, закрытую от внешнего мира производственно-потребительскую ассоциацию, обладавшую целым рядом характерных черт специфической социальной единицы. Иэ состояла из представителей разных поколений и родственных ветвей, обязанностью которых всегда являлось продолжение семейной линии. В пределах более широкой общности все члены иэ должны были поддерживать ее статус, и тот,

кто опозорил имя иэ, мог быть исключен из нее. Семья и преемственность были гораздо важнее каждого отдельного ее члена. По отношению к внешнему миру семья выступала как единое целое⁶.

Несмотря на то, что согласно Гражданскому кодексу 1898 г. владение имуществом формально стало регистрироваться на имя определенного лица, фактически традиция совместной собственности иэ сохранялась еще очень долго. В силу этого такая семья, как справедливо подчеркивал отечественный ученый В. Б. Рамзес, вплоть до поражения Японии во Второй мировой войне довольно успешно противостояла проникновению в свою среду капиталистических отношений⁷. Как самостоятельная производственно-потребительская единица иэ обычно существовала за счет определенного вида деятельности, и все члены должны были вносить в нее свой вклад. Все они пользовались ее благами сообща, без индивидуального вознаграждения, и в критических случаях вместе переносили материальные затруднения.

Эти особенности японской семьи способствовали стойкому сохранению отходничества, обычно характерного лишь для начальных этапов развития капиталистических отношений. Отходники в Японии гораздо дольше поддерживали отношения с семьей и не стремились перейти целиком на новый вид дохода от найма. В случае нужды без особых проблем они возвращались к прежним занятиям в семье. При утрате трудоспособности они могли рассчитывать на ее поддержку, чему способствовал принцип неделимости дохода и всего имущества. Несомненно, такое положение длительное время сдерживало развитие структур социальной защиты наемного труда, а также других механизмов, способствовавших идентификации его представителей со своим классом. Последствия этого ощущаются вплоть до настоящего времени, выражаясь, в частности, в относительно низком уровне развития общенациональных институтов социального обеспечения. Исход борьбы за семейную традицию во многом определял будущее системы управления в японских фирмах.

Постепенное включение Японии в мировые связи, восприятие западных технологий и отчасти ценностей западного общества вели к критической оценке собственного наследия. События внутренней жизни подталкивали к развитию этого процесса. По мере индустриализации и урбанизации постепенно и сама семья утрачивала тот вид, в котором она служила источником национальной традиции.

Важнейшим следствием этого процесса явилось, прежде всего, постепенное разрушение целостности иэ как производственно-потребитель-

⁶ Hendry J. Understanding Japanese Society, London–New-York–Routledge, 1991, с. 21–23.

⁷ Рамзес В. Б. Социально-экономическая роль сферы услуг в современной Японии. М., 1975, с. 95–99.

ской единицы. Менялась и ее социальная роль. Ни повышение квалификации, ни обеспечение нетрудоспособных, ни даже воспитание подрастающего поколения не могли не испытывать эрозии в результате разрушения семьи как самостоятельного социально-экономического образования. Вместе с тем угасанию традиции противодействовали целенаправленные акции со стороны консервативных представителей высших слоев общества и неосознанное следование привычному укладу жизни широких масс простого народа. Проблема семьи не раз становилась центром внимания общественной жизни.

При принятии Гражданского Кодекса в эпоху Мэйдзи именно вокруг семейной системы разгорелись дебаты: одни видели в ней основу для поддержания хорошо организованной социальной жизни, другие – главное препятствие на пути к прогрессу. В результате был достигнут компромисс. Приверженцев новых веяний устроило то, что закон диктовал обязательность регистрации собственности за одним членом семьи. Консерваторам нравилось, что признавался принцип преемственности *изэ*, поскольку кодекс узаконивал существовавший порядок генеалогических записей⁸.

Несколько позже, когда в 1920-х годах в стране разгорелись классовые конфликты, вопрос о семейных традициях был вовлечен в противостояние между всем предпринимательством, с одной стороны, и левыми организациями – с другой. Последние связывали интересы наемных работников с новыми условиями их существования вне семьи. Отвечая на требования левых профсоюзов и партий о необходимости легализации и нормативного оформления отношений между трудом и капиталом, работодатели ссылались на необходимость следования «красивым обычаям» *изэ*, неписаным законам патернализма, которые диктовали обязательства членов семьи друг перед другом. Эти законы обязывали старших членов семьи (*оябун*) заботиться о младших (*кобун*), а последним, в свою очередь, полагалось отвечать преданностью и жертвенностью. В этом противостоянии речь шла уже не о судьбе традиционной семьи как таковой, а об использовании семейной традиции для решения проблем социальных отношений в условиях, когда производственно-экономическая функция общества переходила от крестьянской *изэ* к торгово-промышленным компаниям. Речь шла об использовании образа *изэ* в процессе модернизации системы управления персоналом, который происходил в новых условиях.

Бизнес строил свои отношения с наемными работниками на «семейный» лад и при этом широко использовал мощную идеологическую и социальную поддержку со стороны государства. В частности, место общенациональных систем занимали разнообразные патерналистские

⁸ Hendry J. Understanding Japanese Society, london–New-York–Roulledge, 1991, p. 21–23.

институты социальной защиты, появление первого из которых относится еще к началу XX в. Попытки повести правовое крыло рабочего движения по пути внутрифирменного структурирования рабочего движения также были направлены на создание закрытых трудовых союзов (*родо кумиай*) по семейному типу для решения внутренних проблем «своим домом». Таким образом, вместо традиционных постепенно формировались новые производственно-социальные структуры, в которых отношения работодателей и работников складывались в иерархические отношения квазисемейного типа.

Существенное влияние на борьбу за семейную традицию оказывало то обстоятельство, что в мэйдзийский период семейные связи еще не были разрушены, и надежды на их сохранение были весьма сильны. Население живо откликалось на любые действия, которые питали их. Например, требования к школьникам заучивать наизусть текст императорского указа об образовании (1890 г.), в котором предписывалось уважать традиции семьи, были встречены в народе с большим сочувствием⁹. Однако несмотря на то, что влияние национальных традиций на самосознание населения в довоенный период было очень велико, борьба за внедрение этих отношений в практическую жизнь общества была весьма нелегкой. До войны рабочее движение в целом отвергало предлагаемые работодателями варианты «семейных» отношений, усматривая в этом возможность подкупа части персонала. И это было недалеко от истины: привилегии пожизненного найма, продвижения по старшинству, выплаты бонусов предоставлялись в то время лишь самой верхушке фирмы. В свою очередь, это усиливало критику трудовой политики работодателей со стороны профсоюзов.

После войны Японии пришлось осваивать значительную часть зарубежного опыта задним числом, поскольку за период с 1930-х годов до окончания Второй мировой войны теория и практика менеджмента на Западе ушли далеко вперед. Вместе с тем поиск новых путей развития системы управления сталкивался и там с большими трудностями. Надежды на нововведения часто не оправдывались и приводили к разочарованиям. И по мнению некоторых ученых, Запад в смятении ходил по кругу, то уповая на идеи рационализации производственной стороны, то вновь обращаясь к концепциям, основанным на человеческом факторе, на усилении мотивации труда¹⁰.

Так, массовое увлечение тэйлоризмом обернулось сильным упрощением трудовых функций, демотивацией персонала, ростом текучести кадров и, в конечном счете, падением эффективности производства. Критика тэйлоризма привела к появлению многочисленных новых

⁹ Мита гаккай дзасси, 1969, т. 62, № 7

¹⁰ См., в частности, Stephen R. Barley & Gideon Kunda..., p. 363–399.

управленческих концепций, которые объединились под общим названием «теория человеческих отношений». Основной вклад в развитие этого направления внесли Э. Мэйо, Д. Мак Грегор, А. Маслоу и др. Все началось со знаменитых Хоторнских экспериментов, проходивших под руководством Элтона Мэйо в чикагском отделении компании «Вестерн Электрик Компани» в 1927–1932 гг. В ходе пятилетних опытов ученые доказали, что на производительность труда влияют не только и не столько технико-экономические, сколько такие социально-психологические факторы, как взаимодействие людей в труде, самодисциплина и возможности творческого роста, коллективное вознаграждение, отказ от узкой специализации и единоначалия, демократический стиль руководства.

Затем успехи военных специалистов США и Англии в области распределения ресурсов и снабжения ими армии во время Второй мировой войны, а также появление кибернетики, способствовали зарождению и быстрому развитию нового направления в области управления, известному как «системный рационализм», который выступал за первенство и универсальность принципов построения организации, формализацию организационных процессов и в результате – за превалирование технической стороны над человеческим фактором.

В Японии в эти годы с одинаковым энтузиазмом изучали все достижения Запада. В страну были приглашены самые известные американские специалисты в новейшей из областей управления, в области «контроля качества», профессора Джозеф Джуран и Эдвард Деминг, в свое время начинавшие деятельность вместе с патриархом теории «человеческих отношений» Элтоном Мэйо¹¹. Не меньшей популярностью пользовался Питер Друкер, который был известен как основатель целостной концепции организации в духе «системного рационализма»¹².

Продолжалось изучение и совершенствование технологии «научного менеджмента» применительно к японским условиям, что впоследствии дало, возможно, самые выдающиеся и известные результаты в области управления благодаря успехам развития автомобилестроения, где эта управленческая технология получила особенно большое распространение.

Воплощение на практике положений теории управления происходило в Японии с гораздо меньшими издержками и потерями, чем в странах, где эти теории возникли. Имея возможность оценить их достоинства и недостатки, ошибки и достижения зарубежных практиков, японские предприниматели с большей уверенностью внедрялись в наиболее перспективные направления и избегали тупиковых подходов, поскольку и

те, и другие уже были хорошо видны и понятны. В настоящее время широко известны успехи японских компаний даже в тех областях импортированных управленческих технологий, в которых страны-экспортеры потерпели фиаско.

Одним из таких классических примеров является управление качеством с помощью «малых групп участия работников» (так называемых «кружков качества»), идея которых пришла вместе со статистическими методами контроля качества из США. Другим ярким доказательством преимуществ положения Японии «в фарватере лидера» служат результаты, достигнутые в области так называемого «гибкого производства», которые, хотя и восходят к методам Тэйлора, но уже существенно отличаются от них.

В отличие от Запада, где одна управленческая система заменяла другую, в Японии в послевоенный период управление продолжало развиваться как синтез отечественных форм патернализма и современных западных управленческих технологий. Идеи Тэйлора так и не смогли затмить здесь тех преимуществ патернализма, которые предоставляла предпринимателям действительность. Практически вплоть до окончания Второй мировой войны система управления в фирмах развивалась со значительным перевесом в сторону патернализма.

Итак, японская модель управления производством сформировалась с некоторым запозданием и в других условиях по сравнению с западной. Большое значение для ее успешного развития, в том числе с использованием иностранных технологий, имел собственный опыт японских компаний, который накапливался ими еще до войны.

Западная управленческая модель в своих типических чертах оформилась одновременно с «классической», фордистской системой производства и распределения массового типа. На этой основе был выработан особый механизм классового компромисса, который срабатывал в результате строгого юридического оформления отношений между субъектами рынка труда. В рамках этой модели жесткая организация труда, основанная на методах «научного управления» Тэйлора, предлагалась «в одном пакете» с фордистским типом производства, а работники получали заработную плату, соответствующую производительности их труда.

В Японии нехватка средств, необходимых для вложений в основной капитал, а также относительная узость внутреннего потребительского рынка, с одной стороны, долгое время сдерживали развитие производственно-потребительской модели массового типа, а с другой – привели к использованию человеческих ресурсов (единственного, чем страна располагала в избытке) в качестве главного источника этого развития. Жесткость ситуации толкала руководство компаний к поиску путей рационального использования этого источника, что в результате привело

¹¹ Malcolm Warner. Japanese Culture, Western Management: Taylorism and Human Resources in Japan// Organization Studies. 1994, 15/4, p. 526.

¹² Цутия Мориаки, Кономи Ёсинобу. Корэ-кара-но нихонтэки кэйэй. (Будущее японского управления), Токио, , 1995, с. 40.

к утверждению патерналистской, «кооперативной» системы трудовых отношений, которые строились на долговременной основе и не предполагали предъявления сиюминутных требований сторон друг к другу. В эту систему укладывались такие широко известные «сугубо японские» (и нередко называемые «иррациональными») принципы, как долговременный («пожизненный») наем персонала, уменьшавший потери от текучести кадров, снижавшая остроту социальных конфликтов практика создания пофирменных (т. е. встроенных в структуру фирмы, а не отраслевых) профсоюзов и система продвижения персонала по старшинству, экономически эффективная в условиях экстенсивной модели производства и благоприятной демографической ситуации. Огромное значение для формирования японской системы управления имело то, что фирмам удалось найти понимание со стороны профсоюзов. В 1950-е годы, как отмечает американский ученый С. Левин, «то, к чему в 1920–1930-е годы стремился предприниматель, пустило в рабочей среде самые прочные корни»¹³.

Таким образом, и после войны система управления развивалась как синтез патернализма и современных методов. Среди последних более заметное место занял видоизмененный тэйлоризм, который на Западе, где он применялся, так сказать, в «чистом» виде и приводил к упрощению труда, во многом потерял свою прежнюю эффективность и привлекательность. В японской фирме в отличие от жесткой классической схемы «машина-человек» основу организации труда (и вместе с тем начальную единицу управления) составляет не отдельный работник с узко ограниченными трудовыми функциями, а группа людей, которой дается некоторая свобода принятия решений при определении способов выполнения производственной задачи.

В результате организационная структура предприятия приобрела большую (по сравнению с западной) гибкость, что превратило, в конце концов, японский опыт в образец для подражания именно с позиций рациональной оптимальности. По мнению Коикэ Кадзуо, именно гибкая организация труда в японских фирмах привела к обогащению его содержания и к формированию здесь многопрофильной высококвалифицированной рабочей силы нового типа. Основной ее характеристикой стала способность исполнять широкий спектр функций всех участников производственного процесса, т. е. качество, которое связывает весь этот процесс воедино (а не дробит его на части, что происходит в соответствии с принципами «научного» управления Тэйлора)¹⁴.

Эта система продолжает развиваться, однако до сих пор среди ученых не утихают споры по поводу того, что именно является ее сутью,

не исчезает ее недопонимание, не прекращаются попытки создания мифов, которые иногда имеют довольно мало общего с действительностью. Для этого имеются свои причины.

Процесс формирования системы управления в Японии на основе синтеза традиционных и современных методов долго оставался для западных исследователей практически незамеченным. Японию воспринимали как догоняющую страну, лишенную собственного потенциала модернизации производства и общества. В первые годы после окончания Второй мировой войны на Западе господствовало мнение, что Япония уже никогда больше не будет оказывать значительного влияния на мировую экономику. Поэтому в мире мало интересовались, каким образом здесь организованы компании и как они управляются.

Начиная с середины 1950-х годов характер экономического развития Японии показал, что сложившееся о ней мнение ошибочно. Экономика страны не только быстро восстановилась, но и продемонстрировала вскоре самые высокие в мире темпы развития, чем привлекла внимание западных ученых, пытавшихся объяснить «японский феномен». В общий поток исследований, рассматривающих факторы экономического роста Японии, включились и работы, посвященные вопросам управления фирмами.

До конца 1960-х годов весь мир смотрел на японскую систему управления глазами американского ученого Дж. Абеглена, увидевшего ее еще в 1956 г. В своих трудах Абегглен создал образ японской организации, системы и функции которой коренным образом отличаются от западных, и в частности, от американских. В его интерпретации на первый план выступили различия, которые существовали между японскими и американскими компаниями¹⁵. Это привлекло многих ученых, обратившихся к изучению «японской специфики». С его легкой руки в сознании исследователей прочно утвердился «неповторимый японский стиль» управления фирмой, имевший три неотъемлемые, так сказать, «священные» черты (sacred treasures): пожизненный наем, система продвижения по старшинству и так называемые пофирменные профсоюзы. О том, что японская система управления наряду с национальными особенностями уже в то время обладала качествами вполне «западными», ни Абегглен, ни его последователи даже не подозревали.

Тот факт, что большая часть последователей Абеглена сфокусировалась на всем «необычном» в японской практике управления, свидетельствовал о развитии тенденции к некритическому восприятию действительности и абсолютизации внешних форм ее проявления. Впоследствии эта тенденция была подмечена в ряде работ, в том числе японских ав-

¹³ Levin S. B. Industrial Relations in Postwar Japan. Urbana, 1958, p. 114.

¹⁴ Коикэ Кадзуо. Сигото-но кэйдай гаку (Экономика труда). Токио, 1991, с. 34, 63–72.

¹⁵ Подробнее см.: Abegglen J. The Japanese Factory. Glencoe (Ill.). 1956.

торов, которые подчеркивали, что далеко не все, что считалось «монопольной принадлежностью» Японии, таковым и являлось¹⁶. Так, в 1950–1960-х годах, когда экономика США процветала, крупные американские корпорации точно так же, как и японские, предлагали своему персоналу нечто похожее на пожизненный наем. Более того, хотя продвижение по службе и заработная плата в компаниях США зависели в основном от производительности труда и заслуг работников, возраст также играл большую роль в системах материального стимулирования кадров. Все эти отголоски патернализма на Западе оставались необъясненными с теоретической точки зрения и были малозаметны для исследователей.

С появлением книги Абегглена направление теоретических и эмпирических исследований японского менеджмента перешло в русло культурно-детерминистских и «традиционалистских» толкований. Позднее в них весьма активно включились и японские авторы во главе с профессором Токийского университета Наканэ Тиэ, разрабатывавшей социальные проблемы в духе теории «*Нихондзин рон*» (японской исключительности)¹⁷. Это придало «традиционалистскому» направлению, к тому времени уже широко критикуемому, второе дыхание. Особенностью таких исследований было рассмотрение лишь отдельных аспектов японского менеджмента, а не анализ его как целостной системы.

Своеобразной компенсацией за прежнее увлечение японской спецификой в 1970-е годы стала тенденция объяснять отличительные черты менеджмента вне рамок культурной традиции. Казалось, что в японской системе начинали видеть присущие ей черты западного влияния. Однако объяснение японских реалий парадоксальным образом пошло по пути чуть ли не полного отрицания национальной специфики. В той или иной степени все эти работы имели общую цель: объяснить опыт Японии с помощью известных управленческих концепций, подгоняя их под общий ранжир западных моделей, или, объясняя, почему этот опыт под него не подпадает. В конце концов, все эти попытки втиснуть «японский феномен» в прокрустово ложе западных представлений о «стандартной» модели вылились в интересную дискуссию о «конвергенции» и «дивергенции» путей развития управления персоналом в Японии и на Западе.

Сторонники теории дивергенции считали, что система японского менеджмента уникальна и никогда не будет похожа на что-либо, существующее в Соединенных Штатах. Справедливо полагая, что роль науки и техники в создании предпосылок развития организации очень велика,

приверженцы идеи дивергенции думали, что в каждой стране эти предпосылки используются по-разному, что организация – это нечто большее, чем простая сумма технологии и структуры. Основной довод сторонников конвергенции состоял в том, что влияние научно-технического прогресса на развитие управления одинаково во всем мире, и именно оно приводит к «усреднению» его модели. Наиболее известные критики теории «японской исключительности» Р. Марш и Х. Маннари заявляли, что отличия не имеют большого значения и что структура и управление в японских организациях вообще скопированы с западных моделей¹⁸. Возможно, самую необычную и вместе с тем пророческую оценку японскому опыту дал английский ученый Р. Дор, который полагал, что конвергенция имеет место, но при этом не Япония копирует Запад, а, наоборот, именно эта страна в будущем станет для западных стран образцом для подражания¹⁹.

Первая половина 1980-х годов ознаменовалась событиями, имевшими большое значение для понимания японской практики управления. Сами эти события во многом были вызваны обострением социально-экономического положения во всем мире. После второго нефтяного кризиса, когда инфляция быстро набирала обороты, у потребителей в странах Западной Европы и в США росло ощущение, что в магазинах предлагались исключительно японские товары. В это время в лексиконе специалистов появляется популярная формула «от фордизма к тоётизму», которая отражала несомненные успехи японской системы управления. Она не просто связала с именем компании «Тоёта» состоявшийся переход японцев к новым формам управления трудом, но и объявила об утрате американцами пальмы первенства в этой области. Американским производителям казалось, что их японские конкуренты были непобедимы, а сами они уже неспособны что-либо сделать в ответ. Именно в то время за рубежом начались по-настоящему серьезные и всесторонние исследования японского менеджмента, что привело к довольно интересным результатам.

Изменения в отношении к японскому опыту и в характере его осмысления отразила изданная в 1981 г. работа американского ученого У. Оути «Теория Z», в которой автор представил японский менеджмент как модель, на примере которой должны учиться американские управленцы, чтобы преодолеть стоявшие перед ними проблемы. Как свидетельствует само название этой работы (вызывающее ассоциации с мотивационными теориями Д. Мак Грегора «X» и «Y»), автор претендовал скорее на теоретическую преемственность своего исследования, чем на созда-

¹⁶ Нихон родо кёкай дзасси. 1975. № 196, с.199.

¹⁷ См.: Nakane Chie. The Japanese Society. Rutland-Tokyo, 1970.

¹⁸ Marsh R., Mannari H. *odMernization and the Japanese Factory*, p. 3–13.

¹⁹ См.: Dore R. *British Factory*. Berkley. 1973.

ние новой концепции²⁰. Однако большой резонанс, вызванный его исследованием во всем мире, и в первую очередь в США, способствовал тому, что высказанные в нем мысли сразу обрели статус нового слова в теории управления и, поддержанные другими исследователями, послужили формированию очередной базовой концепции управления, известной в настоящее время под названием «культура организации», или «организационная культура» (organizational culture, corporate culture)²¹.

Согласно взглядам сторонников этой концепции, каждая организация должна обладать собственной культурой, под которой подразумевается определенная система ценностей, разделяемых всеми членами организации. Эта система не может противоречить системе тех естественных национальных ценностей, в условиях которых функционирует данная организация, но вместе с тем представляет собой относительно самостоятельное явление. Более того, по замыслу и рекомендациям авторов этой концепции, «организационная культура» должна сознательно и целенаправленно конструироваться менеджментом с целью создания необходимой мотивационной среды как основы для идентификации персонала с организацией. С последним обстоятельством связываются особые возможности по эффективному управлению персоналом организацией в целом.

С самого начала концепция «организационной культуры» была привязана к японскому способу управления и в глазах американских исследователей была связана со спецификой его социокультурных корней. Ее содержание отражало весь накопленный японскими корпорациями опыт по созданию специфической среды («культуры организации») как условия формирования желаемого образа поведения персонала, основанного в том числе на использовании привычной для него (персонала) формы национальной жизни и традиционных ценностей. Вместе с тем очевидно и то, что на практике создание «культуры организации» является управленческой технологией, которая не имеет принципиальных противопоказаний к применению в любой другой стране. Создание мотивационной среды с учетом требований к ней со стороны людей, обладающих определенной системой ценностей, равно как и создание самой системы ценностей, доступно организации, функционирующей где угодно.

Трудно переоценить значение концепции «организационной культуры» для самой Японии. Впервые с того момента, как в этой стране и за рубежом стали интересоваться проблемами управления японскими фирмами, был получен инструмент исследования, разработанный на

базе не иностранной, а отечественной практики. Но, возможно, самым существенным, хотя и косвенным результатом возникновения этой концепции стала возможность принципиально по-новому подойти к осмыслению японского опыта управления. Концепция «организационной культуры» рассматривает управление как результат органического синтеза известных технологий, которые, будучи приспособлены к конкретным внешним условиям, обеспечивают возникновение в организации внутренней мотивационной среды. И это особенно важно, поскольку японский опыт приобретает универсальный характер. Применительно же к самой Японии необходимо подчеркнуть еще раз, что такой синтез был достигнут во многом на эволюционной основе, когда одна управленческая технология не *замещалась* другой, а *совмещалась* с ней, соответственно видоизменяясь.

Дальнейшее развитие японской системы управления подтверждает это положение. Со вступлением в 1990-е годы и развитием кризисной ситуации в экономике Японии, а также углублением процессов глобализации, тенденции к трансформации сложившейся в стране системы управления стали нарастать. При этом японское предпринимательство, видимо, не собирается отказываться и от собственного положительного опыта в этой области. И хотя в управление персоналом продолжают активно внедряться технологии, более свойственные традиции Запада, особенно США, из практики японских фирм не исчезают такие национальные особенности, как пожизненный наем, система должностного продвижения по старшинству и повозрастная оплата труда, благодаря которым в период своего становления и расцвета эта практика ярко продемонстрировала высокую эффективность.

²⁰ См.: Ouchi William. Theory Z. N.Y., 1981.

²¹ Stephen R. Barley & Gideon Kunda....., p. 363–399.

Раздел третий

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЯПОНИЯ НА ПУТЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Технологическая модернизация, наблюдаемая сегодня во всех сферах нашей жизни как наглядный результат непрерывно ускоряющегося научно-технического прогресса, отнюдь не является исключительно современным процессом. Еще с самых древних времен она была главным фактором, определявшим ход развития мировой цивилизации, так как от применяемых технологий и возможностей их усовершенствования зависели и материальный уровень общества, и темпы его дальнейшего повышения.

Сказанное полностью относится и к Японии. Будучи в наши дни одним из лидеров в промышленной и инновационной сферах, многие века назад она делала лишь первые, и отнюдь не крупные, шаги в своем технологическом развитии, довольно медленно продвигаясь к освоению новых орудий труда и предметов повседневного быта, вооружений, транспортных средств и др.

Классик отечественного японоведения проф. К. М. Попов, подробно исследовавший этот процесс, весьма емко выразил его суть: «Японская техника имеет свою давнюю и сложную историю, которая представляет собой сочетание влияния и преемственности инородных культур и чисто японской самобытности. Так было и в более отдаленные периоды жизни Японии, это имеет место и в настоящее время»¹. Началом активного освоения японцами принципиально новых технологий ученый считает VIII век, когда из Китая в Японию пришли технологии ткацкого производства, шелкообработки, окраски тканей, изготовления стекла и кирпича, чеканки монет, разработки серебра и меди.

¹ К. Попов. Из истории японской техники // Труды Московского института востоковедения, №5, 1947, с. 102. Из этой работы позаимствованы и приведенные в данной статье примеры технологий, пришедших в Японию из-за рубежа.

С середины XVI в. в Японии широко распространяются товары из Португалии, Испании и Голландии – металлические изделия, медикаменты, различные ткани и изделия из них. С помощью европейцев было организовано изготовление пушек из бронзы и железа, создано множество литейных мастерских. Были ввезены такие растения, как табак, сахарный тростник, тыква, батат и др., что дало толчок к развитию новых сельскохозяйственных технологий.

На XVII – XVIII вв. приходится вторая волна китайского технологического влияния. В Японии быстро расширяется керамическое производство, особого совершенства достигает изготовление изделий из фарфора и меди, развиваются металлургия и судостроение.

В первой половине XIX в. в Японии происходит переход от ручного производства к машинному – в прядении, изготовлении пороха, ниток и др. Большое развитие приобретает строительство мостов, каналов и грунтовых дорог. В середине столетия создаются судостроительные верфи европейского типа, начинают использоваться привезенные из Европы металлообрабатывающие станки.

Все это дополнялось систематизацией и углублением принципов, лежащих в основе применяемых технологий, т. е. расширением научных знаний прикладного характера. В то же время, как отмечают исследователи данного периода, фундаментальная наука, ведущая свободный поиск без привязки к конкретным практическим задачам, в Японии отсутствовала, что вело к торможению знаний и технологий и в прикладной сфере². Крупномасштабные перемены произошли лишь после реставрации Мэйдзи (1868 г.), когда, как это уже было и прежде, в Японию широким потоком устремились зарубежные новшества. Их активное усвоение позволило к началу следующего столетия существенно преобразовать технологический уклад японского общества. Кроме того, стремясь преодолеть огромное отставание от Запада в научно-технической сфере, японские правящие и деловые круги направили усилия на развитие университетов, научно-исследовательских институтов, научных обществ и ассоциаций.

Особенно усилилось внимание к науке и технике после Первой мировой войны, продемонстрировавшей ключевую роль науки в деле создания мощного военно-экономического потенциала. В 1920 г. был создан Высший национальный исследовательский совет, призванный направлять деятельность в области технических и естественных наук. Открывались лаборатории при министерствах и промышленных предприятиях, развивалось научно-техническое сотрудничество с зарубежными

² М. В. Воробьев, Г. А. Соколова. Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. М., 1976, с. 176.

странами, особенно активное – с Германией. В 1930-е годы приоритетными стали научно-технические направления, связанные с производством новых видов вооружений, причем, в их число входили и исследования по ядерной физике, которые начиная с 1936 г. проводились с использованием циклотрона, сконструированного японскими учеными и инженерами³.

К началу Второй мировой войны Япония уже обладала высоким научно-техническим и военно-промышленным потенциалом. Этому в немалой степени способствовала активная деятельность специалистов из Германии, где было запрещено проводить работы по военной тематике. Но в Японии они развернулись по самому широкому фронту, результатом чего, в частности, стало неожиданное появление здесь мощной авиационной промышленности, а также ряда других высокоразвитых военных производств.

Однако в эти годы технологическая модернизация Японии происходила неравномерно, и особенностью японской экономики стало существование двух крайне непохожих ее частей. Гражданская часть производила главным образом низкосортные, но дешевые товары, а военно-ориентированные отрасли – высокотехнологичную продукцию, не уступавшую зарубежной и обладавшую достаточно высоким качеством.

Успехами этого этапа модернизации, к сожалению, активно воспользовались милитаристские круги Японии, которые толкнули страну на путь агрессии против стран Восточной и Юго-Восточной Азии и, наконец, против США. Закономерным итогом этой недальновидной политики стали сокрушительное военное поражение и крах ее экономики.

Дальнейшее развитие страны пошло по принципиально новому пути, обеспечившему ее быстрое вхождение в систему общепризнанных мировых ценностей, где она в исторически короткие сроки заняла место высокоразвитого партнера промышленных лидеров. Это явилось результатом перехода к такой модели модернизации, которая была основана, с одной стороны, на широкомасштабном социально-политическом переустройстве японского общества, а с другой – на последовательном и неуклонном овладении базовыми достижениями послевоенного научно-технического прогресса.

Как известно, в послевоенные годы в мире происходило беспрецедентно быстрое развитие науки, техники и технологий, а тем самым, и инновационной сферы. В первую очередь, это было связано с массовым переходом множества военно-ориентированных производств на мирные

³ К. М. Попов. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964, с. 470–472, 506.

рельсы. Возникли гражданские модификации военных самолетов и автомобилей, вычислительных средств, радиооборудования. Начали широко использоваться материалы, ранее известные только военным (никелевые сплавы, синтетические смолы, нейлон и др.). Огромный отряд ученых и инженеров высочайшей квалификации, работавший раньше на армейские нужды, стал мощным генератором множества новых творческих решений, быстро поглощаемых восстанавливающейся экономикой. Именно в этих условиях оказалась Япония в конце 1940-х – начале 1950-х годов, имея к тому же возможность не только наблюдать в действии, но и практически использовать многие виды передовой американской техники (электро- и радиотехническое оборудование, станки, агрегаты, приборы, транспортные средства и др.).

Непосредственно после войны и в начале 1950-х годов главной задачей, возлагавшейся на японских ученых и инженеров, являлось ускоренное преодоление технологического отставания от Запада и формирование новых отраслей экономики, сопоставимых по своим характеристикам с зарубежными. Исследования и разработки в основном были подчинены задачам совершенствования производственного аппарата путем освоения импортного оборудования и приспособления его к японским условиям. На научной основе создавались стандарты, устанавливавшие прогрессивные требования к продукции и тем самым к ее разработке и производству, закладывався фундамент для внедрения передовых методов управления качеством, которое впоследствии стало неотъемлемым свойством японских товаров.

Одновременно развивались успехи, накопленные ранее и самими японцами. Еще в годы войны ими проводились успешные работы по созданию электронного микроскопа, которые впоследствии позволили Японии стать одним из главных продуцентов и экспортеров этого важнейшего для прогресса науки и техники инструмента. К началу 1950-х годов у японских разработчиков был солидный опыт и в области электронной техники – она развивалась на базе производств, входивших ранее в состав ключевых военных отраслей, которые долгое время всесторонне аккумулировали наиболее весомые достижения науки и техники и располагали добротной научно-исследовательской базой. Были глубоко изучены новые физические эффекты, особенности полупроводниковых материалов, различные схемы электронных устройств, активно использовались и передовые зарубежные технологии, и собственные разработки, что позволяло выпускать продукцию с высокими техническими параметрами и качеством.

Японские специалисты успешно вели поиск заменителей германия, в тот период основного материала для полупроводников, который завершился их разработкой на основе кремния, что имело большое значение

для прогресса национальной радиотехнической промышленности. В ходе этих работ было создано много принципиально новых технологий, выявлены проблемы, с которыми связано производство транзисторов, и, что не менее важно, подготовлены квалифицированные кадры.

В 1960-е годы экономический рост в Японии был столь значительным, что она приобрела имидж страны, в которой произошло «экономическое чудо». Среднегодовые темпы роста промышленного производства достигали 15%. Еще более высокими темпами росли затраты на исследования и разработки, что в итоге отражало непрерывное возрастание наукоемкости экономики. Тем не менее, их уровень был еще далек от мирового, и важнейшей задачей являлось сокращение этого разрыва на главных направлениях развития науки и техники – в электронике и компьютеростроении, создании новых материалов, автоматизации производства, освоении атомной энергии. Использование зарубежных технологий, приобретаемых на основе лицензионных соглашений, все еще продолжало вносить основной вклад как в формирование эффективного производственного аппарата, так и во внедрение в производство передовых образцов продукции.

В начале 1970-х годов, когда Япония по ряду параметров своего научно-технического потенциала вышла на уровень ведущих западноевропейских стран, возник вопрос, на каких направлениях науки и техники его наиболее целесообразно развивать дальше. Наиболее перспективным представлялось сосредоточить ресурсы лишь на отдельных научных и производственных направлениях, т. е. избрать так называемую селективную стратегию экономического развития, реализуемую на основе тщательно выбранных приоритетов. В этом случае на ряде направлений при условии концентрации на них достаточно солидных ресурсов представлялось возможным не только достигнуть уровня США, но даже превзойти его и выйти на первое место в мире. На прочих же направлениях можно было использовать в основном зарубежные достижения, т. е. закупать готовую технику, патенты, лицензии и не вступать в конкурентную борьбу с мировыми лидерами.

В рамках этой стратегии за рамки приоритетов был выведен целый ряд научно-производственных направлений, например, разработка и производство авиационной техники. Достаточно ограниченной была номенклатура продукции для «сил самообороны». Изделия, на которые на мировых рынках и в самой Японии спрос был невелик, также исключались из планов японских разработчиков и продуцентов. Поэтому, например, электронную технику, необходимую для исследования проблем ядерного синтеза, сверхпроводимости, различного рода экстремальных явлений, японцы стали закупать за рубежом. Тем самым вы-

свобождались ресурсы для более мощного развития гражданских направлений с широким рынком.

Свои основные усилия японские фирмы направили на то, чтобы обеспечить доминирование в сфере массового спроса – автомобилей и мотоциклов, радиоприемников и телевизоров, магнитофонов, станков с ЧПУ, медицинского оборудования, химической продукции, качественных сортов стали, изделий из синтетических материалов. Позднее к этому перечню присоединились компьютеры, офисная аппаратура, цифровая фото- и видеотехника, телевизоры с жидкокристаллическими экранами и др.

Эта стратегия очень быстро показала свою высокую эффективность. Силу японских продуцентов быстро ощутили в Западной Европе и в США. Так, к середине 1970-х годов, когда расходы Японии на научные исследования и разработки составляли лишь 1/4 американского уровня, она уже занимала прочные позиции на рынках многих видов промышленной продукции и уверенно теснила традиционных лидеров, давая повод говорить о «японском вызове» или даже «японской угрозе». В частности, серьезные проблемы создавали японские станкостроители. Несмотря на то, что их станки уступали многим зарубежным как по точности, так и по производительности, именно они являлись лидерами продаж на мировых рынках, поскольку были рассчитаны на удовлетворение достаточно умеренных запросов самого массового пользователя.

Можно назвать несколько причин, особенно способствовавших успеху указанной стратегии:

1. Межфирменная кооперация в области исследований и разработок, наличие особого «доконкурентного этапа», когда заинтересованные компании совместно формируют основы базового нововведения, причем на некоторых ключевых направлениях организационную и частично финансовую поддержку оказывает государство. Конкурентная борьба между компаниями начинается лишь на следующем этапе, когда происходит коммерциализация результатов исследований и разработок и каждая фирма уже самостоятельно их развивает и совершенствует.

2. Широкое применение самых современных технологий, как правило, обеспеченное закупками за рубежом соответствующего оборудования, патентов, лицензий и ноу-хау.

3. Крупносерийность выпуска продукции, позволяющая реализовать принцип экономии на масштабах производства и существенно снизить цену изделий.

4. Концентрация на определенных сегментах рынка и ориентация на выпуск изделий, пользующихся особенно широким спросом. При этом каждая фирма предельно ограничивала число выпускаемых моделей

или типоразмеров продукции, нередко даже отклоняя особые пожелания заказчиков.

Эффективности этих мер дополнительно способствовала имевшая место в тот период относительная дешевизна японской рабочей силы, соответственно удешевлявшая и выпускаемую продукцию.

Каким образом модернизационные процессы реализовывались на микроуровне, т. е. в рамках отдельно взятой фирмы, стремящейся выйти на рынки инновационной продукции, можно судить на примере развития компании «Фанук»⁴. Начало ее пути связано с мощной машиностроительной фирмой «Фудзицу», которая старалась занять лидирующие позиции в области создания высокоэффективных систем числового программного управления (ЧПУ) для различных металлообрабатывающих станков.

Спрос на эти системы к началу 1970-х годов возрос настолько, что стало целесообразным создать для них отдельное производство. С этой целью была организована дочерняя фирма «Фудзицу Фанук», которая в 1974 г. приобрела у американской компании «Гэттис» лицензию на производство сервоэлектродвигателей. Через несколько лет фирма разработала собственный вариант таких двигателей и приступила к их выпуску, а с июля 1982 г. стала выступать под названием «Фанук» (аббревиатура от Fujitsu Automatic Numerical Control). Тесные связи компании с «Фудзицу», которая к тому времени стала крупнейшим в Японии производителем компьютеров, способствовали успешному освоению микроэлектроники и созданию наиболее эффективных систем ЧПУ.

Именно «Фанук» обеспечила энергичное распространение в японской промышленности производственного оборудования с ЧПУ, а вместе с ним и изменение всей производственной философии, направляющей машиностроение по пути развития гибкой автоматизации. Мировую известность приобрел завод компании, расположенный у подножья горы Фудзи, где было создано одно из первых в мире гибких автоматизированных производств для механической обработки и сборки. Для загрузки и разгрузки станков, а также для сборки двигателей использовались роботы, вместе с тем, опыт этой фирмы убедительно показал нецелесообразность создания абсолютно безлюдных производств.

В деятельности компании «Фанук» можно отметить целый ряд особенностей, типичных для японских производств, осуществлявших технологическую модернизацию. В первую очередь, это стремление к тесному сочетанию в конструкции изделий механических и электронных элементов, т. е. реализация принципов «мехатроники». Далее, это опера-

⁴ Vogel E. Comeback. Tokyo, 1985, p. 81; Инаба С. Роботто дзидай-о хираку (Открываем эпоху роботов). Токио, 1982, с. 177.

тивная реакция на последние достижения науки и техники и при необходимости срочное приобретение зарубежных лицензий. Наконец, это испытанный принцип экономии затрат, основанный на увеличении масштабов производства.

В 1970-е годы важнейшим технологическим приоритетом стали микроэлектронные технологии. Во всех развитых странах они являлись базой для радикального улучшения продукции и быстрого освоения ее новых видов. Наиболее яркий пример – массовое внедрение в производственное оборудование микропроцессоров и микро-ЭВМ. Это позволило придать практически каждой единице оборудования, задействованного в экономике, индивидуальное управляющее устройство. Кроме того, микроэлектроника обеспечила повышение быстродействия, миниатюризацию и резкое удешевление всех видов информационной техники.

Главным направлением мирового научно-технического прогресса в этот период являлось широкомасштабное распространение во всех областях жизни общества методов и технических средств кибернетики – науки об управлении, связи и переработке информации. Анализируя ход мирового научно-технического развития, японские специалисты сделали важный вывод: технологическая модернизация экономики, призванная создать условия для производства сложной продукции с безупречным качеством, должна основываться на самом широком использовании принципов оптимального управления, а информация, задействованная в производственном процессе, представляет собой важнейший экономический ресурс. Поэтому был взят курс на «насыщение» производственного аппарата измерительной и контролирующей техникой, а также приборами для автоматизированного управления технологическими процессами. Успешно создавалась комплексная система производств, опирающихся в основном на высокие технологии, расширялись границы автоматизации, роботизации и компьютеризации производства.

Именно благодаря тому, что японцы, несмотря на многие трудности овладения кибернетическими методами и технологиями, сумели перестроить на их основе производственный аппарат промышленности, транспорт, связь, управление, здравоохранение, образование, быт и др., Япония быстро вышла на передовые рубежи развития современного общества, став одним из мировых экономических и научно-технических лидеров.

В связи с этим надо заметить, что при анализе нынешнего этапа технологической модернизации японского общества, пожалуй, не следовало бы делать упор на процессы информатизации – распространение информационных технологий, формирование информационно-коммуникационного комплекса и развитие электронного бизнеса. Информатизация является хотя и очень важной, но лишь частью еще более мощ-

ного и результативного процесса – кибернетизации общества. На ее основе реализуются практически все высокие технологии, они активно используются в сферах, связанных с живым веществом (науки о жизни) и с использованием особых свойств микромира (нанотехнологии).

В 1980-е годы в Японии эти задачи решались в еще более широких масштабах. Особенно важную роль сыграла в этот период робототехника, обеспечившая как повышение производительности труда в японской промышленности, так и его гуманизацию. Она освободила работников от опасных, вредных и дискомфортных производственных функций, от выполнения однообразных и примитивных по своему содержанию операций, связанных с большим физическим напряжением в условиях вибрации, шума и загрязненности воздуха. Этому способствовали уже самые простые роботы, а вскоре начали широко применяться и их более совершенные виды – с системами программного управления, способные производить сложные сварочные операции и высокоточную сборку.

К 2000 г. парк японских промышленных роботов составил 52% от мирового – 390 тыс. шт.⁵, а в области гибкой автоматизации производства страна входила в число мировых лидеров. В наши дни японские специалисты по робототехнике активно переключаются на создание еще более продвинутых типов роботов, в которых воспроизводится схема человеческого тела и реализуются осязание и некоторые несложные интеллектуальные функции. Пока эти роботы изготавливаются в единичных экземплярах и довольно дороги. Вместе с тем, в Японии тенденция к созданию инновационной роботизированной инфраструктуры повседневной жизни уже вполне определилась.

Модернизационные процессы в послевоенной Японии основывались на сочетании двух стратегий. Одна из них – уже упоминавшаяся селективная стратегия, предусматривающая концентрацию усилий на определенных приоритетных направлениях, имеющих решающее значение для развития экономики и общества, а другая – стратегия заимствования, т. е. широкомасштабное использование зарубежных достижений. Когда селективная стратегия дополняется стратегией заимствования, можно достичь особенно высоких производственных результатов.

Широкий импорт зарубежных технологий имел огромное значение для экономики Японии, которое сохраняется и в наши дни. Все ключевые новшества – как технологические, так и организационные – пришли в Японию из-за рубежа, главным образом, из США. Разрабатывая новую продукцию, американцы могли освоить у себя лишь ее часть, насколько это позволяли сделать их производственные мощности.

⁵ Japan 2006. Keizai Koho Center. Tokyo, 2005, p. 48.

Японские же компании благодаря их высокому технологическому потенциалу и отсутствию у них обременительных заказов от военного ведомства быстро подхватывали мировые новшества и развертывали даже более широкое производство, чем разработавшие ее зарубежные фирмы.

Большая группа факторов, способствующих развитию модернизационных процессов в экономике Японии, связана с «человеческим фактором». Даже сегодня они изучены далеко не в полном объеме, и на переднем плане обычно оказывается роль научно-технического прогресса. Однако очень важно, наконец, понять, почему в Японии с огромным успехом сочетается старое, классическое, и абсолютно новое, еще не вполне признанное обществом. Также представляет интерес изучение сформировавшейся здесь особой психологической среды, в которой сознание защищенности наработанным веками опытом сочетается с ощущением тревоги от неизвестности, а возможно, и катастрофичности завтрашнего дня. Пожалуй, можно утверждать, что и японское общество, и каждый японец постоянно готовы в любой момент начать жить «с чистого листа». Это, несомненно, создает повышенную готовность и предрасположенность к новому, в том числе, к осуществлению присущих японскому стилю жизни небольших, но непрерывных (инкрементальных) улучшений уже существующего.

Хорошо известно, что как бы ни развивались техника и схемы управления производством, конечные результаты, и в первую очередь качества продукции, напрямую зависят от того, как выполняет свои функции производственный персонал. Именно на конкретных участниках производства замыкаются многочисленные проблемы, связанные с неизбежными отклонениями или даже сбоями в работе оборудования, с не выявленными ранее дефектами, с внесением изменений в технологии, с нарушением взаимодействия со смежными участками, наконец, с ошибками работников вследствие усталости и других причин. Поэтому весь цеховой персонал должен постоянно находиться в состоянии активного, динамичного взаимодействия с производственной средой. Не только профессионально, но и психологически, даже интуитивно, все должны быть нацелены на то, чтобы своевременно устранить любые предпосылки снижения качества, когда они еще только начинают зарождаться. В Японии такая модель трудового настроя была успешно реализована и стала важнейшим дополнением, а точнее, составной частью процесса технологической модернизации.

Поскольку производственный процесс стихийно порождает множество дефектов, а стандарты, инструкции и прочие предписания не гарантируют создание абсолютно надежного зaslona на их пути, японские производственники развернули скрупулезную практическую работу по непрерывному выявлению всех «подводных камней» производственного

процесса. Объектами такой работы стали все виды оборудования, материалы, документация, технологические маршруты, наконец, конкретные исполнители. По существу началась полная инвентаризация всех производственных факторов, всесторонний анализ их влияния на конечные результаты — на качество, производительность и затраты. В основу этих мер было положено представление о том, что контроль качества — это отнюдь не обследование уже готовой продукции для отбраковки некачественных изделий, а система его комплексного формирования, т. е. процесс его обеспечения в процессе производства.

Чтобы успешнее проводить в жизнь этот принцип, на японских предприятиях были организованы так называемые группы контроля качества, за которыми из-за их компактности закрепилось название «кружки качества» (quality circles). Работа таких групп внесла огромный вклад в выявление и устранение причин, которые могли бы привести к снижению качества продукции.

Эти группы приобрели широкую известность во многих странах, их стали энергично внедрять в повседневную практику. Однако желаемые результаты достигались далеко не всегда. Копируя японскую методику, но не добиваясь заметного эффекта, зарубежные методисты начинали тщательно пересматривать содержание мероприятий. Однако причина неудач была не в их содержании, а в недооценке психологических аспектов трудовой деятельности, с которыми как раз и связана эффективность групп контроля качества в Японии.

Особенностью японского подхода к решению данной задачи явилось добровольное привлечение к нему абсолютно всех участников производства, начиная с руководителей высшего уровня и кончая рабочими. Кроме того, на японских предприятиях была внедрена система, известная как TPM (Total Productive Maintenance). В ее реализации участвовали все подразделения — производственные, инженерные, управленческие, сбытовые и др. Особенно важно подчеркнуть, что целевая установка их деятельности формулировалась предельно конкретно — обеспечить достижение «нуля потерь», «нуля поломок», «нуля несчастных случаев», «нуля брака»⁶.

Эффективному использованию человеческого фактора в интересах инновационного развития и проведения технологической модернизации, несомненно, способствует заинтересованное отношение японского общества к развитию науки, техники и технологий. Как показывают специальные опросы, при оценке роли инноваций в социально-экономическом процессе, японцы на первое место ставят улучшение условий жизни, освобождение от опасных видов работ, более эффективное ле-

⁶ Менеджмент качества. 2001, № 3, с. 61.

чение, возможность снизить остроту проблемы старения общества. Спокойствие и безопасность в глобальных масштабах также увязываются с инновационным развитием⁷.

Технологическая модернизация японской экономики, а также и всей мировой экономики в течение первых 15–20 лет послевоенного периода вполне могла восприниматься как относительно самостоятельный процесс, питаемый научно-техническим заделом, созданным еще накануне Второй мировой войны и в военные годы. Однако и по истечении этого периода поток новых научных идей и инженерных разработок не только не ослабел, но, напротив, стал еще более мощным. Это было связано с тем, что во всех индустриально развитых странах начала активно формироваться и совершенствоваться так называемая инновационная модель экономики, в соответствии с которой основой социально-экономического процесса становилось новое знание в самых разнообразных формах и проявлениях.

Его роль была двойкой: с одной стороны, оно непрерывно обеспечивало появление «продвинутых» видов продукции и услуг, а с другой — способствовало их чрезвычайно быстрому распространению в среде массового потребителя. Многие исследователи описывали данный феномен, как превращение «индустриального общества» в «постиндустриальное», однако позднее его стали характеризовать, как становление «общества, основанного на знаниях». При анализе отвечающих этому этапу экономических реалий и закономерностей стали широко использоваться понятия «экономика знаний» и «новая экономика».

Переход главных индустриальных стран к экономике знаний поставил на повестку дня весьма непростую задачу: обеспечивать в самые сжатые сроки создание новых знаний и их практическое применение. Тот, кто не укладывается в эти сроки, надолго или навсегда оказывается среди аутсайдеров. Мир начал жить в режиме «гиперконкуренции», и чтобы добиться успеха, необходимо удовлетворять не одному-двум, а одновременно всем основным требованиям рынка. Если говорить о его «продуктовом» секторе, то это оригинальность продукции, качество, цена, сроки поставки, послепродажный сервис и др. Близкими являются и требования к производству услуг. В этих условиях уже недостаточно быть только на уровне современных знаний, выигрывает тот, кто способен превзойти этот уровень, выйти на рубежи нового знания и раньше других использовать его.

⁷ Правда, существует и определенный скептицизм по отношению к возможностям науки. Так, в одном из обследований треть респондентов высказала сомнения в том, что наука и техника делают жизнь более здоровой, безопасной и приятной, а около 60% полагает, что в результате научно-технического прогресса жизнь становится более беспокойной. (Comprehensive Analysis of Science and Technology Benchmarking and Foresight// NISTEP Report № 99. Tokyo, 2005, p. 46–47).

Причем, важно отметить, что среда, в которой создается новое знание, не ограничивается научными лабораториями, а включает в себя все общественное пространство, наполненное самыми разнообразными видами практической деятельности. На уровне отдельно взятой фирмы оно в первую очередь представлено результатами внутрифирменных исследований и разработок, а также дополняющей их информацией, приобретенной на рынке патентов и лицензий. Но в то же время новое знание наращивается во всех внутрифирменных структурах: это предложения по системам обеспечения качества, рекомендации служб по организации производства, инструкции по обслуживанию оборудования и т. д. Полезным дополнением к нему служит информация от субподрядчиков и потребителей.

Особую популярность в Японии приобрела концепция, в соответствии с которой главным условием успешного развития инновационного процесса является введение в органическое взаимодействие: а) знания отдельных индивидуумов, б) знания, сосредоточенного во внутрифирменных группах, в) знания, аккумулированного фирмой в целом. В качестве практического инструмента управления инновационным процессом предлагается так называемая «пятифазная модель» процесса создания знания организацией, т. е. конкретной фирмой⁸. Разработчики этой концепции И. Нонака и Х. Такэути входят сегодня в число наиболее крупных мировых авторитетов в области организационной теории и практики, а их рекомендации используются как в самой Японии, так и за ее пределами.

Исследователи проблем «общества знаний» пришли к выводу о необходимости существенного углубления современных теорий стоимости, которое позволило бы учесть появление такой категории, как стоимость, создаваемая знанием. В частности, известный японский экономист Т. Сакайя утверждает, что в настоящее время ценность, которую потребители признают за тем или иным продуктом, определяется в первую очередь объемом знаний, потребовавшихся для его создания. И если речь идет о новом продукте, то, соответственно, объемом новых знаний⁹. Поскольку новое знание во всех его формах становится решающим фактором прогресса современного общества, на первый план выходит проблема его эффективного производства и использования. В качестве основы для ее решения вполне закономерно и обоснованно предлагается совершенствование сферы науки и образования – причем, образования непрерывного, в течение всей активной жизни работника.

Со второй половины 1980-х годов в мировой науке начал проявляться большой интерес к определению конфигурации, структуры и

параметров системы, которая стимулирует новое знание и встраивает его в экономический процесс. Было совершенно очевидно, и это подтверждалось всем опытом хозяйственной жизни, что знания являются только частью общественных производительных сил и проявляют себя на практике лишь в прикладной форме, т. е. в виде новых технологий и новых технических средств. С другой стороны, возникал естественный вопрос, какие пути получения нового знания наиболее эффективны. Иначе говоря, какой должна быть «национальная инновационная система» (НИС), организующая в единое целое процесс получения нового знания и последующей его реализации в инновациях.

В наши дни НИС представляется, как совокупность институтов, относящихся к частному и государственному секторам, которые индивидуально и во взаимодействии друг с другом обуславливают развитие и распространение новых технологий в пределах данной страны. Анализ инновационных систем именно на национальном уровне дает возможность оценить роль государства в инновационном процессе. При этом система институтов, поддерживающих инновации в какой-либо отрасли, может существенно отличаться от системы другой отрасли, а в отдельных технологических областях инновационная система может быть как транснациональной, так и, напротив, охватывать только какой-либо регион внутри страны.

И если первоначально в качестве главного движителя инноваций рассматривались только рыночный спрос и новые результаты в исследовательской и инженерной сферах, то затем стало ясно, что появление инноваций и их распространение зависят также от большого числа других факторов – таких как взаимосвязи между фирмами, между производителями и потребителями, рынок труда, образовательная и научная политика и др. Все это требовало системной увязки в рамках единой общенациональной структуры, которая и была воплощена в концепции НИС.

Первые четкие представления о национальной инновационной системе Японии (National Systems of Innovations) были изложены в 1987 г. К. Фрименом в его работе, посвященной анализу влияния «технологической политики» Японии на эффективность ее экономики и обозначившей важнейшие факторы, которые были приведены в действие японским правительством и обеспечили экономический успех страны в 1960-е и последующие годы¹⁰. При этом автор подчеркивал ведущую роль институциональных факторов, которые, по его мнению, и обеспечили создание единой, целостной системы организации и стимулирования инновационного курса национальных компаний. Формирование японской национальной инновационной системы следовало четко вы-

⁸ Нонака И., Такеучи Х. Компания – создатель знания. М., 2003, с. 80-83.

⁹ Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999, с. 337-340.

¹⁰ Freeman C. Technology Policy and Economic Performance. London, N.Y., 1987.

раженному курсу на активное использование мировых достижений в научно-технической сфере и их усовершенствование¹¹.

В наши дни Япония, несомненно, сохраняет прочные позиции среди лидеров в области высокотехнологичного развития. Конечно, существенно приблизиться к научно-техническому уровню США она не сможет уже хотя бы потому, что общий объем ее инвестиций в исследования и разработки более чем вдвое уступает американскому. Стоит заметить, что и Китай стал затрачивать на исследования и разработки больше средств, чем Япония, а по численности исследователей вышел на первое место в мире.

В этих условиях японцам приходится уделять повышенное внимание правильному выбору приоритетов, концентрации средств на наиболее актуальных направлениях, недопущению их малоэффективного расходования. Это важно как при постановке крупных задач общенациональных масштабов, так и при распределении финансов между конкретными научными лабораториями.

Сегодня ведущими приоритетами японских исследований, которым правительство гарантирует свою первоочередную поддержку, являются: а) науки о жизни и живые системы, б) информатизация и связь, в) охрана окружающей среды, г) нанотехнологии и новые материалы. Существует еще ряд направлений, развитию которых также оказывается активное государственное содействие: энергетические системы (атомная энергетика, топливные элементы, фотоэлектрические преобразователи, энергия биомассы, энергосберегающие технологии и др.); производственные технологии (стимулирование высокотехнологичных производств и технологий, повышающих конкурентоспособность; развитие деловой творческой инициативы; поддержка венчурного бизнеса в новых производственных областях; укрепление сотрудничества государства, бизнеса и ученых в инновационной деятельности и др.); социальная инфраструктура и безопасность жизнедеятельности; космические и глубоководные исследования и разработки.

Объемы финансирования исследований и разработок, а также их приоритеты, в общем, неплохо характеризуют объем привлекаемых ресурсов и цели, на которые они направляются. Разумеется, итоговые,

¹¹ Формирование современной инновационной системы предполагает широкомасштабное внедрение в промышленность высоких технологий: микроэлектронных, программных, физико-химических, электронно-механических, нанотехнологий и др. Даже не высокотехнологичная конечная продукция (а она доминирует в общем объеме производства) в процессе своего изготовления требует широкого использования наукоемких технологий и высокоразвитых методов управления производством. Поэтому при анализе стратегии и тактики модернизации внимания требуют как научно-технические аспекты, так и вопросы, связанные с новыми организационными схемами.

социально-экономические результаты самым явным образом зависят также от количества и особенно качества научных и инженерных кадров, которые непосредственно создают прорывные технологии и новые технические средства. В последнее время многие из них, активно привлекаются к маркетинговой деятельности и анализу рыночного спроса, и это позволяет японским компаниям совершенствовать продукцию с учетом замечаний и пожеланий потребителя.

Таким образом, опыт Японии показывает, что эффективную инновационную систему, обеспечивающую активную поддержку модернизационных процессов, можно построить и без мощной фундаментальной науки, особо выдающихся изобретателей и уникальных инженерных школ. Японцы выбрали для себя другой путь – творческого использования крупных мировых достижений в сфере науки, техники и технологий. Но этот путь привел их к успехам в инновационном развитии лишь потому, что они также сумели создать производственный аппарат промышленности, постоянно готовый к освоению этих достижений, и подготовить квалифицированные кадры, заинтересованно относящиеся к результатам своего труда.

Конечно, не следует забывать и о том, что этому способствовали еще два очень важных обстоятельства – отсутствие крупного военно-ориентированного сектора экономики, который бы отвлекал на себя значительные материальные и интеллектуальные ресурсы, и теснейшая привязка к научно-производственному комплексу США, к ведущим американским компаниям, лидирующим в области высоких технологий. Впрочем, оба этих обстоятельства можно свести к одному – сравнению в послевоенный период японского экономического, научно-технического и военного потенциала с американским.

В настоящее время Япония является одним из наиболее мощных научно-технических лидеров, однако в перспективе могут возникнуть и достаточно серьезные проблемы. Так, социологические обследования фиксируют снижение интереса к научно-технической деятельности у школьников старших классов – лишь десять процентов из них предполагает в будущем специализироваться в области передовых технологий. В то же время в США и Китае эта цифра значительно выше – соответственно, в 2,5 и 3 раза. Примерно такая же картина и в отношении перспективы занять должность на университетской кафедре. Безусловно, уже очень скоро это создаст трудности в кадровом обеспечении японской науки¹².

Чтобы исправить это положение, в Японии стали уделять больше внимания пропаганде научного знания, популяризации науки, разъяс-

¹² White Paper on Science and Technology 2003. Tokyo, 2003, p. 28–30.

нению ее значения для жизни общества и его благополучия. Публикуется специальный вариант «Белой книги по науке и технике» для школьников и студентов, распространяемый через учебные заведения, префектуральные органы образования, библиотеки и музеи. Активная популяризация науки и техники, разумеется, не может привести к массовому стремлению молодежи ступить на научную стезю, но вполне способна пробудить интерес к исследовательской и инженерной деятельности и выявить немало талантливых личностей, которые сумеют сказать свое слово в науке. Кроме того, она готовит японцев с малых лет жить в высокоразвитой техносфере, помогая им стать грамотными пользователями новейших технических средств.

Непростая задача стоит сегодня и перед японской системой образования. Она заключается в том, чтобы готовить специалистов, способных к творческому подходу при решении любых вопросов, возникающих в процессе практической деятельности. Это особенно важно при подготовке будущих исследователей и разработчиков, а также персонала для управленческой сферы. Причем, и тех и других следует научить грамотно обосновывать свои идеи и проводить их в жизнь, умело преодолевая сопротивление тех, кто в силу различных причин не заинтересован в отходе от сложившихся стереотипов или просто не обладает надлежащим кругозором и чувством нового.

Что требуется для повышения квалификации и творческого потенциала японских специалистов, занятых в инновационной сфере, и как подготовить новое поколение исследователей, вполне соответствующих потребностям «экономики знаний»? Как полагают японские аналитики, для этого необходимо ввести в среду исследователей и разработчиков дух конкуренции, весомо поощрять тех, кто добивается наиболее высоких результатов, в то же время не допуская, чтобы аутсайдеры ощущали себя проигравшими и не видели для себя достойной перспективы. Поскольку осуществить резкие перемены в ближайшей перспективе нереально, а эффективность японской науки надо повышать уже сегодня, рекомендуется налаживать связи с авторитетными зарубежными учеными и принимать меры к тому, чтобы в нее шло больше молодежи. Кроме этого, следует привлекать в науку больше женщин, а также пойти на повышение доли ученых старших возрастов, т. е. не отправлять их в отставку за пределами 60–65-летнего возраста.

Определенные проблемы возникают и в самой научной сфере. Характерной особенностью японской науки является ее прикладной характер, ориентация на гарантированный практический результат. Около 80% затрат на исследования и разработки осуществляет частный сектор, внимательно следящий за их окупаемостью. Поэтому японские ученые предпочитают воздерживаться от углубленных исследований в

еще никем не изучавшихся областях. Вместе с тем, они энергично подключаются к тематике, перспективность которой была обнаружена зарубежными специалистами, и очень быстро достигают весомых результатов. Однако такая тактика не способна обеспечивать прорывы мирового уровня, и потому не приходится удивляться по поводу того, что все ключевые инновации послевоенного периода впервые появлялись за пределами Японии.

Пожалуй, наиболее весомый вклад в повышение японского инновационного потенциала и укрепление базы дальнейших модернизационных процессов, обеспечит осуществляемое в последние годы объединение усилий университетов и промышленных компаний. В прошлом на пути такого объединения существовало множество препятствий, призванных оберегать классические каноны образования от «низких реалий» жизни. Сегодня научная тематика вузов приближается к актуальным запросам компаний, и их лабораториям предоставляются необходимые финансовые средства и научное оборудование промышленных фирм. Так что, несмотря на некоторые затруднения на путях инновационного развития, Япония сохраняет достаточно высокие шансы по-прежнему занимать передовые позиции в прикладных сферах гражданских научных направлений и в производстве высокотехнологичной продукции массового спроса.

«В будущем не будет ни одного населенного пункта, где были бы неграмотные семьи, и ни одной семьи, в которой был бы хоть один неграмотный человек».

Закон об образовании 1872 г.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ — СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА ЯПОНИИ

Высокий уровень образования, и что особенно важно, всех слоев населения всегда служил базой для быстрых темпов модернизационных процессов, о которых говорится во введении. Оно было одним из базовых компонентов «японского чуда», высокой социальной и политической мобильности населения.

В настоящее время образовательный уровень японцев один из самых высоких в мире. Обязательное девятилетнее образование (начальная и средняя школа первой ступени) получают почти 100% детей, 96% продолжают обучение в средней школе второй ступени, по окончании которой более 60% поступают в институты, колледжи и профессиональные училища. Современная система образования и весь образовательный процесс, которые обеспечили этот уровень, обладают историческим, культурным, социальным и природным background'ом. В этом процессе отразился весь путь формирования японской нации и государства, и он дает ключ к пониманию многих моментов жизни современного общества. Достаточно вспомнить, что Япония принадлежит к так называемой рисовой цивилизации, когда жизнь людей зависела от возделывания риса, и здесь сложилась своеобразная система трудовой кооперации, которая называется *юи* (дословно, «связь»). Население гомогенно, отличается веротерпимостью, групповым типом самосознания, что отражено в социопсихологических и социокультурных особенностях поведения японцев и, в частности, в их отношении к образованию.

Не приходится говорить о том, что образование является непреходящей духовной ценностью для любого общества, которое серьезно задумывается о своей будущей судьбе. Этим объясняется исключительно большая роль государства в Японии в становлении и развитии образо-

вания на всех исторических этапах. Правительство постоянно держало и держит под контролем систему образования, внося в нее коррективы в соответствии с изменениями потребностей общества, стоящими перед ним задачами. Образование было и остается одной из главных ценностей для японцев. Издавна существовала традиция экономить на всем самом необходимом в повседневной жизни, чтобы дать детям образование. Японцы старались оставить детям не деньги и материальные ценности, а образование. Оно служило гарантией получения государственной должности, что обеспечивало высокий социальный статус.

Как известно, успехи модернизационных процессов в немалой степени обеспечивались способностью японцев адаптировать необходимые для них достижения других цивилизаций. Так и система образования первоначально была импортирована с континента (главным образом из Китая) для решения практических задач государственного и общественного строительства, что во многом определило ее положение в обществе и отношение к ней со стороны государственной власти. В первом своде законов «Тайхорё» (702 г.), который представлял собой правовое обобщение и систематизацию актов о социально-экономических и политических реформах второй половины УП в., есть специальные статьи, касающиеся образования. Например, в статье «Управление высшей школой»¹ давалось штатное расписание и указывались основные предметы обучения. Целый ряд статей, в том числе первый Закон об образовании, были посвящены государственным школам. Примечателен комментарий к статье 44, в котором говорилось, что понятие «некультурные» люди означает «необразованные»². С самого начала система образования состояла из двух блоков – государственного и частного. Государственное образование обеспечивало подготовку кадров чиновников, а частное – буддийских священнослужителей. В программу обучения правящей бюрократии входило и то, как надо управлять страной и как надо воспитывать народ.

На протяжении веков складывались основные формы и национальные традиции образования, в которых чрезвычайно важны стандартизация и воспитательная составляющая. Главными принципами и особенностями формирования образования являлись: 1. главенствующая роль высшей власти, 2. акцент на моральное воспитание и знание этикета при обучении всех сословий, 3. последовательность, постепенность и практический характер обучения³.

Созданная на этих принципах система образования соответствовала структуре общества, в котором все население делилось на привилегиро-

¹ Свод законов «Тайхорё» 702–718 гг. I–XV законы, М., 1985, с. 29–30, 200.

² Там же, с. 243.

³ Прасол А. Ф. Становление образования в Японии. Владивосток. 2001.

ванный слой и прочих. К середине XIX в. в центре и на местах упор делался на образование слоя самураев, подготовку их к государственной службе. По справедливому замечанию историка С. Ч. Лим, учебные заведения правящего сословия «обеспечивали хорошие условия для создания уже в эпоху Мэйдзи системы не только начальных, но главным образом, средних и высших учебных заведений, подготовили хорошую почву для успешного восприятия научных знаний и достижений Запада»⁴.

В то же время десятки тысяч частных школ для простого люда (*тэра-коя*), созданные при буддийских храмах, постепенно отделились от храмов и начали развиваться самостоятельно, становясь низшим звеном образования. Этот процесс отвечал изменениям в обществе, в котором возрастала экономическая роль горожан. Постепенно *тэракоя* утрачивали религиозный характер и все больше обретали светский, переходя под контроль государства. В этот период образование объективно способствовало развитию новых товарно-денежных отношений в стране.

В этот же период в японской педагогике формируется такое понятие как моральное воспитание, которое четко ассоциируется с образованием. Уже в средневековых школах уделялось большое внимание практической этике. Здесь обучали тому, как и чем руководствоваться в практических делах, в отношениях в семье, с хозяином, чиновниками. Под влиянием конфуцианских догматов и буддийских традиций образование рассматривалось не только как средство получения знаний и навыков мастерства, но и как путь к моральному и духовному совершенству, как средство воспитания таких качеств, как прилежание, упорство, дисциплинированность.

К началу мэйдзийского периода примерно половина мужчин (среди самураев грамотность была почти 100%) и около 15% женщин получали систематическое образование. Суть его сводилась к изучению классических конфуцианских книг и основ математики. Значительная экономическая направленность образования (о чем свидетельствует, например, сохранившееся немалое количество дневников крестьян и переписанных ими от руки книг, содержащих сведения по ведению сельского хозяйства) отличала Японию того времени от европейских стран, где оно было нацелено по преимуществу на чтение религиозных книг, хотя светское образование занимало уже значительное место. По замечанию историка Р. П. Дора, грамотность населения Японии в 1870 г. была выше, чем в большинстве развитых стран в начале XX в.⁵

Для реализации основного лозунга мэйдзийской модернизации «богатая страна-сильная армия» требовалось скорейшее вовлечение широ-

ких слоев населения в современное просвещение, которое открывало путь для освоения западных знаний, и осуществления коренной переустройства системы образования. Без проведения крупномасштабной реорганизации системы образования и просвещения было невозможно полное приобщение к западной цивилизации. С этого периода четко прослеживается принцип соответствия задач образования социально-экономическим и политическим условиям. Сразу же после реставрации Мэйдзи была поставлена задача внедрения западной системы образования, чтобы, по словам одного из лидеров реставрации Окума Сигэнобу, «Япония могла учиться всему у иностранцев и побеждать на их собственном поле»⁶.

В то время в стране начинает складываться общегосударственная система национального образования, которая отвечала потребностям модернизирующегося общества. Мэйдзийская элита использовала образование для достижения национальных целей. Как всегда, она пошла по пути компромиссов. «Японские лидеры того времени, – пишут историки Асо Макото и Аmano Икуо, – не имели модели, которую можно было положить в основу своей деятельности, и заняли эклектическую позицию экспериментирования. Политика в области образования, внешне лишенная принципов, строилась, тем не менее, на основе национализма, селективного принятия западной цивилизации, эволюционистского прагматизма, руководства массами со стороны властей, отрицания участия народа в образовании»⁷. Японцы оказались психологически способными быстро воспринимать все новое в политике и технологиях, что положительно сказалось на возможностях модернизации страны. Более того, образование продолжало оставаться важным механизмом социального «восхождения».

От либерализма к национализму

Закон об образовании был принят еще в 1872 г. в ряду важнейших законов мэйдзийского правительства. В этом законе были сформулированы три основные задачи. 1. Образование должно обеспечивать успешное продвижение человека по социальной лестнице, 2. функция школ состоит в том, чтобы прививать патриотические чувства каждому человеку, 3. все японцы должны обучаться практическим наукам, что в конечном счете принесет пользу обществу и поможет построить современное государство. По замечанию историка Тояма Сигэру, «введение новой системы образования в августе 1872 г. наряду с законом о воин-

⁴ С. Ч. Лим. История образования Японии. Конец XIX – первая половина XX века. М., 2000, с. 61.

⁵ Dore R. P. Education in Tokugawa Japan. London, 1965, p. 291.

⁶ История Японии. М., 1998. Т. II., с. 69.

⁷ Макото Асо, Икуо Аmano. Образование и модернизация Японии. Проблемы современной Японии. Вып. XI. Образование в Японии. Реф. Сб. М., 1974, с. 18.

ской повинности являлось одним из основных мероприятий просветительской политики правительства после ликвидации княжеств и образования префектур»⁸. Закон означал победу либеральных взглядов в сфере образования, открытость к проникновению западных знаний и европейской науки.

Опять были взяты иностранные образцы – французская система, поддержанная просветителем Фукудзава Юкити, и американская система – известным деятелем мэйдзийского просвещения Мори Аринори. В основе организации японской структуры образования, особенно в вопросах управления, лежала французская система с ее строгой централизацией и административным единообразием. При этом финансовая поддержка со стороны государства была минимальной. Платили главным образом учащиеся. Эта система сочеталась с заимствованиями из более демократической по содержанию американской. В частности, в однолинейной системе образования, согласно Закону 1872 г., отсутствовали социальные ограничения для выпускников начальных школ при поступлении в школы следующих уровней. У американской педагогики японцы позаимствовали методику школ совместного обучения, систему педагогического специального образования.

Согласно закону, представители всех сословий (мужчины и женщины) формально имели равные возможности для получения образования. Новая система (начальные, средние, высшие и технические школы, а также университеты) уже не была жестко увязана с каким-либо социальным слоем. Провозглашение равных возможностей для получения образования способствовало преодолению сословных перегородок в обществе. В преамбуле закона говорилось: «Обучение – ключ к успеху в жизни, и никто не может его игнорировать... В будущем не будет ни одного населенного пункта, где были бы неграмотные семьи, и ни одной семьи, в которой был бы хоть один неграмотный человек»⁹. Закон устанавливал систему лицензирования учителей, распределение учащихся по классам, что определялось итогами экзаменов. В результате вводился определенный стандарт в систему образования, что позволяло повсеместно создавать школы и продвигать наиболее способных учащихся по всем ступеням образования.

В первые десятилетия после принятия закона 1872 г. западная система поддерживалась государством как необходимый фактор осуществления модернизации и индустриализации. Школьные программы имели откровенно прозападный характер. Важнейший, традиционный предмет – мораль – отошел на задний план, что вызывало недовольство сторонников национальной системы воспитания.

Образование, ставшее важным фактором объединения страны, нуждалось в установлении централизованного контроля над ним. Уже 1871 г. было создано ведомство просвещения, в 1885 г. ставшее министерством. На местах за школьное образование отвечали соответственно губернаторы, главы уездов и городов, старосты деревень. «Главной задачей создания новой системы образования было введение обязательного начального образования, которое с необычайной для того времени быстротой начало появляться повсеместно... Невиданное распространение школьной сети, которой были охвачены даже самые отдаленные горные деревни, проходило под непосредственным нажимом и принуждением властей... Была создана новая система просвещения, контролируемая государством»¹⁰. Это подтверждает вывод исследователей Х. Кинлисайда и А. Томаса о том, что в отличие от европейских стран развитие системы образования в Японии шло сверху и быстро, а в самой Европе все продвигалось под давлением снизу и очень медленно¹¹.

В основу преподавания в школах был положен утилитарный подход, согласно которому, каждый гражданин, получая образование для себя, одновременно обогащал общество. Министерство просвещения осуществляло строгий контроль над системой образования, вводя стандарты на все, что касалось учебного процесса и его организации. Однако правящей элите, которая поставила амбициозную цель создать «богатую страну и сильную армию», от образования также требовалось воспитание молодого поколения в духе лояльности верховной власти и преданности национальным интересам, и очень скоро на первый план вновь выходит преподавание морали.

Реформа образования преследовала цель не только обеспечить получение практических знаний, необходимых для модернизации страны, но и утвердить среди населения новую идеологию (*вакон-ёсай*). Однако Императорский указ «Великие принципы образования» (1879) нанес сокрушительный удар по либеральной системе просвещения. На его основе в 1881 г. были разработаны правила обучения в начальной школе, в которых преподавание морали вышло на первое место, а от учителей требовалась, прежде всего, лояльность. Шло наступление и на учебники, многие были просто изъяты, как наносящие ущерб социальному порядку. В университетах было запрещено преподавание на иностранных языках, а иностранные преподаватели заменялись отечественными. Постепенно в школы возвращались националистические настроения.

В это же время создаются частные школы, которые впоследствии стали известными университетами. Так, престижный современный уни-

⁸ Тояма Сигэки. Мэйдзи исин. Крушение феодализма в Японии. М., 1959, с. 276–277.

⁹ Meiji Japan through Contemporary Sources. Tokyo, vol. 3, 1980, p. 5, 6.

¹⁰ Тояма Сигэки. Цит. соч., с. 278.

¹¹ Kttnleyside, Hugh Li, Tomas A. F. History of Japanese Education and Present Educational System. Tokyo. 1937, p. 84.

верситет Кэйо ведет родословную от частной школы, созданной Фукудзава Юкити еще до реставрации Мэйдзи; не менее знаменитый Васэда — от Токийской специальной технической школы. Университет Рицумэйкан появился благодаря усилиям крупнейшего политического деятеля той эпохи либерала-западника Сайондзи Киммоти. Одновременно учреждаются государственные университеты — Токийский (1877) и Киотоский (1897) (позже оба стали императорскими). Затем появляются университеты в городах Сэндай (1907), Фукуока (1910), Саппоро (1915).

С 1880 г. основное бремя финансирования школьного образования (до 90%) было возложено на местные органы власти. В конце XIX — начале XX вв. на эти цели расходовалось до 1/3 местных бюджетов. В целом затраты Японии на общее и техническое обучение в XIX в. были выше, чем в других странах. С 1886 г. было введено обязательное четырехлетнее начальное образование, с 1908 г. оно стало шестилетним. На рубеже XIX и XX веков по охвату детей начальным образованием Япония сравнялась с Великобританией. Почти 100-процентным оно стало в начале 1920-х годов XX в., а бесплатным еще в 1900 г.

В мэйдзийскую эпоху образование было подчинено единым, строгим правилам: существовали не только унифицированные программы, регламентировались ношение форменной одежды, нормы поведения, выполнение обязанностей в классе, соблюдение ритуалов. С детских лет ребенок воспитывался в мире готовых схем и моделей поведения, что соответствовало социально регламентированному традиционному японскому обществу, несмотря на его модернизацию. Идеологическая направленность в сфере просвещения, как и созданная система образования, просуществовали до конца Второй мировой войны.

Кардинальные перемены в системе образования, связанные с послевоенной модернизацией.

В первые послевоенные годы в контексте системных преобразований всех сфер жизни общества была проведена кардинальная реформа образования, полностью изменившая всю его систему в соответствии с новыми задачами модернизации. Американские эксперты пришли к выводу, что японское образование абсолютно не пригодно для дальнейшего использования и подлежит коренному реформированию. В первую очередь речь шла о ликвидации идеологической конструкции. В школьных программах были аннулированы курсы морали, японской истории и географии, а Министерству просвещения предлагалось срочно подготовить планы пересмотра учебников по этим предметам. В новых учебниках в приказном порядке запрещалось касаться тем, связанных с ультранационализмом, национальной религией синто, почитанием им-

ператора, возвеличиванием государства над личностью, расизмом. По выражению английского ученого и дипломата Дж. Сэнсома, американцы полагали, что дать Японии новую систему образования также просто как портному — шить костюм. Но японцы, как всегда, решали эту проблему путем компромиссов, создав систему, которая с необходимыми поправками в целом продолжает действовать и в настоящее время.

Как это свойственно японской политической традиции, сразу же была проработана законодательная база. Основные принципы и цели реформы образования, нашедшие отражение в принятых затем законах, были определены в Директиве № 74 Штаба оккупационных войск от 27 марта 1947 г.¹² Новые законы не отвергались населением, поскольку учитывали национальную специфику и издавались от имени японского правительства. В 1947 г. были приняты Основной закон об образовании и Закон о школьном образовании. Они, как и большинство других законов, с одной стороны, представляют собой тщательно проработанные документы, а с другой, оставляют свободу для расширенного толкования.

В ст.1 Основного закона об образовании записано: «Целью образования является формирование гармонично развитой личности, приверженной правдолюбию и справедливости, уважающей индивидуальность и трудолюбие, обладающей чувством ответственности и независимости, которые необходимы строителям миролюбивого государства и общества»¹³. В этой статье нашли отражение приоритеты системы образования, которые коррелировали с общим курсом на демократизацию страны. Таким образом, по-прежнему сохранялся принцип соответствия задач образования социально-экономическим и политическим условиям общества.

Закон предусматривает бесплатное девятилетнее образование, провозглашает принципы равных возможностей и совместное обучение мальчиков и девочек, запрещает целенаправленную политическую агитацию. В ст. 8 указывается: «Политические знания должны быть инкорпорированы в систему образования. Но школам надлежит воздерживаться от политических пристрастий, направленных в поддержку или против какой-либо определенной политической партии, и заниматься активной политической деятельностью»¹⁴. В ст. 10 отмечается: «Образование не должно подвергаться неправомерному контролю, но должно быть ответственным перед всем народом»¹⁵. Закон признает важную миссию педагога, его ответственность перед обществом и определяет его высокий статус, что соответствует национальной традиции.

¹² Japanese Education since 1945. A Documentary Study. L., 1994, p. 97–100.

¹³ Компакуто роппо (Краткий свод законов). Токио, 1989, с. 235.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 236.

Статья 7 Основного закона об образовании посвящена социальному образованию. Оно охватывает все виды внешкольного образования в семье, по месту работы и жительства; предусматривает самую разнообразную просветительскую деятельность. В специальном Законе о социальном образовании оно определяется «как организованная образовательная деятельность главным образом для молодых людей и подростков вне стандартной образовательной системы, основанной на курсах обучения»¹⁶. Другими словами, оно понимается как «неформальное обучение». Но что касается содержательной стороны такого обучения, то роль административных органов здесь достаточно ограничена, поскольку понятие «социальное воспитание» охватывает самую разнообразную просветительскую деятельность. В современной структуре Министерства просвещения и науки есть специальная секция, занимающаяся этой проблемой.

Закон о школьном образовании закреплял новую систему, которая была скопирована с американского образца. В ст. 1 указывалось, что учреждаются начальные, средние первой и второй ступени школы, университеты, профессиональные училища, специальные школы для детей с физическими или умственными недостатками и детские сады. Право открывать школы признается за государством, органами местного самоуправления, а также за юридическими лицами, действующими в системе образования (ст. 2). В соответствии с этим существуют государственные, префектуральные, муниципальные, а также частные школы. Руководство ими по большей части перешло в ведение местных органов власти, что означало децентрализацию управления. Реформа в сфере образования в значительной степени демократизировала содержание учебных программ, предоставила большую свободу преподавателям. В целом она имела эгалитарный характер.

Специальный Закон о работниках просвещения (1974) определил статус учителей в государственных, префектуральных и муниципальных школах как государственных служащих в сфере просвещения. Как все государственные служащие, учителя подпадают под действие Закона о служащих центральных органов власти (1949) и Закона о служащих местных органов власти (1950) и соответственно изъяты из-под юрисдикции Закона о профсоюзах (1949) и Закона об урегулировании трудовых отношений (1946). Работникам этой категории предоставлено право на создание профсоюзов, но им не разрешено заключать трудовые соглашения. Они лишены права на забастовку, хотя допускается возможность переговоров с администрацией об условиях труда и проведении каких-либо коллективных действий.

¹⁶ Нихон-но кёйку. Сэйдо то кадай (Образование в Японии. Система и задачи). Токио, 1997, с. 42.

В Японии нет специального налога на образование. Бремя расходов на школьное образование возлагается на тех, кто создает эти школы, т. е. на центральное правительство, органы местного самоуправления и разного рода организации, действующие в сфере образования (ст. 5)¹⁷. Средства выделяются из общей суммы расходов государственного и местных бюджетов. Японская концепция образования предусматривает, что каждый ребенок вправе рассчитывать на обучение учителями равной квалификации, в равноценно оснащенных школах. Поэтому государство финансирует не только находящиеся в его ведении учебные заведения, но и частично принадлежащие органам местного самоуправления. Главным источником средств частных учебных заведений, среди которых большинство университетов, является плата за обучение. Начиная с 1960-х годов, правительство оказывает поддержку частным школам, чтобы обеспечить равные с государственными школами условия в предоставлении образовательных услуг. Роль государства в системе образования исключительно велика: всего на эту сферу направляется до 8% расходов бюджета.

Административное управление системой образования исходит из нескольких фундаментальных принципов. Первый принцип – управление осуществляется в строгом соответствии с законом. Второй – проводится демократизация административного управления системой образования. Третий – «нейтрализм» – проявляется в соблюдении «политического» и «религиозного» нейтралитета, отсутствие неправомерного контроля и в ответственности перед народом. Четвертый – административное управление предусматривает лишь регулирование и создание условий для реализации задач, стоящих перед образованием. Административные органы не имеют права контроля над ним. Им вменяется в обязанность лишь определять основные направления и давать рекомендации относительно учебного процесса и его организации. Пятый – децентрализация, который, в соответствии со ст. 92 Конституции, касающейся местного самоуправления, признает образование функцией местной автономии. В Японии исходят из того, что, поскольку органы местной власти тесным образом связаны с повседневной жизнью народа, то они играют главную роль в обеспечении права каждого на образование и несут главную ответственность за административное управление им¹⁸.

Уточнения и внесение поправок в принятые в 1947 г. законы начались сразу же после обретения страной суверенитета в 1952 г. Это делалось потому, что американская модель не совсем отвечала японским реалиям. В 1952 г. был учрежден Центральный совет по образованию

¹⁷ Нихон-но кёйку, с. 71.

¹⁸ Нихон-но кёйку, с. 51–52.

как совещательный орган при Министерстве просвещения для выработки собственной политики в сфере образования, науки и культуры. По его рекомендации в 1956 г. выборные члены отделов образования на местах были заменены назначаемыми сверху.

В структуру системы образования с началом периода высоких темпов экономического роста были введены пятигодичные технические колледжи с целью подготовки высококвалифицированных кадров. Их создание явилось своего рода ответом правительства на пожелание крупного бизнеса, отраженное в документе Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн) под названием «Мнение относительно технического образования в свете потребностей новой эры» (1956). Кэйданрэн рекомендовала правительству безотлагательно принять следующие меры: готовить инженерные и технические кадры, содействовать техническому образованию молодежи, повысить оснащенность средних школ, уделять больше внимания распространению научных и технических знаний¹⁹. Возрастание роли общеобразовательной и профессиональной подготовки трудовых ресурсов было вызвано интенсивным техническим обновлением и отраслевой перестройкой экономики.

Ускоренная модернизация за счет импорта западных технологий обусловила внедрение механизма получения профессии на основе образовательного ценза. Как отмечает В. Б. Рамзес, «технология отраслей промышленности, целиком импортированная в сжатые сроки, представляла собой настолько разительный контраст, с чем страна была знакома раньше, что для овладения ею сразу стало не хватать одной выдумки и изобретательности, не подкрепленной систематическим образованием»²⁰.

Образование выступило важным фактором ускоренной модернизации в 1950–1960-е годы. Высокая образованность, прежде всего, рабочей силы позволила Японии безболезненно преодолеть технико-экономическое отставание от развитых на то время стран. В 1970-е годы Япония вышла на первые позиции по уровню и качеству образования рабочей силы. Постоянное усовершенствование законодательства помогло приспособить систему образования к общим задачам социально-экономического развития, к повышению качества рабочей силы, отвечающей экономическим потребностям общества.

Долгие годы система образования в стране развивалась в соответствии с духом Основного закона об образовании и на основе концепции равных возможностей и повышения национальных образовательных стандартов как движущей силы развития экономики. Именно в этот пе-

риод просматривается тесное увязывание политики в области образования с экономической политикой, что нашло отражение в многочисленных документах предпринимательских и экономических организаций бизнеса и в общенациональных экономических планах²¹.

В принципе в Японии, начиная с 1970-х годов и по настоящее время, идет перманентный процесс реформирования системы образования, в ходе которого предлагаются, разрабатываются, апробируются отдельные его элементы. Одни из них укореняются, другие отпадают. Еще не закончился период высоких темпов экономического роста, в который весьма существенный вклад внесло образование населения, как правящая элита начала задумываться о дальнейшем совершенствовании системы просвещения. И это несмотря на мировое признание в то время огромных успехов Японии на этом поприще. В частности, в докладе, подготовленном экспертами Организации экономического сотрудничества и развития при ООН в 1971 г. говорилось: «Чудо экстраординарного роста лежит в ее социальных инвестициях в сферу образования. Более того, ни одна страна не придавала столь большого значения инвестициям в начальное и среднее образование. Именно почти полный охват населения начальным образованием уже на рубеже столетий создал основу для быстрого перехода к всеобщему среднему образованию... Японские школы признаются в целом как наиболее эффективные в мире. Успехи современной концепции образования, очевидно, полностью корнями уходят в давнюю традицию признания в Японии важности образования»²².

Превращение Японии во вторую экономику мира поставило перед страной новые задачи в сфере образования с тем, чтобы оно содействовало постоянно идущей модернизации. В 1971 г. Центральный совет по образованию подготовил доклад «Основные направления развития образования, отвечающие требованиям современного общества». В нем реформа школьного образования нацеливалась на непрерывное обучение (включая социальное образование), определялась группа факторов, влияющих на формирование личности (урбанизация, индустриализация, информатизация, изменения в семейной жизни, демографическая ситуация, общий подъем образовательного уровня). «Школьное образование, – говорилось в докладе, – ограничено по времени и поэтому недостаточно. Подвижность образования, отвечающая изменениям в обществе и диверсификации требований индивидуума, становится чрезвычайно важной. В системе непрерывного обучения повышается роль социального образования»²³.

²¹ Подробнее см. А. И. Соколов. Япония. Экономика и образование. М., 1982, с. 25–30.

²² Japanese Education Since 1945. P. 197.

²³ Нихон-но кёику сирё (Материалы по образованию в Японии). Токио. 1978, с. 47.

¹⁹ Japanese Education Since 1945. Documentary study. L., 1994, p. 141–146.

²⁰ Япония. М., 1973, с. 297.

По мнению составителей доклада, социальное образование должно охватывать всех – от детей до пожилых людей и включать различные занятия. В его сферу входит не только сам процесс обучения, но и обеспечение условий для него. Кроме того, в докладе предусматривалась многовариантность форм такого образования в соответствии с изменениями социально-экономических условий в стране.

Особое внимание на эту проблему было обращено в докладе Совета по социальному образованию «Как социальное образование может ответить на радикальные изменения социальной структуры общества» (1971). В нем, в частности, говорилось: «в будущем такое образование должно включать все виды обучения граждан на протяжении всего жизненного цикла... управление им означает, что государство и органы местной власти обеспечивают условия и оказывают всемерную помощь социальному образованию».

Непрерывное образование или образование на протяжении всей жизни предусматривает создание системы, в которую интегрирована не только школа, но и семья, и локальное общество (community). Это обусловлено серьезными переменами в образе и качестве жизни, а также самого жизненного цикла японцев. Необходимость системной перестройки образования объясняется тем, что «обучение в школе ограничено во времени и поэтому недостаточно. Подвижность образования, отвечающего изменениям в обществе и разнообразию требований индивидуума, становится чрезвычайно важной проблемой. В системе непрерывного обучения велика роль социального образования»²⁴.

Адаптация системы образования к новым условиям глобализации.

Пройдя путь догоняющей модернизации, в которой существенную роль сыграла успешно функционировавшая система образования, Япония в 1980-е годы в условиях глобализации и внедрения глобальных информационных технологий, особенно цифровых, достаточно остро ощутила, что ее традиционная система образования оказалась устаревшей. Более того, стандартизация образования, проистекающая из уравниловки, и заучивание чрезмерных объемов учебной информации, не дают возможности развивать индивидуальные способности учеников. На фоне снижения рождаемости, роста урбанизации, значительного уменьшения роли образования и воспитания в семье и локальном обществе появились такие серьезные проблемы, как хулиганство, прогулы уроков, насилие в школе, срыв занятий и тяжкие преступления, совершаемые подростками. Вызывает беспокойство в японском обществе, как и в любом другом, относящимся к ареалу конфуцианской культуры, и растущая

²⁴ Там же.

тенденция к преувеличенному вниманию к индивидуальным правам личности вопреки общественным интересам, и наблюдаемая очевидная предрасположенность молодых людей к тому, чтобы замкнуться в собственном внутреннем мире.

Япония начала поиски путей реформирования системы образования в соответствии с новыми условиями, складывающимися в стране и мире. Уже в 1984 г. Государственный комитет по реформе образования подготовил пакет рекомендаций, которые предусматривали реформирование по шести основным направлениям – совершенствование начального, среднего и высшего образования, системы непрерывного обучения, интернационализация, компьютеризация и информатизация, административное управление и финансирование. Предусматривалось предоставление большей свободы выбора, гибкость и многовариантность образования с упором на развитие личности. В вопросе административного управления и финансирования намечались децентрализация и предоставление большей самостоятельности на местах, что связывалось с реформой органов самоуправления. Центр тяжести предполагалось перенести со школьного на непрерывное обучение, с тем, чтобы человек мог оставаться активным в течение всей жизни. Это должно было создать базу для формирования личности открытого общества, адекватного периоду глобальной интернационализации и информатизации и 80-летнему жизненному циклу японцев.

Как и прежде, коррективы в систему образования вносятся в соответствии с изменениями потребностей общества. В конце 1990-х годов было определено основное направление, по которому следовало проводить реорганизацию этой важнейшей сферы: «от централизации к децентрализации», «от унификации к разнообразию», «от жесткости к гибкости». В соответствии с этим были разработаны три основных принципа реформы образования: 1. опора на воспитание индивидуализма, 2. усиление внимания к непрерывному образованию или образованию на протяжении всей жизни, 3. учет глобальных перемен (интернационализация, внедрения глобальных информационных технологий, особенно цифровых и т. д.)²⁵.

Стратегия «экономического чуда» требовала значительного числа хорошо подготовленной, соответствующей определенным стандартам рабочей силы. Компаниям в то время были нужны не творцы, а исполнители, которые легко инкорпорировались в структуру предприятия. Сегодня, когда Япония по многим параметрам находится впереди других стран, целый набор факторов, в свое время способствовавших ее подъему, стал тормозом на пути дальнейшего развития. Это относится

²⁵ Нихон-но кёйку, с. 12.

и к образованию. Еще в начале 1980-х годов японские эксперты писали о том, что «сейчас Япония остро нуждается не в одноликой массе просто способных студентов, а в людях необычайно одаренных, неортодоксальных, в людях, располагающих потенциалом для решения самых сложных задач. Способности японцев высоки и хорошо развиты, однако, оценка их редкости – нулевая. Промышленность может без малейшего труда нанять способных специалистов. Но теперь страна вступает в период, когда необходимо приложить максимальные усилия, чтобы найти среди японцев и потом уже не потерять из виду исключительно одаренных, оригинально мыслящих»²⁶.

В век высоких технологий эгалитаризм, единообразие, механическое заучивание мешают формированию творческих личностей. Стране нужны не столько «трудолюбивые пчелы», сколько оригинально мыслящие специалисты, задачу подготовки которых и призвана решить нынешняя реформа образования.

План реформы образования, предусматривающий семь приоритетных направлений, получил название «План радуги». Первое направление – улучшение базовой подготовки учеников в системе обязательного образования. Для этого предусматривается организация классов не более чем на двадцать учеников для занятий по базовым предметам и разделение их на группы для специализированных занятий; внимание сосредоточено на развитии индивидуальных способностей. Второе направление – «нравственное» или «общественное» воспитание», моральное воспитание. Третье – создание привлекательного, безопасного окружения для учеников. Четвертое – обеспечение информационной открытости школьной жизни. Пятое – совершенствование профессиональной подготовки учителей. Шестое, центральное направление – создание университетов мирового класса. Седьмое – выработка нового взгляда на образование XXI в.

Если система школьного образования находится в состоянии перманентного реформирования, то о реформе высших учебных заведений задумались лишь в конце 1980-х годов. Совет по университетам (1987) занялся детальной проработкой всех аспектов перестройки высших учебных заведений с учетом широты интересов молодежи, многообразия мотиваций развития творческих способностей, повышения статуса в обществе. В своей работе он исходил из того, что система высшего образования должна решать две задачи – формировать квалифицированный человеческий ресурс и обеспечивать науку творческими кадрами.

Заинтересованность в решении проблемы высшей школы проявил деловой мир. В середине 1990-х годов крупнейшие организации круп-

ного бизнеса представили около десяти докладов, среди которых «Рекомендации относительно улучшения научно-исследовательской работы в университетах», «Человеческий ресурс, необходимый японским компаниям, и подходы к образованию в будущем», «Университетское образование, отвечающее на вызов новой эпохи, и точка зрения по этому вопросу делового мира». Но при этом деловой мир пока удовлетворяла сложившаяся система взаимоотношений с вузами. Располагая собственными программами подготовки нужных им кадров, компании охотно брали дипломированных специалистов, которых было намного легче обучать и превращать в хороших служащих. Другими словами, при поступлении на работу нужно было продемонстрировать способность учиться, а не компетенцию. Нередко определенные фирмы постоянно нанимали выпускников определенного университета, т. е. сложилась определенная практика взаимоотношений вуза-фирмы. Это способствовало низкой мобильности рынка труда.

Хотя в середине 1990-х годов японское высшее образование занимало одно из ведущих мест в мире по охвату населения, уровень подготовки специалистов в высшей школе по мировым стандартам был довольно низким. Слабые места высшего образования стали притчей во языцех в мире. Причин тому было много. Несмотря на распространенность и в принципе доступность, высшее образование имеет большую социальную значимость, поскольку выделяет имеющих его лиц из основной массы населения. Определенную роль в мотивации получения высшего образования играет ответственность перед родителями и школой, которые затратили значительные усилия на подготовку абитуриента. Полученное, особенно в престижном университете образование, является необходимым условием успешной карьеры. В японском обществе при найме на работу фирмы и учреждения отдают предпочтение не индивидуальным достоинствам выпускника, а репутации университета, который он окончил.

В Японии важно успешно сдать вступительные экзамены в университет с хорошей репутацией, чтобы по окончании рассчитывать на получение достойной работы. В то время как на Западе для этого необходимо сдать выпускные экзамены. Поступив в университет, японские студенты не имеют серьезной мотивации к серьезному обучению. Большинство из них не устраивает учебная программа, содержание лекций и практических занятий, особенно на фоне «ада» вступительных экзаменов, во время подготовки к которым они получают высокий уровень знаний. Это служит мощным мотивирующим фактором молодых людей для успешного обучения в школе, чего нет в высшей школе. Поэтому бытует мнение, что для японских студентов время учебы в университете – это

²⁶ Моритани М. Современная технология и экономическое развитие Японии. М., 1986, с. 139.

своего рода передышка между «экзаменационным адом» во время поступления и началом трудовой деятельности на фирме или в компании, где они будут учиться, как говорится, не за страх, а за совесть.

Во время учебы в университете молодежь может позволить себе определенную свободу делать, что хочется, а не то, что предписывалось в школе и будет предписано на работе. Можно сказать, что среди студенческой молодежи сильны гедонистические настроения. Положение с высшей школой жестко, но верно характеризует американский ученый Эзра Вогель: «Важнейшая функция японского университета – это сертификация студентов. Однако усилия преподавателей по совершенствованию технологии обучения и степень внимания к студентам недостаточны. Усилия студентов, затраченные на учебу в университете, не идут ни в какое сравнение с подготовкой к вступительным экзаменам. Уровень аналитической работы в аудиториях невысок, посещаемость занятий низкая... В своих работах студенты чаще всего следуют установленным образцам и нормам, не стремясь к формированию собственного подхода к проблеме»²⁷.

Пребывание в университете, по замечанию Э. Рейшауэра, является «пустым времяпрепровождением в течение четырех лет». Не случайно правительственная делегация Японии, изучавшая образование в США в 1990-х годах заявила: «Мы не завидуем ничему в американском образовании, кроме университетов»²⁸. В настоящее время основным требованием, предъявляемым к высшему образованию, является подготовка творческих, неординарно мыслящих, способных к инновациям студентов. В связи с этим осуществляется реформирование государственных университетов, чтобы поднять их до уровня мировых стандартов, для чего требуется сосредоточить большие усилия на организации учебного процесса и научно-исследовательской деятельности.

Концепция реформирования заключается во внедрении в сферу высшей школы методов работы частного сектора. Государственные университеты превращаются в корпорации, т. е. получают статус автономных административных корпораций, становятся самостоятельными юридическими лицами, что, по мнению авторов реформы, должно значительно повысить эффективность их функционирования. Такое изменение их статуса должно способствовать общему оживлению работы японских университетов, повышению стандартов образования и исследований. Будут также внедряться принципы конкуренции и эффективного управления, например, приоритетное финансирование на основе оценки третьей стороной работы университетов.

²⁷ Ezra F. Vogel. Japan as № 1. Vermont and Tokyo. 1980, p. 162.

²⁸ Цит. по Малькова З. А. Стратегия развития образования в XXI веке в Японии// Прогностические модели систем образования в зарубежных странах. М., 1994, с. 98.

Важным условием успешного функционирования реформированных университетов, достижения ими максимальной эффективности в учебной работе и использовании результатов научно-исследовательской деятельности является создание гибких финансовых систем. Для финансирования бывших государственных университетов после превращения их в независимые корпорации (с учетом того, что государство в соответствии с Законом об образовании является учредителем университетов) правительство выделяет необходимые средства в бюджете. Университетам префектурального и муниципального уровня будет оказываться поддержка местными органами власти. Помимо прямого государственного финансирования университеты могут получать финансовую поддержку общества в различных формах (пожертвования, гранты и т. д.). Помимо средств, выделяемых правительством на содержание и развитие университетских объектов и оборудования, они могут также финансироваться за счет займов или доходов, полученных самим университетом. Для диверсификации финансовых ресурсов университетам предоставляется право брать долгосрочные займы.

В условиях конкуренции на международном рынке образования японским государственным университетам, которые зависят от правительственного финансирования, все сложнее удерживать свои позиции в подготовке кадров и осуществления научных исследований. В условиях затянувшегося спада экономики не только государство практически не увеличивает ассигнования, но и частный бизнес не спешит с оказанием финансовой помощи. Для обеспечения конкурентоспособности университеты должны заручиться поддержкой общества, поэтому единственным выходом признано превращение государственных университетов в корпорации, что составляет лишь часть программы реформирования системы высшего образования в стране.

Реформа предусматривает установление трехсторонних отношений между правительством, корпоративными университетами и обществом, а также создание независимой, автономной и динамичной административной структуры для каждого университета. Но при этом в обстановке конкуренции нужно создать условия, при которых они могли бы пользоваться опытом друг друга при полном сохранении и развитии собственной специфики и наращивания потенциала. После превращения в корпорации университеты сохраняют свою независимость и автономию в рамках вновь создаваемых структур и установленных правил. Используя это, они должны проявлять большую ответственность за свою деятельность, а правительство – за общую эффективную и компетентную поддержку высшего образования и научных исследований в целом.

Для обретения конкурентоспособности японским университетам недостаточно просто получить статус самостоятельных юридических

лиц или позаимствовать схему работы обычных корпораций, необходимо смягчить бюджетные, организационные и кадровые ограничения, обеспечить свободу их действий, т. е. расширить университетскую автономию и усилить ее ответственность, что является одним из достоинств корпоративной системы в сфере образования.

В настоящее время перед Японией, как почти 150 лет тому назад, стоит проблема построить систему образования, которая отвечает международным стандартам. В основном это относится к системе высшей школы. В связи с ростом инноваций, новых информационных технологий и интернационализации общественной жизни важной становится проблема вхождения японских университетов в мировое образовательное и научное пространство. Интернационализация образования поможет будущим поколениям японцев ощутить себя хорошо подготовленными к международным контактам. На индивидуальном уровне процесс интернационализации – это достойное владение иностранными языками и приобщение к культуре других народов, на что обращено особое внимание в контексте реформирования образования. Нынешнее столетие, как полагают японские эксперты, должно стать эрой «знания», поэтому развитие образования становится еще более важным, чем когда-либо, делом, вкладом в прогресс человечества.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ИНТЕРЕСАХ МОДЕРНИЗАЦИИ

После разгрома Японии Союзные Державы поставили задачу исключить возможность возрождения японского милитаризма, и в этих целях была осуществлена серия реформ, в ходе которой решалась не только эта задача, но и проводилась коренная перестройка всего государственного устройства страны.

Ведущую роль в разработке и осуществлении послевоенных реформ сыграли Соединенные Штаты Америки, которые стремились превратить своего недавнего врага в страну, разделяющую американские политические, экономические и культурные ценности, и в конечном итоге в союзника.

При этом на позицию Вашингтона в «японском вопросе» существенное воздействие оказывала общая стратегия антигитлеровской и антияпонской коалиции Союзных Держав, предусматривавшая послевоенное переустройство международных отношений на принципах, закрепленных в Уставе ООН. Этот посыл был особо силен на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые два года после ее окончания. Но этот импульс в определенной степени действовал и в более поздний период, даже, несмотря на развернувшуюся эпоху холодной войны.

Вместе с тем, хотя союзниками были учреждены Дальневосточная комиссия и Союзный Совет для Японии, в функции, которых входило формулировать политическую линию, а также консультировать Главнокомандующего Союзных Держав по вопросам, имеющим существенное значение для проведения оккупационной политики, США фактически единолично осуществляли оккупацию Японии. Они имели возможность проводить тот курс, который в наибольшей степени отвечал их пониманию того, как следует реформировать японскую государственную и общественную систему.

Вашингтон передал главные функции по претворению в жизнь оккупационной политики Главному штабу Верховного главнокомандующего вооруженными силами Союзных Держав, который возглавлял назначенный Белым домом генерал Дуглас Макартур.

Контроль за осуществлением реформ на местах был возложен на дислоцированную в Японии Восьмую американскую армию, а конкретно на ее региональные отделы и группы военной администрации, находившиеся в каждой префектуре. В отличие от Германии, в которой осуществлялось прямое правление государствами-победителями, в Японии был сохранен правительственный аппарат, который призван был реализовывать директивы оккупационных властей.

Еще до прибытия в Японию оккупационных войск при Министерстве иностранных дел был учрежден специальный орган – Управление по связям со Штабом оккупационных войск (ШОВ). Оно выполняло важные функции по сбору для правительства страны информации об оккупационном штабе, о предполагаемых директивах, о политической ориентации отдельных сотрудников штаба с тем, чтобы выделить тех, кто мог бы занять «более дружескую позицию» в отношении Японии. Так были «выявлены» сотрудники штаба – сторонники «мягкого подхода» к реформам, а также те, кто, по признанию Ёсида Сигэру, «помогали нам (японскому правительству – А. Н. Панов) поддерживать порядок в стране и бороться с коммунистами, когда они вновь активизировались в Японии»¹.

Управление по связям с оккупационным штабом было главной инстанцией, через которую шла деловая переписка между ШОВ и японским правительством. Практически все директивы проходили через этот орган, его сотрудники осуществляли переводы всех важнейших документов, исходивших из ШОВ и направлявшихся в него японским правительством. Нередки были случаи, когда сотрудники Управления притормаживали осуществление директив ШОВ, чтобы на местах к ним могли лучше подготовиться местные власти, или же интерпретировали директивы в интересах японской стороны.

Полученная Управлением информация, как отмечает профессор Синобу Сэйдзабуро, имела чрезвычайно важное значение для японского правительства. Используя эту информацию, оно не только имело представление о направленности оккупационной политики Штаба Верховного главнокомандующего, но и знало, какие директивы выполнять, а какие саботировать»². Костяк состава Управления, имевшего 11 местных отделений в крупнейших городах страны, составляли японские дипломаты.

¹ Yoshida Shigeru. The Yoshida Memoirs. The Story of Japan in Crisis. London, 1961, p.55.

² Синобу Сэйдзабуро. Сэнго Нихон сэйдзиси (Политическая история послевоенной Японии). Токио, 1965, т.1, стр.162.

Министерство иностранных дел после окончания войны наряду со многими другими правительственными ведомствами было сохранено, но его структура и функции претерпели существенные изменения. 13 октября 1945 г. Штаб оккупационных войск издал указ о запрещении ведения японским правительством какой-либо внешнеполитической деятельности. Загранпредставительства страны были закрыты. После этого любые контакты между японскими властями и иностранными представительствами в Токио должны были осуществляться через дипломатическую секцию ШОВ.

Аппарат министерства был резко сокращен. Если в 1940 г. в МИД Японии работали 5 637 человек, то в 1946 г. остались 1 563 сотрудника³. Министерство занималось главным образом исследовательской деятельностью. Дипломаты изучали развитие международной обстановки, анализировали мировое экономическое положение, особое внимания уделяли сбору информации о характере взаимоотношений между США и Советским Союзом.

Сотрудники министерства занимались также проблемами, связанными с репатриацией японцев с захваченных в годы войны территорий, урегулированием имущественных и прочих претензий, возникших в результате японского колониального господства в азиатских странах.

В феврале 1948 г. по требованию оккупационных властей в министерстве был образован специальный департамент, занимавшийся поисками и возвращением законным владельцам имущества и ценностей, похищенных японцами на захваченных территориях. Департамент просуществовал до конца 1949 г.

По японской инициативе было учреждено Бюро особых документов, которое находилось в непосредственном подчинении министра и вело сбор и обработку всех документов, касающихся политики Союзных Держав в отношении Японии. В августе 1949 г. оккупационные власти сняли с себя функции контроля за эмиграцией и иммиграцией. Этими вопросами стал заниматься созданный в министерстве иммиграционный отдел.

Проводившаяся оккупационными властями в государственных и общественных учреждениях чистка с целью отстранения от политической службы лиц, являвшихся активными поборниками политики милитаризма, не миновала и МИД Японии. Однако наказания затронули сравнительно небольшую группу людей. Проверке подверглось всего 110 сотрудников довоенной дипломатической службы, из которых уволено было лишь 22 человека⁴.

³ А. Н. Панов. Японская дипломатическая служба. М., 1988, стр.27.

⁴ Там же, стр.28.

Следует отметить, что американские оккупационные власти именно среди дипломатов искали тех, на кого они могли бы опереться в проведении политики реформ. Основное внимание было уделено дипломатам, имевшим в довоенное время опыт работы в Вашингтоне и Лондоне и не поддерживавших курс на войну с США. Эти дипломаты хорошо представляли экономическую и военную мощь Великобритании и особенно США, на фоне которой японский военно-экономический потенциал заметно проигрывал. Они формировали мнение о необходимости избегать столкновений с более могущественными конкурентами, попытаться достичь компромисса, который позволил бы Японии реализовать «стратегию продвижения» в Китае и Юго-Восточной Азии, не вступая в военный конфликт с Вашингтоном и Лондоном.

Анализируя причины и последствия поражения Японии во Второй мировой войне, они приходили к выводу, что без существенных изменений в политической и экономической структуре невозможно возрождение страны в качестве экономически могущественного и политически влиятельного государства, и проявляли готовность ради достижения этих целей сотрудничать с оккупационными властями. Среди таких дипломатов выделялись Сидэхара Кидзюро и Ёсида Сигэру. Последний сыграл особо значимую роль в становлении послевоенной Японии.

К. Сидэхара родился в 1872 г. С 1896 г. находился на дипломатической работе. Был женат на дочери владельца дзайбацу «Мицубиси» К. Ивасаки. С 1924 г. по 1927 г. и с 1929 г. по 1931 г. занимал пост министра иностранных дел. После отставки в 1931 г. активного участия в политической деятельности не принимал. Это обстоятельство, а также то, что на посту главы внешнеполитического ведомства он выступал против открытого столкновения с США и Великобританией в борьбе за влияние в Китае, (Америка, публично заявлял он, лучший покупатель японских товаров, не следует драться со своим лучшим клиентом) сыграло свою роль при назначении его на пост главы правительства 9 октября 1945 г.

С еще большим доверием американцы относились к Ёсиде Сигэру, который возглавлял японское правительство в общей сложности почти восемь лет (в 1946–1947 гг., затем в 1948–1954 гг.), что является редкостью в послевоенной политической истории Японии. Родился С. Ёсида в 1878 г. Профессиональный дипломат. С 1919 г. по 1938 г. работал в Министерстве иностранных дел, занимал в том числе посты послов в Италии и Великобритании. В кругах элиты С. Ёсида имел репутацию прозападно настроенного дипломата и испытывал открытое неприязненное отношение к себе со стороны военного руководства, что и послужило одной из причин его ранней отставки в 1938 г. Действительно,

он не скрывал своих высоких оценок достижений США и Великобритании, особенно в экономике, и выступал против подключения Японии к антикоминтерновскому пакту 1936 г. Германии и Италии.

В феврале 1945 г. С. Ёсида написал письмо бывшему в то время премьер-министром принцу Ф. Коноэ, влиятельному представителю правящей элиты, для передачи его императору Хирохито. В письме предсказывалась неизбежность поражения Японии в войне, возможность в результате этого возникновения беспорядков, способных вызвать коммунистическую революцию, и предлагалось заключить как можно скорее мир с США. По обвинению в «распространении беспочвенных слухов о военной обстановке» С. Ёсида в апреле 1945 г. был арестован военной полицией и просидел в тюрьме 40 дней. То, что С. Ёсида имел репутацию прозападно настроенного политика, да к тому же подвергался гонениям со стороны руководства военного времени, послужило лучшими рекомендациями для оккупационных властей в пользу выбора его в качестве надежного партнера. С. Ёсида активно сотрудничал с оккупационными властями, прежде всего с Главнокомандующим союзными войсками генералом Дугласом Макартуром.

Понимая, что поражение в войне было во многом связано с отсталым экономическим развитием страны, С. Ёсида формулирует свою стратегию построения новой Японии, которая стала основополагающей на многие десятилетия. Основные усилия, считал он, должны быть сконцентрированы на решении экономических задач. Потому расходы на оборону следует ограничить минимальным уровнем, передоверив ее по существу американским вооруженным силам⁵.

Довоенный лозунг «богатая страна – сильная армия» (*фукоку-кэхэй*) был фактически заменен понятием «обеспечить процветание страны уменьшением военной силы» (*фукоку дзякухэй*). Такой курс, с одной стороны, требовал всесторонней модернизации, а с другой, ставил Японию в зависимость от политики Вашингтона. Однако в послевоенных японских правящих кругах было достигнуто согласие относительно того, что для обеспечения стратегической цели «почетного возвращения Японии в качестве влиятельного государства в мировое сообщество» иного пути нет. При этом в перспективе предусматривалась возможность пересмотра отношений с Вашингтоном, когда для этого созрели соответствующие условия.

«Японская политика в отношении Соединенных Штатов, – подчеркивал С. Ёсида, – должна измениться, как только положение экономики улучшится, и соответственно повысится международный статус страны и ее самоуважение»⁶. «Однако, – как настаивает он далее, – поддержание

⁵ Yoshida Shigeru. Op.cit, p.194.

⁶ Ibid, p.8.

таких дружеских связей с Соединенными Штатами, основанных на глубоких взаимных интересах, должно быть одним из столпов японской основополагающей политики и всегда оставаться таковой»⁷.

Курс на тесный военно-политический союз с США позволил Японии не тратить значительные средства на цели обороны. В 50–60-е годы XX в. они не превышали уровень в 1,5% от ВВП. В 1976 г. решением правительства ежегодные военные расходы страны были ограничены 1% ВВП, что стало одним из важнейших факторов, позволивших направить основные денежные средства, материальные, людские и интеллектуальные ресурсы на создание передовой экономики и решение социальных проблем. Можно сказать, что союз с США стал главным вкладом японской внешней политики в реализацию программ модернизации страны. Но этот союз, конечно же, не мог быть равноправным.

Одновременно с Сан-Францисским мирным договором, подписанным 8 сентября 1951 г. и означавшим восстановление суверенитета Японии, между Токио и Вашингтоном был заключен Договор о взаимной безопасности, который ограничивал этот суверенитет. В его преамбуле говорилось, что по вступлении в силу Сан-Францисского мирного договора «Япония не будет располагать эффективными средствами для осуществления своего неотъемлемого права на самооборону, ибо она была разоружена». Поэтому «Япония желает, чтобы в качестве временного мероприятия по ее обороне Соединенные Штаты Америки содержали свои вооруженные силы в Японии и вблизи нее для предотвращения вооруженного нападения».

По договору США получали право размещать наземные, воздушные и морские силы в Японии и вблизи нее, которые могли быть использованы для ведения военных операций в целях «поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке», а также по специальной просьбе японского правительства «для подавления крупных военных бунтов и беспорядков в Японии»⁸.

Японские правящие круги, напуганные послевоенным бурным подъемом движения широких слоев населения страны в пользу обеспечения своих социально-экономических прав, не исключали, что им с помощью лишь полицейских сил, которые по разрешению американских оккупационных властей в 1948 г. насчитывали 125 тыс. человек, а также возрождаемых собственных вооруженных сил в форме резервного полицейского корпуса (с октября 1952 г. корпус национальной безопасности в составе 110 тыс. человек,) не удастся удержать внутривнутриполитическую ситуацию под контролем в случае повторения массовых выступлений 1946–1947 гг.

⁷ Ibidem.

⁸ История войны на Тихом океане. М., 1958, т.5, стр.368–370.

Подписанный 19 января 1960 г. японо-американский Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности, представлял собой модернизированный вариант Договора о взаимной безопасности 1951 г. В новом договоре уже не было положения о возможности вмешательства американских войск во внутривнутриполитические события в Японии, что отражало возросшую уверенность правящих кругов контролировать ситуацию в стране. Но главное осталось прежним – вооруженные силы США оставались на японской территории, а нападение на Японию рассматривается как «общая опасность»⁹. Этот договор был заключен сроком на 10 лет с возможной пролонгацией его действия. Он составляет основу японо-американских отношений и в настоящее время.

Под прикрытием военно-политического союза с США Япония шаг за шагом шла по пути создания собственных вооруженных сил. Они получили наименование «силы самообороны», но фактически была создана регулярная армия. США, начиная с 1950 г. стали оказывать Японии военную помощь, включая предоставление на безвозмездной основе вооружений, боевой техники, а также продавать ее отдельные виды.

К концу 1950-х годов Япония уже имела вполне современные и хорошо оснащенные для того времени собственные вооруженные силы. Это было бы невозможно без одобрения со стороны Вашингтона фактического пересмотра положений послевоенной Конституции, запрещавших Японии иметь сухопутные, морские и военно-воздушные силы. То, что новые вооруженные силы именовались «силами самообороны», суть состоявшегося не меняло. Япония стала обладать полноценной армией. Правящие круги получили возможность создать вооруженные силы, доказав свою преданность союзу с США и ценность для Вашингтона Японии не только как политического, но и военного партнера. В то же время сохранялись, как сохраняются и в настоящее время определенные ограничения на оснащение «сил самообороны» рядом наступательных вооружений и на использование вооруженных сил для решения задач коллективной, т. е. совместной с американскими войсками, обороны, а также в операциях за пределами японской территории.

Приняв стратегическое решение в пользу союза с США, Япония оказалась, особенно в эпоху холодной войны, от возможности выбора иного позиционирования страны на мировой арене. Хотя в 1950-х – начале 1960-х годов в левых кругах японского общества выдвигалась идея нейтралитета страны, она всерьез не воспринималась и не рассматривалась. Да и Вашингтон вряд ли бы санкционировал Токио подобную «самостоятельность». Как отмечают американские исследователи, «Соединенные Штаты никогда не позволяли Японии осуществить

⁹ Д. В. Петров. Внешняя политика Японии после Второй мировой войны. М., 1965, с. 250.

свой собственный выбор в отношении какого-либо международного присоединения, что могло бы наилучшим образом отвечать ее национальным интересам, как она их рассматривала»¹⁰.

Жесткая привязка к США поставила японскую дипломатию в незавидное положение. Самостоятельной активности по крупным международным проблемам Токио не проявлял. Не случайно, долгие годы, да и в настоящее время высказывается мнение, что у Японии нет внешней политики, а есть только отношения с Соединенными Штатами. Действительно, сложно вспомнить какие-либо действия японской дипломатии на международной арене, которые не были бы согласованы с Вашингтоном, а тем более шли бы вразрез с его позицией.

Вместе с тем, следует признать, что помимо «военно-ядерного прикрытия» Япония получила от тесного союза с США и немалые экономические выгоды. В 50–60-е годы прошлого столетия Токио как американский союзник заработал весьма значительные средства, выполняя «специальные заказы» для американской армии. Особо крупными они были в период войны на Корейском полуострове, когда в 1951–1953 гг. Япония выполнила заказов, связанных с тыловой поддержкой войск США, на сумму более 2 млрд. долларов. Эти средства направлялись на восстановление промышленного производства и способствовали стремительному развитию металлургии, химической, текстильной промышленности. В то время доля средств, полученных от выполнения «специальных заказов», составила от 30 до 40% в общих поступлениях в бюджет в долларах¹¹.

Развивая широкие торгово-экономические связи с Японией, Вашингтон не в последнюю очередь ставил задачу с их помощью привязать её экономику к американскому рынку и в еще большей степени расширить возможности своего влияния на Японию. В 1950-е годы японские товары, прежде всего изделия легкой и химической промышленности, практически беспрепятственно проникали на американский рынок, что стимулировало рост японской экономики. К концу 1950-х годов 30% её экспорта приходилось на США¹². Напор японский товаров, особенно хлопчатобумажных, на американский рынок стал настолько серьезным, что Вашингтон вынужден был поставить перед своим союзником вопрос о «саморегулировании», т. е. о «добровольном ограничении» поставок. Так начались экономические трения, затем противоречия, а в 70–90-е годы прошлого столетия и «войны», связанные с неуклонно растущим и достигшем огромных размеров – в десятки миллиардов долларов, американским дефицитом в торговле с Японией.

¹⁰ The United States and Japan. N.J., 1966, p. 42–43.

¹¹ Ямамото Сусуму. Токио-Вашингтон. Экономическая дипломатия Японии. М., 1963, с. 72.

¹² Там же, стр. 103.

Вместе с тем американцы, ограничивая поставки на свой рынок определенных товаров, стимулировали развитие в Японии более передовых отраслей производства, продукция которых пользовалась большим спросом у американских потребителей. Причем японские предприниматели довольно свободно закупали в США самые современные технологии, многие из которых еще не были внедрены на американских предприятиях. Можно напомнить, что транзисторные радиоприемники и цветное телевидение были изобретены в США. Но именно японцы первыми вышли с этими товарами на мировой рынок и захватили на нем лидерство. За 25 лет, начиная с 1961 г., японцы заключили в США 32 тыс. контрактов о передаче технологий на общую сумму в 9 млрд. долл.¹³ Надо ли говорить, что прибыль от внедрений этих технологий многократно превысила затраты на их приобретение.

Следует отметить, что поисками и приобретением передовых технологий японцы стали заниматься еще до обретения полной независимости в 1952 г., и это дало значительные результаты. Если в 1950 г. Япония по техническому уровню отставала от США на 20–30 лет, то в 1960 г., благодаря приобретению иностранных, в первую очередь американских лицензий, разрыв сократился до 10–15 лет¹⁴.

Получив доступ на обширный американский рынок, Япония освоила приемы работы на нем. В 1948 г. 64,6% японского импорта и 25,6% экспорта приходилось на США. А в 1962 г. эти показатели составляли уже соответственно 32,1% и 28,5%. Однако для США торговля с Японией не имела такого значения, составляя в 1962 г. только 8,3% импорта и 6,5% экспорта.¹⁶ Доступ на американский рынок стимулировал развитие производства в Японии, однако значительная привязка к нему имела и негативные стороны. Не случайно, появилось высказывание, что «когда американская экономика простужается, японская экономика заболевает двусторонним воспалением легких». Вместе с тем привлекательность американского рынка для японских производителей оставалась настолько высокой, что серьезной диверсификации торговых потоков многие десятилетия не происходило.

После подписания Сан-Францисского мирного договора Япония начала самостоятельную внешнеполитическую деятельность. К моменту вступления договора в силу (апрель 1952 г.) Япония уже имела 21 посольство, 18 миссий, 11 генконсульств, 6 консульств.

В 1950-е годы главное внимание японских дипломатов занимали не политические, а экономические проблемы. С азиатскими странами Япония вела переговоры об урегулировании их репарационных претен-

¹³ А. И. Уткин. США-Япония. Вчера, сегодня, завтра. М., 1971, стр.301.

¹⁴ The United States and Japan.N.J., 1966, p.42–43.

зий за ущерб, нанесенный японскими агрессивными действиями и оккупацией. В отношениях с другими странами стояла задача обеспечить наиболее благоприятные условия для сбыта продукции набравшей темпы промышленности. Одним словом, акцент был сделан на «экономической дипломатии», которая внесла немалый вклад в обеспечение ускоренного развития модернизированной японской экономики.

Согласно Сан-Францисскому мирному договору, Япония обязывалась вступить в переговоры о репарационных платежах с теми странами, которые этого пожелают. Большинство стран, подписавших договор, от репарационных претензий к Японии отказались. В результате Япония заключила соглашения о выплате репараций с Бирмой, Южным Вьетнамом, Южной Кореей, Индонезией, Филиппинами, а также соглашения с Лаосом и Камбоджей о безвозмездной помощи на общую сумму около 1 млрд. долл.

Японским дипломатам удалось сократить сумму репарационных платежей, которую первоначально запрашивали пострадавшие от агрессии страны, но главное объединить вопрос об урегулировании репарационных претензий с развитием двустороннего экономического сотрудничества. Так, первоначально Индонезия требовала выплаты репараций в сумме 8 млрд. долл. Однако по окончательной договоренности Япония обязалась выплатить всего 223 млн. долл., списать индонезийские долги по торговле на сумму 177 млн. долл. и вложить в рамках программы экономического сотрудничества на частной коммерческой основе 400 млн. долл. в развитие экономики Индонезии. Наибольшую сумму – 300 млн. долл. Япония обязалась безвозмездно предоставить Южной Корее в течение 10 лет по соглашению, заключенному в 1965 году.

Причем, заключая договоренности о предоставлении на коммерческой основе займов и кредитов, Япония оговаривала, что они будут осуществляться в форме поставок японских машин и оборудования и услуг, связанных с их установкой и использованием. Таким образом, она обеспечивала для своей промышленности первоначальную базу для долгосрочного экономического проникновения на рынки стран Юго-Восточной Азии, что способствовало решению проблем экономического развития страны.

Например, по соглашению о репарациях с Бирмой Япония должна была выплатить этой стране 200 млн. долларов в виде услуг и поставок промышленных товаров в течение 10 лет. Кроме того, она обязывалась в течение того же срока инвестировать в совместные японо-бирманские предприятия 50 млн. долларов. В специальном приложении к соглашению о репарациях отмечалось, что Япония примет участие в строительстве гидроэлектростанций, металлургических, машиностроительных,

химических и цементных заводов, в восстановлении портов, реконструкции железных дорог, модернизации средств связи.

Подводя итоги, вполне обосновано можно прийти к выводу, что стратегический выбор послевоенного японского руководства в пользу военно-политического союза с США способствовал решению задач политического, экономического и социального переустройства страны, ее модернизации.

Конечно, справедлив и вывод о том, что у японских правящих кругов не было иного выбора. В условиях американской оккупации и все более явно проявившегося раскола мира на два враждующих лагеря даже самые общие размышления о возможной полной самостоятельности и даже нейтралитете после ее окончания представлялись нереалистичными. Для Токио задача состояла в том, чтобы использовать сложившуюся ситуацию в максимально возможной степени в своих национальных интересах. И это было сделано. В исторически краткие сроки страна возродилась в качестве одного из наиболее экономически развитых государств мира с высоким уровнем жизни населения.

Можно немало размышлять на тему той цены, которую пришлось заплатить за этот несомненный успех. Прежде всего об ущербности внешней политики страны в условиях ее зависимости от США. Япония остается маловлиятельным и малоавторитетным государством на мировой арене. Поставленная в конце 1960-х годов цель «обеспечить Японии в мировой политике место, соответствующее ее экономической мощи» не реализована и по настоящее время.

«Доктрина С. Ёсиды» об отношениях с США оказалась удивительно живучей и продолжает лежать в основе японской внешней политики и в настоящее время. И после С. Ёсиды не было ни одного японского премьер-министра, который бы не заявлял о том, что для возглавляемого им правительства «отношения Японии с США являются краеугольным камнем» дипломатической активности. Робкие попытки претендовать «на более равноправные отношения с Вашингтоном» либо решительно пресекались американским партнером, создавшим глубоко эшелонированное проамериканское лобби в Японии, либо достаточно широким кругом деятелей, убежденных в том, что в интересах обеспечения безопасности страны альтернативы японо-американскому военно-политическому союзу не существует. При этом в эпоху «холодной войны» указывалось на «угрозу со стороны могущественного Советского Союза», после его распада появилась «северокорейская угроза», а теперь и «растущая военная мощь Китая».

Для того, чтобы самостоятельно противостоять указанным угрозам, как это очевидно японским политическим, военным и общественным

кругам, потребовалось бы пересмотреть конституцию страны, пойти по пути создания ядерного и ракетного оружия, оснастить «силы самообороны» всем спектром наступательных вооружений. Но даже сторонники такого развития событий признают, что и, обретя полную политическую и военную самостоятельность, страна не сможет гарантировать отражение потенциальных угроз своей безопасности и воспрепятствовать внешнему давлению на ее политический курс. Наращивание военного потенциала было бы неизбежно воспринято неодобрительно в азиатско-тихоокеанских странах, стимулировало бы региональную гонку вооружений, негативно сказалось бы на позициях страны в регионе. Кроме того, очевидно, что раскрутка дебатов по поводу пересмотра конституции могла бы привести к серьезному обострению внутриполитической ситуации в стране, т. к. большинство населения по-прежнему сохраняет приверженность пацифистским настроениям.

Вместе с тем, идея пересмотра «полученной от иностранцев» конституции равно как и перспектива создания собственного ракетно-ядерного оружия присутствуют во внутриполитической повестке дня, то привлекая достаточно серьезное внимание, то затихая в зависимости от изменения военно-стратегической обстановки в прилегающих к японскому архипелагу регионах.

И, наконец, так же как и в первые послевоенные годы, сравнительно небольшие расходы на содержание и развитие вооруженных сил, и в настоящее время помогают Японии не отвлекать значительные средства и усилия от решения экономических и социальных проблем, которые обострились в последние годы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ИМИДЖ ЯПОНИИ: СПОСОБНОСТЬ К ПОЗНАНИЮ И УБЕЖДЕНИЮ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

История японского внешнеполитического имиджмейкинга насчитывает немногим более полутора столетий, но успехи его столь наглядны, что не могут оставить равнодушными к себе исследователей этого удивительного феномена. При этом, период изучения имиджа Японии на порядок короче, чем история самого явления. Неудивительно поэтому, что многие аспекты построения одного из самых ярких внешнеполитических образов в мире остаются в тени, уступая место восхищению едва ли не мистической природой его создания. Особое удивление вызывает замечательное качество образа Японии: его способность к трансформации. В самом деле, сто лет назад наши соотечественники восхищались гейшами и хризантемами, а сейчас – «Тойотой» и синкансэнными.

В европейской литературе в качестве точки отсчета в исследованиях некоторых аспектов японского имиджмейкинга можно отметить книгу голландского исследователя Карела ван Волферена «Загадки японского могущества» с его знаменитой фразой: ««Понимание» Японии стало серьезной экспортной индустрией, финансируемой несколькими компонентами Системы. Однако многие японцы, в особенности те, кто должен представлять свои внутренние интересы на международной арене, ощущают дискомфорт при мысли о том, что они действительно могут быть поняты»¹.

В нашей стране началом аналогичного процесса стоит считать работу основоположника исследования японского имиджа В. Э. Молодякова «Образ Японии»², выход которой полтора десятилетия назад совпал по

¹ Van Wolferen Karel. The Enigma of Japanese Power. People and Politics in a Stateless Nations. L. 1989, p. 14.

² Молодяков В. Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX в. М., Токио, 1996.

времени с началом «бума Японии» и дал толчок соответствующему направлению практического японоведения в России³.

Здесь необходимо заметить, что сама по себе «изучаемость» имиджа Японии далеко не всеми воспринимается как необходимая возможность не только среди японофилов, но и среди части ученых, предпочитающих оставаться в плену владеющих ими образов, не задумываясь об их происхождении, назначении и методах формирования. На их фоне исследователи, пытающиеся анализировать деятельность японских имиджмейкеров в ретроспективе и на современном этапе, к которым автор относит себя⁴ и некоторых других⁵, все еще исчисляются единицами, разделяя, например, в своей практике понятия «имидж» и «образ». Рассматривая различные вопросы политического имиджа, они используют акмеологический подход, основывающийся на том, что «в основе имиджа, прежде всего, лежит активная деятельность субъекта по созданию желаемого образа»⁶. Эта группа авторов отталкивается от того, что идеология и процесс создания внешнеполитического имиджа как сознательно формируемого, эмоционально окрашенного образа, управляемы, познаваемы и подчиняются своим законам. Само же по себе понятие «имидж» при этом имеет смысл употреблять тогда, когда, «во-первых, появляется представление о том, что объект *воспринимается* аудиторией и происходит осознание самого факта восприятия; во-вторых, проявляется *целенаправленность* в формировании образа объекта»⁷.

В таком случае, сложившийся на сегодняшний день внешнеполитический имидж Японии выглядит как многокомпонентный, но разделенный на основные блоки в зависимости от генезиса (эндогенный и экзогенный, стихийный и организованный), продукт сознания и творческой деятельности совершенно конкретных людей – имиджмейкеров. Его восприятие тесно связано с ожиданиями и установками, существующими в мировом сообществе, и согласовано с прогнозируемой реакцией внутри

³ Стоит упомянуть его же: Моделирование образа Японии // Япония: переворачивая страницу, М. 1998; Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007 (в соавторстве с А. Е. Кулановым); Между Японией и миром: «буферы» и «информаторы» // Япония, открытая миру. М. 2007, и др.

⁴ Образы Японии в сегодняшней России: стереотипы и реалии. // Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М. 2004; Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007 (в соавторстве с В. Э. Молодяковым); Между миром и собой: трансформация имиджа Японии в эпоху глобализации. // Глобальные вызовы – японский ответ. М., 2008; Культурная дипломатия: полвека под знаменем ЛДП. // Япония: полвека правления либерал-демократов. М. 2010, и др.

⁵ Например, Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М. 2004; Китай, 1904–1905: русско-японское идейно-пропагандистское противостояние. // *Asta Slavica Japonica* (Саппоро). 2005. vol. 22; Япония на рубеже XIX–XX вв.: технологии создания позитивного образа на Западе – Япония 2009. Ежегодник, и др.

⁶ Политическая имиджелогия, М., 2006, с. 217.

⁷ Там же. С. 37.

страны. Динамика заключается в том, что он, в соответствии с законами имиджелогии, оперативно изменяется в соответствии с новой политической, социальной, экономической либо другой ситуацией. Получается, что та картинка, которую все мы привыкли видеть перед собой и которую привычно называем «образом Японии», полностью ассоциируя с ней в своем сознании реальную страну, на самом деле представляет собой в известном смысле «полуправду», задающую определенные направления для «домысливания» в соответствии с имеющимся у нас социальным опытом⁸. История возникновения и развития этой «полуправды», по сути, и есть история модернизации имиджа Японии, несложного по своей базовой структуре, но постоянно совершенствующегося за счет создания дополнительных, так называемых «вторичных» имиджей.

Вообще, модернизацию имиджа – без его коренной ломки или перестройки – можно признать одной из самых интересных черт, характерных именно для внешнеполитического имиджа Японии. По большому счету, существующий в мире образ этой страны сводится к двум основным компонентам: «живописной Японии» и «желтой опасности» (это так называемые первичные или стержневые имиджи), тесно связанные между собой и взаимодополняющие друг друга. В некоторых регионах, прежде всего, в Европе и США, отчасти и в России, сильна возникшая позже компонента «экономического чуда». Считать ее третьим стержневым имиджем мешает одна особенность. Не обладающая изначально заданным эмоциональным зарядом, эта составляющая способна наполняться им в зависимости от внутренней и внешней политических конъюнктур, и тогда в имидже Страны восходящего солнца вновь возникают оценочные мотивы «страны высоких технологий» или «экономической экспансии», что, по сути и есть упомянутые выше стержневые имиджи. Исключением можно, пожалуй, признать относительно слабо развитые и имеющие малый удельный вес реальных контактов с Японией, страны Центральной и Южной Америк, Африки и Центральной Азии. Не случайно в этих регионах активность японских имиджмейкеров по созданию нового, незамутненного образа своей страны сегодня особенно велика, а перспективы их работы весьма оптимистичны. Но, возвращаясь в более близкие нам районы мира, зададим вопрос: откуда же взялись столь привычные нам образы «милых гейш, цветущей сакуры, величественной Фудзиямы» – с одной стороны, и «мужественных самураев, бушидо, харакири» – с другой, и почему они до сих пор оказывают такое влияние на нас?

Первой акцией японских имиджмейкеров, употребляя их современную терминологию, стало участие в Лондонской всемирной выставке

⁸ Там же. С. 19.

1862 г. – за шесть лет до начала эпохи модернизации страны. Последовавшая за лондонской Парижская выставка 1867–1868 г. развила и упорочила успех. При этом выбор макетов для самопрезентации у японской стороны был настолько невелик, что можно сказать, его не было вовсе: Япония выглядела откровенно отсталой, феодальной страной по сравнению с бурно развивающимися державами Запада. Решение представить на этих выставках свое изобразительное искусство, в первую очередь гравюры укиё-э как показало время, оказалось гениальным. С одной стороны, оно возвращало европейцев в грезы об ушедшей эпохе Возрождения и показывало временно-цивилизационные различия между ними и «дикарями», с другой – возбуждало в самих европейцах тягу к загадочной, почти мифической стране, находящейся где-то на самом краю всегда диковинного Востока. Увлечение японской живописью, подражание мастерам укиё-э стало повальной модой, охватившей к началу XX в. и Россию, не менее падкую на «восточные сказки».

«Сказочников», живописавших Японию в своих романах и путевых очерках, тоже было в достатке – от Пьера Лоти с его «Госпожой Хризантемой» (1887) до Бернгарда Келлермана с его «Страной хризантем» (1910). Впрочем, не только сказочников. Писатели, военные, инженеры – все, кто побывал в Японии, спешили оставить о ней свои воспоминания, до странности похожие друг на друга. По сведениям Д. Б. Павлова в период Мэйдзи (1868–1912) «Японию в общей сложности посетили более тысячи христианских проповедников и несколько сотен профессоров из США и европейских стран»⁹.

Образ «живописной Японии», нарисованный этими «очарованными странниками» быстро – широкими, уверенными мазками, навсегда запечатлелся в неподготовленном сознании европейцев¹⁰. И это был образ прошлого, образ исчезающей, а не возникающей Японии.

О какой-либо модернизации этого образа по отношению к субъекту имиджа речь не шла. Скорее, можно было говорить об «антимодернизации», когда реально существующая страна заменялась симулякром из минимального набора простых стереотипов. Это позволяло заинтересованной стороне домысливать их в приятном для себя направлении, создавая эффект, названный позже «жапонизмом»¹¹. С точки зрения современного

⁹ Павлов Д. Б. Япония на рубеже XIX–XX вв.: технологии создания позитивного образа на Западе. // Япония М., 2009. Ежегодник, с. 237

¹⁰ Подробно: Молодяков В. Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX в. М.-Токио, 1996; Куланов А. Е., Молодяков В. Э. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007.

¹¹ От французского *Le japonisme* – термин, известный с 1872 г. и относившийся первоначально лишь к области изобразительного и прикладного искусств, но позже ставший почти синонимом япономании.

имиджмейкинга, «антимодернизация» прошла блестяще: был создан идеалистический субъект имиджа, удачно попавший в такт ожиданиям аудитории. Полученная субъектом имиджа одобрительная реакция стимулировала его на достраивание если не своих реальных качеств, то других компонент имиджа до соответствия заявленному образцу. Нет ничего более губительного для имиджа, чем откровенная ложь, но имидж способен «вытягивать» за собой страну, делать ее лучше.

Имидж не возникает из ниоткуда, его моделированием занимаются вполне конкретные люди, большинство которых навсегда остаются неизвестными, но некоторые оставляют свое имя в истории. В «стране гейш и хризантем» одним из первых на реакцию европейцев на представленный образ Японии среагировал Окакура Какудзо (1862–1913) – выдающийся публицист и фактически имиджмейкер, открывший эру «великих пиарщиков Японии» и доказавший, что и один человек может сделать очень многое для имиджа страны, если страна ему доверяет и поддерживает его усилия. Выпускник Токийского университета, Окакура блестяще говорил и писал по-английски и, по меткому выражению В. Э. Молодякова, «объединял в себе две традиции, ненавязчиво показывая свое превосходство над теми, кто овладел сокровищами только одной»¹², неизменно облачаясь в путешествиях по Европе и Америке в традиционную японскую одежду. Он внес значительный вклад в развитие того сегмента имиджа Японии, который основывался на ценностях изобразительного и прикладного искусств, написав в 1902 г. на английском языке книгу «Идеалы Востока на примере искусства Японии». В ней Окакура уже в самом названии очень тонко соединил ожидания европейцев от японской культуры и позиционирование своей страны в тот период как вершины азиатской цивилизации, поднявшейся столь высоко, что только прогрессивная Европа могла быть ей под стать. Продолжением этой деятельности стала организация нескольких художественных выставок в США и грандиозная пиар-кампания в Европе и Америке во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Целью кампании стало продвижение идеи о «белом сердце под желтой кожей», о том, что передовая, вестернизированная Япония сражается против олицетворения реакции и архаики старой Европы – России, и это уже была настоящая модернизация имиджа.

Необходимость такой модернизации возникла еще в 1894–1895 гг. в связи с войной Японии против Китая и необходимостью более логичного объяснения политики Токио на Дальнем Востоке. Чуть позже Окакура сформулировал свои тезисы на данную тему в книге «Мы едины»,

¹² Молодяков В. Э. Между Японией и миром: «буферы» и «информаторы» – Япония, открытая миру. М. 2007, с. 68.

опубликованной только в 1938 г, но ставшей основой очередной его англоязычной работы «Пробуждение Японии» (конец 1904 г.). Последняя стала подлинной декларацией японского государственного имиджмейкинга, разъяснявшего «глубинное значение» японского возрождения, а в реальности – попыткой коренной модернизации имиджа: «мы должны радоваться тому, что из всех ее [Азии – А. К.] детей именно нам было позволено доказать, что мы [ее] – достойные наследники...»¹³. Япония презентовала себя как передовое государство мира, видящее себя в одном ряду с ведущими державами, и противостоящее царской России. Однако, такое прочтение, приятное части европейцев в силу сильной во многих странах русофобии, и соответствующее временному контексту, было ошибочно воспринято как направленное почти исключительно против Петербурга. Время показало, что японцы мыслили куда масштабнее, но самое главное – миру официально был явлен второй стержневой имидж – «желтая опасность». Окакура, чьим голосом Япония заявила о своих амбициях, сегодня в этом качестве практически неизвестен. В памяти поколений он сохранился как автор безобидной «Книги о чае» – во многом потому, что у него были талантливые конкуренты. Помимо Окакура к опасности мир готовили другие выдающиеся пропагандисты: американец – Лафкадио Хёрн, и японец, прекрасно понимавший Америку, – Нитобэ Инадзо.

Для нас наибольший интерес представляет деятельность второго из них, т. к. труды Хёрна, хотя и произвели (и производят) большое впечатление на иностранцев, не отличаются значительной глубиной наблюдений и не имеют выраженной имиджеформирующей направленности. Во всяком случае, она в них не доминирует и не является основным направлением приложения сил автора. Этого нельзя сказать о Нитобэ. Специалист по колониальной политике Японии во времена ее расцвета и в годы культа государственного синто (одно время он занимал пост проректора Колониального университета – Такусёку дайгаку), Нитобэ женился на американке и сам был христианином. Столь странное сочетание личных качеств и внешних обстоятельств вкупе с желанием преподнести американцам образ Японии, отличный от «живописной Японии» и объясняющий логичность возникновения и безопасность для окружающих стран броненосцев императорского флота, привели Нитобэ к созданию одного из самых переиздаваемых произведений о Японии в мире. В 1899 г. он написал книгу «Бусидо. Душа Японии» (естественно, по-английски), где путем вписывания ранее мало использующихся элементов в модель уже реализованного образа, привязанного к символам прошлого, создал новый образ. Речь идет о синонимизации самураев и рыцарей,

которую с успехом выполнил Нитобэ в «Бусидо», активно используя прямые, понятные американцам, сравнения и скрытые аллюзии к христианской культуре. Небольшой по объему книгой этот выдающийся человек надолго, если не навсегда, приравнял самураев к рыцарям, а идеи японских воинов – к идеалам западноевропейских героев. Книга произвела фурор в Америке, где ее, по свидетельствам очевидцев, не отрываясь, читал президент Т. Рузвельт. По мнению современного проректора Такусёку дайгаку Кусахара Кацухидэ, «как знать, если бы Рузвельт вовремя не прочитал «Бусидо», он, возможно, не проникся бы такими симпатиями к Японии и не выступил так решительно в ее поддержку»¹⁴. Чем обернулась поддержка Рузвельтом Японии во время русско-японской войны, напоминать не надо.

С помощью таких людей, как Нитобэ и Хёрн, а также благодаря выдающейся пропагандистской роли таких англоязычных японских газет, как «Japan Daily Mail» и «Japan Times» (глубокое исследование их пропагандистской деятельности выполнено Д. Б. Павловым в упоминавшихся работах), имидж Японии накануне, в период и сразу после русско-японской войны претерпел существенную модернизацию, окончательно расщелившись на две уже известные нам составляющие. Однако само по себе окончание войны поставило вопрос о новом подходе к нему в целях смягчения возможного негативного эффекта от оценки возросшей военной мощи Токио. Входить в новый мир, пусть и империалистический, с образом не только «живописной Японии», но и возросшей «желтой опасности» Японии было не с руки. Ставка в очередной модернизации внешнеполитического образа была сделана по принципу «не искать лучшего от хорошего»: на его... консервацию. В этом смысле «обновление» имиджа Японии в первые десятилетия XX в. можно сравнить с консервативной революцией *Мэйдзи Исин*. Японские имиджмейкеры, первое место среди которых теперь по праву занимал Нитобэ, решили приковать внимание иностранцев к уже испытанным в прошлом веке эффектам: чарующей прелести японских красот, вежливости японского народа и благородству японского рыцарства. Некоторой новизной можно признать лишь появление линии на уникальность японской нации, которая существовала и раньше (например, у того же Нитобэ в «Бусидо»), но теперь стала более ярко выраженной и в значительной мере сохраняется в созданном тогда объеме по сей день.

Педалирование уникальности продукта в целях его более успешной продажи – испытанный трюк рекламщиков и маркетологов. Однако в случае с моделированием образа государства он имеет ряд особенно-

¹³ Okakura K. Collected English Writings. Tokyo, vol. 1, 1984, p. 178.

¹⁴ Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобэ Инадзо. // Материалы симпозиума (Москва, 4.10.. 2004). М. 2005, с. 28–29.

стей. Одна из наиболее заметных – смещение акцента уникальности на непознаваемость объекта имиджа. Если при продаже продукта покупателю достаточно убедить, что такого больше ни у кого нет, то при реализации образа покупателю будет приятно думать, что у его интеллектуальных возможностей есть перспективы развития. Оригинальность японской культуры и менталитета создавала, по мнению того же Нитобэ, возможности для более успешного (читай – неазиатского) понимания и реализации передовых достижений человечества (в том числе и азиатских). «Япония больше, чем есть сама по себе. – писал Нитобэ в 1931 г., – Она – Азия и Европа в одном... Такова ее миссия во всемирной истории и ее заслуга перед человечеством»¹⁵.

Со временем Япония отказалась от таких формулировок в официальных документах и высказываний, но ошибочно думать, что талантливо сформулированные национальные идеи (а что это как не они?) можно так просто вычеркнуть из национального сознания. Но, если блестящий проект моделирования так называемого «кодекса Бусидо» как нравственной основы японской нации был для того времени решением эксклюзивным, то прием «Япония в мире больше, чем Япония» явно не дотягивал до этого уровня. Другое дело – уникальность как неспособность неапонцев к более-менее полному пониманию Японии, ее культуры и народа. В существовании такой уникальности японцы убеждены и, надо признать, им удалось навязать это убеждение значительной части реципиентов имиджа их страны на всей планете.

Непонимание (или неполное понимание) является важнейшим фактором создания образа. Если оно сопровождается направлением фантазий объекта имиджа в нужную сторону, то для модератора открываются почти безграничные возможности для манипулирования. И, наоборот, «понимание, если оно вообще возможно, вызывает либо скуку, либо депрессию. Недопонимание заставляет воспринимающего субъекта работать в направлении заданных образцов, утверждая прекрасные иллюзии»¹⁶. В этом смысле «уникальность» японской культуры, не раз выручавшая эту нацию в прошлом, и в наши дни остается одним из главных гарантий ее привлекательности в глазах мирового сообщества.

В первую очередь, это справедливо для неофитов – молодежи, наиболее податливой, в силу различных факторов, к переключению внимания на яркие, экзотические картинки. Нельзя не заметить при этом, что это самое «непонимание» вызывает изумление у специалистов по Японии, видящих страну лучше и глубже, чем те, для кого эта картинка «нарисована». Причем, иногда это изумление принимает самые неожиданные

направления. Так, например, стажировавшийся в Японии в 1908 г. русский военный разведчик и востоковед Н. Н. Стромилов в своей работе «Японец во весь рост» писал: «... мы успели прожить рядом с восточным островным соседом столько лет, успели с ним подружиться, подражаться, опять подружиться и снова, может быть, подеремся, и все-таки не узнаем его, ни как друга, ни как врага»¹⁷, и давал неожиданную иллюстрацию продукта такого незнания: «Деньги, оставляемые регулярно в «волшебной стране» скучающими globe-trotter'ами или тароватыми искателями курортов и другими посетителями, составляют ежегодно порядочную сумму, которая служит не последней статьей государственных ресурсов Японии. В последние годы, перед недавней войной статья эта давала японской казне до 25 миллионов иен в год (сравнить: поземельный налог давал 43 млн., весь бюджет составлял 282 млн.)»¹⁸.

Разница только в эмоциональной оценке, но не в практических подходах. Ныне действующая программа по привлечению в Японию максимального числа иностранных туристов «Ёкосо Джапан» не только не может вызывать удивления, а тем паче осуждения, но и являет собой полезный пример имиджмейкерской и рекламной работы японских специалистов. Более того, для специалистов по кросскультурным коммуникациям само по себе привязывание современного бренда к успешным символам прошлого является проверенным и действенным приемом, дающим возможность без особых маркетинговых рисков создавать «подновленные» позитивные или негативные имиджи целых государств¹⁹. Можно полагать, что японцам одним из первых удалось определить опытно-теоретическим путем, что основой правильного, удачного и эффективного моделирования образа страны является его непрерывная «консервативная модернизация» – регулярное обновление ограниченного числа давно существующих, проверенных стереотипов с целью их внешнего соответствия требованиям времени без попытки нарушения исторических связей в сознании реципиентов.

Важнейшим условием успеха такого моделирования образа является согласованная работа всех частей государственного механизма для поддержания хотя бы внешнего соответствия представляемому образу. В эпоху «позднего Нитобэ», когда Япония открыто взяла курс на военную экспансию на азиатском континенте, это условие не могло быть выполнено. В условиях готовящейся, а затем развязанной войны, усиления Министерства иностранных дел Японии, направленные на формирование впечатления об «исключительно мирном» характере японского

¹⁵ The Works of Inazo Nitobe, vol. 2, p. 104.

¹⁶ Политическая имиджелогия, М., 2006. с. 306.

¹⁷ Стромилов Н. Н. Японец во весь рост (этиюд с натуры). К вопросу о характеристике японцев. СПб. 1909, с. 5.

¹⁸ Там же, с. 11.

¹⁹ Политическая имиджелогия, М., 2006. с.259.

проникновения в Маньчжурию, со стороны выглядели не вполне адекватными реальностями. Более того, в самом внешнеполитическом ведомстве Страны восходящего солнца возникли идеологические разногласия по этому поводу, ставшие вскоре достоянием общественности: министр Сидэхара пытался проводить западническую либеральную линию в описывании намерений Японии в то же самое время, когда глава его департамента информации Сиратори Тосио стал открытым и активным пропагандистом экспансии²⁰. Результатом явился провал официальной пиар-линии Токио в мире, снижение уровня доверия к стране за ее пределами, на которое впоследствии очень удачно наложилась предвоенная антияпонская истерия в Соединенных Штатах.

Положение пытался исправить пришедший на смену Нитобэ посол Японии в США Сайто Хироси – еще один «очаровательный апостол полуправды», как метко окрестил японских пиарщиков американский журналист Хью Байес. Сайто усовершенствовал подходы к созданию имиджа, полностью отказавшись от попыток как-то оправдать ту или иную непопулярную линию в политике Японии, а лишь представлял ее в наиболее позитивном ключе. Он хорошо изучил и перенял многие американские приемы общения с аудиторией, сделав свои коммуникации с ней по-американски деловыми, аргументированными статистическими выкладками и акцентуализацией «отстраненной» ролью информатора, а не агитатора²¹. Одновременно Сайто умело подчеркивал личную заинтересованность в понимании аудиторией «его» идей и мыслей, создавая эффект персональной сопричастности информатора к передаваемым им сведениям. Эта методика навсегда закрепилась в качестве одного из основных приемов у его последователей, и с успехом применяется по сей день: якобы отстраненный взгляд на официальную позицию и тонкая, доверительная интонация японских пиарщиков (особенно на фоне рассказов о «традиционной закрытости японцев») вводит в заблуждение многих оппонентов и раскрывает их для приема нужной информации или дезинформации. Понятно, что в условиях крупных конфликтов этим новациям была грош цена, но имиджевые коммуникации ценны тем, что их уроки можно накапливать и использовать, применив методы консервативной модернизации, после завершения открытых конфликтов.

Окончание Второй мировой войны поставило перед японскими пиарщиками грандиозную задачу, решение которой могло быть эффективным только, если бы было простым и понятным. Лишь демонстрируя максимальную откровенность (неважно – имела ли она место на самом

деле) можно было преодолеть устойчивую антипатию бывших врагов вроде США или Китая (проблема, не решенная до конца до сих пор) и скептицизм стран, менее пострадавших в прошлом и числящихся в перспективных партнерах будущего (к их числу относился и Советский Союз). В рамках необъявленного, но оттого не менее грандиозного, проекта «консервативной модернизации» к решению этой задач были приложены значительные усилия. Базой проекта вновь оказалась «уникальная культура» с «непознаваемой душой» японского народа, Япония как уникальный культурный заповедник не только Азии, но и всего человечества. Эта политика способствовала осуществлению желания страны вновь войти в клуб мировых лидеров, настойчиво пропагандируя разные стороны своей, теперь уже, пацифистской природы, и выгодно затушевывало безрадостно принимаемые Западом растущие экономические амбиции.

Несмотря на то, что и до Второй мировой войны Япония располагала массой обществ, пропагандирующих международные культурные связи в разных направлениях и на различных уровнях, после войны процесс кросскультурных имиджевых коммуникаций получил строгое административное руководство. Кросскультурные и имиджевые коммуникации имеют сходный характер, основа которого – «*намеренный*», а зачастую и *сознательно проектируемый* процесс обмена информацией, рассчитанный на то, что получатель сообщения интерпретирует его содержание и будет реагировать на него ожидаемым образом, т. е. оба вида коммуникации рассчитаны на *контролируемый результат*²². Блестящее исполнение многими японскими ответственными организациями этой задачи заставляет сожалеть, что этот опыт до сих пор не востребован в должной мере специалистами в области политического пиара в качестве примера для изучения и обучения.

Что же касается конкретных организаций, которые отлично зарекомендовали себя на имиджевой ниве, то, конечно, речь идет прежде всего о МИД Японии. В 1951 г. в его структуре был выделен Департамент информации и культуры (с 1964 г. отдел культурных мероприятий), а с 1953 г. была возобновлена деятельность различных обществ по пропаганде японской культуры за рубежом. В 1972 г. произошло важнейшее событие: был создан Фонд международных обменов (Кокусай корю кикин или Японский фонд) – один из крупнейших культурных инвесторов и проводников «мягкой силы» в мире²³.

Если же говорить о конкретных личностях, то в эпоху взлета экономического могущества Японии и обострения ее экономических проти-

²⁰ Подробнее: Сиратори Т. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии. 1933–1945. М., 2006.

²¹ Молодяков В. Э. Между Японией и миром: «буферы» и «информаторы» – Япония, открытая миру. М. 2007, с. 81–83.

²² Политическая имиджелогия, М., 2006. с. 259.

²³ Подробнее: Куланов А. Е., Культурная дипломатия Японии // Внешняя политика Японии: история и современность. М. 208, с. 288–291.

воречий с Западом новым двигателем внешнеполитического пиара страны стал крупный ученый Окита Сабура – имиджмейкер, тяготевший в своих исследованиях к экономике и тем самым как нельзя лучше подходивший для исполнения своей роли в эпоху становления послевоенной Японии. «По мере продвижения вверх по официальным и неофициальным лестницам политической элиты и приобретения международной известности Окита все чаще выступал рупором правящих кругов по вопросам мировой экономики. Он же «объяснял» миру достижения Японии, относившиеся, прежде всего, к экономической сфере»²⁴. При Окита в обиход, пока еще очень робко и только среди специалистов, входит выражение, использованное им для одной из статей в журнал о внешней политике: «Тихая сила Японии». Этот момент можно считать поворотным: отныне «тихая» или «мягкая сила» становится одним из важнейших направлений японской внешней политики, даже если о ней ничего не говорится вслух.

Хотя сам Окита не был поклонником тезиса об «уникальности», он все же оставался проводником идеи преимуществ традиционной японской системы менеджмента и производства. В 1970–1980-е гг., когда преимущества японского способа производства представлялись очевидными, такая позиция казалась если не передовой, то, во всяком случае, единственно верной. «Проколы» казались мелкими: то президент Франции назовет японцев «экономическими животными», а премьера страны – «торговцем транзисторами», то американцы потребуют от Токио «добровольного ограничения экспорта».

На самом деле, очевидной оказалась послевоенная слабость первого стержневого имиджа – «живописной Японии». Второй образ – «желтая опасность» претерпел радикальную модернизацию на Западе, где в руках самурая *катана* сменилась сначала калькулятором, а потом все более сложным электронным девайсом, а планы вооруженного захвата Азии – экономическим захватом мира. Резкие выступления Окита и других пиарщиков против этого мнения если что-то и меняли, то только в худшую сторону. Японские топ-менеджеры и советники крупных западных корпораций едва ли не поголовно стали авторами трудов по менеджменту, объясняющих причины и безопасность для других стран японского экономического могущества. Но наибольшем спросом на Западе все равно пользовались поделки вроде очередного переложения на современный язык самурайских трактатов «Будо Сёсинсю» и «Хагакурэ», где слово «самурай» заменялось на «сотрудник», а «даймё» на «начальник отдела». Это естественно: имидж самураев был прост и

привычен, а образ трудолюбивого и миролюбивого клерка оказался сложнее и выливался в итоге в голливудского японца – непрерывно улыбающегося, щелкающего фотоаппаратом и совершающего массу неосмысленных движений любителя суси. Новый образ был необходим как воздух, но решения пока не находилось – несмотря на массу времени и сил, которых не жалел Японский фонд и другие коллективные проводники между японской и мировой культурами.

Необходимо заметить: как и в случае с постсоветской Россией конца 1990-х, на Западе 1970–1980-х гг. процесс очередной модернизации образа Японии был инициирован с двух сторон. Со стороны поглотителя этой информации он являлся, в массе своей, стихийным, а вот со стороны Токио познавательный импульс принадлежал государству: Япония логично перешла к новой формой имиджмейкинга – культурной дипломатии.

Несмотря на то, что все описанные в настоящей статье процессы можно уверенно отнести к этой области внешнеполитического искусства, сам термин зажил собственной и все более насыщенной жизнью только с 1970-х годов и во многом благодаря Токио. Ныне под культурной дипломатией понимается особый вид информационно-разъяснительной работы государства, осуществляемый через МИД, государственные, квазигосударственные и частные организации и фонды с целью формирования благоприятных условий для достижения политических и экономических целей страны в мире через моделирование ее позитивных образов в общественном сознании других государств. Пиар окончательно стал абсолютно официальным и почетным занятием, а основные направления воздействия «мягкой силы» на оппонентов были четко обозначены:

1) Международные культурные обмены: взаимные визиты представителей общественности, образовательные и спортивные обмены; обмены в области культуры и искусства, между ведущими научными специалистами и деятелями науки и культуры.

2) Связи с общественностью: специальные программы по углублению понимания Японии за рубежом (крупные культурные мероприятия, поддержка туризма и т. п.) анализ зарубежной прессы о Японии²⁵.

Со временем культурная дипломатия становится все более сложным и многопрофильным видом деятельности. Тем не менее, вряд ли было бы справедливо полагать, что происходит это из-за появления каких-то новых хитроумных или особо циничных способов убеждения нужной

²⁴ Молодяков В. Э. Между Японией и миром: «буферы» и «информаторы». // Япония, открытая миру. М. 2007, с. 87.

²⁵ Куланов А. Е., Культурная дипломатия Японии. Внешняя политика Японии: история и современность. М. 2008, с. 278–279.

аудитории в правоте той или иной позиции страны – субъекта имиджа. Нет, проблемы и потребности человека, равно как и возможности его восприятия остаются в целом такими же, как и столетия назад. Другое дело, что меняются коммуникативные возможности. Неизменна география и мало подвержена изменениям геополитика, но меняются временные категории кросскультурных коммуникаций, их техническое обеспечение и возможности их контроля.

С одной стороны, социологические инструменты оценки, анализа и прогнозирования позволяют более точно определять место и время применения «мягкой силы». Перспективно, с точки зрения грамотного применения пропагандистских усилий, воздействовать на менее интеллектуально развитые, а значит, значительно более многочисленные слои молодежи или «офисного планктона». С другой, расширились возможности понимания Японии за рубежом. В оценках причин японского успеха на международной арене все более распространенным становится акмеологический подход, стимулом для развития которого стал кризис 1991 г. в Японии. Кстати, примерно в это время была написана книга «Загадка японского могущества», и вот еще одна известная цитата оттуда: «Если эта книга явит собой довольно мрачную картину, то по той причине, что большинство более приятных аспектов Японии, таких как ее искусства, горячие ванны и дружелюбность народа, не являлись предметами описания»²⁶. Естественно, что для того, чтобы указанные фокусные точки становились предметами описания как можно чаще, Токио предпринимал активные усилия в рамках описанных выше направлений культурной дипломатии, включая в нее столь экзотические приемы, как, например, закупка *татами* для оказания помощи афганской федерации *джудо* (кто кроме Токио, знал, что в освобожденном от талибов Афганистане, есть такая федерация?).

Еще в начале 1990-х гг. место Оки на Олимпе токийского имиджмейкинга занял Сакаия Таити. Будучи в прошлом таким же высокопоставленным чиновником, он стал главным (но отнюдь не единственным) информатором иностранцев о путях развития новой – постиндустриальной, а де-факто потребительской Японии. С Т. Сакаия начинается история попыток представления этой страны как общества не только нуждающегося в интеллектуальной революции, но и готового к ней. Кризис показал дальнейшую невозможность столь же успешного развития постиндустриального общества (читай: общества потребления), как это было в эпоху экономического взлета. Да и с образом японца дела обстояли все хуже, несмотря на растущую популярность

«потребительской Японии» – бытовой электроники, автомобилей, японской кухни, чему немало способствовало открытие в 1990-е гг. огромных рынков России и Китая.

В начале 2000-х Токио решил на комплексное решение данной проблемы. Известные «информаторы», такие как Сакаия, специалист по гендерным проблемам Ивао Сумико и глава Совета по содействию культурной дипломатии Аоки Тамоцу наперебой начали информировать мир о:

- 1) Начале популяризации анимэ как отправной точки для понимания японской культуры.
- 2) Существовании потребительского «бренда Японии», основными компонентами которого являются туристические возможности страны и ее уникальная кухня.
- 3) Необходимости восприятия нового образа гражданина этой страны как «классного японца» (Cool Japanese).
- 4) Чуть ли не начинающейся в Японии интеллектуальной революции, что должно избавить ее граждан от стереотипа «винтиков» индустриального государства²⁷.

Механизмы и направления реализации такой масштабной программы очень технологичны. Они подробно расписаны и могут остаться за рамками данной статьи²⁸. Важно отметить, что и здесь в принципе сохраняются два стержневых образа, правда, в радикально измененном виде, что не позволяет более воспринимать японское общество как машину для производства чего бы то ни было потенциально опасного миру.

Все остальное: распылчатые теории «взаимной дружбы и сосуществования», конкретные механизмы рекламирования «японского бренда» вроде пропаганды современной моды или традиционной кухни – детали. Важные, интересные для изучения, показательные, но второстепенные по сравнению со структурой имиджа и великой японской концепцией его консервативной модернизации.

За несколько дней до Великого Восточнояпонского землетрясения 11 марта 2011 г. тогдашний министр иностранных дел Маэхара Сэйдзи заявил на лекции в одном из японских университетов, что «в сфере внешней политики Япония делает ставку на развитие экономической дипломатии и продвижение в мир своего бренда для формирования позитивного имиджа страны. Маэхара сделал акцент на важности нацио-

²⁷ В России этого образа практически не существует. Своеобразие представлений в этой области о Японии характеризуется у нас наличием клише «там все умные».

²⁸ Куланов А. Е. Между миром и собой: трансформация имиджа Японии в эпоху глобализации. // Глобальные вызовы – японский ответ. М., 2008. с. 67–76; Куланов А. Е., Молодяков В. Э. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007. с. 460–478.

²⁶ Van Wolferen Karel. The Enigma of Japanese Power. People and Politics in a Stateless Nations. L. 1989, p. 7.

нального исторического и культурного наследия, сказав: «Сегодня Япония обладает технической мощью и людскими ресурсами благодаря тому, что создали и накопили наши предки». Говоря о «японском бренде», глава внешнеполитического ведомства призвал соотечественников «гордиться такими достижениями, как чистота улиц, высококачественная пища, вежливость и гостеприимство», а также отметил важность пропаганды японской кухни, манга и анимэ для формирования позитивного имиджа страны за рубежом»²⁹.

Землетрясение нанесло тяжелый удар по экономике Японии. Культурная дипломатия Японии может помочь выйти стране из катастрофы обновленной – нужна только очередная модернизация. Нет сомнений в том, что она уже началась.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯПОНИИ

О модернизации Японии достаточно давно ведутся научные споры, отражающие весьма неоднозначные взгляды и подходы исследователей разных стран, как к оценке самого процесса, так и его динамики и особенностей. И эта ситуация вполне оправдана, так как модернизация Японии – явление сложное, многовекторное. Коренная перестройка коснулась не только экономики и политики, но и идеологии, культуры, норм поведения, ценностных ориентаций, обычаев, моды, быта, стиля жизни и т. д.

Культурологи обычно выделяют три основные разновидности процесса заимствования продуктов иной цивилизации. Это – инкультурация – продолжающийся всю жизнь процесс усвоения традиций, обычаев, ценностей и норм родной культуры. Акультурация означает частичное принятие традиций и ценностей чужой культуры. Полное погружение в чужую культуру, когда индивидуум забыл традиции и ценности родной культуры, это ассимиляция. Японская культура всегда обладала удивительным свойством в допустимых пропорциях заимствовать чужую культуру и переосмысливать ее применительно к своим национальным традициям, получая на выходе в значительной степени видоизмененные, полностью адаптированные к национальным потребностям и актуальные для своего времени образцы.

При этом как показывает опыт модернизации Японии, этот процесс происходил в стране не только невероятно быстрыми темпами. Но и что характерно более всего – не под лозунгами отказа от национальной идентичности, а, наоборот, на фоне роста национального самосознания и декларируемой установки на сохранение традиционных ценностей в политике, экономике, культуре и т. д. Вместе с тем исторические факты далеко не всегда свидетельствуют о плавном и бесконфликтном ходе этих глобальных преобразований. Напротив, на протяжении нескольких

²⁹ ИТАР-ТАСС, 7 апреля 2011 г.

десятилетий в обществе продолжало существовать четкое разделение на консервативно настроенный лагерь и сторонников вестернизации. Одни из них считали неоправданной слишком поспешную и резкую смену ценностных ориентаций и отход от национальных культурных традиций, тогда как другие выражали явное неудовлетворение масштабами иностранных заимствований.

В результате этого некогда единое культурное пространство Японии стало раскалываться на более мелкие сектора, отличающиеся друг от друга по ценностным ориентациям, символам, моделям поведения и т. д., которые требовалось как-то вновь объединить воедино в рамках страны. И эту задачу взяла на себя массовая культура, которая определила лицо Японии XX века, и, судя по тенденциям сегодняшнего дня, лишь усилит свои позиции в наступившем столетии.

При этом феномен массовой культуры до сих пор оценивается учеными разных стран далеко неоднозначно. Трудно подвести единый знаменатель под множество точек зрения на истоки и исторические этапы ее формирования, роль в развитии современной цивилизации и т. д. Что касается Японии, то основная часть исследователей усматривает истоки массовой культуры в эпохе Эдо (1603–1868), когда сформировалась и достигла своего расцвета самобытная японская культура, представленная театром *Кабуки*, юмористическими миниатюрами *ёсэ*, гравюрой *укиё-э*, печатной литературной продукцией *кусадзоси*, книжками в картинках *ёмихон* с целой системой поджанров и т. д. При этом главная особенность этой культуры заключается в том, что она не являлась привилегией аристократии, а была достоянием широких слоев городского населения, зачастую являвшегося и ее творцом и ее потребителем и выразителем нового мироощущения жизни и искусства.

Однако этот богатейший пласт японского художественного наследия следует скорее рассматривать как предысторию современной массовой культуры, как исторический прототип, сформировавший ее национальное ядро. По существу же эдоская культура, которую по праву можно отнести к японской буржуазной культуре нового времени, являлась по своему характеру все-таки популярной культурой и только могла претендовать на всеобщность своего охвата.

По-настоящему массовый характер культура приобретает лишь тогда, когда она охватывает срединную часть общества – средний класс, но при этом приобщает к себе и состоятельную элиту, и маргинальные слои, а также тесным образом связана со средствами массовых коммуникаций. А это становится возможным лишь в силу перестройки общественной структуры, вызванной переходом страны на индустриальные рельсы развития, ростом среднего класса, развитием информационных носителей, превращением культуры в средство потребления и т. д.

Поэтому о появлении в Японии массовой культуры в собственном смысле этого слова впервые можно говорить лишь только в связи с модернизацией страны.

Предпосылкой этого процесса выступили массовая миграция населения в города на волне индустриализации и урбанизации, развитие различных общественных движений и объединений, формирование политических партий и их электората, коммерциализация всех сфер бытия и т. д. – все то, что связано с зарождением массового общества. Эти новые общественные перемены влекли за собой изменение ценностных ориентаций людей, их быта, культурных потребностей и т. д., поставив на повестку дня проблему стандартизации социально-культурных установок, интересов и потребностей населения, управления политическим поведением, идеологическими ориентирами, потребительским спросом человека. Это требовало создания канала трансляции знаний, установок и норм широким массам населения, всей нации, что, в принципе, и взяла на себя массовая культура.

Если обратиться к истории современной японской массовой культуры, то четко очерчиваются границы трех основных периодов, практически полностью совпадающих с основными этапами модернизационного процесса. Это – начальный период: конец XIX в. – середина XX в., совпавший с окончанием Второй мировой войны, в течение которого на основе синтеза национальной традиции и иностранных заимствований закладывались основы современной массовой культуры. Следующий период приходится на 1945 г. – конец 1980-х годов и свидетельствует о завершении основного этапа культурной модернизации страны на фоне экономических и технологических успехов страны. И, далее, 1990 – 2010-е гг. характеризуются переходом страны в постиндустриальную или информационную стадию своего развития и появлением нового типа постмодернистской культуры.

С учетом того, что современная массовая культура тесно связана с информационными носителями и во многом определяется техническими и экономическими возможностями своего времени, условным признаком такого деления можно считать появление и распространение тех или иных средств массовых коммуникаций, развитие которых определялось процессом индустриализации японского общества.

Одним из первых шагов культурной модернизации Японии стал быстрый прогресс в издательском деле, в результате чего печать превратилась в важный фактор жизни общества. Японцы быстро освоили европейскую технику современной наборной печати, подвижный металлический шрифт и другие технические премудрости типографского дела. Техника печати быстро прогрессировала, в чем проявляли большую заинтересованность и власти. Станки и другое современное оборудование

ввозились из европейских стран, и по их образцу создавались японские аналоги. В 1875 г. правительством был приглашен на работу итальянский гравер Эдуардо Кыюссоне, с именем которого связано внедрение в производство техники высокой и глубокой печати, выпуск бумажных денег, появление первых художественно выполненных печатных портретов и т. д.. А в 1896 г. появилась трехцветная печать и стала широко применяться для печатания обложек массовых иллюстрированных журналов.

Новый уровень издательского дела привел к активизации периодической печати, которая приобрела огромное значение в политической и культурной жизни страны. Еще до реставрации Мэйдзи в стране выходило несколько газет, но после 1868 г. их число резко возросло. Начиная с «Йокогама майнити симбун» (1870 г.), одна за другой начали появляться ежедневные газеты. Однако вскоре государство стало вводить законодательные и цензурные ограничения, чтобы установить правительственный контроль над печатной продукцией и воспрепятствовать появлению оппозиционных настроений.

И, тем не менее, первые десятилетия после реставрации Мэйдзи по всей Японии продолжали расти число и тиражи газет и журналов самого разного направления, включая и социалистическую печать (журнал для рабочих «Родо сэкай»). В 1874 г. появились газеты, получившие в дальнейшем общенациональный статус – «Йомиури симбун», «Асахи симбун» и др.. А после создания парламента увидели свет «Дзидзи симпо», «Дзию симбун», «Осака Асахи симбун», «Осака Майнити симбун», «Кокумин симбун» и др., популярность которых возросла в кратчайшие сроки. Достаточно сказать, что совместный тираж газет «Осака майнити симбун» и «Осака Асахи симбун» превысил миллион экземпляров, что по меркам того времени представляло достаточно внушительную цифру. На страницах газет велись политические дискуссии, печатались острые публицистические статьи по злободневным проблемам. С новостными колонками соседствовали заметки о последних тенденциях моды и культурных событиях из Нью-Йорка, Парижа, Лондона и т. д.

Вслед за бумом газетной продукции началась эра иллюстрированных журналов, тиражи которых варьировались от 10 тыс. до 100 тыс. экземпляров. Наиболее коммерчески успешным изданием являлся журнал «Кингу». «Самый интересный в Японии!», «Самый многотиражный в Японии!» – с такой броской рекламой вышел в 1926 г. новогодний номер этого издания, тираж которого сразу же превысил полтора миллиона. А с конца 1920-х годов коммерческие издания вышли на новый уровень: теперь они не только отражали вкусы читателей, но и непосредственно формировали их. Популярная литература, статьи о современных нравах печатались наравне с серьезной литературой, общественно-политическими статьями, и границы между ними постепенно стирались.

Так, на страницах журнала «Кайдзо» можно было увидеть и общественно-политические статьи, и развлекательные романы, и произведения модернистов и т. д. Как отмечает исследователь японской литературы Омори Кёко, «игнорировать то, что стояло вне области “чисто литературных” журналов (и кругов) – значит игнорировать большую часть литературной деятельности, проходившей в довоенный период»¹.

Именно массовой прессе – газетам и журналам обязана своим появлением так называемая массовая литература (*тайсю бунгаку*), которая являла собой синтез художественной культуры, обыденного опыта, осмысления истории и популяризации модных философских идей. Путь «общедоступным» романам на страницы газет и журналов проложило произведение Кикиути Кан «Госпожа Жемчужина» (Синдзю Фудзин), ныне относящее к разряду классической литературы. Оно печаталось из номера в номер в газете «Токио нитинити симбун» в октябре 1920 г. и имело большой успех. Воображение читателей было поражено роскошью изображаемой обстановки и занимательностью сюжета. Остро почувствовав читательский спрос на подобного рода занимательное чтение, в котором уже тогда обозначили себя некоторые особенности массового сознания, писатель вскоре переориентировал свое творчество на создание произведений, в основе которых лежали однотипные мелодрамы, одобренные в изрядном количестве элементами романтики, сентиментальности и развлекательности.

В 1923 г. Кикиути Кан создает весьма популярный и сегодня общественно-публицистический журнал «Бунгэй сюндзю» (Литературная летопись), главным редактором которого являлся долгие годы. Страницы своего печатного детища он превратил в арену литературных споров своих современников о новом назначении литературы и воплощал эти идеи в жизнь, собрав вокруг журнала группу своих единомышленников – начинающих талантливых писателей, сразу же включившихся в процесс массового литературного производства. Теперь вся проблема заключалась в поисках путей удешевления издания этой продукции, и они были найдены.

В 1925 – 1930 гг. страну буквально захлестнул бум дешевой массовой литературы – книг стоимостью в одну иену, откуда и пошло в дальнейшем понятие «энпон» (буквально, иеновая книга). Начало этому буму положил выпуск издательством «Кайдзосё» антологии из 63 книг под названием «Сборник произведений современной японской литературы», тираж которой вырос за несколько лет с 200 тыс. до 500 тыс. вопреки прогнозам других издательств, предрекавших скорый крах своему конкуренту. Вся эта печатная продукция ориентировалась на новый средний класс как на своего потенциального потребителя.

¹ Zpu-journal.ru//Moshniaga_massliter...

В результате успеха «общедоступных романов» многие молодые писатели получили признание широких масс читателей. Это – Кумэ Масао, Като Такэо и др. Но особая популярность в эти годы пришлась на исторические романы Ёсикава Эйдзи и нетрадиционные детективы Эдогава Рампо. Любитель всего неординарного и провокационного писатель придумал себе этот броский псевдоним по аналогии с именем и фамилией своего любимого писателя Эдгара По, а своей литературной визитной карточкой сделал жанр «эро-гуро-нансэнсу» (искаженное в японском произношении сочетание слов «эротика», «гротеск», «нон-сенс»). Вся эта продукция находила большой коммерческий спрос и широко печаталась, как в коммерческих, так и специализированных литературных журналах, в том числе «Синсёсэцу», «Кодан курабу», «Бунгэй курабу» и др.

Возможно, правы те историки японской литературы, которые указывают на то, что «по мере распространения моды на “общедоступный роман” в нем все больше проявлялось стремление угодить невзыскательным вкусам»². Но вместе с тем, те же авторы не могут не признать, что «эта литература способствовала повышению культурного уровня широких читательских масс»³.

Наряду с массовой литературой другим феноменом японской массовой печати стали комиксы – *манга*, которыми в то время буквально изобиловали японские газеты и журналы. На 1920-е годы приходится основной период поиска места комиксов в системе японской культуры нового времени. Огромное влияние на их развитие оказали европейская карикатура и американские комиксы, ставшие известными в Японии во второй половине XIX в.. Многие западные образцы переводились и перерисовывались для японского читателя. Восприняв саму идею комиксов, местные художники пошли по пути их адаптации к традициям национальной живописи (свитковая живопись *эмаки*, популярные книжки *кибёси*, гравюра *укиё-э* и т. д.), зародившихся еще задолго до того, как на Западе возникла культура комиксов.

По своим художественным особенностям *манга* является прямым аналогом русского лубка, традиции которого в современной России, к сожалению, практически забыты, так же, впрочем, как навсегда канули в вечность житийные тексты и многое другое. И этот факт еще раз наводит на размышление о том, что, забывая свое духовное наследие, российская культура часто утрачивала «кумулятивный момент развития, момент эволюционного переваривания нового, заимствованного. Трансформация становится не конструктивной, а каждый раз создается

что-то радикально новое на разрушенном месте. Возрастание традиции заменяется революционным преобразованиями»⁴.

В Японии же, напротив, именно богатство традиций, духовный опыт практически всегда определяли восприимчивость и одновременно устойчивость японского общества, интенсивную динамику его развития. Возможно, этим и объясняется потрясающая способность японской культуры к освоению и перевариванию опыта других народов с сохранением собственного своеобразия и целостности, поскольку сохраняется главная линия, внутренний стержень. И японские комиксы – *манга* – наглядный пример такой сложной, но последовательной художественной эволюции.

Первым собственно японским «серийным» комиксом с постоянными героями (правда, созданным с ориентацией на американские образцы) стал юмористический цветной комикс Р. Китадзава «Тагосаку и Макубэ осматривают Токио» (Тагосаку то Макубэ-то Токё кэнгаку), который начал издаваться в 1902 г. в журнале «Дзидзи манга». Китадзава прославился тем, что одинаково хорошо рисовал и в европейской, и в японской манере. В 1905 г. он начал издавать свой собственный юмористический журнал «Токио пакку», вскоре приобретя большое число поклонников, как среди художников жанра *манга*, так и среди издателей *манга*-периодики.

Уже в начале века в Японии начали появляться и первые детские комиксы. И в этой связи следует упомянуть три журнала издательства «Коданся» – «Сёнэн Курабу» (с 1914г.), «Сёдзё Курабу» (с 1923 г.) и «Ёнэн Курабу» (с 1923 г.), соответственно для мальчиков, девочек и малышей.

Период Тайсё (1912–1926 гг.) был отмечен ростом популярности газетных комиксов. Почувствовав свободу, японские художники стали активно экспериментировать с иностранными графическими стилями, придавая своим работам все более яркую политическую окраску. Тогда всенародное признание получил художник Окамото Иппэй, прославившийся, в первую очередь, как политический карикатурист, довольно остро откликавшийся на события дня. В течение ряда лет он вел специальную колонку в газете «Асахи», а с 1923 г. перешел к выпуску еженедельного приложения к газете, сначала печатавшее адаптации американских комикс-серий, а затем и оригинальные комиксы в американском стиле. При этом в Японии, в отличие от США и других стран, почти сразу же наиболее популярные комиксы начали собирать и издавать в виде книг.

² История современной японской литературы. М., 1961, с. 218–210.

³ Там же.

⁴ О. Ю. Бирическая. Массовая культура России и Японии: сравнительный ценностно-смысловой анализ. -Вестник ТГПН. 2006. Выпуск 7 (58). Серия: Гуманитарные науки, с. 88.

Первым популярным японским комиксом нового поколения стал серийный четырехрисуночный (т. е. каждый выпуск состоял из четырех рисунков, рассказывающих одну небольшую историю) «Неунывающий папаша» (Нонкина отосан) Асо Ютака, созданный в 1924 г. для газеты «Хоти» специально, чтобы поднять настроение подстрадавшим в страшном землетрясении 1923 г. В основном же японская публика в те годы увлекались комедийными и сатирическими сюжетами, в которых изображалось и высмеивалось современное общество.

Когда же в первое десятилетие эпохи Сёва (1926–1939 гг.) Японию охватила экономическая депрессия, особую популярность приобрело направление *манга* под названием уже известным по литературе «*эро-гуро-нансэнсу*», далекое от политики и жизненных проблем. Это были своего рода рисованные анекдоты, которые создавались на потребу незыскательным вкусам массового читателя.

Принято считать, что *манга* мало чем отличается от обычных медиа и находится где-то в промежутке между кино, литературой, телевидением и т. д. Время телевидения наступит намного позже, но вот его предвестник – радио стало входить в жизнь и быт японцев, начиная с 1925 г. При этом в Японии в сравнении с другими странами опоздали с широким внедрением этого нового масс-медиа в жизнь практически на 5 лет, как по причинам технологического, так чисто экономического характера. Японская инженерная мысль тогда еще заметно отставала от западных изобретений, и новую аппаратуру приходилось закупать у иностранных фирм, на что требовалось немало средств. Еще большие финансовые вложения влекло за собой содержание и развитие сети радиостанций на территории всей страны. Из-за недостатка государственных средств на эти цели, в практику была введена система абонентской платы. Однако государство, переложив решение финансовых проблем на плечи пользователей радио, оставило за собой право цензуры новостей и программ, выходящих в эфир. Уже через год в Японии появилась крупная полугосударственная радиоккомпания «Эн-Эйч-Кэй», которая впоследствии объединила под одной крышей и телевизионные мощности.

Однако довоенные мощности национального радиовещания и его влияние на умы японцев не могли идти в сравнение с силой воздействия кинематографа, появление которого наряду с фотографией, грамфонной записью и т. д. стало основой массовой культуры, составив серьезную конкуренцию газетам и журналам. Японский кинематограф не только продолжил разработку идейных задач, экономических и организационных методов, начатую массовой печатью, но и определил рекламно-пропагандистские и коммерческие цели производства уже непосредственно художественного материала. Он заложил фундамент

эстетических принципов массовой культуры, контуры которых только намечались в те годы.

С так называемыми «движущимися картинками» Япония познакомилась почти одновременно с Европой и Америкой. Киноаппараты Эдисона и братьев Люмьер здесь появились в 1906 г., а первые видовые, а затем игровые фильмы вышли на экран через три года после этого. Кино как совершенно новый и незнакомый для японцев жанр искусства трудно, но последовательно завоевывал популярность благодаря активному проникновению в страну европейских и американских фильмов. Знакомство с западным кинематографом во многом обогатило культуру довоенной Японии, оказало огромное влияние на повседневную жизнь, быт, нравы, вкусы японцев, жадно и стремительно осваивавших в эти годы западную цивилизацию.

Причем, большей части населения более всего импонировали типично американские ленты – продукция прославленной «фабрики грез»: их свободный дух, изображаемая в них любовь, оптимизм и неизменно счастливый конец. Все это представляло резкий контраст с мрачными по своей тональности европейскими картинами тех лет и трагическими развязками японских фильмов⁵. Что касается советских лент, то знакомство с нашим кинематографом в те годы ограничивалось в основном профессиональной средой, где имя Сергея Эйзенштейна сразу же стало культовым. Правда, сами ленты великого мастера были запрещены для широкого показа по идеологическим соображениям.

В 1920-е годы Япония приступила к производству национальной кинопродукции: ежегодно на экраны страны выходило около десятка отечественных фильмов, главным образом, в наиболее массовых жанрах: мелодрама, детектив, комедия и т. д., созданных в стиле абсолютного подражания Западу. Но среди довоенных лент были и работы Мидзогути Кэндзи, считающиеся вершиной реализма в японском кино, и ленты Кинугаса Тэйносукэ, работавшего на стыке европейского художественного опыта и традиций национального театра. Любитель всего нового Кинугаса, используя принципы монтажа Эйзенштейна, снял первым японский звуковой исторический фильм.

Но все-таки отличительной чертой японских фильмов довоенного времени являлась их ориентация исключительно на национальный менталитет массового зрителя. Воспитанные преимущественно на образцах традиционного театра, классической литературы и национального изобразительного искусства, режиссеры и актеры оказались во власти веками культивировавшихся в обществе средневековых художественных канонов. По существу, большинство из созданных в эти годы японских

⁵ Сато Тадао. Кино Японии. М., 1988. с. 22–24.

фильмов представляли собой не что иное, как киноверсии сюжетов, приемов и образов исторической драмы *дзидайгэки* любимого японцами театра Кабуки.

Невольно возникает вопрос: почему в процессе становления массовой культуры в Японии историческая тематика приобрела столь широкий спрос у населения страны, как в литературе, так и в кино. Ответ далеко не прост, хотя сразу же возникает ряд предположений. Отчасти, возможно потому, что самурайские поединки и звон мечей близки сердцу японцев. Можно также предположить, что пережитки феодальных времен оказались довольно стойкими, тогда как в послемэйдзийской действительности массовый зритель или читатель не нашел подходящего объекта для воплощения своих романтических идеалов.

Как отмечает известный японский литературовед Одзаки Хоцуки, «...процесс модернизации в Японии запаздывал, страна брала за образец модернизированные общества Запада, стремясь догнать и перегнать их и в этом своем рвении следующей по важности задачей считала усвоение критического взгляда на традиции... В результате лучшие достижения культуры и искусства периода Эдо, то есть позднего средневековья, – такие, как театр Кабуки, традиционные устные рассказы, исполнение комических анекдотов *ракуго* и др., – перед лицом Запада были сочтены неподобающими, представляющими невысокий уровень культуры. Но именно эти традиции, теперь ограниченные рамками низших социальных слоев, стали вызывать ностальгию, особенно усилившуюся после Великого Кантоского землетрясения, когда облик старого Эдо был разом окончательно утрачен⁶.

Сначала возрождение традиций носило в значительной степени искаженный и упрощенный характер, однако в дальнейшем под оболочкой старины стали все четче проступать очертания современных проблем и явлений действительности. Дело в том, что в процессе культурного развития меняется положение и роль самих традиций: они во многом ассимилируются массовой культурой. Одновременно с этим возникают и культурные инновации, всегда сопровождавшие все успешные модернизации XX века, и новые культурные феномены, цель которых состояла в утверждении культурной самоидентичности страны.

Культурная модернизация породила во многих странах и новые философские концепции (например, религия *хиндута* в Индии) и даже новые виды спорта (таэквондо в Южной Корее). В Японии же это были новые жанры в искусстве, к числу которых, в первую очередь, следует отнести *анимэ*, впоследствии ставшей визитной карточкой страны. Днем рождения рисованной мультипликации в Европе считается 30 августа

1877 г., когда было запатентовано изобретение француза Эмиля Рено – оптический прибор, позволявший видеть следование друг за другом нескольких рисунков как плавное движение. Первую графическую ленту Эмиль Рено показал в Париже 28 октября 1892 г. В Японии же первый эксперимент с рисованным кино произошел в 1907 г. и состоял из полусотни кадров, изображение на которых было нанесено художником – кистью на целлулоид. Киносюжет длился всего 3 секунды и заключался в том, что мальчик в матросском костюмчике писал мелом на доске слова «*кацудо сясин*» – «движущие фотографии». Все, что последовало вслед за этим событием, являлось ни чем иным, как подражанием работам американских и европейских мультипликаторов. О японском происхождении первых лент свидетельствуют лишь робкие намеки на национальную одежду и прически рисованных персонажей, однако ни один из этих фильмов не сохранился до наших дней.

Не вдаваясь в подробности истории развития довоенной японской анимации, следует сказать, что многие местные художники много и достаточно успешно экспериментировали с анимационной техникой, стараясь найти свой индивидуальный творческий стиль. Так, один из ярких представителей первого поколения аниматоров Китаяма Сэйтаро вначале создавал свои рисунки при помощи мела и доски, а позже стал работать с вырезанными из бумаги фигурами, снятыми на заранее подготовленном фоне. Правда, его собственная кинокомпания «Китаема эйга сэйсакудзё» просуществовала сравнительно недолго и была уничтожена во время землетрясения 1923 г. Но многочисленные ученики, работавшие с ним на этой студии, продолжили свои собственные творческие эксперименты. Главное, к чему стремились экспериментаторы, – это хоть на шаг приблизиться к уровню своих зарубежных кумиров – Уолта Диснея, а также братьев Флейшер, что на том этапе развития японских анимационных технологий, в условиях отсутствия мощной производственной базы, источников финансирования и профессиональных навыков, могло показаться лишь несбыточной мечтой.

И, тем не менее, постепенно их работы в силу своей простоты и понятности, не требовавшие даже элементарной грамотности для своего восприятия, оказались востребованными обществом. На первых порах их стали использовать как учебный материал для школ. В связи с этим Министерство образования Японии выделило средства на поддержку этого нового жанра. Впрочем, сфера применения этих лент не ограничивалась лишь образовательными целями. Со временем потребность в подобного рода фильмах появилась и в сфере науки, рекламы и даже в политической жизни. А затем, в особенности в предвоенные и военные годы, *анимэ* превратилось в мощное средство пропаганды и агитации по воспитанию патриотизма и национализма среди молодежи.

⁶ <http://ru-jp.org>

Однако предвоенная японская анимация, так же, как и игровое кино, и другие жанры массовой культуры на несколько десятилетий отставали в своем развитии от Запада. Точно также вплоть до середины XX века культурная модернизация в Японии осуществлялась куда более медленными темпами, чем политические, технологические и социально-экономические преобразования в стране. И о завершении основного этапа формирования современной массовой культуры в Японии можно говорить только в послевоенный период, когда вместе с экономическим и политическим возрождением и стремительным развитием страны были созданы основы современной культурной индустрии.

Нет ничего удивительного в том, что за основу была взята культурная модель США – страны, считающейся родиной массовой культуры. Тем более, что американские образцы в условиях оккупации внедрялись повсеместно, преобразуя буквально всю страну по сценарию США. Эта ситуация побудила ряд историков культуры, а также деятелей современного искусства к признанию того, что поражение Японии во Второй мировой войне привело японцев к потере национальной самоидентификации, а современная массовая культура практически списана с американской и является «вторичной» по отношению к ней.

«Страны-победительницы смогли сделать главенствующей свою культуру, а мы вынуждены были порвать связи со своим прошлым и создать нечто совершенно новое», – заявляет лидер японского нео-поп-арта Мураками Такаси⁷. И далее: «Япония проиграла войну, и все последующие 20 лет после этого наше искусство находилось в крайне печальном состоянии. Все было разрушено и доведено до нищеты. Но, с другой стороны Америка, которая выиграла эту войну, стала лидером мировой культуры. Так родилась поп-культура. Мы, японцы, жаждали этой поп-культуры, но мы были не в состоянии предоставить экономическую базу, необходимую для ее расцвета. Как результат – в силу сложившихся обстоятельств выделилась более дешевая и все же доставляющая радость культура – своеобразная форма минимализма в индустрии развлечений...», – утверждает он⁸.

Однако, как показывает опыт той же Японии, само по себе иностранное вмешательство не способно обеспечить успешное продвижение культурной модернизации, если отсутствуют для этого соответствующие внутренние предпосылки. Речь, в первую очередь, идет о наличии необходимой экономической базы развития страны, высокого уровня ее индустриализации и научно-технических достижений, а также объективных социо-культурных предпосылок, созданных в предшествующие

⁷ Самурай от поп-арта.

⁸ Там же.

десятилетия. Дело в том, что к этому времени японская культура, не теряя своего национального ядра, была абсолютно готова к восприятию культурных новаций Запада, с которыми она по существу уже начала знакомиться еще в довоенные годы и уже проделала определенные шаги по их национальной адаптации. Теперь же ей предстояло создать на новой экономической и технологической основе национальный конкурентоспособный культурный продукт, отвечающий духу времени и запросам массового потребителя.

При этом следует обратить внимание на достаточно высокую степень психологической готовности японского общества принять все новое, чему, кстати, содействовала и продуманная государственная информационная политика, стимулировавшая инновационные идеи. И сегодня эта линия остается доминирующей, потому что государство объективно заинтересовано в обеспечении максимального доступа населения ко всему спектру культурных ценностей – как традиционных для Японии, так и практически мгновенно приходящих из внешнего мира в рамках глобализационных процессов.

Показательно, что практически вся послевоенная японская массовая культура вплоть до сегодняшнего дня, связана, прежде всего, с одной из самых быстро развивающихся в эти годы телекоммуникационной сферой: кино, телевидением, анимацией, видео- и компьютерными играми и т. д. А с появлением компьютеров и Интернета она стала по-настоящему массовой на глобальном уровне – доступной широким массам своих потребителей не только в Японии, но и за рубежом.

А всё началось со стремительного прорыва японского кино на мировые экраны и триумфальных побед кинематографистов на международных кинофестивалях. За точку отсчета можно условно принять 1951 г., когда великий Куросава Акира получил главный приз Венецианского кинофестиваля за свою культовую ленту «Расёмон». Затем последовали и другие не менее известные его киношедевры: «Семь самураев», «Под стук трамвайных колес» и др. Однако к этому времени Куросава уже работал в плотной конкурентной среде своих коллег – Мидзогути Кэндзи, Одзу Ясудзиро и других, о которых мир узнал позднее. За десять послевоенных лет Япония превратилась в мировую кинодержаву, пережившую в 1950-е годы свой «золотой век».

Что же способствовало рождению феномена современного японского кино, почти полвека находившегося практически в полной изоляции от внешнего мира? Прежде всего, быстрая трансформация общественного сознания самих японцев под влиянием западных (в первую очередь, американских) фильмов и продуктов западной цивилизации. При этом кардинально менялось не только содержание фильмов, но и структура их производства, подвергшаяся глобальной перестройке по аналогии с

Голливудом. Появилась так называемая «большая шестерка» – шесть крупных киностудий Японии: «Никкацу», «Сётику», «Дайэй», «Тохо», «Тозэй», «Синтохо» и «независимые режиссеры», каждая из которых специализировалась на каком-то одном киножанре: исторической или семейной драме, гангстерских боевиках или комедии. При этом производство фильмов было буквально поставлено на поток: ежегодно выпускалось по 500 лент, что достаточно впечатляет даже по меркам сегодняшнего дня.

Но еще в большей степени коренная революция затронула отношение японцев к этому виду искусства, которое после войны приобрело поистине массовый характер. Кино объединило людей через время и пространство, синхронизируя вкусы и эстетические запросы всех слоев общества. Найденная в кино формула счастья, одновременно делающая большие деньги, оказалась весьма прочной и вскоре распространилась на другие виды массового искусства, и, в первую очередь, на телевидение, которое вскоре расставило свои новые акценты в иерархии жанров массовой культуры.

Если кино создало массового зрителя, то телевидение дало возможность прийти непосредственно до индивидуального потребителя и на протяжении многих лет продолжало играть роль главного объединяющего фактора для всей страны. В феврале 1953 г. телецентр в Токио начал регулярные телепередачи. А в 1963 г. японцы первыми в мире показывали Олимпийские игры в Токио в цветном изображении. В это время в Японии уже работало 54 телекомпаний, ведущих телевизионное вещание по 36 каналам. Японцы оказались самой телесмотрящей нацией в мире. Если в 1954 г. в стране насчитывалось всего 866 телеприемников, то через пять лет их было уже более 2 млн.⁹, а сегодня их количество превышает численность населения страны.

Телевидение с его недельным форматом вещания стало задавать темп работы другим видам массовой информации и, прежде всего, иллюстрированным журналам (*гэккан*), ориентировавшимся на месячный цикл. В 1956 г. вышел в свет первый журнал-еженедельник (*сюкан*). А еще три года спустя – первые детские журналы: «Shonen magazine» (издательство Коданся) и «Shonen Sunday» (издательство Сёгакукан).

В середине 1960-х гг. страна переживала так называемый *манга бум* – бум комиксов, охвативший сначала детские комикс-журналы и к концу десятилетия перекинувшийся на молодежную и взрослую комикс-периодику. Тиражи этих иллюстрированных изданий моментально взлетели с 200-тысячных до миллионных. Но тиражи, как считают знатоки *манга*, – это не единственное мерило популярности издания.

⁹ Япония сегодня. 2007 г., №6, с. 22.

Главный же секрет коммерческого успеха состоит в том, чтобы гибко и оперативно реагировать на запросы своей аудитории, учитывать новейшие веяния в тематике и изобразительной манере. Именно благодаря выбору этой стратегии среди прочей манга-продукции вскоре стал лидировать малобюджетный журнал «Shonen Jump» (издательство Сэйюся), который уже в 1980 г. распространялся тиражом в 3 млн. экземпляров. В 1994 г. этот показатель достиг почти немисливых высот – 6 млн. 200 тыс. экземпляров¹⁰.

Послевоенная японская *манга* – это принципиально отличный от довоенной *манга* новый культурный продукт. Под влиянием американской культуры «в содержании комиксов произошли сильные качественные изменения, соответствующие массовому обществу»¹¹. Они перестали быть только комическими, сатирическими и развлекательными книжками в картинках и стали нести в себе познавательную информацию, освещать актуальные проблемы общества т. д.

Первая революционная идея, посетившая японских художников, состояла в усложнении и развитии сюжетной линии комиксов за счет увеличения их объема до сотен, а то и несколько тысяч страниц и превращения их в настоящие романы в картинках. В результате этого, как указывал известный исследователь и коллекционер *манга* Ё. Ёнэзава: «Со Второй мировой войны они стали важным жанром, в котором целая история рассказывается при помощи рисунков и слов»¹². Более того, кардинальным образом преобразился стиль *манга*, приобретая динамику, характерную лишь для кино: художник как будто последовательно перерисовывал на бумагу кадр за кадром киноплёнки, добиваясь в своей работе кинематографического эффекта. И, наконец, новшества коснулись диверсификации этой печатной продукции, жанровая, возрастная и гендерная направленность которой заметно расширилась. Издательства стали требовать от художников, чтобы те учитывали специфические интересы читателей, создавая свои манга отдельно для детей и взрослых, для мужчин и женщин, для развлечения и передачи серьезной информации, благодаря чему японцы с детских лет и до самой старости сегодня никогда не расстаются с этим жанром.

Следует признать, что такой огромной популярности *манга* японцы во многом обязаны легендарному Осаму Тэдзука, чей секрет успеха, помимо природного таланта, состоял в том, что он «в нужный момент оказался в нужном месте». Некоторые из довоенных художников использовали «кинематографические» приемы в *манга* задолго до Осаму.

¹⁰ Там же, с. 24.

¹¹ Miyao Shigeo. Manga. Tokyo, 1983, p. 1095.

¹² Ёнэзава Ёсихиро. «Страна комиксов». Ниппония, Токио, 1999, №9, с. 26.

Другие в искусстве рисования ни в чем не уступали ему. Просто военная цензура пропускала в печать лишь те произведения, которые носили пропагандистский характер, поднимали военный дух населения. Сказывались и ограничения в использовании бумаги в книгопечатании. Но когда сложилась соответствующая политическая, экономическая и культурная ситуация, на сцене появился Осаму Тэдзука, почти мгновенно взлетевший на пьедестал «бога *манга*».

Еще более решительные преобразования коснулись области молодой японской анимации, являющейся сегодня абсолютным лидером среди прочих жанров массовой культуры не только в Японии, но и в других странах. А ведь сразу же после окончания войны такой невероятный успех японской анимации мог показаться такой же наивной и красивой сказкой, как ленты великого Диснея, целиком и полностью завладевшего японским анимационным рынком. И тут вновь на помощь пришел великий реформатор Осаму Тэдзука, для которого обращение к анимации явилось логичным развитием его таланта как художника *манга* – *мангака*.

Японцы начали от противного, предложив совершенно отличные от американских принципы создания японской анимации. Это – переход к малобюджетным лентам, в которых отсутствие дорогостоящих технических съемок компенсировалось захватывающими фантастическими сюжетами. Экономить старались на всем: детально прорисовывались лишь основные сцены, тогда как связи между ними и менее значимые фрагменты обозначались лишь штрихами и т. д. При этом основное внимание зрителя ловко перемещалось на запоминающиеся милостивые образы самих героев с огромными глазами, созданных на основе сочетания практически несочетаемого: американских киноштампов и японской эстетики. Но, пожалуй, основной ход, предложенный Осаму Тэдзука, – это переориентация анимационного кино от полномасштабного формата, предназначенного для показа на широких экранах, на телевизор. Оптимальной формой для этого стал телесериал, продолжительность каждого выпуска которого не превышала 15 минут. Но зато новую порцию приключений полюбившихся героев японские телезрители целыми семьями с нетерпением ждали каждую неделю.

Этот формат пришелся по вкусу владельцам телекомпаний, так как облегчал составление сетки программ передач, не говоря уже о том, что *анимэ*-сериалы вместе с теледрамами обеспечивали основной приток зрительской аудитории. И, тем не менее, несмотря на триумфальное шествие японского *анимэ* по телевизорам страны, в силу неблагоприятной конъюнктуры 1970-х гг. телевидение потеснило с экранов анимацию, как, впрочем, и игровое кино. Однако, пережив период полного бессилия перед безраздельной властью телевидения, японские анима-

торы вместе с кинопромышленниками в конце 1980-х годов нашли для себя новую нишу. Им на помощь пришла очередная японская техническая новинка – видеомэгнитофоны. Началась эра домашнего кино и семейных кинопросмотров, сделавшая *анимэ* лидером продаж и кинопроката. Заметим, что именно на этот период: конец 1980-х – начало 1990-х гг. приходится «золотой век» *анимэ*. В эти годы громко заявили о себе многие из тех, кого позже назовут классиками этого искусства: Миядзаки Хаяо, Такахата Исао, Масамунэ Сиро и др.

Показательно, что появление новых продуктов массовой культуры почти всегда тесно связано с технологическим прогрессом. Это особенно заметно в Японии, где новые технологические решения практически мгновенно обрастают новым контентным продуктом, в основу которого кладутся именно запросы массового общества. Так появилось целое направление современной массовой культуры – видео-, а затем и компьютерные игры, которые в наши дни являются одним из самых востребованных товаров на рынке культурной продукции. Конец XX века принес в мультипликацию компьютерные технологии и трехмерную графику, и весь мир окончательно перешел на новые цифровые видеоносители – CD, DVD и теперь уже Blu-Ray с его поразительной четкостью изображения. В этой связи достаточно обоснованы предположения, что в скором времени анимационное кино полностью оттеснит игровое, как в свое время кино обошло по популярности театр.

Сегодня наступила эпоха глобальных медиа – Интернета и мобильных коммуникаций с их виртуальной реальностью, с практически неограниченным скоростным режимом передачи информации и резко возросшими возможностями для креативных поисков, с которыми уже не способно конкурировать ни одно печатное издание, будь то общенациональная газета или популярный журнал, ни телевидение, ни, тем более, кино. И Япония, опередив другие страны на несколько десятков лет, смогла гармонично соединить передовую техническую мысль с достижениями отечественной массовой культуры, создав тем самым принципиально новый высокотехнологический культурный продукт, необычайно востребованный в наши дни во многих странах мира. Достаточно сказать, что культурный экспорт Японии, в первых строчках которого значатся анимационные фильмы, комиксы, кинофильмы, компьютерные игры и т. д., сегодня превышает экспорт технологический с точки зрения масштабов целевой аудитории и, соответственно, его идеологического, духовного и прочего влияния на население других стран.

Культура в наши дни заметно модифицируется, приобретая новые формы, и изменяет свою социальную роль в сторону ее дальнейшего возрастания и разнообразия функций. Одновременно с этим меняется и

художественное наполнение японской массовой культуры, которая возникнув в условиях становления индустриального общества, также претерпевает закономерную трансформацию по мере перехода страны из одной социально-экономической системы в другую – постиндустриальную стадию развития. Речь, в первую очередь, идет о резко расширившихся возможностях индивидуума, каждой личности, стать участником процесса создания новых культурных ценностей, а не только быть их потребителем. Ведь большинство создаваемых сегодня продуктов массовой культуры основано на принципах «обратной связи», то есть на соответствии запросам и интересам именно массовой аудитории. Без реализации на практике этого принципа развитие новой постиндустриальной культуры было бы просто невозможным.

Япония в наши дни «оказалась на гребне “третьей революционной волны” в истории человечества, последовавшей за аграрной и промышленной революциями прошлого»¹³. Речь идет о новых реалиях современного мира, который пережил научно-техническую революцию и вступил в постиндустриальную эпоху – эпоху информатизации, компьютеризации, высоких технологий и массового потребления. Эти радикальные перемены нашли свое отражение в новых концепциях общественного и культурного развития, к числу которых относят теории постиндустриального и информационного общества, общества «третьей волны», постмодернизма. И во всех этих теориях Японии в наши дни отводится ведущая роль, а ее опыт становится уже не «дополняющим», а «стержневым».

¹³ Kuroda Yasumasa, Kuroda A. K., Hayashi Chikio, Suzuki Tatsuo. «The end of westernization and the beginning of new modernization in Japan: Attitudinal dynamics of the Japanese, 1953–1983. London, 1987. Vol. 2, №8 p. 18.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ДИАДА «ЛИТЕРАТУРА/ОБЩЕСТВО» В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ

В процессе модернизации литература становится специфическим аспектом общественной жизни. Япония имеет давнюю и высокоразвитую литературную традицию, но после реставрации Мэйдзи она уже не только вид искусства, но и социальный институт, поскольку связь, возникающая между литературой и обществом, даёт возможность исследовать с социологической точки зрения процессы, происходящие в изменении сознания. При рассмотрении диады «литература/общество» одинаково значимы и литературные пристрастия читающей публики, и творчество писателей, и мнение критики, ибо принятие или неприятие ими фактов литературной действительности на самом деле является реакцией на процессы, происходящие в обществе, и может служить характеристикой его состояния.

Процесс модернизации в Японии был своеобразным катализатором, благодаря которому происходила фильтрация японской культуры, выделение в ней того неизменного, что обуславливает национальное своеобразие народа. Именно в этот период во второй раз в истории Японии произошла самоидентификация нации. В первый раз это было в эпоху Хэйан (794–1185), когда и сформировалась самобытная японская культура. В конце IX в. (894 г.) японский императорский двор отменил намечавшееся посольство в Китай, отказавшись признать вассальную зависимость. Контакты с Китаем прекратились на долгое время и в «освобожденной» от внешнего влияния Японии довольно быстро и интенсивно начался процесс становления национальной культуры, проходивший под лозунгом «японский дух-китайские знания» (*вакон-кансай*), провозглашенным поэтом, философом и политическим деятелем Сугавара-но Митидзанэ (845–903). *Вакон* служило в ту пору собирательным понятием для духовных и нравственных ценностей японцев.

Второй раз процесс самоидентификации начался как следствие реформ, проводимых правительством под лозунгом «японский дух-западные

знания» (*вакон-ёсай*)¹, когда модернизация страны стала задачей первоочередной важности.

Во время «второго периода» японская культура испытала мощное воздействие западной, что было причиной появления новых обычаев, моды, литературных и философских течений, слов и понятий. В первые годы модернизации стремление «соответствовать современности» в чем бы то ни было, в культуре в том числе, зачастую означало вестернизацию, и порой отказ от собственного культурного наследия. Это вызывало в определенной части общества протест против «прозападных» веяний в культуре и страх потерять свою самобытность.

Пожалуй, ни в одной стране мира процесс модернизации не был таким противоречивым и многообразным как в Японии, тем не менее «Из всех народов Нового Света японцы единственные, кто полностью воспринял цивилизацию Запада и решил усвоить ее материальные и духовные ценности. Они, не в пример прочим народам, не потеряли свою независимость; им не были навязаны обычаи и нравы победителя; влияние иностранной религии не заставило их собраться в армию под знаменами своих «спасителей душ». Политическая и религиозная свобода – качества независимого народа, каким японцы и вошли в европейский мир, чтобы воспользоваться его идеями»².

Идеи Запада приходили в Японию разными путями и в разном виде. Их доносили члены различных обществ, вроде «Общества политического просвещения» («Сэйкёся»), «Общества определения целей» («Риссися»), «Патриотического общества» («Айкокуся») и др., а также переводная литература.

В 70-е – 80-е годы XIX в. японцев более всего волновали вопросы преобразования общества и книги для перевода выбирались, хотя и случайно, но с предпочтением общественной, социальной проблематики. Одной из первых (1869 г) переведенных была книга английского писателя-моралиста Сэмюэла Смайла (1812 – 1904) «Помощь себе самому» («Selfhelp»). В ней достаточно просто и ясно говорится о нравственных идеалах, к которым должен стремиться каждый человек. По-японски книга называлась «О том, как воспитывают волю на Западе» (*Сайкоку русси хэн*). Затем вышел перевод эссе Джона Стюарта Милля (1806–1873) «О свободе», в котором японцам было предложено рассмотреть невообразимых для них в ту пору вопросов гражданской,

¹ Считается, что этот лозунг был инспирирован призывом политика и мыслителя периода Эдо Сакума Сёдзан (1811?–1864) «Восточная мораль-западная техника» (*тоё-но дотоку, сэйё-но эйдзюцу*), сторонника открытия страны, ратовавшего за изучение западных наук.

² Жан Жак Элизе Реклю (1830 — 1905) — французский географ и историк. Автор много томного произведения «Земля и люди». Цит. по Луи Фредерик. Повседневная жизнь в Японии в эпоху Мэйдзи. М., 2007.

или социальной свободы, сущности и пределов власти, которую общество вправе осуществлять над личностью.

Воспитанным в духе конфуцианской морали «поощрение добра – порицание зла» (*кандзэн-тёакү*) японцам, руководствующимся к тому же регламентирующей взаимоотношения людей в общественной, служебной и личной жизни заповедью «несправедливость — справедливость – закон – власть – Небо»³ (*хи-ри-хо-кэн-тэн*), все эти понятия были новы. Усвоение их осложнялось еще и тем, что в японском языке не всегда находились слова для их адекватного перевода. Совершенно очевидна была необходимость просветительства. Подлинным проводником идей европейской цивилизации в японскую культуру стало «Общество шестого года Мэйдзи» – «Мэйрокуся». Оно было создано уже в 1873 г. представителями образованных кругов Японии, под руководством вернувшегося к этому времени в Японию после нескольких лет учебы в Англии и США политическим и государственным деятелем, дипломатом Мори Аринори (1847–1889). Целью его деятельности стало наряду с обсуждением и изучением различных вопросов, касающихся жизни современной Японии, ознакомление сограждан с достижениями западной цивилизации. Члены общества, видя свой долг в распространении знаний, не ограничивались переводами книг и написанием статей, многие из них открыли свои школы.

Получившие образование на Западе все члены общества, были сторонниками утилитаризма и английского либерализма и придерживались теории естественного права. Это были выдающиеся люди своего времени, вклад которых в просвещение нации трудно переоценить, но у них не было единой программы, и это послужило причиной образования в просветительном движении двух направлений. Одно из них, представленное учеными и общественными деятелями, находившимися на государственной службе и занимавшими ответственные посты, получило название *канрёха*. Это следовало понимать как «просветительство от бюрократии». Представители этого направления придерживаясь курса на «цивилизацию и просвещение» (*буммэй кайка*), проводимого правительством, «отстаивали казенное образование и его централизацию» и полагали, что реформы и преобразования должны проводиться лишь при сохранении абсолютистской власти монарха⁴. Представители оппозиционного направления, так называемые *дзайя* не состояли на государственной службе, и это давало им возможность открыто высказы-

³ *несправедливость – справедливость – закон – власть – Небо* следует понимать как то, что несправедливость подвластна справедливости, справедливость – закону, закон – власти, а власть подчиняется только Законам Неба.

⁴ Подробнее см.: Бугаева Д. П. Японские публицисты конца XIX века. М., 1978.

вать критические замечания по поводу официального курса правительства в вопросах науки и образования.

Вскоре после создания «Мэйрокуся» начало выпускать журнал «Мэйроку-дзасси», выходивший тиражом три тысячи экземпляров. Журнал знакомил читателей с религиозными, морально-философскими и политическими учениями Запада, с историей европейской цивилизации. Первый номер был посвящен реформе японской письменности, поскольку приток новых слов и терминов, как заимствованных из европейских языков, так и заново созданных, явились результатом начала процесса изменения языка. В одном из последующих номеров была опубликована статья Ниси Мэгуру «О латинском алфавите *Ромадзирон*», после чего началось движение за введение латиницы, которое закончилось выработкой транскрипционной системы *ромадзи*, существующей до сих пор. (Одним из результатов изменения языка было произошедшее позднее вытеснение классической письменности новой формой *гэнбунъити*, наиболее приближенной к запросам разговорной речи). На страницах журнала впервые в истории Японии поднимались вопросы о преобразованиях в сфере финансовой политики, о свободе торговли и предпринимательства, о создании представительной системы, а также вызвавшие особенно много разногласий вопросы о положении и правах женщин.

«Глашатаем новой идеологии»⁵ назвал Н. И. Конрад одного из членов «Мэйрокуся» Накамура Масанао (1822–1891), который относился к числу тех, кто, исходя из принципов конфуцианского учения, искал способ гармонизации культур Востока и Запада. Во главу угла он ставил вопросы этики и знание религиозно-философских доктрин, подчеркивал необходимость воспитания в себе здравого смысла и добродетелей. Необходимость глубокого усвоения учений о морали он объяснял тем, что они способны проникнуть туда, куда не проникают точные науки и оказаться действенными в тех случаях, когда науки бессильны. Поэтому учения о морали он считал «орудием полного обновления духа»⁶.

К «Мэйрокуся» принадлежал и вернувшийся из Европы «пророк новой японской буржуазии», по выражению Н. И. Конрада, Фукудзава Юкити (1835–1901), который протестовал как против конфуцианской схоластики, так и против абсолютизации учений, основанных на японском понимании мироустройства, с подчеркиванием уникальности специфически японских элементов в культуре – *вагаку*. К концу XIX в.

⁵ Подробнее см.: Н. И. Конрад. Первый этап японской буржуазной литературы // Японская литература. М., 1974.

⁶ Фудзивара, Мэйдзи кёику сисоси (История педагогической мысли в период Мэйдзи). Цит. по Конрад Н. И. Первый этап японской буржуазной литературы // Японская литература. М., 1974, стр. 403.

противостояние *кангакуся* (сторонников китайской науки) и *вагакуся* (сторонников японской науки) резко обострилось. Но в большей или меньшей степени противоборство существовало всегда. Воспитанный в лоне конфуцианского просвещения, Фукудзава Юкити вскоре отошел от него и целиком посвятил себя «европейским наукам».

Для расширения кругозора японцев Фукудзава прибегал к самым разным способам, вплоть до написания в стихах популярного учебника «Все о странах мира» (*Сэкай куни-дзукуси*), где размером традиционного японского стиха в 5 и 7 слогов излагал основные сведения по географии и истории мира, почерпнутые из европейских учебников. Но гораздо большее значение для модернизации их сознания имела его книга «Описание Запада» (*Сэйёдзидзё*), в которой разъяснялось, что такое избирательное право, банки, почтовая система, воинская повинность, каковы права и обязанности человека как гражданина. Понимая, что в японском языке не всегда можно найти соответствующие европейским понятиям и концепциям слова и выражения, он стал создавать новые слова и выражения, обогатив тем самым японскую лексику.

Фукудзава Юкити считал, что для переустройства общества лучшим орудием являются практические науки (дзицугаку, то есть теми которые с конкретной пользой можно применить), пропагандировал изучение социальных, политических и естественных наук. Неутомимый просветитель Фукудзава Юкити, спустя три года, в 1872 г. начал выпускать серию работ «Призыв к науке» (Гакумон-сусумэ). До 1876 г. было опубликовано 17 выпусков этой серии. Они имели уже не описательный или общеобразовательный характер, а социально-философский. Главная мысль социально-политической философии Фукудзава, пронизывающая всю серию, заключалась в том, что овладение практическими науками – это путь к достижению независимости как личной, так и государственной.

К слову сказать, понятие «философия» было одним из тех многочисленных понятий, которые появились в Японии лишь в период Мэйдзи. Под философией стали понимать учения западных мыслителей, имеющие форму рационально выраженного научного знания. Собственную мировоззренческую и этическую мысль в Японии принято было называть словом *сисо* (букв – сознание, мысль, концепция, идея). Действительно, слово *сисо*, подразумевающее также и религиозное, и экономическое, и политическое, и всякое другое мышление, более точно отражает недифференцированный характер, который имела философская мысль в Японии до начала процесса модернизации.

Весь период Мэйдзи был посвящен изучению достижений философской мысли Запада. В первое десятилетие особенно привлекательными казались позитивизм и утилитаризм, а также эволюционная теория. В

1890-е годы началось освоение немецкой философской мысли, и вскоре это направление стало господствующим. Интересно отметить, что было немало попыток связать учения немецких философов с восточными учениями. Так Иноуэ Тэцудзиро (1854–1944) стремился соединить гегельянство с буддийскими учениями Кэгон и Тэндай по принципу аналогий, а Миякэ Сэцурэй (1860–1945) пытался увязать даосизм Лао-цзы и Чжуан-цзы с философией А. Шопенгауэра. Создателем первого оригинального учения современной Японии был Нисида Китаро (1870–1945), описавший буддийский образ мышления в категориях западной философии. Но это произошло уже в эпоху Тайсё (1912–1926).

Объективно роль и Накамура Масанао, и Фукудзава Юкити в деле просвещения соотечественников неизмеримо велика. Оба считали, что ученым, принадлежавшим к бюрократической среде, не следует брать на себя роль руководителей в движении за цивилизацию, что доводить до народа прогрессивные идеи – долг образованных людей, а понимание национального единства и сохранение уникальности своих традиций и культуры является чрезвычайно важной задачей, выполнение которой не противоречит усвоению и применению достижений западных наук.

Таковы были задачи и идеи, которые волновали образованную часть общества, узнававшую о них из сочинений просветителей. В широкие слои населения по-настоящему они проникли позднее. В те годы простой японец на уровне своего бытового сознания понял лишь то, что мир, к которому он принадлежал, разительно отличался от того, который назывался Западом – *сэйё*, и тогда одежда, которую он носил, стала называться *вафуку*, еда, которую он ел – *васёку* в отличие от западноевропейских одежды *ёфуку* и пищи *ёсёку* (*ва* – японский, *ё* – западный, *сёку* – еда, *фуку* – одежда). На досуге он читал развлекательную литературу *гэсаку*, которая зародилась в предшествующую эпоху Эдо, и резко диссонировала с обстановкой всеобщего обновления, но, судя по воспоминаниям современников, в частности, известного писателя и автора первого в Японии теоретического труда о литературе Цубоути Сёё (1859–1935), имела больший, чем когда-либо успех. Популярность *гэсаку* указывает на то, что в сознании большей части общества еще сильны были пережитки феодального времени, когда литература была призвана лишь забавлять.

Собственной художественной прозы в этот период в Японии не было. Что касается поэзии, от хайку отказались, считая, что в этой форме невозможно выразить мысли и чувства, волнующие современников. Танка, истари воспринимаемая как «песнь богов», сохранила свой статус, но в эти годы танка писали лишь поэты придворной Академии поэзии, стремясь сохранить в поэзии этого жанра преемственную связь с временами её расцвета. Следует подчеркнуть, что танка на протяжении

столетий была вписана в культурный контекст эпохи и всегда отражала изменения в духовной жизни японцев, которые оказывались вехами в становлении национального сознания и мировосприятия.

«Простой народ» читал развлекательную литературу, а образованная часть общества зачитывалась переводами с иностранных языков литературы преимущественно социально-политического содержания, стремясь порвать с феодальным прошлым и обрести гражданские свободы, называя это «европеизацией».

Готовые к восприятию новшеств в силу своей ментальности, японцы жадно знакомились с западными обычаями и пытались приобщиться к ним. Однако у некоторой части общества эти тенденции вызвали чувство протеста. Резко протестовал против всяческого подражания Западу выбранный в Палату пэров в 1890 г., а в прошлом один из основателей «Мэйрокуся» Нисимура Сигэки⁷ (1828–1902). Он был из числа тех, кто во главу угла ставил учения о морали и был убежден в том, что Запад не способен оценить такие японские добродетели как личную выдержку, самоотречение в случае необходимости, умение поддерживать устоявшийся порядок. В 1876 г., когда стали раздаваться призывы к возрождению морали в традиционном японском духе в знак протеста против европеизации, которой подверглись государственные учреждения, он основал Токийскую школу добродетели (Токё сюсин гакуся), которая позднее была переименована в Общество японского пути (Нихон кодокай).

В своей книге «О японской морали» (Нихон дотокү-рон) он говорит о необходимости освободить от занимаемых должностей министров, моральный облик которых не на высоте, так как «когда происходит упадок нравственности в стране и разум теряет цену, становится невозможным вернуть силу нации»⁸. Полагая, что перенесение европейского образа жизни и достижений западной цивилизации на японскую почву без учета особенностей понимания японцами мира и своего места в нем, грозит падением морали, Нисимура призывал критически относиться к сложившейся ситуации и не отвергать ценности, более близкие Японии по духу, чем европейские. Успех книги свидетельствовал не только о протесте части общества против вестернизации, но и о нарождавшемся национализме.

В это же время, особой популярностью пользовалась политическая беллетристика, как наилучшее средство для усвоения знаний. В 1877 г. японцы познакомились с переводом работы Руссо «Об общественном

⁷ Известно, что Нисимура Сигэки в период борьбы за реставрацию императорского правления выступал на стороне сёгуната, но его авторитет как мыслителя и образованного человека был настолько велик, что ему были предложены высокие посты в новом правительстве.

⁸ Цит. по Луи Фредерик. Повседневная жизнь в Японии в эпоху Мэйдзи. М., 2007.

договоре, или принципы Политического права» (Минъякурон). Но японцу, не получившему специального образования, усвоить новые понятия и нормы морали было непросто. Поэтому в те годы наиболее востребованы были в обществе переводы, в которых в простой и доступной форме преподносились политические проблемы и обсуждались способы их решения. Японской художественной литературы, которая отражала бы состояние общества, его интеллектуальные и духовные запросы, и, на которую можно было бы ориентироваться в суждениях об этой эпохе, еще не было. Полноценная художественная литература, ставшая вкладом в мировую литературу, появилась только в начале XX в.

Большой читательский интерес к переводной политической беллетристике послужил причиной возникновения собственно японской политической повести, (*сэйдзи сёсэцу*), которая стала особенно популярна в начале 80-х годов XIX в. Японские политики по примеру Литтона⁹ и Дизраэли¹⁰ обратились к литературе и стали писать политические романы. Однако в условиях стремительно меняющейся действительности у авторов, совсем недавно задумавшихся над подобными проблемами, не было ни накопленного материала, ни опыта, поэтому действие в их повестях происходит не в Японии, а в вымышленных, либо удаленных во времени и в пространстве местах – в древней Греции, например, как в романе Яно Рюкэй (1882), или в Ирландии, как в романе «Удивительные приключения красавицы» (1887 г.)

Высокая востребованность таких романов, художественная ценность которых была весьма сомнительной, да она и не была целью, говорит о том, что, несмотря на несомненный интерес, порой скорее схожий с обыкновенным любопытством, в массе своей широкие слои японского общества не были готовы к восприятию новых проблем и способов постановки социальных вопросов. Поэтому и не было резонанса в обществе, когда в 1885 г. вышел в свет трактат Цубоути Сёё (1859–1935) «Сущность романа» (*Сёсэсу синдзуй*), в котором были изложены реалистические принципы построения литературного произведения, и особо подчеркивалась необходимость проникновения в психологию героя и мотивацию его поступков.

Однако неверным было бы считать, что новаторство Сёё осталось незамеченным. В ответ на его «программный манифест» откликнулся статьей «Общая теория романа» (1886) Фтабатэй Симэй. В ней он утверждал, что объектом литературы должны быть не только чувства, как это было в старые времена, но и жизнь во всем её многообразии. Это

⁹ Эдвард Бульвер-Литтон (1803–1873) – английский писатель и государственный деятель.

¹⁰ Дизраэли Бенджамин (1804–1881) – английский государственный деятель, один из представителей «социального романа».

ставшее аксиомой в Европе понимание задач литературы для Японии было революционным. Но японское общество еще не достигло той степени развития, когда реализм становится ведущим направлением в литературе, и пресытившиеся «социально-политическими» романами читатели вновь с радостью отдавались во власть чувств и переживаний, на которых строились произведения писателей господствовавшего в то время в литературе «Общества друзей тушечницы» – Кэнъюся, возникшего в 1885 г. как реакция на стремление Цубоути Сёё модернизировать прозу. Пафос их произведений будил в читателях тоску по прошлому, по привычному. Им импонировал лозунг «сохранение национальной сущности» (*кокусуй ходзон*), выдвинутый руководителем общества «Кэнъюся», и в приверженности к этой литературе и её создателям они видели свой патриотический долг.

Однако полтора десятка лет модернизации не прошли бесследно, читатель был уже другого уровня. «Друзья тушечницы» понимали, что читателей уже не удовлетворит развлекательная литература *гэсаку*, что литература – это нечто большее, чем средство для скрашивания досуга и, «опираясь на традицию, они внесли в литературу столько новизны, сколько выдерживала ее художественная плоть»¹¹. Но популярность их длилась недолго.

Следует подчеркнуть, что поэтический мир откликнулся на новые веяния еще до появления трактата Цубоути Сёё о прозе. Стартовой точкой был сборник был «Сборник стихов новой формы» (*Синтайсисё*, 1882 г.), в который вошли не только переводы европейских поэтов, но и стихи его составителей, написанные по образцу западной поэзии. Авторы заявляли, что традиционные стихи в духе «цветов, птиц, ветра и луны» (*катёфугэцу*) ни по форме, ни по содержанию не могут выразить мысли и чувства современников, сознание которых отличается от сознания предыдущих поколений, поэтому от традиционных форм поэтических жанров танка и хайку надо отказаться как от не вмещающих в себя содержание, наполненное свободным духом и новыми образами. Читатели сборник не приняли, но в литературном мире разгорелись споры о достоинствах и недостатках новой поэзии.

Подлинными «посредниками» между западной и японской литературой в начале 1890-х годов стали представители романтизма – *романсюги*. Но сам термин представляет собой контаминацию и является одним из примеров словообразования, изобретенного в период модернизации: одна из составляющих представляет собой европейское заимствование (в данном случае – роман), а другая – образовательный суффикс для

¹¹ Подробнее см.: Григорьева Т. П. Литература общества «Кэнъюся» // Японская литература второй половины XIX в. История всемирной литературы: В 8 томах (1983–1994) Т. 7, 1991. стр. 667–670.

выражения понятий «доктрина», «идея», «направление» (*сюги*). Журнал редактировал недавно вернувшийся после пятилетней учебы из Германии Мори Огай, признанный одним из основоположников романтизма. Тяготевший к исторической тематике он обогатил японскую литературу и своими произведениями, в которых большое внимание уделял внутреннему миру человека, что также было для японцев внове.

Воспеваемые романтиками идеалы были созвучны умонастроению японской литературной молодежи, разделявшей идеи свободы и равенства, раскрепощения личности и с готовностью принявшей культ природы и глубоких человеческих чувств. Тяга к романтизму в некотором роде была реакцией на перемены в настроениях японского общества, его разочарование в результатах реставрации Мэйдзи. Многие из романтиков были участниками потерпевшего поражение «движения за свободу и народные права». Искусство, воспевающее романтический идеал свободной личности наиболее соответствовало сложившейся в Японии ситуации.

В стремлении японских романтиков творить в духе романтизма не было подражательства, это уже было сознательное творческое приобщение к мировой культуре. Более всего оно выразилось в понимании Природы, что необходимо подчеркнуть, поскольку понимание соотношения человек – Природа является одним из компонентов, формирующих (наряду с пониманием жизни-смерти, пространства-времени) мировосприятие нации. В отличие от традиционного понимания человеком себя как неотъемлемой части Природы, японские романтики выдвинули на первый план именно человека, неподвластного её диктату. Однако новый взгляд не означал отказа от традиционного лирико-поэтического восприятия природы. Результатом стало использование романтиками в пейзажной лирике равно западных и традиционных средств художественной выразительности, которые приобретали новое звучание. Из всего этого можно сделать вывод о том, что японский романтизм как «эстетическую теорию следует рассматривать как важное явление общественной жизни, как первый шаг на пути становления современной японской культуры¹², несмотря на то, что реальная жизнь лишала их возможности воплотить свои идеалы. Япония готовилась к войне против Китая. На смену лозунгам «цивилизация и просвещение», пришел лозунг «сильная армия – богатая страна». Активизировались националистические настроения, а вслед за ними и интерес к своей старине, к своей культуре, к национальным традициям и стремление возродить их.

Интерес к собственному культурному наследию, подогретый заинтересованностью к нему со стороны Запада, где уже познакомились с

японским искусством на примере произведений, которые в Японии никому не приходило в голову считать достойными внимания, сам по себе носил позитивный характер и был важным фактором, способствующим самоидентификации нации.

Именно в это время стараниями поэта и теоретика Масаока Сики (1867–1902) началось возрождение традиционных поэтических жанров танка и хайку. Его теоретические труды об особенностях этих жанров и их возможностях разорвали цепи устоявшихся поэтических канонов, а поэтические творения самого Масаока Сики обеспечили ему четвертое и последнее место в ряду великих поэтов хайку после Мацуо Басё, Ёса-но Бусона и Кобаяси Иссы. Уже в 1890-е годы он был признанным авторитетом в мире поэзии хайку. Это было время, когда в отличие от чисто внешнего увлечения европеизацией первых лет периода Мэйдзи началось глубокое и всестороннее познание европейской культуры. В Токио была открыта школа изящных искусств, где с лекциями о европейских школах живописи выступал итальянец Антонио Фонтанеджи. Почерпнутые от него знания о методах выбора живописцами объекта для изображения, Сики распространил на литературу и назвал свою теорию *сясэй* (букв. изображать жизнь)¹³, положив начало реалистическому направлению в поэзии национальных форм нового времени. В мире поэзии это равнозначно было революции.

В этой же тональности можно говорить и о поэте танка Ёсано Тэкан, (1837–1935), который так же как Масаока Сики, занимался реформацией этого жанра традиционной поэзии, благодаря чему танка зазвучали в унисон чувствам и настроениям людей нового времени, не утратив при этом своих специфических черт.

Практически заканчивался период ученичества. Японская литература выходила на свою новую дорогу. Уже увидели свет проникнутые тонким психологизмом произведения Нацумэ Сосэки (1867–1916), в которых он говорит о наиболее волнующих японцев проблемах – о борьбе между чувством и долгом, о взаимодействии культур Востока и Запада, о жизни простого человека в новой Японии, о неприятии воинствующего японизма и навязываемого народу представления о специфически японском духе – *Ямато дамасии*. Японцы уже познакомились с настоящей художественной литературой Запада. Особенно «повезло» литературам Германии и скандинавских стран, а также русской, которые переводили талантливейшие писатели и переводчики соответственно Мори Огай и Фтабатэй Симэй.

¹³ Понятие *сясэй*, как и многое другое, заимствовано из эстетики китайской и японской живописи, где оно противопоставлялось понятию *сяи* (китайское *сяи*), что значит «отражать идею», «отражать воображаемое». Сики призывал воспевать не отвлеченные идеи, а прелесть многообразной изменчивости реальной жизни.

¹² Долин А. А. Японский романтизм и становление новой поэзии, М. 1978, стр. 259.

Фтабатэй Симэй перевел И. С. Тургенва, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова. Знакомство с русской литературой не только перевернуло взгляд японцев на назначение литературы, но и на человека, на его внутренний мир, познакомило японцев с приемами раскрытия характера персонажа. Появились свои писатели реалисты – Симадзаки Тосон, Куникада Doppo, Токутоми Рока, познакомивший японцев с Львом Толстым, что также повлияло на весь ход дальнейшего развития японской литературы. Словом, если к началу периода Мэйдзи Япония только вступала на путь развития, уже пройденный передовыми европейскими странами, то уже в начале XX в. литературная жизнь Японии и Запада развивается достаточно синхронно и что главное, эти произведения вызывают интерес у довольно большой аудитории.

Литературное творчество начинает осознаваться как искусство – *бунгэй* (букв. письменное искусство). Слово «искусство» – *гэйдзюцу*, широко употребляемое сегодня, и его понимание также можно считать одним из свидетельств модернизации мышления японцев. В истории японской культуры оно впервые встречается в китайской исторической хронике V в. «Гокандзё». Но его нет в словаре японских архаизмов, и общеупотребительным оно стало в эпоху Мэйдзи, когда его стали использовать для перевода с западных языков понятия «искусство». До этого, если его и употребляли, то в смысле далеком от того, что принято понимать под словом «искусство». Так, например, в известном высказывании Сакума Сёдзан «Восточная мораль-западная техника» о котором говорилось выше, для слова «техника» употреблено *гэйдзюцу*, понимаемое в данном случае, как свидетельствуют японские справочники¹⁴, как «техника, технология, «практические науки», такие как медицина, топография, география, иными словами, знания и умение, которые могут найти практическое применение в жизни. Со временем слово *гэйдзюцу*, закрепилось за «искусством», но в тех случаях, когда речь идет об искусстве в высоком смысле этого слова, японцы, как правило, пользуются английским словом Art.

Причина заключается в том, что японцы в силу особенностей своего философско-поэтического типа мышления, занимаясь искусствами, обретали душевное равновесие и получали импульсы, сопоставимые с теми, какие может дать религиозное прозрение. Результатом приобщения к западной научной мысли в эпоху Мэйдзи стало знакомство с понятием «искусство», что в свою очередь породило вопрос о национальном японском искусстве как компоненте единой национальной культуры, осознание которой является необходимым условием самоидентифика-

ции нации. Проблема понимания национальной культуры с акцентом на национальное искусство была в центре внимания идеологов японского правительства.

Таким образом, в процессе модернизации японцы усвоили понятие «искусство», а усвоив, неистово увлеклись различными эстетическими теориями, популярными на Западе. В среде поэтов и художников, как и многих образованных японцев вообще, искусство как таковое стало предметом поклонения. Заодно был воспринят и западный культ богемы с его преданностью искусству как высшей ценности и красоте, часто ассоциирующийся с аморализмом и «демонизмом» красоты, что не свойственно японской традиции.

В 10-х годах XX в. писатели самых различных направлений много внимания уделяли значению и роли искусства, правда, позиции их были различны. Гуманистически настроенные писатели – неоидалисты группы «Сиракаба» (букв. Белая береза) рассматривали искусство как средство для достижения душевного равновесия и гармонии, представители неоромантизма из группы «Тамби-ха» (Школа эстетов) провозглашавшие приоритет красоты и гедонистическое отношение к жизни, ратовали за «искусство для искусства» – тезис, почерпнутый из западноевропейских теорий. Неореалисты, стремившиеся дать тонкий психологический анализ духовного мира человека, объединившиеся в группу «Сингико-ха» (группа неомастерства) выступали за «искусство против неискусства». Объединяло эти группы стремление противопоставить своё творчество писателям, представляющим течение натурализма в литературе – *сидзэнсюги*, для которого были характерны не осмысление, а простое копирование действительности. Дополняет картину оживленная дискуссия, которая развернулась в обществе вокруг статьи Хомма Хисао «О народном искусстве», опубликованной в журнале «Васэда бунгаку» в 1916 г. В ней говорилось о «необходимости искусства, которое создано народом, для народа и является собственностью народа»¹⁵. В ходе дискуссии зародилось новое направление – «рабочая литература» («родо бунгаку»), положившее начало формированию японской пролетарской литературы.

Японская литература стала отражением изменений, происходивших в обществе. Само существование различных направлений свидетельствовало об этом. Но после волны репрессий, наступивших в результате социальных волнений, часть писателей, представлявших самые различные литературные направления, стремясь устраниваться от действительности, замкнулась в своем творчестве, создавая произведения в жанре эго-

¹⁴ Кокуго дайджитэн (Большой толковый словарь японского языка). Токио, 1981, с. 790 и др.

¹⁵ История современной японской литературы. М., 1961, стр. 229.

беллетристики «*ватакуси сёсэцу*»¹⁶. Произведения эго-беллетристов адресовались узкому кругу читателей, считающих себя элитой.

Как видим, литературная палитра Японии спустя немногим более чем полвека после начала модернизации страны весьма разнообразна. Много в ней свидетельствует об изменении в отношении к миру и к его отражению в литературе, что в свою очередь указывает на то, что к тонкому эмоциональному восприятию, которое всегда характеризовало японцев, добавилось стремление осмыслить происходящее и умение воспринимать мир рационально. Модернизация помогла японцам не только расширить кругозор и увидеть новые грани бытия, но и по-новому взглянуть на самих себя и свою культуру, оценить философские основы своего традиционного искусства и обогатить его новыми жанрами, методами и средствами художественной выразительности.

Однако в условиях ускоренного развития Японии по мере возрастания империалистических амбиций её правителей неизбежно было возникновение националистических тенденций, что привело в предвоенные 30-е и военные 40-е годы XX в. к возвеличению японской культуры и провозглашению особого «специфически японского» начала, понижающего японские традиции, под которыми следовало понимать мировоззрение, образ жизни, нравственные и эстетические ценности народа. В этот период связь между литературой и обществом в Японии приобретает, как это бывает в авторитарных обществах, характер связи между обществом и властью, а уже отсюда — между литературой и властью, впадая в зависимость от цензуры, что стало ключевым моментом в XX в.¹⁷

От всех деятелей культуры, и от писателей в первую очередь, в этот период требовалось, чтобы они своей деятельностью всемерно прославляли неповторимый «японский дух». При этом пропаганда особо подчеркивала, что в основе этого духа лежит «не всемирное, не индивидуальное, не народное, не классовое, а исключительно национальное начало»¹⁸. В 1935 г. Кавабата Ясунари писал в газете «Ёмиури»: «Холодный пот прошибает при мысли, что я являюсь членом японского ПЕН-клуба.... если этот ПЕН-клуб знакомит Запад с нашими литературными произведениями, называя их восточной культурой, остается лишь сокрушаться. Это несерьезный ПЕН-клуб. Собственно говоря,

¹⁶ Японский эго-роман иногда сравнивают с немецким *Ich roman* или с французским *Roman Personnel*. Однако различный подход к действительности, абсолютизация и доведение до абсурда идеи личного опыта, характерные для японского эго-романа, а также генезис романа позволяют говорить о нем как о чисто японском явлении в литературе.

¹⁷ Подробнее см.: Л. Гудков, Б. Дубин, В. Страда. Литература и общество: Введение в социологию литературы. М., 1998.

¹⁸ История современной японской литературы. М., 1961 г. с. 295.

есть ли сегодня в Японии культура и литература, которые следует сохранить? Иностранцы совершенно правильно поняли, что в Японии одни солдаты, а литераторов нет»¹⁹.

Очевидно, что в этих условиях подлинной литературе не дано было развиваться, хотя именно в этом же году были учреждены две литературные премии: одна за произведение серьезной, «чистой» литературы — премии имени Акутагава, другая за массовую — имени Наоки. Однако властями приветствовались и даже пользовались популярностью в массах «литература о крестьянстве» (*номин бунгаку*) и «литература о производстве» (*сэйсан бунга-ку*), служившие целям расширения сельского хозяйства и производства, но не во имя процветания страны, а для успешного ведения агрессивной войны, «литература о большой земле» (*тайти бунгаку*), пропагандировавшая переселение в Китай и освоение пустующих земель. Массовая литература, представленная многочисленными «повествованиями о героях» (*эйю бидан*) и «повестями о женщинах воинственной Японии», прославляла неповторимый «японский дух» и также служила проводником идей милитаризма. Многие писатели в качестве военных корреспондентов от газет и журналов направлялись в действующую армию, где формировались в «отряды воинов пера» (*нэн-бумай*). Из их сообщений родилась «репортажная литература».

Однако было бы ошибкой полагать, что все литераторы смирились или приспособились к создавшимся условиям. Были и не изменившие своим убеждениям, но выражали их в завуалированной форме. В 1940-е годы «убивали молчанием» *мокусацу*, как говорят в Японии, два крупнейших писателя новейшего времени Танидзаки Дзюнъитиро и Кавабата Ясунари. Ситуация изменилась лишь после капитуляции Японии.

Первые годы после окончания Второй мировой войны в Японии называют «медовым месяцем японской демократии». В 1945–1947 гг. снятие цензурных запретов, резкое увеличение числа печатных изданий открыли широкие возможности перед японскими литераторами. Стали выходить в свет произведения, об опубликовании которых во время войны, когда все силы были направлены на прославление Великой Японии, не могло быть и речи. Это способствовало бурному подъему культуры и поиску новых ценностей, что и отражала японская литература, представленная различными течениями. Стремительно стало возрождаться подавленное в 1930-е годы демократическое литературное движение. Уже в декабре 1945 г. было создано Общество новой японской литературы (*Син нихон бунгаку кай*). Среди его членов были известные представители пролетарского литературного движения 1920-х — 1930-х годов — Миямото Юрико, Накано Сигэхару, Токунага Сунао.

¹⁹ Бунгэй токухон (Хрестоматия «Жизнь и творчество Кавабата Ясунари»). Токио, 1977, с. 74.

Эти писатели считали своей задачей пробуждение в обществе чувства гражданской ответственности за войну.

В то же время писатели литературного общества «Сэнго-ха» («Послевоенная группа») заявили об «отделении литературы от политики» и об «ориентации на человека». Имя своему литературному сообществу они дали, заимствовав название литературного направления, возникшего после Второй мировой войны во Франции, – «Après la guerre»

В творчестве японских писателей, в особенности писателей группы «Сэнго-ха», усилились экзистенциалистские тенденции и стремление к углубленному изображению внутреннего мира личности. Им противопоставили своё творчество демократические писатели из Общества новой японской литературы призывавшие к «построению новой жизни». «Спасительными» оказались в этот период для японцев и способствовали формированию в их сознании новых черт работы переводчика французской литературы Ватанабэ Кадзуо (1901–1975), написавшему в трудные военные и послевоенные годы множество книг, статей и эссе о гуманизме эпохи Возрождения. В 1994 г. Оэ Кэндзабуро при вручении ему Нобелевской премии назовет себя учеником и последователем гуманизма Ватанабэ. И таких было немало.

В то же время в кругах творческой интеллигенции различной политической ориентации, словно путь к спасению и реакция на американизацию образа жизни вновь возрастает внимание к своему культурному наследию. Особой популярностью стали пользоваться произведения, где воспевалась чисто национальная и как бы вневременная и внесоциальная специфика японских обычаев и традиций. Таковы были настроения в обществе и, соответственно, основные течения в литературе накануне прихода (1960-е годы) крупнейших современных писателей Абэ Кобо с его поисками человеком собственной идентичности в современном мире и Оэ Кэндзабуро, остро ощущающего «ответственность, которую несет каждый человек перед обществом и миром»²⁰. Их творчество уже выходит за рамки «японское общество – литература», неслучайно оба писателя получили мировую известность.

В 1960-ые годы Япония преодолела основные трудности послевоенного времени, японцы потянулись к радостям жизни и, несмотря на то, что немало создавалось произведений на тему одиночества человека, это время ознаменовалось еще и подлинным бумом массовой развлекательной, военно-мемуарной и детективной литературы и... ностальгией по традиционным обычаям, по своей старине. Если десятилетие назад интерес к культурному наследию возник в среде творческой интеллигенции, то сейчас увлечение национальным стало всеобщим.

20 Оэ Кэндзабуро. Я и мои книги // Литературная газета, 11. 07. 1973.

Закономерным следствием всемерного подчеркивания «традиционно японского» было возникновение вопроса, в чем же оно заключается, что составляет сущность японских традиций? Ответ на этот вопрос дали кинематограф и литература. Но ответ был неоднозначный.

Помимо кинофильмов, восхваляющих верноподданничество и мужество солдат на войне, появилось множество произведений, подобных романам Ёсида Мицуру «Гибель крейсера Ямато» (Сэнкан ямато-но сайго, 1966) и Ёсимура Акира «Крейсер Мусаси» (Сэнкан «Мусаси», 1967), проникнутых военной «романтикой» и воспевающих чувство долга и повиновение, основанные на жизненном кредо времен Токугава «несправедливость – справедливость – закон – власть – Небо», воспитывающем в человеке послушание. «Воинствующему» кинематографу противостояли киноленты классиков японского кино Нарусэ Микио и Одзу Ясудзиро, посвященные жизни их современников.

Реакционная критика объявила демократические завоевания в области культуры подражанием европейской культуре и заявила о необходимости пересмотра роли современной японской литературы в формировании нового общественного сознания (Каваками Тэцутаро), делая упор на воинственности, храбрости, беспощадности к себе во имя долга, доблести самоуничтожения и др., проповедуемые самурайским кодексом чести *бусидо*. Выразителем взглядов тех, кто поэтизирует «мужественную» Японию стал известный писатель новейшего времени Мисима Юкио (1925–1970), сожалевший о том, что «японцы опрометчиво отделили красоту от силы и жестокости, духовное от плотского», и стремившийся к тому, чтобы японцы вернулись «к твердому характеру самурая, каким он предстает в военных повестях средневековья»²¹.

Однако против понимания сущности японской традиции Мисима Юкио как воинствующей мужественности возражал известнейший писатель Кавабата Ясунари, удостоенный в 1968 г. Нобелевской премии «за писательское мастерство, позволяющее тонко и эмоционально выразить суть японской души». Кавабата был убежден в том, что в основе японских традиций лежат идеалы красоты, тонких чувств, мягкость, женственность, стремление к гармонизации всех сторон бытия, характерные для японских традиций, как это явствует из японской классики, созданной на первом этапе самоидентификации нации. Классическую культуру Японии он сравнивал с гроздьё глицинии, «женственной и изысканной на японский манер».

Увлечение национальным, в какой бы форме оно ни проявлялось, равно как и тяжелое наследие войны, не отодвинули на задний план завоевания периода Мэйдзи. Японское общество было уже не то, что

21 Цит. по Рехо К. Современный японский роман. М. 1977. с. 60.

прежде, и «современное» перестало быть синонимом «европейского». Показателем «современности» можно считать то, что японцы стали рассматривать свою культуру в контексте мировой, а не противопоставляя ей.

Этому способствовало и присуждение Нобелевской премии Кавабата Ясунари, писателю-традиционалисту, означавшее всемирное признание японской литературы. Однако в самой Японии это событие было воспринято неоднозначно. В художественном видении мира Кавабата прослеживается преемственная связь с классическим культурным наследием. Высокая оценка данная за рубежом писателю, представляющему миру японскую «традиционность» спустя сто лет после реставрации Мэйдзи, воспринята была определенной частью общества, в которую входили как критики и писатели других направлений, так и читатели, как нежелание Запада замечать, что образ мыслей японцев изменился и более не ограничивается традиционными представлениями о мире, что к лирически-созерцательному отношению к миру добавилось критически – рациональное.

По мере того, как Япония интегрировалась в мировое сообщество и усиливалось взаимовлияние культур, менялся и образ мыслей и жизни японцев, возникала новая по форме и по содержанию литература. Японская литература второй половины 1970-х – начала 80-х годов мало чем отличается от постмодернистских литератур других развитых стран мира: та же игра образами, тот же скучающий или безудержно веселящийся герой, то же балансирование на грани мистики и реальности. Всё это обнаруживается в произведениях авторов, определивших, по мнению японского литературоведа Нумано Мицүёси²², лицо японской литературы этого периода, хотя и не достигших высот Мисима Юкио и Кавабата Ясунари.

Это Мураками Рю, передающий по-японски «тонко и эмоционально» мироощущение молодых людей – жителей небольшого городка, расположенного недалеко от американской военной базы, в романе «Бесконечно, почти прозрачно-голубое», удостоенном одной из самых престижных премий – премии имени Акутагава; и Мураками Харуки, выпустивший роман «Слушай песнь ветра», в котором рассказывается о «скучающей молодежи» на рубеже 1970-х годов, а впоследствии снижавший популярность во всем мире; и Ясуо Танаки, автор изобилующей приметами времени, бытовыми деталями и названиями модных брендов повести «И вдруг хрусталь», стремящийся преодолеть тяжеловесность литературы, задающейся вопросом о смысле жизни; и стоящий во главе японского постмодернизма Такахаси Гэнъитиро, создавший «постмодернистско-авангардистскую поп-литературу».

²² Подробнее см.: Мицүёси Нумано. Не только самураи/Новая японская проза. Он. М., 2001.

Однако это не значит, что японцы утратили традиционное философско-поэтическое видение мира и свойственную им выразительность в передаче эмоциональных нюансов, или отказались от традиционных средств художественной выразительности. В особенности это проявилось в поэзии. Обновленные новыми идеями и образами традиционные поэтические жанры и в XX веке оказались включенными в жизнь японского общества. Знаменательно, что после Второй мировой войны движение за демократическую поэзию опиралось на любителей традиционных жанров поэзии, создававших кружки на фабриках и заводах. А танка по сей день воспринимается обществом как один из символов, объединяющих нацию. Доказательством тому обычай устраивать общенациональные поэтические состязания *утакай*, существующий с самого начала периода модернизации, то есть с 1869 года и вплоть до наших дней. Принять участие в общенациональном турнире может каждый желающий. В начале года на всю страну объявляется какое-либо ключевое слово²³. Стихи направляются в адрес специальной комиссии, которая рассматривает их, а затем в начале следующего года объявляет победителей. Их приглашают в императорский дворец, где профессиональные чтецы читают стихи, сочиненные членами императорской семьи и победителями турнира. Все это транслируется по телевидению и оживленно обсуждается в обществе.

Диада литература/общество в Японии в период модернизации не только служит чрезвычайно ярким и точным отражением процессов, происходящих в обществе, но выявляет также новые и неизменные черты менталитета японцев.

²³ «Словом» 2011 года было объявлено «листва». Стихи были посвящены не только красоте молодой или осеней листвы, но и содержали намёки на экологические проблемы, актуальные для всего человечества. «Слово» 2012 года – «берег».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<i>Герасимова Майя Петровна</i>	кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Денисов Юрий Дмитриевич</i>	кандидат технических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Катасонова Елена Леонидовна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Куланов Александр Евгеньевич</i>	сотрудник московского бюро газеты «Йомиури
<i>Лебедева Ирина Павловна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Маркарян Седя Багдасаровна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Матрусова Татьяна Николаевна</i>	кандидат экономических наук Институт востоковедения РАН
<i>Молодяков Василий Элинархович</i>	доктор философии, доктор политических наук, университет Такусёку (Япония)
<i>Молодякова Эльгена Васильевна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Панов Александр Николаевич</i>	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН
<i>Стрельцов Дмитрий Викторович</i>	доктор исторических наук, МГИМО(У) МИД России
<i>Тимонина Ирина Львовна</i>	доктор экономических наук, профес- сор Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова

CONTRIBUTORS

<i>Gerasimova Maya Petrovna</i>	Ph. D (Philology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Denisov Yuri Dmitrievich</i>	Ph. D. (Technology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Katasonova Yelena Leonidovna</i>	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Kulanov Aleksandr Evgenjevich</i>	Moscow Bureau of “Yomiuri”
<i>Lebedeva Irina Pavlovna</i>	Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Markarian Seda Bagdasarovna</i>	Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Matrusova Tatiana Nikolaevna</i>	Ph.D. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Molodyakov Vasily Elinarkhovich</i>	Prof. (Philosophy, Political Science), Takushoku University (Japan)
<i>Molodyakova Elgena Vasilyevna</i>	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Panov Alesandre Nikolaevich</i>	Prof. (History), Chief researcher, Institute of USA and Canada. Russian Academy of Sciences
<i>Streletsov Dmitry Viktorovich,</i>	Prof. (History), Moscow State Institute of International Relations (U.), Ministry of Foreign Affairs R.F .
<i>Timonina Irina Lvovna</i>	Prof. (Economics), Moscow State University

Центром японских исследований
Института востоковедения РАН

изданы в 1995–2011 гг.
индивидуальные и коллективные монографии:

- Лебедева И. П.* Японские корпорации: стратегия развития. М., 1995
Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Японское общество: книга перемен. М., 1996
Япония: конец XX века. М., 1996
Японский феномен. М., 1996
Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. М., 1998
Япония 90-х: кризис системы или временные сбои. М., 1998
Япония: мифы и реальность. М., 1999
Матрусова Т. Н. Организация профессиональной подготовки в Японии. М., 1999
Япония: консерватизм и традиционализм. М., 2000
Япония и современный мировой порядок. М., 2002
Тимонина И. Л. Япония: региональная экономика и политика. М., 2002
Герасимова М. П. Киотоский альбом. М., 2002
Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. М., 2002
Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003
Катасонова Е. Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003
Лебедева И. П. Малый бизнес в Японии. М., 2004
Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004
Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Мацури. Традиционные праздники Японии. М., 2004
Катасонова Е. Л. Последние пленники второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005
Портрет современного японского общества. М., 2006
Япония, открытая миру. М., 2007.
Глобальный вызов – японский ответ. М., 2008.
Мировой кризис и Япония. М., 2010.
Япония: полвека правления либерал-демократов. М., 2010.
Продолжается издание ежегодника «Япония».
-

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АИРО-XXI»
В 2005 – 2008 гг.

ВЫШЛИ КНИГИ

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г. А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 336 с.

Собрание документов из архивов России и Японии, посвященных усилиям выдающихся государственных деятелей Кацура Таро (1847–1913) и Гото Симпэй (1857–1929) по развитию и укреплению российско-японских отношений. Документы, большая часть которых публикуется впервые, охватывают широкий круг проблем: от необходимости согласования политики обеих держав на Дальнем Востоке до частных вопросов торгово-экономического сотрудничества. Сборник будет полезен как специалистам, так и всем интересующимся историей внешней политики России и международных отношений.

Молодяков В. Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949): дипломат, политик, мыслитель. Серия «АИРО–Монография». – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 528 с.

Монография российского историка В. Э. Молодякова является первым в отечественной и зарубежной историографии комплексным исследованием жизни, идей и деятельности СИРАТОРИ Тосио (1887–1949), видного японского дипломата и политического аналитика 1930-х годов, оказавшего заметное влияние на внешнюю и внутреннюю политику Японии. На основе японских, советских, германских, итальянских, американских, английских, французских и шведских документов, сочинений и писем Сиратори, дневников и воспоминаний его современников, автор подробно описывает весь жизненный путь своего героя на фоне исторических событий, свидетелем и участником которых тот был, – от Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. до Токийского процесса.

Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В. Э. Молодякова. [Текст]. / Тосио Сиратори. – М.: АИРО-XXI, 2008. – 160 с.

Сборник статей и документов видного японского дипломата и политика Тосио Сиратори (1887–1949) представляет его читателю как авторитетного комментатора международных событий 1930–1940-х годов и оригинального политического мыслителя. Это первое посмертное издание его сочинений и первое издание его работ за пределами Японии. Книга подготовлена историком В. Э. Молодяковым, выпустившим в 2006 г. в издательстве АИРО-XXI биографию «Эпоха борьбы. Сиратори Тосио – дипломат, политик, мыслитель».

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
Японский фонд
The Japan Foundation

Япония: опыт модернизации

Руководитель *Э. В. Молодякова*
проекта

Ответственные *Э. В. Молодякова,*
редакторы *С. Б. Маркарьян*

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

На обложке фотография *О. В. Андреевой*

Дизайн обложки *К. Струков*

технический редактор М. А. Кононов
корректор С. В. Виноградов

Подписано в печать с оригинал-макета 19. 11. 2011.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага оф. №1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 18. Тираж 300 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: 8-917-547-84-24. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
